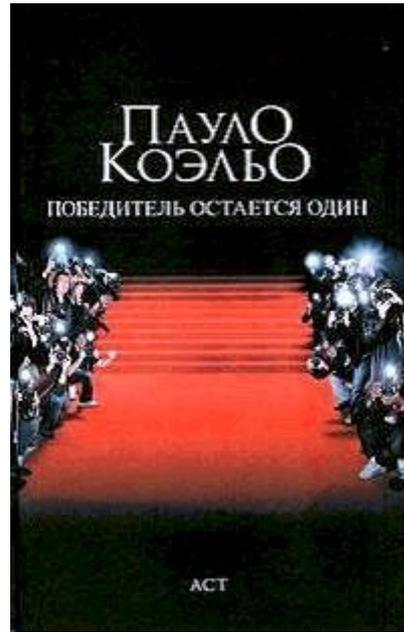

Пауло Коэльо
Победитель остается один

Аннотация

«Победитель остается один» — новый роман Пауло Коэльо, где основная тема творчества писателя — поиск человеком своей судьбы, — получает неожиданное остро драматическое и современное освещение. События развиваются на Каннском фестивале в течение 24 часов. Герои, опьяненные своими мечтами, — от начинающих актрис и моделей до знаменитых кутюрье, режиссеров и продюсеров, — словно бабочки, натываются на острие безжалостной личной воли «победителя», вооруженную идеей любви, но несущую с собой хаос и смерть. Так, по замыслу автора, смыкаются в романе современное и вневременное.

И сказал ученикам Своим: посему говорю вам, — не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться:

душа больше ли пищи, и тело — одежды?

Посмотри на воронов: они не сеют, не жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц; и Бог питает их; сколько же вы лучше птиц? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе роста хотя на один локоть?

Итак, если и малейшего сделать не можете, что заботиться о прочем?

Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них.

Евангелие от Луки 12; 22-27

Кто бы ты ни был, держащий меня в руках,
Честно предупреждаю, что ты ничего от меня не добьешься,
Если в расчет не возьмешь одно обстоятельство:
Я не такой, как ты предполагаешь, я совершенно другой.
Кто тот, кто станет моим последователем?
Кто обречет себя помогать моей любви?
Дорога опасна, цель неясна, быть может, губительна,
Тебе придется оставить все и всех и меня одного считать своей мерой вещей,
И даже тогда твой искус будет долгов и изнурителен,
Тебе придется забыть былую идею своей жизни и ее соответствие жизням ближних,
А потому отпусти меня и не тревожь себя мной, сними свою руку с моих плеч,
Положи меня и отправляйся своим путем.

Уолт Уитмен. Аир благовонный. Перевод А. Сергеева

Посвящается Н. Д. П., случившейся на Земле, чтобы указать путь Подвига Доброго

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одна из сквозных тем моих книг — это умение платить за свои мечты полной мерой. Но возникает вопрос, — в какой мере наши мечты нам навязаны? Несколько десятилетий мы живем в цивилизации, превыше всего ставящей славу, деньги, власть и сумевшей убедить очень и очень многих, что это и есть — истинные ценности, к обладанию которыми и надо стремиться.

Мы, однако, не знаем, что те, кто манипулирует нами, остаются за сценой и себя не афишируют. Они-то отчетливо понимают, что наиболее действенная власть — та, которая никому не заметна до тех пор, пока не становится уже слишком поздно замечать ее — ловушка захлопнулась. Моя книга — об этой ловушке.

В романе «Победитель остается один» трое из четырех главных героев позволяют манипулировать своими мечтами.

Игорь, русский миллионер, который убежден, что обладает правом убивать, если имеет на то вескую причину — например, избавить кого-то от страданий или вновь привлечь к себе внимание своей возлюбленной.

Хамид, один из столпов «индустрии моды», который, начиная карьеру, руководствовался самыми добрыми намерениями, пока не попал в плен той самой системы, которую хотел использовать.

Габриэла, которая, подобно большинству наших современников, уверена, что слава — есть самоцель и высшая награда в этом мире, обожествляющем успех и известность.

Это — не триллер, а наша с вами действительность, изображенная без прикрас.

ПАУЛО КОЭЛЬО

Пистолет «беретта» рх4 по размеру чуть больше сотового телефона, весит около семисот граммов, обойма вмещает десять патронов. Компактный и легкий, он почти незаметен в кармане, а малый калибр имеет одно неоспоримое преимущество: пуля не проходит навылет, а ломает жертве кости, кромсает внутренности, рвет мышцы, рассекает сосуды.

Разумеется, у того, кто получает пулю такого калибра, шансов выжить больше: известны тысячи случаев, когда пуля не задевала крупную артерию, и жертва успевала отреагировать и обезоружить нападавшего. Впрочем, если тот мало-мальски обладает опытом, то может подарить ей либо мгновенную смерть — стреляя в лоб, переносицу или сердце, либо медленную: в этом случае ствол под определенным углом следует навести под ребро и спустить курок. Пораженный пулей не сразу сознает, что ранен смертельно, и еще пытается отбить нападение, убежать, позвать на помощь. В этом — основное достоинство второго варианта: жертва успевает увидеть своего убийцу, она постепенно теряет силы и вот наконец падает наземь, совсем даже не обливаясь кровью и не вполне отчетливо понимая, что же такое случилось.

Конечно, это оружие — не для профессионалов. «Оно больше подходит для женщин, чем для шпионов», — говорил, помнится, кто-то из британской секретной службы, вручая Джеймсу Бонду усовершенствованную модель пистолета взамен устаревшей. Но он ведь и не претендует на то, чтобы считаться профессионалом, а для исполнения его намерений лучше «беретты» ничего пока не придумано.

И куплена она на черном рынке, так что идентифицировать ствол будет невозможно. В обойме — пять патронов, а он-то собирается использовать всего один, пилочкой для ногтей сделав на головке пули крестообразный надрез. Попав во что-либо более-менее твердое, она разлетится на четыре части.

Впрочем, пистолет припасен на самый крайний случай. Есть и другие способы сделать так, чтобы чей-то мир погас, чья-то вселенная погибла, и можно не сомневаться — *она* поймет, о чем идет речь, как только будет обнаружена первая жертва. *Она* узнает, что сделано это во имя любви, что в душе его нет ни капли обиды или досады и что если она вернется, он примет ее, не спрашивая, как жилось ей последние два года.

Он надеется, что шесть месяцев тщательнейшей подготовки дадут результаты, но убедиться в этом сможет лишь наутро. Да, таков его план — сделать так, чтобы фурии из древнегреческих мифов простерли свои черные крылья над этим лазурно-белым миром бриллиантов, ботокса, двухместных спортивных автомобилей, развивающих чудовищную скорость. Мечты о власти, об успехе, славе и деньгах — все это может быть прервано в любую минуту благодаря тем маленьким вещицам, которые у него с собой.

Можно бы уже сейчас подняться к себе в номер, потому что в 11:11 РМ ожидаемое случилось, хоть он и был готов ожидать дольше — столько, сколько понадобится. В холл вошел мужчина в сопровождении красивой женщины — оба были одеты как принято, когда отправляешься на одну из гала-вечеринок, которые устраиваются после званых ужинов и на которых народу бывает больше, чем на просмотре любого фестивального фильма.

Игорь сделал вид, что не замечает ее. Одной рукой поднял повыше французскую газету (русская могла бы вызвать подозрения) так, чтобы вошедшая не видела его лица. Впрочем, предосторожность была излишней: женщина — в полнейшем соответствии с тем, как держат себя люди, непреложно уверенные в своем первородстве, — по сторонам не смотрела. Такие женщины являются сюда блистать и стараются не обращать внимания на то, как и во что одеты другие, ибо количество чужих бриллиантов и экстравагантность туалетов способны всерьез испортить настроение, вызвать уныние, а то и пробудить комплекс неполноценности — даже если собственная одежда и все прочие аксессуары стоят немислимых денег.

Ее спутник — элегантный седоватый господин — подошел к стойке бара и попросил шампанского, без которого не начнешь, разумеется, эту ночь, предполагающую множество новых знакомств, превосходную музыку и волшебный вид на море и стоящие на якорях яхты.

Игорь видел, что с официанткой он вел себя учтиво: получив два бокала, поблагодарил, оставил хорошие чаевые.

Игорь испытал чувство ликования — это выплеснулся в кровь адреналин. Завтра он постарается сделать так, чтобы *она* узнала о том, что он был здесь. И настанет момент, когда они встретятся.

А вот чем закончится эта встреча, один Бог знает. Игорь, ревностно верующий, дал обет в одной московской церкви, перед мощами святой Марии Магдалины (их привезли в русскую столицу на несколько дней, чтобы верующие могли им поклониться). Он простоял почти пять часов в длинной очереди, а когда подошел наконец к ковчегу, был вполне убежден, что все это — не более чем выдумки священников. Тем не менее все же испросил у святой защиты и помолился о том, чтобы достичь своей цели, не принося больших жертв. И дал обет: когда все будет кончено и он вновь ступит на родную землю — заказать у знаменитого иконописца, живущего в монастыре под Новосибирском, образ в золотом окладе.

В три часа ночи в баре отеля «Martinez» пахнет табачным дымом и потом. Хотя пианист Джимми (у которого на левой ноге башмак одного цвета, а на правой — другого) уже опустил крышку рояля, а официантка вконец выбилась из сил, посетители и не думают расходиться, намереваясь провести в холле если не всю ночь, то уж по крайней мере еще час — вдруг случится что-нибудь примечательное?!

Тем более что Каннский кинофестиваль открылся четыре дня назад, а пока еще ничего не произошло. Разные люди сидят за столиками, но в голове у них одна и та же мысль, их снедает одно желание — встретиться с Властью. Красивые женщины надеются на встречу с продюсером — вдруг влюбится и даст заметную роль в новом фильме. И несколько актеров пьют, смеются и болтают друг с другом, делая вид, что все это не имеет к ним никакого отношения, но время от времени поглядывают на двери.

Кто-нибудь да войдет.

Кто-нибудь непременно должен будет войти. Юные режиссеры, у которых в головах роятся свежие замыслы, а в творческом активе числятся несколько видео, снятых еще в университете, перелопатившие горы книг по технике фотографии и киносъемки, ожидают волшебного поворота судьбы: некто, возвращаясь с очередной вечеринки, присядет за свободный столик, закажет кофе, закурит — и почувствует, что все ему смертельно надоело и душа его открыта для нового и неведомого.

Какая наивность.

Если даже такое и случится, менее всего на свете такому человеку захочется вникать в подробности очередного «уникального проекта». Однако отчаяние способно обмануть отчаявшегося. Власть имущие, входя сюда время от времени, обводят взглядом холл и бар и поспешно удаляются в свои номера. Они ничем не озабочены. Они уверены, что могут себе позволить ничего не бояться. Принадлежность к Суперклассу измен не прощает, и вопреки распространенным легендам никто из них, зная свои границы, шагу не ступит за ту черту, где есть возможность отдавить ногу другому. А кроме того, если предстоит открыть что-то неожиданное и значительное — в мире кино, музыки, или моды, — открытие это уж, во всяком случае, произойдет не в гостиничном баре, ибо требует исследований и разысканий.

Суперкласс сейчас занимается сексом с девицей, сумевшей проникнуть на праздник и потому согласной на все. Снимает косметику, разглядывает морщины и думает, что пора делать новую пластику. Просматривает почту, читает новости *on-line*, проверяя, как откликнулась пресса на его последнее объявление, размещенное в сети. Запивает таблетку неизбежного снотворного чашкой чая, способствующего снижению веса. Отмечает в меню блюда к завтраку в номер и в специальной папке вывешивает его на ручку двери вместе с табличкой «Не беспокоить». Суперкласс закрывает глаза и думает: «Хоть бы сразу уснуть, завтра у меня встреча в десять утра».

Однако в баре «Martinez» все убеждены, что сильные мира сего — здесь. А если они здесь, то имеется шанс.

Им и в голову не приходит, что Власть разговаривает только с Властью. Что представители ее должны время от времени встречаться, пить и есть вместе, поддерживать престиж крупных фестивалей, а заодно — иллюзию того, что мир роскоши и гламура открыт всякому, у кого хватит дерзости и упорства отстаивать некую идею. Избегать войн, если они не сулят прибыли, и науськивать друг на друга компании или целые государства, если чувствуют, что это может дать еще больше власти и денег. Притворяться, что счастливы, хотя давно уже стали заложниками собственного успеха. Вести борьбу за усиление своего влияния и приумножение богатства, хотя и то, и другое уже достигло чудовищных размеров. Ибо тщеславие Суперкласса в том, чтобы соперни-

чать с самим собой и забраться на вершину вершин.

В идеальном мире представители Власти вступали бы в разговор с актерами, режиссерами, сценаристами и художниками, которые сейчас с покрасневшими от усталости глазами думают, как вернуться в свои съемные квартирны в богом забытых городах, чтобы с утра продолжить изнурительный марафон просьб — просьб о встрече или о финансировании проекта.

В мире реальном люди Власти в этот час сидят в своих квартирах, проверяя электронную почту, и сетуют на то, что все вечеринки неотличимы одна от другой, что бриллианты подружки оказались крупнее, что яхта, купленная конкурентом, отделана уникальными породами дерева, — и разве мыслимо пережить такое?

Игорю разговаривать не с кем и, более того, — неинтересно. Победитель остается один.

Игорь, преуспевающий бизнесмен, владелец и президент компании сотовой связи в России, еще за год забронировав лучшие апартаменты в отеле «Martinez» (что предполагает оплату за двенадцать по крайней мере дней проживания вне зависимости оттого, сколько времени проведешь там на самом деле), прилетел сегодня рано утром на собственном самолете, принял душ и спустился в холл в ожидании увидеть нечто единственное в своем роде, хоть и очень простое.

Некоторое время ему докучали актрисы, актеры, режиссеры, но он давно уже нашел для всех замечательный ответ:

— *Don't speak English, sorry. Polish...*

Или:

— *Don't speak French, sorry. Mexican.*¹

А если в последнем случае кто-нибудь пытался произнести несколько слов по-испански, Игорь прибегал к другому проверенному способу. Записывал у себя в книжечке какие-то цифры, чтобы не походить ни на журналиста, который интересуется всем на свете, ни на человека, связанного с кинопроизводством. На столике лежал экономический журнал на русском языке (в конце концов мало кто сможет отличить русский от польского или испанского) с фотографией никому не ведомого функционера на обложке.

Посетители бара, считая себя превосходными знатоками человеческой природы, наверно, думают, что это один из тех миллионеров, которые приезжают в Канны исключительно с целью завести здесь необременительный романчик. После того как за его стол под тем предлогом, что «всюду занято», присел и заказал минеральной воды пятый человек, распространился слух, будто этот одинокий господин не имеет никакого отношения ни к кинематографу, ни к индустрии моды, и Игоря оставили в покое, сочтя «парфюмом».

Словечко это — из жаргона актрис (или «старлетов», как называют их на фестивале): марку парфюма легко сменить, и очень часто он может оказаться истинным сокровищем. Если это «парфюм», то им можно заняться, когда до закрытия фестиваля остается два дня, а подцепить что-нибудь стоящее из мира киноиндустрии так и не удалось. Стало быть, этот странный и на вид весьма состоятельный человек может подождать. Все они знают: лучше покинуть фестиваль, обзаведясь возлюбленным (которого всегда можно превратить в продюсера), чем в одиночестве отправляться на следующий, чтобы исполнять там извечный ритуал — пить, улыбаться (особенно — улыбаться), притворяться, что ни на кого не смотришь, и чувствовать, как сердце колотится, ведь минутная стрелка на часах будто с ума сошла, и программа гала-вечеринок еще далеко не исчерпана, а тебя никто не пригласил...

Все, что говорят «парфюмы», а говорят они всегда одно и то же, старлетки знают наперед и уже успели затвердить наизусть, однако делают вид, будто верят тому, что:

а) «Я способен изменить твою жизнь».

в) «Многие женщины мечтали бы оказаться на твоём месте».

с) «Сейчас ты еще молода, но надо смотреть вперед и предвидеть будущее».

д) «Я женат, но моя жена...» (тут возможны варианты: «больна», «пообещала покончить с собой, если я ее брошу» и т. д.)

е) «Ты — настоящая принцесса и заслуживаешь соответствующего обхождения. Сам того не зная, я всю жизнь ждал именно тебя. Я не верю в совпадения и считаю, что мы должны дать шанс нашим отношениям».

---

¹ Простите, я не говорю по-английски (французски).

Я — поляк... (мексиканец). (англ.)

Да, слова всегда одни и те же. Варьируется разве что количество полученных подарков (предпочтительней всего драгоценности, благо они обладают, так сказать, высокой ликвидностью), приглашений на ужин в ресторан или на яхту, визитных карточек, возможность побывать на гонках «Формулы 1», где можно повстречать людей того же сорта, а значит ухватить за хвост удачу.

Это же словечко молодые актеры используют для обозначения престарелых миллионерш, многократно прошедших через чудеса пластической хирургии и отличающихся большим по сравнению со своими коллегами мужского пола умом. Эти дамы никогда не теряют времени впустую и приезжают сюда перед самым закрытием, зная, что все искусство обольщения заключено в днях.

«Парфюмы»-мужчины обманывают себя, полагая, что обладательницы длинных ног и свежих лиц, однажды позволив себя соблазнить, в дальнейшем позволят и делать с собой все что угодно. «Парфюмы»-дамы верят в силу своих бриллиантов — и только в них.

Игорь здесь впервые и всех этих тонкостей не знает. И к несказанному своему удивлению убеждается, что никто вроде бы особенно не интересуется конкурсным показом — если не считать посетителей бара. Он перелистал несколько журналов, вскрыл конверт, куда его компания вложила приглашения на самые значительные и пышные празднества, — и не нашел даже упоминания о просмотрах. Перед вылетом во Францию он приложил неимоверные усилия к тому, чтобы узнать, какие фильмы будут демонстрироваться на фестивале. Наконец один из приятелей сказал ему:

— Забудь ты про фильмы. Канны — это фестиваль моды.

Мода. Что думают о ней люди? Считают ее чем-то таким, что меняется с наступлением нового времени года? Слетаются сюда со всех уголков земли продемонстрировать наряды, туалеты, драгоценности, коллекции обуви? Нет, они не понимают истинного значения этого слова, смысл которого в том, чтобы дать понять: я принадлежу к вашему миру. Я ношу мундир вашей армии, не стреляйте, свои!

С незапамятных доисторических времен, с тех самых пор, как люди обосновались в пещерах, мода стала единственным способом сказать так, чтобы поняли все и даже незнакомцы осознали: я принадлежу к вашему племени, мы объединяемся против тех, кто слабей, и таким образом выживаем.

Однако здесь многие убеждены, что «мода» — это все. Каждые полгода они тратят огромные деньги, чтобы, поменяв едва заметную деталь туалета, остаться среди единственного в своем роде племени богачей. А вот если бы они побывали в Силиконовой долине, где миллиардеры, сколотившие состояния на информационных технологиях, носят пластмассовые часы и ходят в истертых джинсах, то поняли бы, что мир давно уже стал другим: люди из разных социальных групп по виду неотличимы друг от друга, никто больше не обращает ни малейшего внимания на размер бриллиантов, на то, каким фирменным знаком помечен галстук, на модель кожаного портфеля. Кстати, ни галстуки, ни портфели не водятся в этой части света, расположенной неподалеку от Голливуда — самой могучей, хоть и выработавшей уже свой ресурс машины, все еще заставляющей простаков верить в силу туалетов *haute couture*, изумрудных колье, гигантских лимузинов. А поскольку все это еще появляется на страницах журналов, у кого, скажите, поднимется рука разрушить многомиллиардную индустрию рекламы, продажи никому не нужных вещей, производства по-разному называющихся, но неотличимых друг от друга кремов?

Идиоты. Игорь не может скрыть своей ненависти к тем, чьи решения так пагубно влияют на жизнь честно работающих людей, повседневное существование которых исполнено достоинства, ибо они здоровы, у них есть крыша над головой и любящая семья.

Извращенцы. И вот, когда все, казалось бы, в порядке, когда семья собирается вокруг стола за ужином — возникает призрак Суперкласса, продающего неосуществимые грезы под названием «роскошь», «красота», «власть». И все — нет больше благополучной, счастливой семьи.

Отец работает сверхурочно, света белого не видит, чтобы купить сыну новую модель кроссовок, без которых тот будет чувствовать себя в школе последним изгоем. Жена замыкается в неприязненном молчании и плачет, потому что подруги обзавелись платьями знаменитой фирмы, а у нее нет на это денег. Подростки, вместо того, чтобы познавать истинные ценности — такие, как вера и надежда, — мечтают стать актерами. Девочки из захолустья, теряя неповторимые черты

своей личности, изыскивают возможность уехать в большой город, а там пойти на все — на все решительно! — чтобы получить то, что им так желанно. Мир, который должен стремиться к справедливости, начинает вертеться вокруг материального, а оно через полгода уже ни на что не годно и подлежит замене, ибо только так и никак иначе могут удерживаться на вершине презренные существа, ныне обретающиеся в Каннах.

Понятно, что Игорь старается не поддаваться этому разрушительному влиянию. Дело, которым он занят — одно из самых завидных. Он по-прежнему зарабатывает в день много больше того, что может истратить за год — даже если бы решил позволить себе все виды удовольствий, как законных, так и запретных. Ему не составит труда соблазнить женщину — даже если она не будет знать, богат он или нет: он проверял это многократно и всякий раз добивался своего. Ему только что исполнилось сорок, он — в превосходной физической форме, и ежегодный медицинский осмотр не выявил пока никаких нарушений или отклонений. У него нет долгов. Он избавлен от необходимости носить одежду определенной фирмы, посещать именно этот, а ни в коем случае не тот ресторан, проводить отпуск там, «куда все ездят», покупать часы такой-то марки потому лишь, что ее рекомендует знаменитый спортсмен. Он может позволить себе подписывать важнейшие контракты грошовой шариковой ручкой и носить удобные и элегантные пиджаки, сшитые на заказ в маленьком ателье рядом с его офисом и не помеченные никаким фирменным знаком.

Он волен делать все, что ему хочется, он добился права никому не доказывать, что богат и успешен. И дело, которым он занимается, его интересует и вдохновляет, как и раньше.

Да, вот в этом, похоже, и кроется отгадка. Он убежден, что именно по этой причине женщина, вошедшая в бар несколько часов назад, сейчас не сидит за его столиком.

Убивая время, он пытается продолжить свои размышления.

И заказывает Кристель еще порцию — он знает, как зовут официантку, потому что час назад, когда люди разошлись ужинать и улеглось коловращение в баре, попросил виски, а она сказала, что он, вероятно, грустит, а потому надо что-нибудь съесть, чтобы поднять настроение. Он поблагодарил ее — ему и вправду было приятно, что хоть кого-то в самом деле беспокоит состояние его духа.

Пожалуй, ему одному известно, как зовут человека, обслуживающего его: все остальные хотят узнать имя, а еще лучше — род занятий — лишь тех, кто сидит за столиками и в креслах.

Да, он пытается продолжить свои размышления, но уже четвертый час утра, красивая женщина и ее учтивый спутник — внешне он очень похож на него самого — так больше и не появились. Наверно, поднялись в номер и предались любви, а может быть, пьют шампанское на одной из тех яхт, где веселье сейчас только начинается. А может быть, лежат в кровати и, не глядя друг на друга, перелистывают газеты.

А впрочем, все это неважно. Игорь сидит в одиночестве. Он устал, он хочет спать.

7:22 AM

Он просыпается в 7:22 — гораздо раньше, чем нужно, чтобы выспаться, — потому что еще не успел привыкнуть к разнице во времени между Москвой и Парижем. В России он бы уже провел два-три совещания со своими сотрудниками и собирался бы на деловой завтрак с кем-нибудь из новых клиентов.

Но здесь у него — другая задача. Ему нужно найти того, кто будет принесен в жертву любви. Ему нужна жертва, чтобы Ева уже утром смогла получить его послание.

Приняв душ, он спускается выпить кофе в ресторане, где свободны почти все столики, а потом отправляется по набережной Круазетт, мимо выстроившихся в ряд фешенебельных отелей. Уличного движения совсем нет: проезжая часть перекрыта, пропускают только автомобили со специальным разрешением. Свободна и другая полоса, потому что местным жителям еще рано ехать на работу.

Он не предается тягостным раздумьям — давно миновала та мучительная фаза, когда ненависть снедала его душу и не давала уснуть. Сейчас он способен понять поступок Евы: в конце концов моногамия — не более чем миф, навязанный человеку. Он много читал об этом: дело вовсе не в переизбытке гормонов и не в тщеславии — нет, это генетическая предрасположенность, которая встречается едва ли не у всех животных.

Исследования не обманывают: ученые, проводившие тесты на отцовство среди птиц, обезьян, лис, установили, что эти особи вступают в некие социальные отношения, весьма напоминающие брак, но при этом не хранят верность своим партнерам. В семидесяти процентах случаев самки производят потомство от «посторонних» самцов. Игорь почти наизусть помнит абзац из статьи Дэвида Бараша, профессора психологии университета им. Дж. Вашингтона в Сиэтле:

«Образцом супружеской верности принято считать лебедей, но и это не соответствует действительности. Измены не совершает только плоский червь, *Diplozoon paradoxum* (спайник парадоксальный). Партнеры встречаются в юном возрасте, и их тела сливаются в единый организм крест-накрест. Все прочие представители животного мира способны на адюльтер».

И потому он не может обвинять Еву, которая всего лишь следовала инстинкту. Но поскольку она воспитана на социальных условностях, не признающих законов природы, то сейчас, наверно, терзается чувством вины и думает, что он больше не любит ее и никогда не простит.

Все обстоит как раз наоборот: он готов на все — и даже на то, чтобы посылать особые сообщения — символы уничтожения вселенных и миров других людей. И только ради того, чтобы она поняла, что всегда будет желанна, прошлое же — похоронено навеки.

Он встречает девушку, раскладывающую на лотке свой товар — кустарные сувенирные поделки сомнительного вкуса и качества.

Вот и жертва. Вот и послание, которое он должен будет отправить и оно, вне всякого сомнения, будет понято, как только дойдет до адресата. Прежде чем подойти, Игорь рассматривает девушку с нежностью: она не знает, что совсем скоро, если все сложится удачно, ее душа воспарит в поднебесье, навсегда освободясь от этой идиотской работы, не позволявшей ей оказаться там, куда манили мечты.

— Сколько стоит? — спрашивает он по-французски.

— Какую вы хотите?

— Все.

Девушка — на вид ей не больше двадцати — улыбается:

— Мне не в первый раз предлагают такое. За этим обычно следует предложение прогуляться. Потом, как правило, говорится: «Вы слишком красивы, чтобы торговать на набережной этой чепухой. Я...»

— Нет. Я — не. Я не имею отношения к кино. И не собираюсь делать из вас кинозвезду и менять вашу жизнь. И меня совершенно не интересует товар, который вы продаете. Мне всего лишь надо поговорить с вами, и мы можем сделать это прямо здесь.

Девушка неприязненно отводит взгляд.

— Этой работой занимаются мои родители, и мне нравится то, что я делаю. Настанет день, когда кто-нибудь обязательно оценит красоту этих вещей. Пожалуйста, идите своей дорогой, вам не составит труда найти себе собеседника и сообщить ему все, что намеревались сказать мне.

Игорь достает из кармана пачку купюр и осторожно кладет ее рядом с товаром.

— Простите, если обидел ненароком. Я сказал это лишь для того, чтобы вы снизили цену. Мне очень приятно познакомиться с вами, меня зовут Игорь Малеев. Я только вчера прилетел из Москвы и еще плохо соображаю из-за смены часовых поясов.

— Оливия, — отвечает девушка, делая вид, что поверила этой отговорке.

Не спрашивая разрешения, он присаживается возле нее. Она отодвигается.

— Ну так о чем вы хотели поговорить?

— Сначала возьмите деньги.

Оливия колеблется. Но поглядев по сторонам, решает: опасаться нечего. По свободной полосе уже начали двигаться машины, на пляж направилось несколько молодых людей, а по мостовой идет пожилая чета. И девушка прячет деньги в карман, не считая, сколько там: у нее хватает опыта, чтобы понять — более чем достаточно.

— Спасибо, что приняли мое предложение, — произносит русский. — Вы спросили, о чем бы я хотел поговорить? Да так, ни о чем особенном...

— Вы, наверно, здесь по делу?... Никто не приезжает в Канны в такое время — сейчас здесь просто невозможно находиться ни местным, ни туристам.

Игорь, не отрывая взгляд от моря, закуривает.

— Курить вредно.

Он пропускает это замечание мимо ушей и спрашивает:

— А скажите-ка, в чем для вас смысл жизни?

— В любви, — с улыбкой отвечает Оливия: как хорошо начать день с разговора о чем-то высоком, а не о том, почему так дорого стоит ее товар, или о том, кто из прохожих во что и как одет. — А для вас?

— Да в том же самом. Впрочем, я подумал, что важно было в свое время заработать столько денег, чтобы можно было доказать моим родителям: я — победитель. Я сумел это сделать, и теперь они гордятся мной. Я встретил прекрасную женщину, создал семью... Мне бы хотелось иметь детей, почитать и бояться Бога. Детей, однако, нет.

Оливия считает, что спрашивать, почему, будет неделикатно. Этот мужчина лет сорока, свободно говорящий по-французски, продолжает:

— Мы хотели взять приемного ребенка. Года два или три обдумывали этот шаг. Но дальше началась беспокойная жизнь — беспрестанные поездки, праздники, встречи, переговоры...

— Когда вы присели здесь, чтобы поговорить, я решила, что вы — еще один сумасбродный миллионер в поисках приключений. Но на эти темы мне нравится говорить.

— Вы задумываетесь о своем будущем?

— Да, конечно. И похоже, мечты у нас с вами — одни и те же. Я тоже хотела бы иметь детей, — она осекается, боясь неосторожным словом задеть собеседника, появившегося так неожиданно, — ...если, конечно, это будет возможно. Знаете, Божьи планы не всегда совпадают с нашими...

Он, вроде бы не слушая, задает следующий вопрос:

— А на фестиваль приезжают только миллионеры?

— Миллионеры, те, что считают себя таковыми, и те, что хотят таковыми стать. В эти дни здесь — как в психушке... Все корчат из себя невесты что, кроме тех, разумеется, кто на самом деле — важные птицы. Вот они-то — самые приветливые и милые, потому что им ничего никому не надо доказывать. Они не всегда покупают мой товар, но по крайней мере могут улыбнуться, сказать что-нибудь ласковое. И смотрят на меня без пренебрежения... Так что вы здесь делаете?

— Бог создал мир за шесть дней. Но что такое мир? То, что предстает моим или вашим глазам. И каждый раз, как кто-нибудь умирает, уничтожается частица мироздания. Все, что человек чувствовал и ощущал, все, что он созерцал, исчезает вместе с ним, подобно тому, как под дождем исчезают слезы.

— «Как слезы под дождем»... В каком-то фильме — не помню только, в каком — звучали эти слова.

— Но я пришел сюда не плакать. А затем, чтобы подать весть женщине, которую люблю. И для этого я должен уничтожить несколько миров или галактик.

Вместо того чтобы испугаться, Оливия смеется. Этот человек — красивый, хорошо одетый, бегло говорящий по-французски — совсем не похож на сумасшедшего. Ей так надоело изо дня в день слышать одни и те же слова: «Вы очень красивы... Вы заслуживаете несравненно большего... Сколько это стоит? О-о, как дорого... Я подойду к вам попозже» и прочее. Этот русский по крайней мере обладает чувством юмора.

— А зачем уничтожать чужой мир?

— Чтобы воссоздать свой собственный.

Оливия могла бы попытаться утешить человека, сидящего рядом. Но боится, что когда услышит знаменитую фразу «Я хотел бы, чтобы ты придала моей жизни смысл», разговор тут же и кончится, ибо у нее другие планы на будущее. А помимо всего прочего, было бы с ее стороны самой дурацкой самонадеянностью взрослого и вполне преуспевающего в жизни мужчину, который к тому же старше ее, учить преодолевать житейские трудности.

Единственное, что остается, — побольше узнать о нем. В конце концов, он заплатил — и весьма щедро — за ее время.

— И как же вы собираетесь это сделать?

— Вы знаете что-нибудь о лягушках?

— О лягушках?

— Биологические эксперименты показали, что если поместить лягушку в резервуар с водой из ее пруда или болота, а потом начать эту воду нагревать, лягушка останется неподвижной. Она не будет реагировать на постепенное повышение температуры, на изменения окружающей среды и, когда вода закипит, сварится заживо и погибнет счастливой. Если же бросить лягушку в резер-

вуар с кипящей водой, она немедленно выпрыгнет наружу. Обожженная, но живая.

Оливия не вполне поняла, какое отношение имеют лягушки к разрушению мира. А Игорь меж тем продолжал:

— Мне уже случалось вести себя, как лягушка в первом случае. Я не замечал перемен, считал, что все хорошо, а что нехорошо, то скоро пройдет — это всего лишь вопрос времени. Я был готов умереть, потому что потерял самое важное в жизни и вместо того, чтобы реагировать, покорно и апатично плавал на поверхности воды, с каждой секундой становившейся все горячей.

Набравшись храбрости, Оливия спросила:

— Что же вы потеряли?

— Да на самом деле ничего не потерял: просто случается иногда, что жизнь разводит двоих людей — только для того, чтобы показать обоим, как они важны друг для друга. Ну скажем, так: вчера вечером я увидел свою жену с другим. Я знаю, она любит меня, знаю, что хочет вернуться, но не решается на такой шаг. Есть лягушки, которые, даже погибая, все еще полагают, что самое главное — повинование, а не постижение: приказывает тот, кто может, слушается тот, кто разумен. Но разве это так? Лучше выскочить из ситуации ошпаренным, но живым и готовым действовать. И я убежден, Оливия, что вы сможете мне помочь в этом.

Девушка на секунду представила себе, какие мысли проносятся в голове сидящего рядом с ней. Как же можно было бросить человека, умеющего так интересно рассуждать о том, о чем она никогда даже и не слышала? Впрочем, любовь не подчиняется логике — Оливия, несмотря на юные годы, знает это твердо. Вот ее возлюбленный, например, ведет себя иногда просто безобразно, может даже и стукнуть ни за что, и все равно она и дня бы без него не прожила.

Так о чем же все-таки они говорили? О лягушках. О том, что она может помочь ему. Всякому понятно, что это не так, а потому лучше вообще сменить тему.

— А как вы намереваетесь разрушить мир?

Игорь показывает на проезжую часть набережной Круазетт:

— Ну, предположим, я не хочу, чтобы вы ехали на праздник, но сказать вам о этом прямо не могу. Если я дождусь часа пик и заторможу посреди улицы, то через десять минут весь проспект наглухо встанет. Водители будут думать: «Наверно, впереди авария», — и набираться терпения. Через пятнадцать минут приедет полиция с эвакуатором.

— Так уже бывало — и сотни раз.

— Ну, а если я выйду из машины и разбросаю вокруг гвозди и всякие прочие острые железки? Осторожно разбросаю, так, чтобы никто не заметил. Допустим, мне хватило бы терпения выкрасить их все под цвет асфальта. Пока эвакуатор доедет до меня, от покрышек у него останутся одни лохмотья. Теперь, когда застрянут уже две машины, пробка растянется до предместий того маленького городка, где вы, по всей видимости, живете.

— Очень изобретательно, спору нет. Но добьетесь вы лишь того, что я опоздаю самое большее на час.

Игорь улыбнулся:

— Что ж, я мог бы несколько часов кряду рассуждать о том, как увеличить этот срок. Скажем, когда вокруг машин собралась бы толпа, я бросил бы под грузовик дымовую шашку. Все шарахнулись бы в панике. Я же, изображая сильный страх, вскочил бы в свою машину, завел двигатель, и одновременно полил бы на коврик бензина из баллончика для заправки зажигалок и поджег его. Мне бы хватило времени выбраться и со стороны взглянуть, как пламя постепенно охватывает машину, подбирается к бензобаку. Взрыв! Автомобиль, стоящий позади, тоже вспыхивает — и начинается цепная реакция. И все это удастся сделать, имея всего-навсего машину, пригоршню гвоздей, дымовую шашку, которую можно купить в любой лавчонке, и бензин для зажигалок... Вот такой примерно баллон. И все это я должен был бы сделать, когда понял, что Ева намерена уйти от меня. Надо было заставить ее помедлить с этим решением, подумать еще раз, взвесить все последствия. Когда начинаем размышлять, какое решение принять, как правило мы не предпринимаем вообще ничего. Потому что для действий «с заранее обдуманном намерением» отваги нужно гораздо больше, чем для спонтанного порыва...

Ну, так вот, а я впал в гордыню, решил — она спохватится, опомнится... И уверен, что сейчас она раскаивается и хочет вернуться. Но для этого нужно, чтобы я уничтожил несколько миров.

Лицо его изменилось, и Оливия уже не видела тут ничего забавного. Она поднялась:

— Ну, ладно, пора делом заняться...

— Но ведь я заплатил вам, чтобы вы меня выслушали. Заплатил за целый день вашей работы.

Оливия сунула руку в карман, чтобы достать полученные от него деньги, и в этот миг увидела направленное ей в лицо дуло пистолета.

— Сядьте.

Она подавила желание метнуться прочь. Пожилая чета приближалась очень медленно.

— Не надо убегать, — сказал он, будто прочитав ее мысли. — Я вовсе не собираюсь стрелять, если... Если вы сядете и дослушаете до конца.

В голове Оливии вихрем понеслись возможные варианты действий, и первый среди них — броситься, петляя, наутек. Однако ноги внезапно ослабели.

— Сядьте, — повторил он. — Будете слушаться — вам ничего не грозит. Обещаю.

И в самом деле: кажется чистейшим безумием, что кто-то способен открыть стрельбу в такое погожее, солнечное утро, на заполненной людьми набережной, мимо которой все более и более плотным потоком — пусть и в одну сторону — катят автомобили. Но все-таки благоразумнее подчиниться этому человеку, сделать то, что он велит, — и прежде всего потому, что ничего другого ей не остается и действовать иначе она просто не может, находясь в полубоморочном состоянии.

И она подчиняется. Теперь надо убедить его, что она не представляет для него опасности и готова выслушать излияния брошенного мужа, она может пообещать ему что угодно, а как только вблизи покажется совершающий свой обход полицейский — броситься на землю и позвать на помощь.

— Я точно знаю, что вы сейчас чувствуете, — произносит мужчина так, словно хочет успокоить ее. — Страх во все времена и у всех людей проявляется одинаково. Так было, когда первобытные люди встречали диких зверей, и так же происходит сейчас. Организм, защищаясь от возможной кровопотери, гонит кровь от эпидермиса вглубь — и человек бледнеет. Внутренности расслабляются и выбрасывают из себя все, не давая токсинам отравить организм. В течение нескольких первых мгновений тело отказывается повиноваться мозгу, человек впадает в ступор — так задумано природой для того, чтобы каким-то подозрительным движением он не спровоцировал хищника, не дал ему напасть на себя.

«Это какой-то кошмарный сон», — думает Оливия. Она вспоминает в этот миг о родителях, которые должны были бы торговать здесь вместе с нею, но задержались, потому что всю ночь работали в ювелирной мастерской. И о возлюбленном, которого считала мужчиной своей жизни, хоть он время от времени и обижал ее: всего несколько часов назад они предавались любви и достигли оргазма одновременно, чего не бывало уже давно. Выпив утром кофе, она вопреки обыкновению даже не стала принимать душ — настолько переполняли ее радость бытия, ликующее чувство свободы и бодрости.

Нет-нет, это невозможно... Надо успокоиться и успокоить этого маньяка:

— Ладно, будь по-вашему, я никуда не пойду. Вы скупили весь мой товар... Давайте поговорим...

Он приставляет ствол пистолета к ее боку, но так, что даже престарелые супруги, в этот миг уже поравнявшиеся с лотком, ничего не замечают. Они видят лишь, что торгующая сувенирами девушка-португалка, которая всегда старается произвести впечатление на мужчин, играя густыми бровями и одаряя их по-детски доверчивой улыбкой, сидит на своем обычном месте, а рядом с ней — очередной поклонник. Судя по одежде — богатый человек.

Оливия, словно пытаясь внушить им какую-то мысль, не сводит с них глаз. Мужчина рядом с нею весело произносит:

— Доброе утро!

Пара удаляется, ничего не ответив: супруги не привыкли вступать в беседу с незнакомыми людьми, а тем более — здороваться с уличными торговками.

— Да, поговорим, — нарушает воцарившееся молчание русский. — Ничего из того, о чем я говорил раньше, я устраивать не стану — это был всего лишь пример. Моя жена узнает, что я здесь, когда начнет получать сообщения. И делать то, что проще и очевидней всего — пытаться найти ее, я тоже не собираюсь. Мне нужно, чтобы она сама пришла ко мне.

Оливия понимает — это выход!

— Я могу передать ей все, что хотите... Скажите только, в каком она отеле.

Игорь смеется:

— В твоём возрасте люди страдают одним недостатком: считают себя умнее остального человечества. Стоит лишь отпустить тебя, как ты прямиком кинешься в полицию.

Кровь стынет в ее жилах. Неужели они целый день просидят на этой скамейке? И в любом случае он застрелит ее — ведь она знает его в лицо...

— Вы же сказали, что не будете стрелять.

— Да, сказал. И подтверждаю: не буду — в том случае, если ты будешь вести себя как взрослая и не считать меня дураком.

Он прав. А вести себя по-взрослому — значит заговорить о себе. А может быть, удастся разбудить жалость, всегда дремлющую в душе сумасшедшего? Сказать, пусть это и неправда, что и сама — в таком же положении...

Пробегавший мимо паренек в наушниках iPod даже не дал себе труда взглянуть в их сторону.

— Я вот живу с человеком, превратившим мою жизнь в настоящий ад, а уйти от него все равно не могу, — говорит Оливия.

Глаза Игоря смотрят теперь как-то по-иному.

Оливия думает, что, кажется, нашла способ выскользнуть из этой ловушки. «Напряги ум, постарайся думать о жене этого человека! Будь правдива».

— Он не позволяет мне видеться с моими друзьями. Ревнует ко всем на свете, хотя сам изменяет направо и налево. Что я ни сделаю — все не так, все ему не нравится. Говорит, я лишена честолюбия. Отбирает даже мои ерундовые комиссионные за проданный товар.

Русский молчит, глядя на море. Тротуар между тем заполняется людьми — может быть, просто вскочить и кинуться бежать? Неужели он будет стрелять? Неужели это у него настоящий пистолет?

Она чувствует, что сейчас, когда она заговорила о своих неурядицах, он немного расслабился. Но она помнит, как он смотрел, как звучал его голос несколько минут назад, так что лучше не рисковать.

— ...И все равно я не могу его бросить. Я не променяю его на самого лучшего, самого благородного, самого богатого человека на свете. Я вовсе не мазохистка и не получаю удовольствия от того, что меня постоянно унижают, — но я его люблю.

Она чувствует, как ствол пистолета снова утыкается ей в подреберье. Вероятно, сказала что-то не то...

— У меня нет ничего общего с этим твоим хахалем. — Голос русского теперь подрагивает от ненависти. — Я из кожи вон лез, чтобы получить то, чем теперь владею. Я работал как каторжный, меня сбивали с ног, но я поднимался и шел дальше. Я честно дрался, хоть иногда приходилось быть жестким и безжалостным. И всегда оставался настоящим христианином. У меня много влиятельных друзей, и я умею платить за добро добром.

Я не уничтожал никого из тех, кто становился на моем пути. Всегда позволял жене делать то, что ей нравится, а в итоге оказался один. Да, мне приходилось убивать людей во время этой идиотской войны, но я не утратил чувства реальности. Я — не из тех морально травмированных ветеранов, которые врываются в ресторан и начинают поливать всех из автомата. И я не террорист. Да, я мог бы затаить обиду на жизнь, лишившую меня самого дорогого — любви. Но боль от потери рано или поздно пройдет, а на свете есть и другие женщины. Я должен действовать, я больше не хочу уподобляться лягушке, покорно ожидающей, когда ее сварят.

— Но если вы знаете, что есть и другие женщины, что боль — не навек, почему же вы так страдаете?

Да, теперь Оливия в самом деле ведет себя по-взрослому и сама удивляется тому, с каким спокойствием обращается с этим сумасшедшим.

А он, кажется, размышляет над ответом:

— Не знаю, почему. Может быть потому, что это происходит уже не в первый раз... Или потому, что должен показать себе, на что способен. А может быть, потому, что солгал и на свете есть только одна женщина. Я разработал план.

— Какой?

— Я же сказал — разрушить несколько миров, чтобы она поняла, как важна для меня. Поня-

ла, что я не остановлюсь ни перед чем, чтобы ее вернуть.

Полиция!

Оба заметили приближающийся патрульный автомобиль.

— Прости, — говорит русский. — Я бы хотел поговорить еще, ибо и с тобой жизнь обходится несправедливо.

Оливия слышит в этих словах свой смертный приговор. И, понимая, что терять уже нечего, внутренне собирается, готовясь вскочить. Но рука мужчины ложится ей на правое плечо — нежно, будто лаская.

Самбо — или «самозащита без оружия» — это боевое искусство, умение убивать голыми руками, и так, что жертва не успевает осознать происходящее. Оно развивалось и совершенствовалось на протяжении столетий, когда людям приходилось отбиваться от захватчиков, не применяя мечей или топоров. Впоследствии его широко применяли советские спецслужбы для того, чтобы, не оставляя следов, убирать неудобных. Тогдашние лидеры коммунистического режима упорно добивались того, чтобы самбо было включено в число олимпийских видов спорта, и хотели выставить на Московской Олимпиаде 1980 года свою команду, но усилия их успехом не увенчались: самбо было признано слишком опасным.

Тем лучше. Благодаря этому оно не получило широкого распространения, и лишь очень немногие владеют его смертоносными приемами.

Большим пальцем правой руки Игорь пережимает сонную артерию Оливии, и кровь перестает поступать в мозг. А другая рука одновременно нащупывает под мышкой определенную точку: если нажать на нее, происходит паралич мускулатуры. Теперь надо лишь выждать две минуты.

Оливия будто задремала в объятиях своего спутника. Полицейский патруль проехал у них за спиной по перекрытой полосе и даже не обратил внимания на парочку — у него и так хватало в это утро забот: только что по радио поступило сообщение, что в трех километрах отсюда какой-то пьяный миллионер разбил свой лимузин.

Игорь, не выпуская девушку, подбирает с разостланной на тротуаре простыни ее товар — те самые кустарные поделки, аляповатые и безвкусные. Ловко и проворно увязывает их в узел.

Потом, оглядевшись и убедившись, что поблизости никого нет, бережно и осторожно опускает тело Оливии на скамью — кажется, будто девушка спит, но что она видит во сне — неведомо никому. Может быть, ей вспоминается сейчас ясный день, а может быть, предстает какое-то кошмарное видение.

Вместе их видела только чета стариков. И в том случае, если смерть девушки признают насильственной — в чем Игорь сомневается, ибо никаких следов преступления не осталось, — едва ли они запомнили, как он выглядит, и вряд ли сумеют правильно описать его наружность полиции. Нет ни малейших причин для беспокойства: люди в большинстве своем не обращают внимания на то, что происходит вокруг.

Прежде чем уйти, он целует спящую красавицу в лоб и шепчет:

— Видишь, я сдержал свое слово. И не выстрелил.

Едва сделав несколько шагов, он чувствует сильнейшую головную боль. Что ж, так и должно быть: кровь прихлынула к мозгу, это нормальная реакция организма, сию минуту освободившегося от страшного напряжения.

Несмотря на это, он счастлив. Он достиг цели, он смог. Он сумел. И счастье его тем полнее, что он сумел разлучить с этим хрупким телом душу, не способную противостоять издевательствам трусливого мерзавца. Если бы так продолжалось и дальше, девушка пребывала бы в постоянной подавленности и тревоге, совсем перестала бы себя уважать и с каждым днем все сильней зависела от своего ничтожного любовника.

С Евой все было совсем иначе. Она всегда была способна отстаивать собственные решения, хоть, затеяв собственное дело — дорогой бутик готового платья, — и принимала от него помощь и деньгами, и советами. Она могла путешествовать, когда ей заблагорассудится и сколь угодно долго. Он был настоящим мужчиной и образцовым мужем. И все же она совершила ошибку: не сумела понять его любовь, а потом — принять его прощение. Однако Игорь надеется, что она будет получать от него послания, ибо в тот самый день, когда она решила бросить его, поклялся: ради того, чтобы вернуть ее, он будет разрушать миры.

Он достает из кармана недавно купленный мобильник, где на счету лежит минимально до-

пустимая сумма. И посылает эсэмэс-сообщение.

11:00 AM

Если верить легенде, все началось с того, что на Каннском кинофестивале 1953 года фоторепортеры, маясь от безделья, засняли на пляже никому не известную девятнадцатилетнюю девушку в бикини. Прошло совсем немного времени, и она стала суперзвездой, и на весь мир прогремело ее имя — Бриджит Бардо. Нынче же все уверены, что нужно красоваться на пляже в Каннах, чтобы затем повторить ее судьбу. Никто не дает себе труда понять, что следует еще обладать дарованиями актрисы: в расчет принимаются только внешние данные.

И потому несть длинноногим крашеным блондинкам, которые летят за сотни и тысячи километров, одолевая разнообразные препятствия, чтобы провести целый день на пляже в надежде быть замеченными, сфотографированными, открытыми. Они во что бы то ни стало хотят избежать ловушки, уготованной всем женщинам — не желают превратиться в матерей семейств, стряпающих, убирающих, отводящих детей в гимназию, отыскивающих в безнадежном однообразии бытия какую-нибудь яркую подробность, о которой можно будет всласть посудачить с соседкой. Они мечтают о славе, блеске и гламуре, о зависти обитателей своего городка, сверстников и сверстниц, всегда видевших в них гадкого утенка и не подозревавших, что он превратится в прекрасного лебедя, что невзрачный бутон распустится великолепным цветком, вождленным для всех и каждого. Этим девушкам интересуют только карьера в мире грез, и они готовы влезть в долги, чтобы накачать груди силиконом и закупить вызывающих туалетов. Брать уроки актерского мастерства? Что за вздор, кому это надо? Достаточно красоты и связей — кино способно творить чудеса.

Надо лишь прорваться в этот волшебный мир.

Никакая цена не покажется чрезмерной за избавление от монотонной безысходности, присущей жизни в провинциальном захолустье. Миллионы людей не тягостятся этим, проводя жизнь так, как считают нужным. Но те, кто приезжает на фестиваль, должны отринуть страх, оставить его дома и быть готовыми ко всему — действовать без малейших колебаний, лгать, если потребуется, скрывать свой возраст, улыбаться людям, внушающим тебе отвращение, притворяться, что тебя тянет к тем, от кого на самом деле — воротит, шептать «Я люблю тебя», не заботясь о последствиях, вонзить нож в спину подруге, которая когда-то выручила или спасла, а теперь превратилась в нежелательную соперницу. Идти напролом, позабыв и стыд, и совесть. Чаемая награда стоит любых жертв.

Слава.

Блеск и гламур.

Все эти мысли, проплывающие в голове Габриэлы, Раздражают ее — это не лучший способ начать новый День. Кроме того, она с похмелья.

Одно утешает: проснулась не в номере пятизвездочного отеля и рядом нет мужчины, который скажет, что ей надо одеться и уйти, потому что у него очень много дел и надо покупать или продавать спродюсированные им фильмы.

Она встает и оглядывается — нет ли тут кого-нибудь из подруг. Разумеется, нет: все разошлись, кто на Круазетт, кто в бассейн, кто в бар, кто на яхту, на пляж, на завтрак, сулящий поворот судьбы и перемену участи. На полу маленькой квартирке, снятой на это время втридорога, разостланы пять матрасов. Вокруг в полнейшем беспорядке валяются одежда, туфли, «плечики», которые никому не пришлось в голову подобрать и повесить в шкаф.

«Здесь одежда в большем почете, чем человек».

Разумеется, ни одна из них не может позволить себе даже мечтать о вещах от Versace и Galliano, от Elie Saab и Karl Lagerfeld, но вся квартира завалена тем, что девушкам по карману — мини-юбками, бикини, блузками, туфлями и невероятным количеством косметических принадлежностей.

«Ничего, когда-нибудь я буду носить то, что захочу. А сейчас мне нужен всего один шанс».

Почему всего один?

Да очень просто. Потому что знает: она — лучше всех, и убежденности в этом не противоречат ни школьные разочарования, ни огорчения, которые она доставляла родителям. Именно в ту пору она принялась конфликтовать с домашними, доказывая самой себе, что способна преодолеть любые препятствия, совладать с любыми трудностями, позабыть все неудачи и поражения. Она

рождена, чтобы побеждать и блистать — в этом у нее нет ни тени сомнения.

«Я знаю, что когда добьюсь желаемого, непременно спрошу себя: меня любят, мной восхищаются, потому что я такая, как есть, или потому, что я стала знаменитостью?»

Ей знакомы люди, достигшие известности. И вопреки ее ожиданиям, в душе их нет мира — вне сцены они неуверенны, исполнены сомнений и несчастны. Они боятся совершить неверный шаг, который мог бы навсегда испортить карьеру.

«Но я — другая. Я всегда останусь сама собой».

Так ли это? Или все, оказываясь на ее месте, думают то же самое?

На грязной кухне — никто из подруг не удосужился хотя бы вымыть посуду — она варит себе кофе. И сама не понимает, почему проснулась в таком дурном настроении и сильнейших сомнениях. Она знает свое дело, она отдается ему всей душой — и все же ей кажется, что никто не желает признать ее талант. Знает она и людей — по большей части мужчин: они станут ей союзниками в битве, которую следует начать и выиграть немедленно, ибо Габриэле уже двадцать пять, и совсем скоро она по возрасту перестанет годиться для индустрии грез. Что же она знает о них?

Что они меньше женщин склонны к предательству.

Что никогда не обращают внимания на то, во что женщины одеты, ибо постоянно раздевают их глазами.

Что при наличии у женщины хорошей фигуры — мир завоеван.

Твердо памятуя эти три пункта, а также и то, что все женщины, соперничающие с ней, стараются преувеличить свою привлекательность, она уделяет внимание только последнему соображению. Старается держать себя в форме, делает гимнастику, соблюдает режим, а одевается — вопреки тому, что велит логика, — скромно. До сих пор это приносило плоды, и она выглядела моложе своих лет. Бог даст, так будет и здесь, в Каннах.

Грудь, бедра, ягодицы. Что ж, пусть мужчины обращают внимание на это, если уж иначе нельзя. Ничего, придет день, когда все увидят, на что она способна!

Она пьет кофе, постепенно начиная понимать причину своего скверного настроения. Все дело в том, что вокруг нее собрались наипервейшие в мире красавицы, и она, хоть вовсе не считает себя дурнушкой, никак не может состязаться с ними. Ей надо обдумать, что делать дальше: решиться на эту поездку ей было нелегко, денег у нее в обрез, а времени заключить контракт — и того меньше. За первые два дня она уже успела кое-где побывать, показать свои CV² и портфолио, однако добилась всего лишь приглашения на вчерашнюю вечеринку, происходившую в десятиразрядном ресторане, где оглушительно грохотала музыка и где заведомо не встретишь никого из представителей Суперкласса. Она выпила, чтобы преодолеть свою скованность, и выпила, вероятно, больше, чем мог принять ее организм, так что совсем потеряла представление о том, где находится и что делает. Здесь, в Европе, все казалось ей чужим и непривычным: и манера одеваться, и незнакомая речь, и деланое веселье всех присутствующих, каждый из которых мечтал бы попасть на мероприятие для очень узкого круга избранных, но в результате оказался здесь, в этом убожестве, и, перекрикивая музыку, судил о чужой жизни и о несправедливости мироустройства.

Габриэле надоело это слушать. Да, власть имущие несправедливы — и точка. Таковы они, такова их природа. Они выбирают кого пожелают, они не обязаны делать так, чтобы окружающие оставались ими довольны, — и именно поэтому ей нужен план. Многие другие девушки, обуруемые той же мечтой (но, разумеется, не одаренные ее талантом), тоже рассылают свои фото, видео и резюме, так что съехавшиеся в Канны продюсеры не знают, наверно, куда деваться от визитных карточек, DVD и пластиковых папочек с данными претендентов.

Значит, надо выделиться. Но как?

Надо придумать, как. Ничего другого не остается, тем более что она истратила все свои сбережения и на второе путешествие уже не скопить. И — о, ужас! — она теряет молодость. Двадцать пять лет. Это ее последний шанс.

Габриэла пьет кофе, поглядывая в маленькое окошко, выходящее в какой-то глухой тупик: видны только табачная лавка и девочка, которая ест шоколад. Да, это ее последний шанс. И уж

---

² CV — сокращенное от *curriculum vitae* — краткое жизнеописание, автобиография (лат.).

его-то упустить нельзя.

Она возвращается мыслями в прошлое, в ту пору, когда в одиннадцать лет, учась в одном из самых дорогих чикагских колледжей, сыграла в школьном спектакле. Но ее желание побеждать родилось не из оваций публики, состоявшей из одноклассников, их родителей и учителей.

Все было совсем наоборот: в инсценировке «Алисы в Стране чудес» она играла Сумасшедшего Шляпника и вместе с множеством других мальчиков и девочек сначала пробовалась на эту роль — одну из важнейших в пьесе.

Первая ее реплика звучала так: «Ты должна отрезать волосы». На что Алиса отвечает: «Это показывает, что вы невежливы с гостями».

Когда настала долгожданная минута, она от волнения перепутала вызубренный наизусть, столько раз отрепетированный текст и произнесла: «Ты должна отрастить волосы». Девочка, игравшая Алису, ответила, как учили, и зрители ничего не заметили, но Габриэла-то осознала свою ошибку.

И потеряла дар речи. Шляпник — персонаж немаловажный, без него эту сцену не сыграть, а дети на сцене импровизировать не умеют (хотя в жизни это получается у них превосходно), и потому никто не знал, что делать. Наконец после мучительно долгой паузы, пока актеры растерянно переглядывались, одну из учительниц осенило — и она принялась аплодировать. Объявила антракт и велела всем уйти со сцены.

А Габриэла ушла не только со сцены — рыдая, она убежала домой. Назавтра узнала, что спектакль возобновили с того места, где начинается партия в крикет с Королевой. И хотя учительница твердила, что все это не имеет ни малейшего значения, потому что в «Алисе» и так все шиворот-навыворот, на перемене Габриэле сильно досталось от одноклассников.

Впрочем, били ее уже не впервой — это случалось почти каждую неделю. И она научилась защищаться. Но на этот раз не сопротивлялась, стояла молча и даже не плакала. Ее реакция так удивила школяров, что очень скоро они оставили ее в покое — ведь, в конце концов, и драка-то была затеяна для того, чтобы Габриэла пустила слезу. А коль скоро этого не произошло, они утратили к ней интерес.

А не плакала она потому, что после каждой затрещины думала: «Я стану великой актрисой. И вы все горько пожалеете о том, что делали».

Кто сказал, будто дети не способны решить, чего они хотят от своей жизни?

Взрослые.

И мы, пока растем, верим, что они — умнее, что они постигли всю мудрость мира. Многие дети попадают в ту же ситуацию, когда выходят на сцену в роли Спящей Красавицы, Алисы, Аладдина, Сумасшедшего Шляпника и вдруг забывают свой текст. И в этот миг они решают навсегда отказаться от света софитов и аплодисментов публики. Но Габриэла, которая за свои одиннадцать лет не проиграла до этого злополучного спектакля ни одного сражения и всегда была самой умной, самой красивой, получала самые лучшие отметки, интуитивно поняла в тот миг: «Если не буду реагировать сейчас, пропаду».

Ибо одно дело — получить трепку от одноклассников и совсем другое — волочить за собой до конца дней своих бремя поражения. Ведь все мы отлично знаем: то, что начинается с оговорки в школьном спектакле, с неумения танцевать лучше, чем другие, с пущенного вслед замечания, мол, ноги слишком тонкие или голова слишком большая, — все это случается с каждым — может получить два совершенно различных пути развития.

Одни — их очень немного — решают отомстить обидчикам и стать лучшими в той сфере, где их все считали ни к чему не годными. «Когда-нибудь вы все мне позавидуете», — думают они.

А вот большинство смиряется, посчитав, что так оно и есть и так тому, значит, и быть, и тогда все неуклонно ухудшается. Эти дети вырастают неуверенными в себе, чересчур послушными (что не мешает им мечтать о том прекрасном дне, когда они обретут свободу и смогут делать что захотят), выходят замуж для того лишь, чтобы не сказали, будто никто не хотел на них жениться (хотя продолжают считать себя уродинами), заводят детей, чтобы не думали, будто они бесплодны (хотя и в самом Деле мечтали о детях), тщательно одеваются, чтобы не сказали, будто они лишены вкуса (хотя уверены, что эти слова все равно прозвучат — что ни надень).

Ее провал в школьном спектакле забылся уже через неделю. Но Габриэла дала себе слово, что когда-нибудь вернется сюда на белом коне — всемирно известной актрисой, в окружении телохранителей, секретарей, фоторепортеров и легиона фанатов. Она сыграет благотворительный

спектакль для брошенных детей — ту же самую «Алису», и это станет сенсацией, и ее бывшие одноклассники скажут тогда: «Мы ведь с ней когда-то ходили по одной сцене!»

Мать хотела, чтобы она стала инженером-химиком, и по окончании школы родители отправили ее в Иллинойский технологический институт. Днем она изучала полинуклеотиды и структуру бензоатов, а по вечерам — актерское мастерство, оплачивая занятия из тех денег, которые присылали ей на прожитие, покупку одежды и учебников. У нее были превосходные наставники — настоящие профессионалы театрального дела. Ее хвалили, давали ей рекомендательные письма, она (втайне от родителей) сыграла в спектакле о Лоуренсе Аравийском, где исполнила танец живота.

Габриэла принимала любые предложения, надеясь, что в один прекрасный день в партере может оказаться какая-нибудь знаменитость. И тогда она попадет на настоящие пробы, дни испытаний останутся позади, и место под солнцем — то бишь под светом софитов — будет завоевано.

Меж тем проходили годы. Габриэла снималась в телевизионных роликах, рекламирующих зубную пасту, работала фотомodelью, а однажды с трудом поборола искушение ответить согласием на предложение некоей фирмы, предлагавшей «эскорт-услуги» — потому что ей отчаянно нужны были деньги, чтобы приготовить портфолио и разослать его по ведущим модельным и актерским агентствам США. Но Бог — в которого она не утратила веры — спас. В этот же день она подписала контракт на съемки видеоклипа одной японской певицы, которые должны были проходить под виадуком чикагской надземки. Заплатили ей больше, чем она рассчитывала (судя по всему, продюсеры выбрали для иностранной группы несусветную сумму), и на эти деньги она сумела наконец издать портфолио, которое тоже, впрочем, обошлось гораздо дороже, чем можно было ожидать.

Она неустанно повторяла себе, что все у нее еще впереди, хотя дни и месяцы так и мелькали. Ей, в студенческие годы игравшей Офелию, жизнь теперь предлагала рекламу дезодорантов и ночных кремов. Отправляясь в агентство со своим портфолио и рекомендательными письмами от учителей, друзей и тех, с кем ей приходилось работать, она всегда встречала в приемной нескольких девушек, похожих на нее: все они улыбались, все ненавидели друг друга и готовы были на что угодно, лишь бы только «засветиться», как называлось это на языке профессионалов.

Ждать приходилось долго и, убивая время, она читала книги, учившие искусству медитации и позитивного мышления. Но вот наставал ее черед — и она оказывалась перед столом, и тот — или та — кто сидел(а) за ним, не обращая внимания на рекомендации, принимался молча, без комментариев, листать альбом с фотографиями. Потом записывал ее имя. Иногда ей предлагали пройти *кастинг*, но удача улыбалась один раз из десяти. И тогда она, такая уверенная в своем таланте, приходила на съемку, и фотограф бесцеремонно командовал: «Держись свободней, улыбнись, повернись направо, подбородок ниже, облизни губы».

И вот готово — снят очередной ролик о новом сорте кофе.

Бывало, ее подолгу не звали, и Габриэла поначалу страдала от жгучей обиды, чувствовала себя обойденной, отвергнутой. Но со временем научилась примиряться с этим, твердя про себя, что проходит своего рода пробы, испытание на упорство и силу воли. Она отказывалась верить, что и рекомендательные письма, и CV, и полученное ею образование — все это ничего решительно не значит и ничем не поможет...

Зазвонил мобильный.

...ничем... ничего.

Телефон продолжал звонить.

Не сознавая толком, что происходит — мысли ее были устремлены в прошлое, Габриэла, продолжая смотреть на табачный ларек и девочку с шоколадкой, нажала кнопку.

Голос в трубке сообщил, что через два часа ее приглашают на пробы.

НА ПРОБЫ!

В Каннах!

Стало быть, не зря она перелетела через океан и сошла с трапа в городе, где все отели были переполнены, и оказалась в компании девушек (полька, две русских, бразильянка), которые после долгих бесплодных попыток отыскивали за безумные деньги двухкомнатную квартиру. Не зря столько лет испытывала она судьбу в Чикаго, ездила время от времени в Лос-Анджелес искать себе новых агентов, не зря позировала для рекламных фотографий, снималась в клипах, выслушивала отказы! Теперь ее будущее — в Европе!

Через два часа?

Ехать в автобусе не было решительно никакой возможности — она не знала маршрутов. Арендванная квартирka находилась на вершине холма, откуда Габриэла спускалась пока только дважды: один раз — когда разносила свои резюме, второй — вчера, когда отправилась на эту малозначительную вечеринку. Оказавшись внизу, она голосовала, выбирая одиноких мужчин за рулем дорогих открытых машин. Всем известно, что Канны — место безопасное, и каждая девушка уверена, что красота — большое подспорье в таких ситуациях, но сейчас Габриэла не могла рассчитывать на случайную удачу. На пробы опаздывать нельзя — эту заповедь внушают претенденткам в каждом актерском агентстве. Кроме того, она успела заметить, какие в городе пробки. Так что оставалось только одеться и бежать бегом. Через полтора часа она будет в том отеле, где остановилась продюсерша: Габриэла запомнила ее еще со вчерашнего дня, когда разносила свое резюме.

Оставалась единственная и вечная проблема: что надеть?

Она яростно атаковала свой чемодан и вытащила оттуда джинсы Armani, сшитые в Китае и за бесценно купленные на черном рынке в предместье Чикаго. Никто бы не сказал, что это подделка, тем паче, что это и не подделка: все знают, что китайцы поставляют восемьдесят процентов продукции в магазины, тогда как остальные двадцать поступают в продажу контрабандой.

...и белую блузку DKNY,³ стоившую дороже джинсов; Габриэла, верная своим принципам, знала: чем скромней — тем лучше. Никаких мини и смелых декольте — потому что если на пробы пригласят других претенденток, все они будут одеты именно так.

Немного поколебавшись, она наложила более чем умеренный макияж, а губы подкрасила совсем едва заметно.

На все это ушло пятнадцать драгоценных минут.

11:45 AM

Людей удовлетворить невозможно. Те, у кого мало, хотят, чтобы стало много. А у кого много, хотят еще больше. А получив еще больше, желают быть счастливы малым, однако неспособны сделать для этого усилие.

Неужели они не понимают, как просто устроено счастье? Чего хочет, например, эта мелькнувшая мимо девушка в джинсах и белой блузке? Куда она так спешит? Какая безотлагательная надобность не дает ей созерцать этот ясный солнечный день, морскую синеву, пальмы вдоль набережной, детей в колясках?

«Не беги, девушка! Все равно не убежишь, не спрячешься от двух самых главных явлений в жизни человека — от Бога и от смерти. Бог сопровождает каждый твой шаг и досадует, что ты не обращаешь внимания на чудо жизни. А смерть? Ты ведь только что прошла мимо трупа и ничего не заметила».

Игорь уже несколько раз прошел мимо того места, где было совершено убийство. Но в какой-то момент понял, что своим мельканием может навлечь на себя подозрения, и решил отойти на почтительное расстояние метров в двести и наблюдать оттуда, опершись на перила ограждения и надев темные очки (они не только спасают от яркого света, но и служат здесь, среди знаменитостей, атрибутом статуса).

Удивительно — уже почти полдень, а никто пока не заметил мертвое тело на центральном проспекте города, к которому сейчас приковано внимание всего мира.

Но вот к скамейке подходят мужчина и женщина и, увидев, что девушка не работает, в гневе принимаются на нее кричать. Мужчина — это, вероятно, отец — яростно трясет Спящую Красавицу за плечи. Женщина наклоняется над ней, закрывая обзор.

Игорь знает точно, что сейчас будет.

Раздастся пронзительный женский крик. Отец отпрянет в ужасе, выхватит из кармана мобильник. Мать начнет тормошить девушку, не подающую признаков жизни. Соберутся прохожие. Вот теперь, сняв свои черные очки, и он может подойти поближе — еще один из многих любопытствующих.

Отстранив плачущую мать, которая обнимает девушку, какой-то молодой человек пытается

---

³ Торговая марка известного модельера Донны Каран.

сделать искусственное дыхание, но тут же оставляет свои попытки — лицо Оливии уже успело приобрести легкую синюшность.

— Вызовите «скорую»! Вызовите «скорую»!

Несколько человек одновременно набирают один и тот же номер, все сознают свою нужность, важность, отзывчивость. Уже слышен приближающийся вой сирен. Мать кричит все громче и надрывней, отталкивая тех, кто пытается ее успокоить. Кто-то обхватывает бездыханное тело, пробуя приподнять и усадить мертвую девушку, другой советует не тратить времени, пусть лежит как лежит — слишком поздно что-либо предпринимать.

— Ясное дело, передозировка наркотиками, — замечает третий. — Нынешняя молодежь...

Остальные кивают, соглашаясь. Игорь продолжает бесстрастно наблюдать за тем, как подъехавшие парамедики достают из машины дефибрилляторы, пытаются провести реанимацию, а старший над ними молча смотрит, понимая, что ничего уже сделать нельзя, но не препятствует их усилиям, чтобы его подчиненных не обвинили в халатности. Носилки с телом Оливии задвигают в салон «скорой», мать цепляется за них, санитары после недолгого сопротивления разрешают ей сесть в машину, и та срывается с места.

С того момента как родители обнаружили свою дочь, и до отъезда «скорой» прошло никак не больше пяти минут. Оторопелый отец стоит на прежнем месте, не зная, куда ему идти и что делать. Тот, кто высказался недавно насчет наркотиков, подходит к нему и, не понимая, с кем разговаривает, повторяет свою версию случившегося:

— Ничего особенного. Такое бывает здесь чуть ли не каждый день.

Отец не реагирует. Сжимает в руке телефон и смотрит в пустоту. Он либо не понял, либо не знает, что же такое бывает здесь чуть ли не каждый день, либо находится в шоковом состоянии, стремительно перебросившем его в то неведомое измерение, где душевной боли не существует.

И толпа исчезает так же стремительно, как возникла. Остаются лишь двое мужчин: один — с зажатым в руке телефоном, другой — в темных очках.

— Вы знали эту несчастную? — осведомляется Игорь. Ответа нет.

Лучше всего последовать примеру остальных — и продолжать прогуливаться по набережной Круазетт, наблюдая за тем, что происходит в Каннах в это солнечное утро. Игорь и сам не в силах объяснить себе, что испытывает сейчас, разрушив вселенную, которую не смог бы восстановить, даже будь он всемогущ. Заслуживает ли этого Ева? Девушка — он знает, что ее звали Оливия, и это беспокоит его, ибо она перестала быть всего лишь безымянным лицом в толпе, — могла бы произвести на свет гения, который изобрел бы средство против рака или придумал бы, как сделать так, чтобы на земле наконец установился мир. Он, Игорь, пресек бытие не одного человека, а всех поколений, которые могли бы родиться от него. Неужели любовь, как бы неистова и велика она ни была, способна оправдать такое?

Он ошибся с первой жертвой. Она никогда не станет известием, Ева не получит его сообщение.

«Думать тут не о чем: что случилось, то случилось, — сказал он себе. — Готовься пойти дальше и пройти дальше. Девушка стала жертвой твоей огромной любви. Оглянись по сторонам, посмотри, что происходит в городе, веди себя как ни в чем не бывало — свою чашу страданий ты уже испил и теперь имеешь право жить уютно и покойно. Ты — на Каннском кинофестивале. Ты готовишься».

Даже будь он в купальном костюме, добраться до берега было бы трудно. Судя по всему, каждый отель владеет огромными пространствами песчаных пляжей и расставляет там свои топчаны и зонтики, метит своими логотипами, посылает туда своих официантов и охранников, которые требуют предъявить ключ от номера или иное доказательство того, что тыходишь в число постояльцев. Под огромными белыми навесами проходят презентации нового фильма, нового сорта пива или нового косметического средства. Там люди одеты «нормально», то есть мужчины — в ярких цветастых рубашках и светлых брюках, а женщины — в легких платьях, в бермудах и в туфлях на низком каблучке.

Те и другие — в темных очках. Ни те, ни другие не демонстрируют своей физической привлекательности, ибо представители Суперкласса давно перешли эту грань и всякий «напоказ» выглядел бы в их глазах в лучшем случае нелепо и жалко.

Игорь отметил еще, что все они не расстаются с мобильными телефонами — это важнейшая часть их снаряжения.

Очень важно принимать звонки, ежеминутно прерывая разговор, чтобы ответить на вызов, не имеющий на самом деле никакой срочности, или набрать пространный текст эсэмэс-сообщения. Давно позабыв, что эти три буквы расшифровываются как *shortmessagesservice*, люди щелкают по маленькой клавиатуре сотового телефона так, словно это пишущая машинка. И разве имеет значение, что дело это неудобное и довольно утомительное и что от него болят пальцы?! Не только в Каннах, но и по всему миру в этот самый миг эфир заполнен такими вот, например, восклицаниями: «Привет, любовь моя, я проснулся сегодня с мыслью о тебе, как хорошо, что ты есть в моей жизни!», или: «Буду через десять минут, приготовь обед и отправь белье в прачечную», или: «Здесь смертная тоска, но больше пойти было некуда, а ты где?»

Проговорить это все можно за десять секунд, а набрать и отослать — самое меньшее минут за пять, но так уж устроен мир. И кому же это знать, как не Игорю, зарабатывающему сотни миллионов долларов благодаря тому обстоятельству, что телефон давно уже перестал быть средством связи: его незримый провод превратился в ариаднину нить, в способ удостовериться, что ты не один на этом свете, и доказать всем остальным собственную значимость.

И этот механизм ведет мир к полному слабоумию и вырождению. Хитроумная система, созданная в Лондоне, каждые три минуты и всего за пять евро в месяц предлагает такую услугу: перед тем как начать разговор с человеком, на которого вы хотите произвести впечатление, нужно сначала позвонить по определенному номеру и активировать систему. И тогда посреди вашего разговора раздастся трель, вы достанете телефон из кармана, прочтете сообщение и скажете: «Ничего, это может подождать» (конечно может: сообщение содержит всего три слова: «По вашей просьбе» и час). Ваш собеседник почувствует себя лицом более значительным, и деловые переговоры пойдут веселей, ибо он знает, что имеет дело с очень занятым человеком. Через три минуты придет новое сообщение, напряжение возрастет, и вы сами вправе решить, разойтись ли минут на пятнадцать или снова показать, как вам важен этот разговор.

И лишь в одной-единственной ситуации мы соглашаемся выключить телефон. Нет-нет, не на официальном обеде, не на театральной премьере, не в зале кинотеатра, когда на экране — самый напряженный эпизод, и когда каждому из нас приходилось слышать мелодичный сигнал вызова. Но только в тот миг, когда при посадке в самолет слышится всегдашнее вранье: «Во избежание помех просим вас во время полета не пользоваться телефонами», — мы способны испугаться, поверив, что это на самом деле так.

Игорю ли не знать, когда был сотворен этот миф: Давным-давно авиакомпании задались целью во что бы то ни стало внедрить в обиход разговоры по телефону с борта самолета. Минута стоила десять долларов, а система соединения была та же самая, какую используют операторы сотовой связи. Ничего из этого не получилось, но исключить этот пункт из списка запретов, читаемого стюардессой перед взлетом, просто позабыли. И никто не знает, что в каждом самолете найдется непременно два-три человека, не ставшие отключать свои сотовые, что ноутбуки выходят в интернет через ту же систему, которая позволяет функционировать мобильным телефонам, — и нигде, ни в одной стране мира авиакатастрофы по этой причине пока не случилось.

Теперь эту легенду пытаются несколько модернизировать и привести в соответствие с реальностью, в то же время удерживая цены на заоблачных высотах — по сотовым можно звонить, если будет использована навигационная система самолета. Стоить будет вчетверо дороже. Никто толком не объясняет, что это такое — «навигационная система самолета...». Но если люди позволяют себя обманывать, то это в конце концов их личное дело.

Игорь идет дальше. Воспоминание о том, как в последний раз взглянула на него Оливия, вселяет в душу тревогу, но он старается поскорее забыть об этом.

Охранники, темные очки, бикини, одежда, выдержанная в светлых тонах, драгоценности, люди, которые торопятся так, словно им в это утро предстоит какое-то важное дело, фотографии на каждом шагу, пытающиеся выполнить неисполнимую задачу и заснять нечто новенькое и невиданное, бесплатные газеты, журналы и пресс-релизы, рассказывающие о фестивале, распространители буклетов, обращенных к тем простым смертным, которых не пригласили под белые навесы, и рекламирующих рестораны на склоне холма, где никто не говорит о том, что случилось сегодня на набережной Круазетт, и где модели снимают вскладчину квартирку, надеясь, что их пригласят на кастинг и жизнь их волшебным образом преобразится.

Все это так ожидаемо. Все это следовало предвидеть. Если он решит сегодня прийти на одну из этих презентаций, никто не станет чинить ему препятствий, потому что час еще ранний и промоутеры опасаются, что публика не соберется. Однако уже через полчаса охранники получают строгий приказ пропускать только красивых девушек без спутников.

Так отчего бы и не попробовать?

Повинуясь внутреннему побуждению, ибо он выполняет здесь некую миссию, Игорь спускается вниз, но дорожка приводит не на берег, а к огромному белому шатру с пластиковыми окнами, кондиционированным воздухом, расставленными внутри светлыми столами и пока еще не занятыми стульями. Один из охранников у входа спрашивает, имеется ли у него приглашенный билет, и он отвечает: «Имеется». Роемся в карманах, делая вид, что ищет приглашение. Девушка в красном осведомляется, чем она может помочь.

Он протягивает ей свою визитную карточку с логотипом компании и словами «Игорь Малеев, президент». Уверяет, что, конечно, занесен в список, но оставил приглашенный билет в отеле — забыл захватить его с собой после нескольких деловых встреч. Девушка отвечает: «Добро пожаловать», — и жестом приглашает войти — она давно уже овладела искусством оценивать людей по их манере одеваться, а кроме того, слово «президент» в любом уголке мира значит одно и то же. А тут — еще и президент российской компании! Все знают, что богатые русские очень любят показывать, что просто купаются в деньгах. Она даже не сверяется с перечнем гостей.

Игорь входит и направляется к бару — под этим белым полотняным навесом есть все что душе угодно, включая танцпол, — и заказывает ананасовый сок, потому что по цвету он гармонирует с интерьером.

И еще потому, что из стакана, украшенного маленьким японским зонтиком, торчит черная трубочка-соломинка.

Он присаживается за один из пустующих столиков. Среди немногочисленных пока гостей заметен человек лет за пятьдесят с крашеными под цвет красного дерева волосами, ненатурально бронзовой кожей, чрезмерно рельефной мускулатурой, развитой не спортом, а изнурительными упражнениями в одном из тех фитнес-клубов, что обещают своим клиентам вечную молодость. На нем поношенная футболка, а рядом с ним сидят еще двое мужчин в строгих, безупречно сшитых костюмах-тройках. Эти двое поворачивают головы к вошедшему, а Игорь отводит глаза. Оценив его, оба теряют к нему интерес.

Игорь же продолжает наблюдать, пользуясь тем, что темные очки скрывают направление взгляда.

На столике перед человеком в футболке лежит телефон, а оба его спутника непрерывно отвечают на звонки своих мобильных.

Интересно, что такого непрезентабельного субъекта — почти оборванца, уroda, считающего себя красавцем, — не только впустили сюда, но и усадили на почетное место. Телефон его отключен. Вокруг вьется официант, то и дело осведомляясь, не угодно ли чего-нибудь. Крашенный не удостоивает его ответом, обозначая отказ лишь движением руки. Игорь понимает, что это — птица очень, очень высокого полета.

Он протягивает официанту, который ставит на стол прибор, купюру в пятьдесят евро и, глазами показав в сторону человека в голубой майке, спрашивает вполголоса:

— Кто это такой, не знаете?

— Джавиц Уайлд. Большая шишка.

Ах, вот как. Что ж, тем лучше. Это вам не безвестная девчушка, продающая кустарные сувениры. Джавиц Уайлд подходит идеально. Он — не знаменитость, но какая-то шишка. Один из тех, кто решает, кому стоять в свете юпитеров, но сам-то он туда не стремится, ибо знает себе цену. Один из тех, кто дергает за ниточки, заставляя своих марионеток считать себя избранныками, которым завидует весь мир. Дергает, а потом в один прекрасный день без объяснения причин перерезает шнурочек, и куклы безжизненно и бессильно падают.

Он из Суперкласса.

А это значит: друзья у него ненастоящие, зато враги — самые что ни на есть подлинные.

— Еще один вопрос. Как, по-вашему, допустимо разрушать миры во имя великой любви?

Официант смеется:

— Вы — Господь Бог или гей?

— Ни то, ни другое. Но спасибо, что ответили так, как ответили.

Он понимает, что действовал неправильно. Во-первых, для оправдания того, что он делает, он не нуждается ни в чьей поддержке. Он думает так: если все когда-нибудь умрут, почему бы кому-то не потерять жизнь во имя великой любви? Так повелось от начала времен, когда мужчины жертвовали собой, чтобы прокормить свои племена, а девственниц отдавали жрецам, чтобы умиловать драконов или богов. А во-вторых, он совершенно напрасно привлек к себе внимание постороннего человека, выказав интерес к гостю в футболке.

Официант, разумеется, уже забыл об этом, и все же не следует рисковать без нужды. Игорь говорит себе, что все это вполне естественно: на кинофестивале все про всех хотят знать всё, и за эти сведения принято платить. Он делал это сотни раз по всему миру, и, можно не сомневаться, кто-то платил официанту, чтобы узнать про него, Игоря. Официанты не только привыкли к такому поведению, но и ожидают его.

Нет, он ни о чем не собирается вспоминать. Перед ним — очередная жертва. Если удастся довести план до конца и официанта будут допрашивать, он, конечно, скажет, что все, мол, в этот день было как всегда, разве что какой-то посетитель осведомлялся, позволительно ли ради великой любви разрушать другие миры. А может быть, он уже и забыл про эту фразу. Полицейские спросят: «Как он выглядел?», а он ответит: «Не обратил внимания, но точно — не гей». Полицейские привыкли, что в эти дни в барах сидят интеллектуалы, собирающие материал для зубодробительных исследований о, например, социологических аспектах Каннского кинофестиваля.

И все же одно его тревожило. Имя. Имена.

Ему уже приходилось убивать раньше — по приказу и с благословения своей страны. Он не знает, скольких именно, он редко видел их лица и никогда — ни разу в жизни — не спрашивал, как их зовут. Ибо это означало бы увериться в том, что перед тобой — живое существо, а не противник. Имя превращает абстрактное понятие «враг» в нечто уникальное и особенное, имеющее прошлое и будущее, предков и, возможно, потомков, переживающее взлеты и падения. Человек есть его имя, он гордится им, он повторяет его тысячи раз на протяжении жизни, он выделен им и опознан. Это первое, что он научается произносить после слов «мама» и «папа». Оливия. Джавиц. Игорь. Ева.

А у духа имени нет, он на какой-то срок заключен в оболочку этого тела и однажды покинет его, и когда на Страшном суде предстанет Господу, тот и не подумает осведомиться: «Ты кто?» — а спросит лишь: «Ты при жизни любил?» Суть бытия заключена именно в этом — в способности любить, а не в имени, которое мы носим с собой в паспортах, визитных карточках, водительских удостоверениях. Великие мистики меняли себе имя, а иногда и вовсе навсегда отказывались от всякого имени. Когда Иоанна Крестителя спросили, кто он, в ответ услышали: «Глас вопиющего в пустыне». Повстречав своего будущего сподвижника, Иисус пренебрег тем, что тот всю жизнь отзывался на имя Симон, и стал называть его Петр. Моисею, спросившему имя Бога, было сказано: «Я есмь».

Быть может, надо подыскать себе другую жертву. Довольно и того, что у первой было имя — Оливия. Однако в тот же миг Игорь чувствует, что отступить нельзя и некуда, хоть и решает никогда больше не спрашивать имя той галактики, которую собирается уничтожить. Отступить нельзя, потому что это будет несправедливо по отношению к бедной, совершенно беззащитной девушке на пляже — добыче столь легкой и столь сладостной. Ему брошен новый выбор, принявший обличье этого вот псевдоатлета: у него крашенные в цвет красного дерева волосы, скупающий взгляд и, судя по всему, реальная власть. С ним справиться будет гораздо труднее. Двое в костюмах-тройках — это не просто помощники: видно, как они постоянно вертят головами, оглядывая пространство вокруг, фиксируя все происходящее. Если он, Игорь, хочет быть достойным Евы и справедливым к Оливии, придется показать свою отвагу.

Он оставляет соломинку в бокале. Скоро здесь будетлюдно и шумно. Надо лишь подождать до тех пор, пока павильон заполнится людьми, а это не займет много времени. И точно так же, как он не планировал уничтожение мира среди бела дня, на набережной Круазетт, он и сейчас не знает, как исполнит свое намерение. Однако чуть подсказывает, что место выбрано безошибочно.

Он больше не думает о бедной девушке с набережной: в кровь впрыснут адреналин, сердце бьется учащенно, он доволен и возбужден.

Джавиц Уайлд не станет тратить время на то, чтобы бесплатно поесть и выпить на очередном из бесчисленных «мероприятий», куда его приглашают из года в год. Если уж он сидит здесь, значит, ему что-то нужно. Что-то или кто-то.

И это будет для Игоря железным алиби.

12:26 PM

Джавиц, наблюдая за тем, как павильон заполняется прибывающими гостями, неотступно думает все об одном:

«Что я здесь делаю? Мне же ничего не нужно. Впрочем, мне вообще почти ничего не нужно. У меня есть все, что хочу. Я знаменит в киномире, я могу получить любую женщину, которая мне понравится, хотя я уродлив и плохо одет. И меняться не хочу. Давно минули те времена, когда у меня был один-единственный костюм, а в тех редких случаях, когда после долгих унижений и просьб меня все-таки приглашали на подобные мероприятия, я готовился к ним так, словно ничего важнее и быть не может. Сегодня я знаю, что меняется только название города, а все прочее можно угадать наперед, и ничего, кроме отвращения, это у меня не вызывает.

Одни будут говорить, как ценят мою работу. Другие назовут меня героем и поблагодарят за то, что я даю шанс людям. Красивые и умные женщины, умеющие встречать не по одежке, заметят толчею у моего стола и спросят гарсона, кто я такой, а потом постараются как-то приблизиться, познакомиться, потому что убеждены: кроме секса, меня ничто не интересует. Все, все без исключения о чем-то хотят меня попросить. Ради этого мне льстят, меня превозносят, мне предлагают то, что, по их мнению, может мне понадобиться. А мне нужно только одиночество.

Я побывал уже на тысяче подобных приемов. И пришел сюда просто так, безо всякого повода, да притом еще и не выспался. Я прилетел в Канны на собственном самолете: это истинное чудо современной техники способно на высоте одиннадцать тысяч метров покрыть расстояние от Калифорнии до Франции без дозаправки. Я изменил его конфигурацию и из восемнадцати кресел в салоне оставил только шесть для того, чтобы на вечный вопрос: «Не захватишь ли меня с собой?» с чистой совестью отвечать: «К сожалению, нет мест».

Джавиц оборудовал свою новую игрушку, обошедшуюся ему в сорок миллионов долларов, всем необходимым, чтобы в полете можно было заниматься делами, вести переговоры, отдыхать и развлекаться. Сам он пил только шампанское, и каждый, кто хотел, мог насладиться за компанию с ним бокалом *Moët & Chandon* 1961 года, но на борту имелось спиртное всех видов и на любой вкус. И две огромных лазерных панели были всегда готовы показать новейшие, еще не вышедшие в прокат фильмы.

Его лайнер был одним из лучших в мире (что бы там ни говорили французы, уверявшие, что их *Dassault Falcon* обладает непревзойденными летными качествами), но сколь бы ни был Джавиц влиятелен и богат, даже ему не под силу было совладать с *джет-лэг*⁴: в Лос-Анджелесе без четверти четыре утра, а он только теперь начал ощущать настоящую усталость. Всю ночь он не спал, переходя с одной вечеринки на другую и повсюду отвечая на два дурацких вопроса, с которых неизменно начиналась любая беседа. Сначала спрашивали:

— Благополучно долетели?

На что Джавиц отвечал всякий раз:

— Как видите.

Задавший вопрос терялся, не зная, что на это сказать, бледно улыбался и осведомлялся:

— Надолго сюда? — и слышал:

— Будет видно.

И Джавиц, сделав вид, что должен ответить на звонок мобильного, извинялся и отходил в сторону вместе со своими вечными спутниками.

Никто не его интересовал. Да и кто бы мог представлять интерес для человека, обладавшего практически всем, что можно купить за деньги? Он пытался менять круг общения, заводя друзей из среды, не имевшей никакого отношения к кино, — знакомился с философами, писателями, цирковыми артистами. Поначалу увлекался этими новыми людьми — но затем следовала неизменная просьба просмотреть сценарную заявку-синопсис либо столь же обязательная сакраментальная фраза: «У меня есть друг (подруга), который(ая) так мечтает сниматься в кино! Ты бы не

---

⁴ Jet lag — нарушение суточного ритма организма, расстройство биоритмов в связи с перелетом через несколько часовых поясов.

согласился встретиться с юным дарованием?»

Нет, не согласился бы. Помимо работы у него было чем заняться в жизни. Раз в месяц летать на Аляску, напиваться в первом попавшемся баре, есть пиццу, выискивать нетронутые уголки дикой природы, разговаривать со стариками в маленьких городках. Два часа ежедневно он проводил в тренажерном зале, но все равно страдал от избыточного веса, и врачи опасались за его сердце. Он ходил в зал не ради поддержания формы — это его не интересовало, — а чтобы сбросить напряжение, не отпускавшее ни на секунду и порою становившееся столь невыносимо тяжким, что казалось — сейчас это бремя его раздавит. Он занимался активной медитацией, пытаясь исцелять ею душевные раны. Иногда, оказываясь среди тех, кто не знал его, он расспрашивал этих случайных знакомых о том, что же такое «нормальная» жизнь, ибо сам уже давно о ней позабыл. Отвечали ему по-разному, и со временем он убедился, что пребывает в полнейшем одиночестве, хотя постоянно окружен людьми.

И в конце концов, руководствуясь не столько этими ответами, сколько собственными наблюдениями, он составил перечень того, что должно входить в понятие «нормы».

Джавиц оглядывается по сторонам. Замечает человека в темных очках — он потягивает фруктовый сок и, ни на кого не обращая внимания, с отчужденным видом созерцает море. Седящий, красивый, элегантный. Пришел одним из первых и наверняка знает, кто такой Джавиц, однако не сделал попытки представиться. Мало этого, ему еще хватает смелости сидеть в одиночестве, а одиночество в Каннах — верный признак того, что тобой никто не интересуется, что ты — существо незначительное, невлиятельное и лишенное связей.

Он чувствует нечто похожее на зависть по отношению к этому человеку — к его независимости и свободе. Он хотел бы поговорить с ним, но слишком устал.

Он поворачивается к одному из своих неразлучных спутников:

— Что такое «нормальный человек»?

— У тебя совесть нечиста? Считаешь, что совершил такое, чего не должен был совершать?

Джавиц Уайлд понимает, что обратился не с тем вопросом и не к тому человеку. Теперь, быть может, тот будет думать, что он в чем-то раскаивается и хочет начать с чистого листа. Да ничего подобного. А если бы даже совесть и мучила, все равно — уже слишком поздно возвращаться в отправную точку: он знает правила игры.

— Я спрашиваю, что такое «нормальный человек»? «Спутник» немного сбит с толку. Его товарищ по-прежнему зорко наблюдает за всем, что происходит вокруг.

— Ну, это тот, у кого нет никаких амбиций... Джавиц достает из кармана листок, кладет его на стол:

— Я с ним не расстанусь. И постоянно добавляю новые пункты.

Один отвечает, что сейчас не может просмотреть его — занят наблюдением. А второй, чувствуя себя более непринужденно и уверенно, начинает читать:

Нормальный человек считает нужным:

1. Забыть, кто он такой и чего желает, чтобы это не мешало производить, воспроизводить и зарабатывать деньги.

2. Признавать законы и обычаи войны, установленные Женевской конвенцией.

3. Тратить годы на обучение в университете, чтобы потом не найти работу.

4. Заниматься с девяти утра до пяти вечера тем, что не приносит ни малейшего удовольствия, чтобы по прошествии тридцати лет выйти на пенсию.

5. Выйти на пенсию, обнаружить, что сил наслаждаться жизнью уже не осталось, и очень скоро умереть от тоски.

6. Пользоваться ботоксом.

7. Понимать, что власть гораздо важнее, чем деньги, а деньги — важнее счастья.

8. Высмеивать тех, кто вместо денег стремится к счастью, и называть их «людьми, лишенными амбиций».

9. Сопоставлять все предметы и явления в той же системе координат, что и машины, квартиры, вещи, не пытаясь постичь истинный смысл того, зачем и ради чего он живет.

10. Не разговаривать с незнакомыми. Скверно отзываться о соседях.

11. Считать, что родители всегда правы.

12. Жениться, произвести потомство, жить вместе и после исчезновения любви, уверяя, что это нужно ради детей (словно они не слышат ежедневных ссор родителей).
13. Осуждать всякую попытку быть иным.
14. Просыпаться от истерической трели будильника.
15. Верить каждому слову, напечатанному типографским способом.
16. Повязывать на шею кусок разноцветной материи, не имеющий никакого функционального назначения и носящий гордое имя «галстук».
17. Никогда не задавать вопросы прямо, даже если собеседник отлично понимает, что имелось в виду на самом деле.
18. Сохранять на лице улыбку, хотя отчаянно хочется плакать. И жалеть всех, кто демонстрирует свои истинные чувства.
19. Считать, что искусство стоит огромных денег или не стоит ничего.

20. Презирать все, что не стоило больших трудов подучить, ибо ради доставшегося просто так не пришлось «идти на жертвы» и значит, оно не обладает необходимыми достоинствами.
21. Следовать моде, даже если она представляется нелепой и неудобной.
22. Пребывать в глубокой уверенности, что у каждой знаменитости скоплены огромные сокровища.
23. Тратить деньги на внешнее благообразие и мало заботиться о душевной красоте.
24. Доказывать всеми возможными средствами, что он хоть и «нормальный» человек, но стоит неизмеримо выше всех прочих.
25. В метро или автобусе стараться не смотреть никому прямо в глаза, чтобы это не истолковали как попытку оболъщения.
26. При входе в лифт поворачиваться лицом к дверям и делать вид, будто пребывает в полном одиночестве — вне зависимости от того, сколько человек набилось в кабину.
27. Никогда не хохотать в ресторане, как бы ни рассмешил его рассказанный анекдот.
28. В Северном полушарии одеваться не по погоде, а сообразно времени года.
29. В Южном полушарии украшать ветви елочки ватой, символизирующей снег, даже если зима не имеет никакого отношения к рождению Христа.
30. Становясь старше, ощущать себя хранителем всей мировой мудрости, даже если ему не доведется прожить столько, сколько необходимо, чтобы убедиться в своей ошибке.
31. Посещать благотворительные чаепития, полагая, что этого совершенно достаточно, чтобы покончить с социальным неравенством.
32. Есть три раза в день, независимо от того, хочется или нет.
33. Свято верить, что другие люди превосходят его во всем — они красивей, умней, богаче, сильнее. И что пытаться раздвинуть собственные границы очень рискованно: лучше уж вообще ничего не делать.
34. Использовать автомобиль как сокрушительное оружие, делающее неуязвимым.
35. Изрыгать брань по адресу других водителей.
36. Считать, что если твой сын что-то делает неправильно — это результат того, что он попал в «дурную компанию».
37. Сочетаться браком с темной, кто может предложить завидное положение в обществе. Любовь подождет.
38. Всегда говорить: «Я пробовал», даже если и не попытался.
39. Оставить все самое интересное в жизни на потом, когда для этого уже не будет сил.
40. Не впасть в депрессию от ежедневного многочасового бдения у телевизора.
41. Твердо верить, что все добытое и завоеванное принадлежит ему навеки.
42. Считать, что женщины не любят футбол, а мужчины — готовить и наряжаться.
43. Во всем всегда винить правительство.
44. Быть непреложно убежденным в том, что доброта, отзывчивость, уважительное отношение к другим будут этими другими истолкованы как слабость, уязвимость и возможность легко им манипулировать.
45. А также — в том, что напористая грубость в общении с другими людьми воспринимается как черта сильной личности.
46. Бояться фиброскопии (если ты мужчина) и родов (если — женщина).

— Тебе бы стоило снять фильм об этом... — засмеялся один из «друзей».

«Еще один фильм. Они не умеют думать ни о чем другом. Не знают, что я делаю, хотя не расстаются со мной ни на минуту. Я ведь не снимаю фильмов».

Работа над фильмом начинается с того, что некто, именуемый продюсером, прочел какую-то книгу или проникся блестящей идеей за время поездки по автостраде Лос-Анджелеса, похожего на один огромный пригород. И вот в одиночестве, в машине он придумывает, как воплотить эту идею на экране.

Прежде всего он узнает, можно ли приобрести права на экранизацию книги. Если нельзя, то отправляется искать в качестве исходного материала что-нибудь другое — в конце концов только в Соединенных Штатах ежегодно выходит 60 тысяч новых книг. Если же можно, то звонит автору и предлагает ему продать права на экранизацию за весьма скромную сумму. Предложение это, как правило, принимается, потому что попасть на фабрику грез мечтают не только актеры и актрисы: каждому автору льстит, когда написанные им слова превращаются в образы.

Договариваются пообедать вместе. Продюсер говорит, что «книга — настоящий шедевр и просто просится на экран», автор же ее — «гений, который заслуживает славы». Писатель сообщает, что работал над романом пять лет, и изъявляет желание принять участие в работе над сценарием. «А стоит ли, здесь ведь своя специфика, — слышит он в ответ. — Но я вам обещаю — результатом останетесь довольны».

Затем произносится фраза: «Мы бережно сохраним дух вашей книги». Причем обоим собеседникам известно, что это — ложь, причем полнейшая и бесстыдная.

Писатель думает, что на этот раз он примет предложенные ему условия, обещая самому себе, что уж в следующий — проявит твердость и неуступчивость. И соглашается. Продюсер рассказывает, что в будущем фильме в главных ролях снимутся такие-то и такие-то звезды, — и это тоже ложь, которая, однако, повторяется каждый раз, когда надо кого-нибудь улестить. Он покупает так называемый «опцион», а иными словами — платит десять тысяч долларов за то, чтобы права оставались за ним в течение трех лет. А что потом? «А потом мы заплатим в десять раз больше, и вы получите двадцать процентов прибыли от проката». На этом деловая часть разговора завершается, ибо писатель уверовал, что заработает колоссальные деньги.

А вот спроси он кого-нибудь из понимающих людей, то узнал бы, что волшебники из голливудских бухгалтерий умеют сделать так, чтобы баланс фильма *никогда* не был положительным.

Обед завершается тем, что продюсер достает многостраничный контракт и спрашивает, можно ли подписать — с тем чтобы студия была уверена, что товар у нее в руках. Писатель, косясь одним глазом на процент (несуществующий), а другим — на собственное имя, красующееся на афишах кинотеатров (этого тоже не будет, ибо в самом лучшем случае довольствоваться придется титром «...по мотивам романа такого-то...»), недолго думая, подписывает.

Суета сует — все суета, и нет ничего нового под солнцем, как заметил Екклезиаст, сын Давидов, больше трех тысяч лет назад.

Продюсер принимается обивать пороги студий. У него уже есть какое-никакое имя, так что двери перед ним открываются, но это вовсе не значит, что его предложение примут. В случае отказа он даже не даст себе труда снова пригласить писателя на обед, просто пришлет ему письмо примерно такого содержания: «Несмотря на все усилия, киноиндустрия еще не может оценить благодарный материал, а потому я вынужден вернуть контракт» (сам-то он его, разумеется, не подписал).

Если же предложение принято, продюсер отправляется к тому, кто стоит на самой нижней ступеньке этой иерархии и соответственно меньше всех получает, — к сценаристу. К тому, кто целыми днями, неделями, месяцами создает оригинальные сценарии или мастерит экранизации, адаптируя книгу для экрана. Нарботки отсылаются продюсеру (а вовсе не писателю), и тот, как правило, с ходу бракует первые варианты, будучи уверен, что сценарист может сочинить получше. Еще сколько-то недель юное дарование или матерый профессионал (середины здесь нет) не спит ночами, поддерживая вдохновение литрами кофе и переписывая по несколько раз каждый эпизод, который продюсер отвергает или перекраивает до неузнаваемости, вызывая у сценариста законный вопрос: «Если он так хорошо все понимает, почему сам не пишет?» Однако в эту минуту сценарист вспоминает о своей зарплате и без долгих уговоров возвращается за компьютер.

И вот наконец текст почти готов: теперь продюсер просит убрать кое-какие политические

намеки, которые могут вызвать раздражение у консервативно настроенных зрителей, и прибавить поцелуев, потому что это нравится женской аудитории. И чтобы у истории были начало, середина, конец, и был герой, способный всех довести до слез своими жертвенностью и самоотречением. И чтобы кто-нибудь в начале потерял любимого, а в финале — вновь обрел. В конце концов почти все сценарии сводятся к следующей незамысловатой линии:

Мужчина любит женщину. Мужчина теряет женщину. Мужчина находит женщину.

Девяносто процентов фильмов — суть вариации на эту самую тему.

А в тех, которые не подпадают под это правило, в качестве компенсации должно быть очень много драк, погонь, стрельбы и спецэффектов, чтобы порадовать публику. Формула, гарантирующая успех, давно выведена и тысячекратно проверена, так что рисковать не следует: от добра добра не ищут.

И куда же теперь, вооруженный сценарием, который он счел вполне сносно написанным, отправляется продюсер?

На поиски студии, способной профинансировать проект. Однако на студии — длинная очередь фильмов, предназначенных для демонстрации в пустеющих с каждым днем залах кинотеатров. И продюсера просят либо подождать немножко, либо найти независимого дистрибьютера, но сначала подписать очередной гигантский контракт (где предусмотрены эксклюзивные права даже в случае проката за пределами планеты Земля), беря на себя ответственность за выделенные и потраченные деньги.

И вот в эту-то минуту на сцену выходит человек, подобный Джавицу Уайлду. Независимый дистрибьютер, которого не узнают на улице, но зато в мире кино знают все. Тот, кто не открывал тему, не редактировал сценарий, не вложил в проект ни единого цента.

Джавиц Уайлд — посредник. Он — дистрибьютер. Продюсера он принимает в своем маленьком офисе (то обстоятельство, что у него — личный самолет, дом с бассейном, приглашения на все более или менее значительные события, происходящие в мире, ничего не значит: все это служит исключительно для собственного комфорта) и не предлагает ему даже стакана минеральной воды. Он забирает диск и увозит его домой. Читает минут пять. Если уж очень понравится — дойдет до конца, но на это — один шанс из ста. В данном случае он тратит десять центов на телефонный звонок продюсеру: «Я жду вас такого-то числа в таком-то часу».

«Ладно, подпишем договор, — говорит он, будто делая большое одолжение. — Я возьмусь».

Продюсер пытается вступить в переговоры. Он желает знать, в скольких странах будет прокатываться картина, на скольких площадках и на каких условиях. Вопросы абсолютно бессмысленные, ибо ответ он знает наперед: «Это будет зависеть от итогов первых фокус-групп». Фильм показывают представителям разных социальных слоев и сословий, отобранным специалистами. Другие специалисты анализируют результаты. Если они положительные, будут потрачены еще 10 центов на звонок, и на следующий день Джавиц Уайлд встретит продюсера с тремя экземплярами пухлого договора. Продюсер попросит дать ему сколько-нибудь времени, чтобы с договором мог ознакомиться его адвокат. Джавиц скажет, что ничего не имеет против, но беда в том, что он закрывает сезон и не может гарантировать, что по возвращении не будет занят другим фильмом.

И продюсер прочитывает лишь тот параграф, где оговорено его вознаграждение. Сумма его удовлетворяет, он подписывает контракт. Ибо не хочет упустить такой шанс.

Со дня достопамятного обеда с автором романа прошло уже так много лет, что ему невдомек: он сам сейчас находится в точно такой же ситуации.

И как тут в очередной раз не вспомнить слова из Екклезиаста, сказанные больше трех тысяч лет назад: «Суeta суeta и всяческая суeta, и нет ничего нового под солнцем».

И вот теперь, оглядывая толпу людей, собравшихся под белым полотном навеса, Джавиц Уайлд в очередной раз спрашивает себя, что он здесь делает. Он контролирует более пятисот кинозалов в США и с еще пятью тысячами других по всему миру заключил эксклюзивные договоры, в соответствии с которыми у него обязаны покупать все, что он предлагает, даже если фильм не будет иметь успеха. Они знают, что прибыль от одного блокбастера с лихвой компенсирует затраты на прокат пяти обычных картин. Владельцы кинотеатров зависят от Джавица Уайлда, великого независимого дистрибьютера, сумевшего вступить в единоборство с крупными киностудиями-монополистами и победить в нем.

Его никогда не спрашивали, как ему удалось совершить этот подвиг: вопрос уже не имеет никакого значения, поскольку он предлагает соотношение «один триумф — пять провалов» (у студий — один к девяти).

Лишь он один знает, чему обязан своим успехом. И по этой самой причине нигде не появляется без двоих неразлучных спутников, которые в эту минуту отвечают на звонки, назначают встречи, принимают приглашения. Оба они — относительно нормального телосложения (совсем не те гориллы, что стоят у входа), но люди в высшей степени умелые: прошли специальную подготовку в Израиле, служили в Уганде, Аргентине, Панаме.

Покуда один занят телефоном, другой беспрестанно шарит взглядом по залу, примечая любое перемещение, каждое резкое движение, всякое новое лицо. Подобно синхронным переводчикам или сотрудникам службы безопасности аэропорта, они раз в четверть часа меняются ролями, ибо неусыпная бдительность требует перерыва.

Так что же все-таки он делает на этом приеме? Давно уже можно было бы уйти в отель и попытаться уснуть; он устал от льстивых слов и приветствий, ему невмоготу ежеминутно выдавливать из себя улыбку, повторяя: «Нет-нет, не надо визитку, я ее обязательно потеряю». А особо настырных отсылать к одной из своих секретарш, живущей в роскошном отеле на Круазетт, обязанной бодрствовать и снимать трубку непрерывно звонящего телефона, отвечать на электронные письма, приходящие со всего света вместе с рекламой средств для чудодейственного увеличения пениса, получения множественных оргазмов и прочим спамом, против которого бессильны самые совершенные фильтры. В зависимости от того, какой знак подаст ему Джавиц, кто-нибудь из «друзей» либо сообщает адрес и телефон секретарши, либо говорит, что сейчас у него нет с собой ее визитных карточек.

Так зачем же он сидит здесь? В Лос-Анджелесе в это время он ложится спать, вернувшись далеко за полночь с очередной вечеринки. Джавиц Уайлд знает ответ, но этот ответ его не устраивает. А дело в том, что он боится остаться один. И завидует человеку, пришедшему сюда одним из первых и потягивающему сейчас свой безалкогольный коктейль. Взгляд его устремлен в никуда, он расслаблен и даже не думает напускать на себя важность или принимать озабоченно-деловой вид. Джавиц решает пригласить его за свой столик и чемнибудь угостить. В этот миг он замечает, что того уже нет на прежнем месте.

И одновременно ощущает легкий укол в спину.

«Комары. Вот потому я терпеть не могу праздники на открытом воздухе».

Потерев укушенное место, он вдруг извлекает оттуда маленькую булабочку. Что за дурацкие шутки! Оглядывается и метрах в двух от себя видит чернокожего — судя по прическе, с Ямайки, хохочущего в толпе гостей, которые глядят на него с вожделением и почтением.

Джавиц слишком утомлен, чтобы поддаваться на провокацию. Пусть этот негр считает, что очень смешно пошутил — чем еще ему производить впечатление на окружающих?!

— Идиот.

«Друзья» мгновенно реагируют на внезапную смену позы — не зря же они наняты оберегать его за четыреста тридцать пять долларов в день. Один сует руку за пазуху, где под мышкой в плечевой кобуре висит автоматический пистолет, незаметный под пиджаком. Второй поднимается с места и проворным, хоть и не резким движением (дело все же происходит на празднике) оказывается между хозяином и этим чернокожим.

— Да ничего страшного, — говорит Джавиц. — Глупая шутка.

И показывает булабочку.

Двое этих олухов натасканы и обучены отбивать атаки, защищать своего подопечного от ножа и ствола, от внезапной агрессии и угрозы. В гостинице они всегда первыми входят в его номер, проверяя, все ли там чисто. Они умеют определять, нет ли в кармане у того или иного человека пистолета (во многих странах мира ходить с оружием — в порядке вещей) и не спустят с него глаз, пока не убедятся, что тот не представляет опасности. Когда Джавиц садится в лифт, они стискивают хозяина с обеих сторон, прикрывая собственными телами на манер живого щита. Они еще ни разу не доставали оружие и тем более обходились без стрельбы, ибо любое недоразумение умеют устранять взглядом и несколькими спокойно сказанными словами.

Проблемы? С тех пор, как они его сопровождают, он забыл, что это такое. Кажется, одного их присутствия достаточно, чтобы отогнать злых духов и развеять недобрые намерения.

— Это тот малый... Пришел одним из первых. Сидел один вон за тем столиком. Он был вооружен, как по-твоему? — сказал один.

Второй пробурчал что-то вроде: «Не исключено». Но незнакомец давно уже покинул прием. А все то время, что находился здесь, с него не спускали глаз, тем более что неизвестно было, куда направлен его взгляд из-за темных очков.

Отбой. Один снова берется за телефон, не умолкавший все это время, другой смотрит на чернокожего с Ямайки, а тот, не обнаруживая страха или растерянности, не отводит глаз. Как-то странно он повел себя, но если вздумает снова пошутить, ему придется заказывать себе зубные протезы. Все будет сделано быстро и незаметно, на пляже, и справится с этим один, а второй подстрахует, держа палец на спусковом крючке. Подобные выходы устраивают обычно с единственной целью — отвлечь охранников жертвы. Старый трюк.

— Все в порядке.

— Совсем даже не в порядке. Вызывайте «скорую». Рука отнялась.

12:44 PM

Какая удача!

Чего угодно ожидала она в это утро, но только не встречи с человеком, который — она не сомневалась! — сможет преобразить ее жизнь. Однако он оказался здесь — сидит со своим обычным скучающим видом, вместе с двумя друзьями: сильным мира сего нет надобности показывать кому бы то ни было, на что они способны. И даже обзаводиться охранниками.

Морин поняла, что люди в Каннах делятся на две категории:

1) Загорелые (они проводят целый день на солнце, ибо уже причислены к сонму победителей). Лежат на одном из тех пляжей, куда допускают только участников и гостей фестиваля. Когда возвращаются в свои отели, их там ждет несколько приглашений, большая часть которых отправляется в мусорную корзину.

2) Бледные (они перебегают из одного угрюмого офиса в другой, проходя кастинги, результаты которых могут оказаться превосходными, но все равно утонуть в море других предложений и вариантов, либо чудовищными, но тем не менее завоевать им место под солнцем — ну, то есть среди загорелых — если знакомы с нужными людьми).

Джавиц Уайлд гордится завидным бронзовым загаром.

Событие, в течение двенадцати дней происходящее в этом маленьком городке на юге Франции, взвинчивающее цены, выпускающее на улицы только машины со спецпропусками, заполняющее аэропорт частными самолетами, а пляжи — моделями, совершается не только на красной ковровой дорожке, по которой в окружении фотографов направляются ко входу во Дворец конгрессов прославленные на весь мир кинозвезды.

Канны — это прежде всего кино.

Роскошь и гламур быстрее всего остального бросаются в глаза, но истинная душа фестиваля — это гигантский кинорынок, действующий параллельно с ним. Продавцы и покупатели, съехавшись со всего мира, встречаются, чтобы торговать готовым продуктом, инвестициями, идеями. В среднем в городе заключается по четыреста сделок в день, и происходит это по большей части в арендованных на целый сезон апартаментах, где люди ведут переговоры, неудобно пристроившись вокруг кроватей, жалуюсь на жару, требуя минеральной воды и особого к себе внимания, отчего у тех, кто предлагает свою продукцию, нервы на пределе, а к лицу будто приклеилась ледяная улыбка. Они обязаны сносить любые капризы, терпеть любые выходы, ибо должны показать свое изделие, на которое ушло несколько лет работы.

А покуда эти 4800 новых фильмов зубами и ногтями дерутся за возможность выйти из гостиничного номера и получить право показа в настоящем кинозале, мир грез начинает движение в обратную сторону: новые технологии с каждым днем завоевывают новые рубежи, и люди, измученные неуверенностью в завтрашнем дне, измочаленные тяжелой работой, с большой неохотой выходят из дому, предпочитая кабельное телевидение, которое за чисто символическую плату крутит около пятисот фильмов в день.

И что еще хуже — интернет позволяет любому и каждому сделаться кинорежиссером: всемирная паутина показывает, как делает первые шаги малыш, как рубят головы пленным, как

женщины демонстрируют свои обнаженные прелести исключительно для того, чтобы кто-то у своего монитора получил одинокое наслаждение. Показывает замерзших и сожженных, реальные автокатастрофы, спортивные состязания, дефиле моделей, съемки скрытой камерой, ставящие случайных прохожих в дурацкое положение.

Хотя, разумеется, люди все же выходят из дому. Но деньги предпочитают тратить на рестораны и хорошую одежду, ибо все остальное получают с экранов своих телевизоров или компьютеров.

Фильмы. Давно канули в прошлое те времена, когда все помнили, кому досталась «Золотая пальмовая ветвь». А сейчас, если спросить, кто стал лауреатом в прошлом году, с ответом затруднятся даже те, кто был на фестивале. «Вроде какой-то румынский режиссер», — скажет один. «Да нет, немец», — возразит другой. Потом потихоньку сверятся с каталогом и выяснят, что победу одержал итальянец.

Кинотеатры, которые некогда устояли в жестокой конкуренции с видеосалонами и оправились от потрясений, теперь, похоже, опять начинают клониться к упадку. Им почти невозможно соперничать с фильмами на DVD, которые бесплатно прилагаются к покупаемым журналам, с повсеместным пиратством, с вездесущим интернетом. Все это приводит к тому, что прокат обретает самые варварские формы: если запуск нового проекта обошелся студии очень дорого, она потребует, чтобы фильм демонстрировался одновременно в максимальном числе залов, и потому почти не оставит места для тех, кто отваживается возделывать ту же делянку.

А если они все же дерзнут — несмотря на все «противопоказания», то слишком поздно осознают, что обладать качественным продуктом — это еще далеко не все. Чтобы фильм дошел до экранов мировых столиц, требуются колоссальные вложения: надо оплачивать целые полосы в газетах и журналах, устраивать приемы и презентации, организовывать пресс-показы с пресс-конференциями, поездки, арендовать залы с баснословно дорогим оборудованием, нанимать персонал. И над всем этим царит проблема из проблем — дистрибьютер.

И тем не менее ежегодно возобновляется это кочевье: назначается время просмотра, представители Суперкласса обращают внимание на все что угодно, за исключением происходящего на экране, телекомпании предлагают десятую часть истинной, то есть справедливой цены за то, чтобы оказать режиссеру «честь» и показать его творение по своим каналам, звучат просьбы вырезать то-то и то-то, чтобы не оттолкнуть «семейную аудиторию», перемонтировать такой-то эпизод, обещания (не всегда выполняемые) на следующий год подписать контракт, если сценарий будет переписан до неузнаваемости и усилена такая-то тема.

Люди внимают этим посулам и соглашаются, ибо у них нет иного выхода. Этим миром правит Суперкласс: он говорит мягко и улыбается ласково, однако его решения окончательны и пересмотру не подлежат. Он знает. Он принимает или отвергает. Он обладает могуществом.

А могущество ни с кем не вступает в переговоры — разве что с самим собой. Однако же не все еще потеряно. Не только в романах, но и в реальном мире обязательно отыщется он — герой.

И Морин вне себя от гордости: герой — перед нею. После трех лет работы, мечтаний, телефонных звонков, поездок в Лос-Анджелес, подарков, обращений к друзьям по «Банку услуг», посредничества ее бывшего возлюбленного (он учился вместе с нею режиссуре, но потом счел, что гораздо безопасней работать в журнале, посвященном кино, нежели рисковать головой и деньгами), через два дня столь вожеленная встреча наконец-то состоится.

«Ладно, я поговорю с ним, — сказал экс-любовник. — Но Джавиц Уайлд не зависит ни от кого — даже от журналистов, которые способны превознести фильм до небес или втоптать его в грязь. Джавиц Уайлд — превыше всего. Мы уже подумывали о том, чтобы сделать о нем репортаж и попытаться понять, каким образом ему удастся держать в руках такую уйму прокатчиков. Но никто из тех, кто с ним работает, не пожелал высказаться на эту тему. Поговорю, но знай — давить на него бессмысленно».

И он поговорил. И договорился, что тот посмотрит «Тайны подземелья». И на следующий день Джавиц по телефону назначил встречу в Каннах.

Морин даже не осмелилась сказать, что ей до его офиса — десять минут на такси, и покорно заказала билет на самолет до Парижа, а потом чуть ли не целый день добиралась поездом до этого дальнего французского города. Предъявила ваучер хмурому управляющему в захудалом отеле, получила одиночный номер, где приходилось перешагивать через чемоданы всякий раз, как она

шла в ванную, раздобыла — опять же с помощью своего «экс» — приглашения на какие-то не слишком заметные мероприятия вроде презентации нового сорта водки или новой линии рубашек поло. С билетом во Дворец фестивалей она безнадежно опоздала.

Она сильно выбилась из бюджета, провела в пути в общей сложности более двадцати часов, но своего добилась — ей была обещана десятиминутная встреча.

И она не сомневалась, что выйдет оттуда с подписанным контрактом, и перед ней откроются сияющие перспективы. И что из того, что киноиндустрия пребывает в кризисе? Разве фильмы (ну пусть даже их стало меньше) не имеют успеха? Разве города не пестрят афишами новых проектов? Разве не о знаменитых киноартистах пишут глянцевого журналы? Морин знала — вернее, была непреложно убеждена, что кинематограф, гибель которого объявлялась уже несколько раз, между тем продолжает здравствовать. «Конец эпохи кино» — говорили после пришествия телевидения. «Конец эпохи кино» — говорили с появлением видеосалонов и пунктов проката. «Конец эпохи кино» — когда интернет открыл доступ к пиратским сайтам. А кино меж тем остается живо: оно — здесь, на улочках этого маленького средиземноморского городка, обязанного своей славой именно фестивалю.

И теперь самое главное — не упустить этот с неба свалившийся шанс.

И соглашаться на все — на все решительно. Джавиц Уайлд здесь. Он посмотрел ее фильм. Тема выбрана безошибочно: сексуальная эксплуатация, добровольная или вынужденная, подняла, что называется, высокую волну в мировых СМИ. Самый момент вывесить афиши «Гайн подполья» по фасадам всех кинотеатров, контролируемых Джавицем.

Он взбунтовался против существующего порядка и совершил настоящий переворот в системе, определяющей путь фильма к массовому зрителю. Один лишь Роберт Редфорд попытался в свое время совершить нечто подобное, создав фестиваль независимых кинематографистов — но и он, несмотря на десятилетия отчаянных усилий, все же не сумел преодолеть барьер, приводивший в движение сотни миллионов долларов в США, Европе и Индии. А Джавиц Уайлд стал победителем.

Джавиц Уайлд, спаситель кинематографистов, человек-легенда, защитник малых сих, друг артистов, покровитель искусств, благодаря хитроумной системе — Морин не знала, как она действует, но видела ее эффективность, — смог взять под контроль кинотеатры во всем мире.

Джавиц Уайлд назначил ей на завтра десятиминутную встречу. И это означало только одно — он принял ее предложение. Осталось лишь обговорить детали.

«Я соглашусь на все. На все решительно», — повторяет Морин про себя.

Само собой разумеется, что за десять минут невозможно рассказать о том, что происходило в эти восемь лет — четвертую часть ее жизни — потраченные на создание фильма. Бессмысленно будет описывать, как она училась искусству режиссуры, как снимала рекламные ролики, а потом поставила две короткометражки, снискавшие успех в провинциальных городах и нескольких нью-йоркских барах, где устраивали просмотры «альтернативного кино». Как заложила в банке полученный по наследству дом, чтобы получить необходимый для съемок миллион. Как осознала, что эта встреча — ее последний шанс, ибо второго дома у нее нет и закладывать больше нечего.

Она следила за карьерой своих сокурсников, которые бились-бились, да и предпочли уютный мир коммерческой рекламы или скучную, но надежную работу в одной из многих компаний, выпускающих телесериалы. Ей этот путь заказан: после того как ее короткометражки были одобрительно приняты публикой, Морин стала мечтать о большем, и мечты эти уже стали ей неподвластны.

Она была убеждена, что ее миссия — преобразовать этот мир в нечто более пригодное для жизни. Объединившись с другими, подобными ей, показать, что искусство — не только способ забавлять или развлекать сбившееся с пути общество. Надо еще и показывать пороки и недостатки его лидеров, спасать детей, в эту самую минуту умирающих с голоду где-нибудь в Африке. Выявлять проблемы окружающей среды. Борьба против социальной несправедливости.

Слов нет, проект амбициозный, однако Морин уверена, что ей хватит упорства довести его до конца. А для этого нужно очистить душу и прибегнуть к тем четырем силам, которые всегда вели ее, а силы эти — любовь, смерть, мощь и время. Необходимо любить, потому что мы любимы Богом. Необходимо сознавать неизбежность смерти, чтобы острее чувствовать жизнь. Необходимо бороться, чтобы расти, — но при этом не угодить в ловушку власти, которую можем об-

рести в ходе этой борьбы, ибо знаем, что власть ничего не стоит. И наконец, необходимо как должное принимать, что наша душа — пусть даже она бессмертна — пребывает в плену у времени со всеми его ограничениями и возможностями.

Но душа и в этом состоянии может работать над тем, что дарует ей отраду и удовольствие. И Морин своими фильмами внесет свой вклад в спасение распадающегося у нее на глазах мира, в преобразование действительности, в изменение рода человеческого.

Потеряв отца, который всю жизнь сетовал, что так и не смог заниматься тем, о чем всегда мечтал, Морин поняла нечто очень важное: разительные перемены происходят с человеком именно в такие кризисные моменты.

Ей бы не хотелось повторить судьбу отца. Неприятно было бы сказать дочери: «Я хотела и в определенную минуту даже могла, но не нашла в себе мужества рискнуть всем». И получив наследство, она тотчас поняла, что оно дано ей по одной-единственной причине — ради того, чтобы она выполнила свое предназначение.

И Морин приняла этот вызов. Еще в ранней юности, в отличие от своих сверстниц, мечтавших стать киноактрисами, она хотела лишь рассказывать истории, которые заставят будущие поколения людей улыбаться и мечтать. Примером ей служил «Гражданин Кейн» — фильм о радиокомментаторе, осмелившемся критиковать могущественного газетного магната, ставший классикой не только благодаря сюжетной канве, но еще и потому, что новаторски и творчески затрагивал этические и технические проблемы своей эпохи. Одним-единственным фильмом его создатель обессмертил свое имя.

Одним-единственным. И первым.

И это при том, что сам Орсон Уэллс никогда больше не смог достичь взятой им высоты. При том, что сошел со сцены (да, так бывает), и сейчас его помнят только исследователи и знатоки кино. Нет сомнения, что скоро кто-нибудь заново откроет его гений. Уэллс оставил потомкам не только своего «Гражданина Кейна», но и преподал им урок: достаточно сделать блистательный первый шаг — и вся твоя дальнейшая карьера обеспечена.

Морин поклялась себе, что никогда не забудет, через какие трудности и испытания ей пришлось пройти. И постарается сделать так, чтобы человек стал вести более достойное его существование.

А поскольку первым может быть только *один* фильм, она сосредоточила все свои нравственные и физические силы, всю эмоциональную энергию на единственном проекте. Не в пример друзьям, рассылавшим сценарии, синопсисы, сюжеты и работавшим одновременно над несколькими идеями, ни одна из которых, впрочем, не приносила результатов, Морин душой и телом предалась своим «Тайнам подземелья» — истории о том, как пять монахинь попадают в руки сексуального маньяка. И вместо того чтобы попытаться обратить его к вере и нормам христианства, приходят к выводу, что возможно только одно решение — принять правила его извращенного мира и отдаться ему, чтобы он через любовь сумел постичь величие Бога.

Замысел ее был прост: голливудские актрисы, как бы знамениты они ни были, лет в тридцать пять исчезают с экранов. Они продолжают мелькать на страницах глянцевого журналов, посещают благотворительные вечера, блистают на празднествах, церемониях и торжествах, а потом стараются подогреть гаснущий интерес замужествами и разводами, а также публичными скандалами — но былую славу им удастся вернуть лишь на несколько месяцев, недель или дней. И в этом промежутке между не востребоваанностью и полнейшим забвением деньги уже не играют для них особо значительной роли: они готовы принять любое предложение — лишь бы снова появиться на экране.

И Морин приблизилась к женщинам, которые всего десять лет назад находились на вершине славы, а теперь, с ужасом чувствуя, как уходит из-под ног почва, отчаянно пытались вернуться туда, где были раньше.

В таком деле, как кино, немислимо начинать со смирения и самоуничижения. Великая тень Орсона Уэллса являлась ей во снах: «Замахнись на невозможное. Перемахни несколько ступенек, раз уж по воле судьбы оказалась у подножия. Лезь вверх, пока не выдернули лестницу. Будет страшно — помолись, но не отступай». Она знала — у нее великолепный сюжет, первоклассный актерский состав, а потому необходимо снять такое кино, которое было бы принято крупными студиями и дистрибьютерами, но при этом — не поступиться качеством.

Необходимо сделать так, чтобы искусство и коммерция шли рука об руку.

А прочее — оно прочее и есть. Критики, склонные к умственной мастурбации и обожающие фильмы, которые невозможно понять. Маленькие зальчики, откуда ежевечерне выходит полдесятка ценителей, чтобы после просмотра засесть до утра в баре и в густом табачном дыму обсуждать сокровенную суть той или иной сцены (придавая ей зачастую противоположный смысл по сравнению с тем, что хотел сказать режиссер). Сами режиссеры, собирающие пресс-конференции, чтобы растолковать публике то, что должно быть совершенно очевидно безо всяких объяснений. Жалобы на государство, не оказывающее поддержки кинематографу. Манифесты и декларации, напечатанные в интеллектуальных журналах, многочасовые обсуждения и прения, сводящиеся в итоге все к тем же жалобам на отсутствие интереса, то есть финансирования. Одна-две статьи, появившиеся в крупных газетах и прочитанные только теми, кого это касалось напрямую или их домашними.

Кому под силу изменить мир? — Суперклассу. Тем, кто делает. Тем, кто способен воздействовать на поведение, разум и душу максимального возможного числа людей.

Поэтому она жаждала встречи с Джавицем Уайлдом. Для этого ей нужен «Оскар». И Каннский фестиваль.

А поскольку ничего этого не добьешься «демократической» работой — другие люди хотят всего лишь высказать свое мнение о наилучшем способе делать то-то и то-то, но не рисковать, — Морин пошла ва-банк. Наняла съемочную группу, несколько месяцев переписывала и правила сценарий, уговорила превосходных — и при этом безвестных — операторов, художников, актеров на роли второго, суля ничтожные деньги, но многообещающую возможность грандиозно «засветиться». На всех сильное впечатление оказывал список пяти главных героинь («Воображаю, сколько они запросили!»), все сначала требовали крупных гонораров, а потом убеждались, что участие в этой затее будет очень важно для их карьеры. Морин так загорелась своей идеей, что, казалось, ее энтузиазм открывает ей все двери.

Оставалось нанести последний и решительный удар. Писателю или музыканту недостаточно создать нечто талантливое и значительное: нужно еще, чтобы его творение не плесневело в ящике стола или на полке хранилища.

Необходимо «засветиться».

Она послала экземпляр сценария только одному человеку — Джавицу Уайлду. Привела в действие все свои связи. Стойко сносила все унижения, но не сворачивала с пути. Ей грубили, над ней смеялись, но она продолжала верить, ибо вложила в свое создание всю себя. Так продолжалось до тех пор, пока на сцену не вышел ее бывший возлюбленный. И Джавиц Уайлд назначил встречу.

И в этом павильоне она устроилась так, чтобы видеть его и предвкушать их беседу, которая произойдет через два дня. Внезапно она замечает, что взгляд его становится невидящим, а тело обмякает. Один из его спутников вертит головой, оглядываясь назад, озираясь по сторонам и не вынимая руку из-за борта пиджака. Другой хватает телефон и непослушными пальцами поспешно набирает несколько цифр.

Что-нибудь случилось? Но люди, сидящие неподалеку, продолжают как ни в чем не бывало разговаривать и пить, наслаждаясь солнцем, фестивалем, праздничной атмосферой и прекрасными телами вокруг.

Джавица пытаются поднять и увести, однако он, похоже, не может пошевелиться. Да нет, наверное, просто перепил... Усталость... Стресс... Что ж еще?

Ничего другого и быть не может! Она прилетела сюда из такой дали, она была в двух шагах от исполнения своей мечты, и вот...

Слышится вой сирены. Должно быть, полиция пытается расчистить путь через вечно забитую магистраль какому-нибудь ВИПу.

Спутник Джавица забрасывает его руку себе за плечи, выдергивает его со стула и тащит к дверям. Сирена все ближе. Второй продолжает озираясь по сторонам. В эту минуту они встречаются взглядом.

Джавица волокут к выходу. Морин спрашивает себя, как это такой хрупкий на вид человек умудряется без видимых усилий тащить такую тушу.

Вой обрывается у самого входа в огромный шатер. В эту минуту Джавиц уже скрылся из виду, а второй его «друг», по-прежнему держа руку за бортом пиджака, подходит к ней.

— Что случилось? — в испуге спрашивает Морин. Лицо человека, остановившегося перед нею, кажется высеченным из камня — такие лица бывают у профессиональных убийц.

— Сама знаешь, что случилось, — отвечает тот с каким-то странным акцентом.

— Ну да, я видела, что ему стало плохо... Что с ним? Человек не вынимает руку из-за пазухи. Морин в этот миг осеняет: этот маленький инцидент можно будет превратить в огромный шанс.

— Давайте, я помогу чем-нибудь... Можно?

Тот по-прежнему цепко следит за каждым ее движением, но держится уже не столь напряженно.

— Можно, я поеду с вами? Я знакома с Джавицем... Я дружна с ним...

Целую вечность спустя — хотя на самом деле прошло не более доли секунды — мужчина разворачивается и торопливо уходит в сторону Круазетт, ничего ей не ответив.

Морин лихорадочно соображает. Почему этот человек сказал, что она знает, что случилось? И почему так внезапно утратил к ней всякий интерес?

Прочие гости ничего не заметили — ну, разве что звук сирены привлек на миг их внимание, но они решили: наверное, что-то стряслось на улице. Сирены плохо вяжутся с морем и солнцем, с коктейлями и знакомствами, с красавцами и красавицами, с представителями племен «бронзовых» и «бледных». Сирены принадлежат к другому миру — где происходят аварии, катастрофы, сердечные приступы, преступления. А потому совершенно не интересуют никого из присутствующих.

Голова Морин работает теперь четко. Что-то произошло с Джавицем, и это «что-то» — подарок небес. Она подбегает к выходу и видит, как по резервной полосе, закрытой для других машин, уносится на высокой скорости карета «скорой помощи», снова включившая сирену.

— Там мой друг! — говорит она охраннику. — Куда его везут?

Тот сообщает название клиники. Ни секунды не тратя на размышления, Морин бросается ловить такси. И лишь десять минут спустя осознает: такси просто так по городу не ездят — их вызывают швейцары к дверям отелей и получают за это щедрые чаевые. У Морин денег нет, и потому она входит в пиццерию, показывает план города, и ей объясняют, что до нужной ей больницы полчаса ходу, вернее бега.

Что ж, это ей нипочем, она всю жизнь бегаёт.

12:53 PM

— Доброе утро.

— Добрый день, — поправляют ее. — Уже двенадцать.

Все в точности так, как она себе представляла. Пять девушек, внешне похожих на нее. Все сильно накрашены, все в мини и с глубокими вырезами, все вертят в руках сотовые и шлют эсмэски.

Они не разговаривают между собой: в этом нет необходимости — они понимают друг друга без слов, как родственные души. Все прошли через одинаковые мытарства, все безропотно принимали нокаутирующие удары, все научились отвечать на вызовы. Все пытаются верить, что мечта — это билет с открытой датой, что жизнь может неузнаваемо измениться с минуты на минуту, что рано или поздно настанет благоприятный момент, а пока воля подвергается испытанию на прочность.

Все наверняка рассорились с родителями, которые были уверены, что дочери скатятся к проституции.

Все уже выходили на сцену, испробовали сладкую муку театрального действия, когда атмосфера в зрительном зале насыщена предгрозовым напряжением, готовым разрядиться бурей аплодисментов. Все сотни раз воображали, как представитель Суперкласса окажется в партере, а после спектакля зайдет в примерку с чем-то более существенным и серьезным, нежели просьба дать телефон, приглашение поужинать или комплименты.

Все уже раза три-четыре принимали такие предложения, хоть и понимали, что этот путь ведет только в постель с мужчиной, который, как правило, немолод, наделен могуществом и заинте-

ресован только в скорой победе. Кроме того, он почти всегда женат, как и всякий мужчина, за-служивающий внимания.

У всех есть возлюбленные, но если осведомиться о гражданском состоянии, каждая ответит: «Не замужем, никаких обязательств». Все уверены, что превосходно контролируют ситуацию. Все сотни раз слышали, что наделены редкостным талантом, но не хватает лишь счастливого случая, и вот теперь этот случай предоставляется, ибо наконец-то встретился человек, способный неузнаваемо преобразить их жизнь. И несколько раз каждая попадалась на эту удочку. И расплачивалась за доверчивость и самонадеянность, когда на следующий день по телефону отвечала столь же неприветливая, сколь и непреклонная секретарша, наотрез отказывающаяся соединять с шефом.

Все уже грозили, что расскажут, как их обманули, и продадут эту историю в желтые издания, падкие на сенсационные разоблачения. И ни одна этого не сделала, ибо все покуда пребывали в фазе: «Ябедничать некрасиво».

Вполне вероятно, двое или трое из них в свое время играли в какой-нибудь школьной «Алисе в Стране чудес» и теперь мечтают доказать родителям, что способны на большее. Очень может быть, что родители уже увидели своих дочерей в рекламных роликах или на презентациях и, забыв прежние огорчения, твердо уверовали, что в их жизни будет отныне только: Блеск и гламур.

Все в свое время считали, что мечты сбываются, что когда-нибудь их талант обнаружится, пока в один прекрасный день не осознали, что в мире сем действительно лишь одно заклинание, существует единственное волшебное слово.

И слово это — «связи».

Все по приезду в Канны разослали свои резюме. Все побывали там, куда можно попасть, и стремились проникнуть туда, куда вход закрыт, и мечтали, что их пригласят на какую-нибудь пышную церемонию, длящуюся всю ночь, или даже на возделенную красную ковровую дорожку, ведущую во Дворец. Впрочем, последнее было из области почти неосуществимых мечтаний, так что даже они сами сознавали всю призрачность этого «почти» — сознавали и признавали, чтобы избежать обиды и разочарования, столь жгучего, что чувство это могло всерьез помешать той лучезарной радости, которую они обязаны были продемонстрировать всегда и всюду, как бы скверно ни было на душе.

Связи.

Методом проб и ошибок они в конце концов завязывали полезное знакомство. Именно поэтому они сейчас и находились здесь. Потому что обзавелись связями, благодаря которым их вызвал какой-нибудь новозеландский продюсер. Никто не спрашивал о цели вызова. Все знали только, что опаздывать не следует: время дорого каждому, а особенно — тем, кто возделывает ниву киноиндустрии. И только эти пять девушек, вертевших в руках телефоны, листавших журнальчики, рассылавших эсэмэски, чтобы узнать, приглашены ли они сегодня куда-нибудь, и не забывавших упомянуть, что сейчас говорить не могут, ибо находятся на важной встрече с продюсером — так вот, только эти пять девушек готовы были потратить сколько угодно времени.

Габриэлу должны были вызвать четвертой. Она пыталась было что-то прочесть в глазах тех, кто молча выходил из дверей, но тщетно — все они были актрисами. И умели прятать любые чувства, скрывая радость или печаль. Они решительным шагом пересекали приемную и скрывались в дверях, недрогнувшим голосом бросив остальным: «Удачи», и всем своим видом будто говоря: «Не волнуйтесь, девочки, вам больше нечего терять. Эта роль останется за мной».

Одна стена затянута черным сукном. По полу вьются мотки всевозможных кабелей и проводов, мощные лампы-софиты, гигантские зонтики, смягчающие свет. Звукозаписывающая аппаратура, мониторы, видеокамера. По углам — бутылки минеральной, металлические кофры, треноги-штативы, разбросанные бумажные листки, компьютер. Женщина в очках — на вид ей лет тридцать пять, — присев на пол, перелистывает ее портфолио.

— Ужасно, — говорит она, не поднимая глаз. — Просто ужасно.

Габриэла не знает, что делать. Притвориться, будто не слышит, уйти в тот угол, где несколько техников ведут оживленный разговор, куря одну сигарету за другой, или остаться на месте?

— Просто жуть, — продолжает женщина.

— Это — мои.

Слова будто сами сорвались с языка. Не сдержалась. Пешком пробежала полгорода, почти два часа ждала в приемной, мечтая о том, как раз и навсегда преобразится ее жизнь (впрочем, со временем она научилась обуздывать полет фантазии и не предаваться такому безудержному восторгу, как прежде).

— Да я знаю, что твои, — отвечает женщина, по-прежнему не поднимая глаз. — И обошлись они тебе наверняка в приличную сумму. На свете немало людей, которые составляют портфолио, пишут резюме и CV, преподают актерское мастерство, короче говоря, зарабатывают деньги на тщеславии таких, как ты.

— Но если это ужасно, зачем меня позвали?

— А нам и нужно нечто ужасное.

Габриэла смеется. Женщина наконец вскидывает голову и осматривает ее сверху донизу.

— Мне нравится, как ты одета. Терпеть не могу вульгарно разряженных особ.

Сердце у Габриэлы начинает колотиться. Мечта вновь приближается.

— Стань вон на ту отметку. — Женщина протягивает ей лист бумаги и, обернувшись, к съемочной группе, говорит: — Перекур окончен. Окно закройте, чтоб посторонних звуков не было.

«Отметка» — это два обрывка желтой клейкой ленты, крест-накрест прилепленных к полу. Благодаря этому можно не устанавливать заново осветительные приборы и не передвигать с места на место камеру.

— Здесь очень жарко, я вся мокрая... Можно мне на минутку в ванную, немножко подкраситься, тон наложить?

— Можно-то, конечно, можно... Но тогда не останется времени снимать. Материал надо сдать до вечера.

Вероятно, все, кто стоял здесь до нее, задавали этот вопрос и получали одинаковый ответ. Лучше не тратить времени — и Габриэла, промокнув бумажным носовым платком лоб и щеки, подходит к отметке.

Оператор становится за камеру, Габриэла пытается хотя бы разок прочесть то, что написано на этой четвертушке бумаги.

— Тест № 25. Габриэла Шерри, агентство Томпсон. «Двадцать пять?!»

— Снимаем, — говорит женщина в очках. В павильоне все стихает.

— «Нет-нет, я не могу поверить тому, что ты говоришь. Никто не совершает преступления без причины».

— Еще раз. Ты разговариваешь со своим возлюбленным.

— «Нет-нет, я не могу поверить тому, что ты говоришь. Никто не совершает преступления просто так, без причины».

— «Просто так» нет в тексте. Ты считаешь, что автор сценария, бившийся над ним несколько месяцев, сам не знал, что пишет? И не убрал лишние, поверхностные и ненужные слова?

Габриэла глубоко вздыхает. Терять ей, кроме терпения, нечего. Сейчас она будет делать понятные вещи — выйдет отсюда, отправится на пляж или вернется домой и немного поспит... Ей надо отдохнуть, чтобы к вечеру, когда начнутся коктейли, быть в форме.

Странное, сладостное спокойствие охватывает ее. Внезапно она чувствует, что ее любят и оберегают, чувствует благодарность за то, что живет. Никто не принуждает ее находиться здесь и снова подвергаться этому унижению. Впервые за столько лет она уверена в своем могуществе, о самом существовании которого прежде даже не подозревала.

— «Нет-нет, я не могу поверить тому, что ты говоришь. Никто не совершает преступления без причины».

— Дальше!

Это распоряжение — совершенно излишне, Габриэла и сама собиралась произнести следующую фразу.

— «Надо пойти к врачу. Мне кажется, ты нуждаешься в помощи».

— «Нет!» — подает реплику женщина в очках.

— «Не хочешь — не надо. Будь по-твоему. Давай просто погуляем, и ты расскажешь мне все, что произошло... Я люблю тебя. Если больше никому на свете нет до тебя дела, то мне ты дорог и нужен...»

Больше на листке ничего нет. В павильоне тихо, и все его пространство словно электризует

ся.

— Скажи девушке, которая ждет в приемной, что она может идти домой, — говорит кому-то женщина в очках.

Неужели это — то, о чем она думала?

— На левой оконечности пляжа, у причала напротив Алле-де-Пальмьер, ровно без пяти час будет ждать катер. Тебя отвезут на встречу к мистеру Джибсону. Видео мы отошлем сейчас, но он желает лично познакомиться с теми, кто, может быть, будет работать с ним.

На лице Габриэлы вспыхивает улыбка.

— Я сказала: «Может быть, будет...» Это еще не окончательно.

Но улыбка не гаснет. Джибсон!

1:19 PM

Инспектор Савуа и судебный медик склоняются над распростертым на столе, обитом нержавеющей сталью, телом красивой девушки лет двадцати.

Девушка обнажена.

— Вы уверены?

Патологоанатом стягивает резиновые перчатки, швыряет их в таз — тоже из нержавеющей стали — и откручивает кран умывальника.

— Абсолютно уверен. Никаких следов наркотиков.

— Но что же тогда могло случиться? Инфаркт? В столь юном возрасте?...

Слышен только звук льющейся воды.

«Как стереотипно все они мыслят — передозировка наркотиками, сердечный приступ, летальный исход...»

Он дольше, чем это необходимо, моет руки, потом протирает спиртом. Поворачивается к полицейскому, просит его тщательно осмотреть тело покойной:

— Не стесняйтесь и постарайтесь ничего не упустить из виду: внимание к мелочам — неотъемлемая часть вашей профессии.

Савуа изучает труп. Хочет поднять руку девушки, но эксперт останавливает его:

— Нет, не прикасайтесь.

Глаза инспектора скользят по телу девушки. Он уже располагает кое-какими сведениями о ней: Оливия Мартине, португалка, имеется любовник, лицо без определенных занятий, завсегда-тай вечеринок; сейчас его уже допрашивают. Судья дал санкцию на обыск в его квартире, и там обнаружили несколько ампул с тетрагидроканнабинолом, основным галлюциногенным элементом марихуаны — это вещество, которое не так давно удалось синтезировать: не дает запаха, а эффект от его приема гораздо сильнее, чем при поглощении дыма. Еще были найдены шесть упаковок — по одному грамму кокаина в каждой. Простыня со следами крови отправлена на экспертизу. Скорее всего, дружок убитой был мелким наркодилером. Был на заметке в полиции, раз или два сидел в тюрьме, но тяги к физическому насилию за ним не наблюдалось.

Оливия и после смерти очень хороша собой. Длинные пушистые ресницы, детское личико, девичья грудь...

«Не отвлекайся. Ты же профессионал...»

— Ничего такого не вижу.

Савуа слегка раздражает сквозящее в улыбке эксперта высокомерие. Тот показывает на маленькое, почти незаметное лиловатое пятнышко между левым плечом и шеей. А вот и другое — на правом боку, меж ребер.

— Применяя специальные термины, я сказал бы, что наблюдается обструкция яремной вены и сонной артерии с одновременным и равным по силе воздействием на определенный нервный узел, причем произведенным с такой точностью, что это привело к полному параличу верхней части тела...

Савуа ничего не отвечает. Судебный медик понимает, что сейчас не стоит пускать пыль в глаза, щеголяя профессиональной терминологией. Ему, как всегда, становится жаль себя: каждый день иметь дело со смертью, жить в окружении трупов, общаться с неулыбчивыми полицейскими... Недаром дети предпочитают не распространяться о том, где работает их отец, да и в гостях ему приходится помалкивать, потому что люди ненавидят «мрачные разговоры». Уже не в первый

раз он спрашивает себя, не ошибся ли в свое время с выбором профессии.

— Проще говоря, ее задушили.

Савуа по-прежнему молчит, напряженно пытаясь представить себе, как можно задушить человека среди бела дня на набережной Круазетт. Родители рассказали, что утром девушка вышла из дому с товаром на продажу — незаконную, ибо эти уличные торговцы налогов не платили и не имели права работать.

«Впрочем, это к делу не относится».

— Вместе с тем, — продолжает медик, — есть кое-какие странности. Будь это обычное удушье, остались бы следы на обоих плечах, свидетельствующие, что злоумышленник душил, а жертва сопротивлялась. То есть была борьба. А в нашем случае он одной рукой — а вернее сказать, пальцем — перекрыл приток крови к мозгу, а другой — парализовал жертву. Такие действия требуют изощренной техники и превосходного знания анатомии.

— А может быть, ее убили где-нибудь в другом месте, а потом перетащили туда, где прохожие обнаружили?

— И в этом случае обязательно остались бы следы. Я первым делом начал искать синяки на лодыжках и запястьях. И ничего не нашел. Стало быть, ее не тащили. И потом... не хотелось бы вдаваться в технические детали такого рода... но есть и другие признаки насильственной смерти... например, непроизвольное мочеиспускание...

— Ну, так и что же это все значит?

— Что Оливия погибла именно там, где ее позднее обнаружили. Что убийство совершено одним человеком. И она этого человека знала, потому что не пыталась бежать — по крайней мере, никто из прохожих этого не видел. Что он сидел слева от нее. Что он в совершенстве владеет специальными приемами боевых искусств.

Савуа, кивком поблагодарив, стремительно идет к выходу. По дороге звонит в участок, где допрашивают сожителя Оливии.

— Про наркотики забудьте, — говорит он. — У вас в руках — убийца. Постарайтесь вытянуть из него все, что он знает о боевых искусствах. Я еду. Скоро буду у вас.

— Нет, — отвечают ему. — Приезжайте в госпиталь. Кажется, у нас еще одна проблема.

1:28 PM

Чайка пролетала над пляжем и вдруг заметила внизу мышь. Приземлилась на песок и спросила:

— Где же твои крылья?

Каждая тварь земная говорит на своем языке, и мышь не поняла слов чайки. Однако заметила, что у этого существа по бокам туловища расположены две странные штуковины.

«Должно быть, страдает какой-нибудь болезнью», — подумала она.

А чайка, увидев, что мышь рассматривает ее крылья, сказала себе так:

«Бедняжка. Должно быть, на нее напали какие-то чудовища, сделав ее безгласной и бескрылой».

И исполнившись жалости, подцепила мышь клювом и взмыла вместе с нею в поднебесье. «По крайней мере, уймется ее тоска по родине», — думала птица, чертя круги над морем. А потом бережно и осторожно опустила мышь на песок.

И в течение нескольких месяцев не было на свете существа несчастней, чем эта мышь: ведь она познала небесный простор, увидела бескрайний и прекрасный мир.

Но прошло время — и она вновь привыкла к мышьему своему положению и стала думать, что мучившееся чудо ей, должно быть, привиделось во сне.

Эту историю он слышал в детстве. Но сейчас он и сам — в поднебесье, откуда можно видеть бирюзово-синее море, белоснежные яхты, маленьких, как муравьи, людей, натянутые на пляже тенты, холмы, а слева — линию горизонта, за которой простирается Африка со всеми своими проблемами.

Земля приближается стремительно. «Надо при каждом удобном случае глядеть на людей с высоты, — думает он. — Только так можно оценить их истинные размеры».

А Ева то ли томилась, то ли была раздражена чем-то. Хамид никогда не мог бы сказать, что

происходит в голове у этой женщины, хотя они были вместе уже больше двух лет. Как ни тошно им в Каннах, уехать раньше срока невозможно: Ева уже должна была привыкнуть к тому, что жизнь ее нынешнего мужа мало чем отличается от жизни предыдущего — ужины, от участия в которых нельзя уклониться, вечера, которые надо организовывать, постоянная смена стран, континентов, языков...

«Интересно, она и раньше вела себя так... или разлюбила меня?»

Запретные мысли. Гони их от себя, думай, пожалуйста, о другом.

Из-за шума двигателей беседовать можно было только по переговорному устройству. Однако Ева не вынула наушники со встроенным микрофоном из специального гнезда сбоку от своего кресла, и даже если бы он сейчас попросил ее надеть их, чтобы в тысячный раз сказать ей, что нет в его жизни никого важнее и дороже ее, что он сделает все возможное, чтобы эта неделя на ее первом фестивале прошла как можно лучше, все равно это было бы невозможно — система устроена так, что пилот слышит разговоры пассажиров, а Ева терпеть не может публичные излияния и нежности.

Стеклянная каплевидная капсула совсем скоро опустится на пирс. Уже можно различить внизу огромный белый «Maybach», самое дорогое и совершенное творение концерна «Mercedes-Benz». Еще несколько минут — и они окажутся в его роскошном салоне, где звучит расслабляющая музыка, а если нажать кнопку, открываются створки выдвижного бара с ледяным шампанским и лучшей в мире минеральной водой.

Он посмотрел на свои платиновые часы — точную, сертифицированную копию одной из самых первых моделей, произведенных на маленькой фабрике в городе Шаффхаузен. В отличие от женщин, которые имеют право тратить целые состояния на бриллианты, единственная драгоценность, которую может позволить себе мужчина с хорошим вкусом, — это часы, оценить же истинное значение тех, что поблескивают у него на запястье и редко фигурируют в рекламе глянце-вых журналов, под силу только знатокам.

Это, между прочим, и есть подлинная изысканность: знать, что обладаешь чем-то таким, о чем другие не только не мечтают, но даже не имеют понятия.

Скоро два, а до открытия нью-йоркской биржи ему нужно успеть поговорить с дилером. Он позвонит — всего один раз — и даст инструкции на сегодня. Зарабатывать деньги в «казино», как называл он инвестиционные фонды, — не самое любимое его занятие, однако следует делать вид, что он внимательно следит за каждым шагом своих управляющих и брокеров. Они под защитой и под наблюдением шейха, но все равно нужно показывать, что и он в курсе всего происходящего.

Но он не даст ни одного конкретного указания насчет того, какие акции покупать, какие — продавать. Ибо его энергия направлена на иное: сегодня по крайней мере две актрисы — знаменитая и пока безвестная — появятся на красном ковре в его туалетах. Да, разумеется, он может все поручить своим помощникам, и они справятся, но ему доставляет удовольствие во все вникать лично, хотя бы для того, чтобы постоянно напоминать себе самому, что нет ничего незначущего и маловажного и что даже на миг нельзя терять контакт с той основой, на которой вознеслась его империя. А помимо этого, он собирается здесь, во Франции, проводить с Евой как можно больше времени, знакомить ее с интересными людьми, гулять по пляжу, обедать вдвоем в никому не известном ресторанчике, в соседнем городке, шагать, взяв ее за руку, по виноградникам — вот они виднеются сейчас на горизонте.

Хотя в его весьма просторном донжуанском списке значилось немало женщин, желанных для всех, до встречи с Евой он считал, что не может испытывать страсти к чему-либо, кроме своего дела. Эта встреча сделала его другим человеком: уже два года он с нею, а его любовь только крепнет и растет.

И ничего подобного он прежде не испытывал.

Он, Хамид Хусейн, один из самых прославленных модельеров современности, «светлая сторона» — только не Луны, а гигантской международной корпорации, специализирующейся на роскоши и гламуре. Он, боровшийся против всего и всех, преодолел предрассудки, с которыми неизбежно сталкивается уроженец Ближнего Востока и мусульманин, сумел использовать многовековую мудрость своего племени для того, чтобы выжить, выучиться, победить и занять место на вершине. Нет, вопреки расхожему мнению, он происходит не из богатой семьи и не имеет никакого отношения к нефти. Его отец торговал тканями и в один прекрасный день попал в

милость к некоему шейху всего лишь потому, что просто отказался выполнить его повеление.

И теперь, оказываясь перед трудным выбором, он неизменно вспоминает этот урок, полученный еще в отрочестве, — иногда следует сказать «нет», даже если это очень рискованно. И в абсолютном большинстве случаев он принимал верное решение. А если все же и приходилось изредка совершать промахи, последствия оказывались не столь серьезны, как ожидалось.

Да, отец... Он так и не увидел, каких высот достиг его сын... Отец, у которого хватило мужества, когда шейх начал скупать земли, чтобы возвести в пустыне современной город — истинное чудо цивилизации, ответить его посланцам:

«Нет, не продам. Мой род живет здесь уже много веков. Здесь похоронены мои предки. Здесь мы учились выживать, противостояли захватчикам и песчаным бурям. Место, которое Всевышний вверил нашему попечению, не продается».

Хамид Хусейн вспоминает, как это было.

Посланцы набавляли. Отец отказывался наотрез. Ничего не добившись деньгами, они, разъярясь от неудачи, решили пойти на все, чтобы изгнать упряма. Шейх терял терпение: он торопился начать осуществление своего грандиозного проекта, ибо нефть с каждым годом росла в цене, и деньги надо было успеть вложить в строительство, прежде чем природные богатства истощатся и исчезнет возможность создать инфраструктуру, привлекательную для иностранных инвестиций.

Но какие бы деньги ни предлагали старому Хусейну, он продолжал отказываться. И тогда шейх понял, что пора поговорить с ним самому.

— Я могу дать тебе все, что ты пожелаешь, — сказал он торговцу.

— Что ж, дай образование моему сыну. Ему уже шестнадцать лет, а здесь, в захолустье, для него нет пути.

— Согласен. Но за это ты продашь мне свой дом.

Повисло долгое молчание, а потом отец Хамид, глядя прямо в глаза шейху, произнес слова, которых никто не ожидал услышать:

— Давать образование своим подданным — это твой долг. И я не могу обменять будущее моей семьи на ее прошлое.

Хамид навсегда запомнил, какая безмерная печаль была в глазах отца, когда тот продолжил:

— Если мой сын получит хотя бы самый малый шанс преуспеть в этой жизни, я приму твоё предложение.

Шейх удалился, не сказав ни слова. А на следующий день попросил торговца прислать к нему сына для разговора. Хамид нашел его во дворце, выстроенном неподалеку от старого порта: сразу несколько кварталов были превращены в гигантскую стройплощадку, где днем и ночью кипела работа.

Шейх не медля приступил к делу:

— Ты знаешь, что я хочу купить дом твоего отца. Запасы нашей нефти истощаются, и прежде чем из недр будут выкачаны последние капли, нужно избавиться от этой зависимости, отыскать иные пути развития. И мы докажем всему миру, что способны продавать не только природные ресурсы, а для этого должны произвести важные преобразования — и в качестве первого шага построить, например, современный аэропорт. Нам нужны земли, на которых чужеземцы возведут свои здания. Моя мечта — праведна, мои намерения — чисты. Нам потребуются образованные люди, сведущие в мире финансов. Ты слышал мой разговор с твоим отцом?

Хамид постарался скрыть страх, потому что на этой аудиенции присутствовало еще человек десять. Но в душе его уже был готов ответ на пока еще не произнесенный вопрос. И вот он прозвучал:

— Чему бы ты хотел учиться?

— Портновскому делу.

Люди вокруг переглянулись, подумав, должно быть: «Спятил парень, сам не понимает, что несет».

— Да, изучать искусство высокой моды. Значительная часть тканей, которые иностранцы покупают у моего отца, они потом перепродают нам же, шив из них модную одежду и получая прибыль в сто раз большую. Я уверен, что мы сможем наладить ее производство здесь. Я убежден, что благодаря моде нам удастся побороть предубеждение, с которым относится к нам весь остальной мир. Увидев, что мы одеваемся не как варвары, они изменят к нам отношение.

Приближенные шейха снова стали перешептываться. Одежда? Мода? Пусть об этом заботятся западные люди, которые больше думают не о сути, а о наружности.

— А с другой стороны, мой отец заплатит слишком дорого. Я предпочитаю, чтобы он остался в своем доме. Буду работать с теми тканями, что есть у него, и сумею осуществить свою мечту, если всемилостивый Аллах даст соизволение. Потому что я, как и ты, повелитель, знаю, куда хочу прийти.

Придворные в изумлении наблюдали за дерзким юнцом, который осмелился перечить могущественному шейху и пошел наперекор воле отца. Однако властелин в ответ улыбнулся:

— А где учат этому ремеслу?

— Во Франции. В Италии. У больших мастеров. Впрочем, можно пройти курс и в университете, однако ничто не заменит практического опыта. Дело это очень трудное, но я овладею им, если будет на то воля Аллаха.

Шейх попросил его вернуться во дворец через несколько часов. Хамид прошел мимо порта, побывал на базаре, дивясь, как всегда, изобилию и разнообразию товаров. Сердце его сжалось при мысли о том, что все это в скором времени исчезнет, унося в небытие прошлое и традиции. Но возможно ли остановить прогресс? И разумно ли препятствовать развитию нации? Ему вспомнились бессонные ночи, когда он при свече рисовал эскизы костюмов, стараясь сохранить в них неповторимые черты бедуинских одеяний, спасти их от неуклонного наступления современной цивилизации со всеми ее башенными кранами и инвестиционными фондами.

В назначенный час он был во дворце. Еще более многочисленная свита окружала шейха.

— Я принял два решения, — сказал тот. — Первое: возьму на себя все расходы по твоему обучению, которое продлится год. У нас в избытке молодых людей, интересующихся финансами, но я впервые вижу парня, заявляющего, что желает стать модельером. Мне это кажется блажью, но я сам столько раз слышал, что вынашиваю сумасбродные, несбыточные планы... Тем не менее я пришел туда, где нахожусь сейчас. Так что не мне осуждать тех, кто решил последовать моему примеру.

Никто из моих советников никогда не имел дела с людьми, о которых ты упомянул. И потому я стану платить тебе небольшое содержание — с тем, чтобы тебе не пришлось побираться. Ты должен оказаться там победителем и помнить, что представляешь нашу страну — пусть за границей приучаются уважать нашу культуру. И перед тем как отправиться туда, тебе придется выучить тамошние языки. Какие именно?

— Английский, французский, итальянский... Я благодарю тебя за великодушие, но желание моего отца...

Шейх знаком приказал ему замолчать:

— Второе мое решение таково. Дом твоего отца останется на месте. Я представляю себе это так: дом будет окружен небоскребами, заслоняющими солнце, и в конце концов твой отец сам предпочтет покинуть свое жилище. Однако оно сохранится навсегда. В будущем люди вспомнят обо мне и скажут так: «Он был велик, ибо преобразовал свою страну. И он был справедлив, ибо уважил право простого торговца тканями».

Вертолет плавно опустился на пирс, и воспоминания отхлынули. Хамид Хусейн вылезает первым, подает руку Еве, помогая ей спуститься. С гордостью глядит на златовласую женщину во всем белом — блистающие вокруг нее солнечные лучи кажутся особенно ослепительными — свободной рукой держащую элегантно-простую шляпу светло-бежевого цвета. Они проходят по молу, по обе стороны которого стоят на якорях яхты, и направляются к автомобилю — водитель уже предупредительно распахнул дверцу.

Не отпуская руку женщины, Хамид шепчет ей на ухо:

— Надеюсь, обед тебе понравился. Нас принимали несколько крупных коллекционеров. И то, что они предоставили в распоряжение своих гостей вертолет, очень благородно с их стороны.

— Это было чудесно.

На самом же деле Ева хотела бы сказать: «Это было ужасно. А кроме того, мне страшно. Я получила эсэмэску и знаю, кто ее отправил, хоть номер и не определился».

Они садятся в автомобиль, рассчитанный, несмотря на свои огромные размеры, только на двух пассажиров. Кондиционер поддерживает идеальную температуру, из динамиков стереосистемы тихо льется музыка, наилучшим образом соответствующая моменту, ни единого звука не

проникает снаружи в это замкнутое пространство. Хамид усаживается в удобное кожаное кресло, протягивает руку к выдвижному бару, осведомляясь, не хочет ли Ева глоток ледяного шампанского. Нет, отвечает она, лучше минеральной воды.

— Вчера, когда шел на ужин, я видел в баре отеля твоего бывшего мужа.

— Быть этого не может! Ему нечего делать в Каннах, — ответила Ева, а про себя добавила: «Наверное, ты прав. Ведь я получила сообщение. Лучше всего нам первым же самолетом убраться отсюда».

— Я не мог обзвониться.

Хамид замечает, что жена не хочет продолжать разговор. Он привык уважать право человека общаться или не общаться, особенно если этот человек ему дорог. И заставляет себя думать о другом.

Извинившись, отвечает на телефонный звонок из Нью-Йорка, терпеливо слушает, что говорит агент, и мягко обрывает доклад о тенденциях рынка. Все это длится не более двух минут.

Затем следует еще разговор — с режиссером, которого выбрал для своего первого фильма. Режиссер едет на яхту, где должен будет встретиться со Звездой: да-да, девушку нашли, отобрали из многих претенденток и привезут к двум часам.

Он снова оборачивается к Еве, но та по-прежнему замкнута и отчуждена, взгляд ее блуждает в пространстве, не фокусируясь ни на чем из того, что проплывает за окнами лимузина. Быть может, ее заботит, что в отеле придется поторапливаться — переодеться и ехать на дефиле не слишком известной бельгийской модельерши. Он хочет своими глазами видеть ту африканскую манекенщицу по имени Жасмин, которая, по словам советников, будет идеальным лицом его новой коллекции.

И еще — убедиться в том, что она способна перенести бешеную круговерть каннских мероприятий. Если пойдет как задумано, она станет одной из главных звезд на Неделе высокой моды, в октябре открывающейся в Париже.

Невидящий взгляд Евы неотрывно устремлен в окошко. Она успела изучить сидящего рядом с нею элегантного господина и знает: несмотря на свои мягкие манеры, он ежесекундно готов к творчеству и к схватке. Знает и то, что желанна, как ни одна женщина не была еще желанна мужчине... Если не считать того, которого она бросила. Знает, что может доверять ему всецело, хотя он постоянно окружен самыми красивыми женщинами на свете. Знает, что он честен, трудолюбив, отважен и преодолел множество препятствий, прежде чем оказаться на сиденье «Maybach'a» и предложить своей спутнице бокал шампанского или высокий хрустальный стакан с ее излюбленной минералкой.

Он почти всемогущ и способен защитить ее, уберечь от любой опасности — за исключением одной, самой грозной.

Со стороны ее бывшего мужа.

Она не хочет сейчас вызывать подозрения и перечитывать сообщение, высветившееся на дисплее ее телефона — тем более что уже знает текст этой эсэмэски наизусть: «Ради тебя, Катюша, я уничтожил вселенную».

Она не понимает, о чем это. Но на всем свете только один человек может назвать ее этим именем.

Она заставляла себя любить Хамида, хотя и сейчас терпеть не может жизнь, которую приходится вести, вечеринки, на которых надо бывать, друзей, с которыми надо общаться. Трудно сказать, получилось ли это у нее, — порою она впадала в такой беспросветный мрак, что подумывала о самоубийстве. Но одно она знает точно — Хамид стал ее спасением, пришел на помощь в тот миг, когда она считала, что все погребено навсегда и что ей невозможно вырваться из капкана, которым обернулся ее брак.

Много лет назад она полюбила ангела. За плечами у него было трудное и невеселое детство, а потом — служба в Советской армии и бессмысленная война в Афганистане, с которой он вернулся в уже распадающуюся страну. Тем не менее он преодолел все. Работал как проклятый, рисковал жизнью, получая кредиты у людей столь же темных, сколь и опасных, а потом не спал ночами, ломая голову над тем, как отдавать, безропотно принимал коррупцию системы и

«подмазывал» чиновника всякий раз, когда надо было возобновлять лицензию. Он был идеалистом. Днем он был требовательным и жестким начальником, благодаря своей армейской школе научившимся субординации и дисциплине и умеющим добиваться от своих подчиненных послушания. А ночью, обняв Еву, искал у нее на груди защиты и помощи, просил помолиться о том, чтобы все прошло хорошо, чтобы он невредимым вышел из бесчисленных ловушек, ежедневно подстерегавших его.

И Ева обещала ему, что все будет хорошо, потому что он — хороший человек, а Господь неизменно воздает праведным.

И постепенно неурядицы стали сменяться удачами. Маленькое *дело*, деньги на которое он собрал буквально по крохам, вдруг начало расти и развиваться — он был одним из тех немногих, кто решился инвестировать в эту рискованную сферу и верил, что в ней можно добиться успеха, ибо система коммуникаций в стране безнадежно устарела. Сменилось правительство, и коррупция уменьшилась. Дело стало приносить прибыль; пошли деньги — сначала медленно и понемногу, потом — в огромных, невероятных количествах. Но даже и тогда они с Евой помнили, через какие трудности пришлось пройти, и не тратили зря ни копейки: щедро жертвовали, занимались благотворительностью, поддерживая ветеранские организации, совсем не шиковали и мечтали о том дне, когда смогут отойти от дел и поселиться в уединении, вдали от суеты. И когда это произойдет, они позабудут, как приходилось им жить рядом и иметь дело с людьми, лишенными всякого понятия о нравственности и достоинстве. А пока — работали по восемнадцать часов в день, проводили большую часть времени в аэропортах, самолетах и отелях, и за все эти годы ни разу не сумели выкроить хотя бы месяц совместного отпуска.

Но оба лелеяли одну и ту же мечту: придет день — и лихорадочный ритм, в котором они живут, станет далеким воспоминанием. И они, как боевыми наградами, будут гордиться рубцами и шрамами, полученными в борьбе за исполнение этих мечтаний, за верность своей идее. Ибо в конце концов человек — так считали они еще в ту пору — рождается на свет, чтобы любить и жить с тем, кого любит.

Дело с каждым часом шло веселей: они уже не вымаливали контракты — те появлялись будто сами собой. Влиятельный журнал опубликовал интервью с ее мужем, дав на обложку его фотографию, и вслед за тем посыпались приглашения на всякого рода презентации и торжества. Их принимали с подчеркнутой предупредительностью, как коронованных особ, а денег становилось все больше.

Надо было обживаться в новых обстоятельствах, и была куплена новая, комфортабельная квартира в центре Москвы. Прежние деловые партнеры — те самые, что под грабительские проценты когда-то ссужали их деньгами, — один за другим оказывались в тюрьме. За что — Ева не знала и не желала знать. И с какого-то момента Игорь обзавелся личной охраной: поначалу телохранителей, которые некогда вместе с ним воевали в Афганистане, было двое, но потом число их неуклонно увеличивалось по мере того, как маленькая компания превращалась в гигантскую мультинациональную корпорацию с астрономическим бюджетом и разветвленной системой филиалов и дочерних структур по всему миру.

Ева проводила время в поездках по магазинам или в чаепитиях с подругами, где разговоры велись всегда об одном и том же. А Игорю этого было мало.

Он всегда хотел большего. И в этом не было ничего удивительного: он и этого-то достиг исключительно благодаря своему честолюбию и упорной, неустанной работе. И когда Ева спрашивала его, не настал ли момент теперь, раз уж они так далеко шагнули за намеченные рубежи, остановиться и исполнить давнюю мечту жить только любовью друг к другу, он просил дать ему еще немного времени. Вот тогда она и начала пить. И однажды вечером, вернувшись домой после ужина с друзьями, Ева не совладала с собой и сорвалась. Сказала ему, что не в силах больше вести эту пустую жизнь и если немедленно что-нибудь не сделает, то попросту сойдет с ума. Игорь спросил:

— Ты недовольна тем, что у тебя есть?

— Я-то довольна. А ты — нет. И в этом все дело. Ты никогда не будешь удовлетворен. И боясь потерять то, что обрел, чувствуешь себя неуверенно. Ты не умеешь выйти из боя, одержав победу. И в конце концов ты самоуничтожишься. А еще раньше — уничтожишь наш брак и мою любовь.

Она уже не впервые говорила ему это. Они всегда старались быть честными друг с другом. Однако в этот раз Ева чувствовала, что дошла до предела. Ей невольно стало ездить за покупками, пить чай с подругами и смотреть телевизор, поджидая, когда Игорь вернется с работы.

— Не говори так. Не говори, что я уничтожаю нашу любовь. Потерпи немного: я обещаю, что все это очень скоро останется позади. Я понимаю, что превратил твою жизнь в сущий ад, — и быть может, настал час что-то сделать, что-то изменить.

Что ж, хорошо хоть, что он это понимает.

— Чем бы тебе хотелось заниматься? Пожалуй, это выход.

— Я всегда мечтала работать в индустрии моды.

И муж немедленно исполнил ее мечту. Уже на следующей неделе он вручил ей ключи от бутика, расположенного в одной из лучших торговых галерей Москвы. Ева ликовала — ее жизнь обрела новый смысл, а долгие дни и ночи, заполненные ожиданием неизвестно чего, остались в прошлом. Игорь вложил в ее дело столько, сколько было необходимо, чтобы она смогла добиться заслуженного успеха.

Банкеты и вечеринки, на которых она прежде всегда чувствовала себя посторонней, теперь заинтересовали ее: благодаря завязанным там знакомствам ее бутик уже через два года превратился в самое престижное и модное ателье *haute couture*. Хотя деньги у них с Игорем были общие и муж никогда не спрашивал, сколько она потратила, Ева сочла для себя делом чести вернуть ему «долг». Теперь она много ездила по свету одна, сама нанимала и увольняла своих сотрудников, сама вникала в тонкости бухгалтерии и вскоре — к собственному несказанному удивлению — превратилась в настоящую бизнес-леди.

Игорь научил ее всему. Игорь был для нее образцом и примером для подражания.

И вот когда все вроде бы наладилось, а в жизни ее появился смысл, Ангел Света, озаривший ей путь, начал подавать признаки неустойчивости.

Проведя уикенд в рыбацкой деревне на берегу Байкала, они сидели в одном из иркутских ресторанов. К этому времени компания располагала уже двумя собственными самолетами и вертолетом, поэтому супруги могли улетать на выходные куда угодно, а в понедельник возвращаться в Москву и все начинать сначала. Ни Игорь, ни Ева не сетовали, что стали проводить вместе мало времени, однако было очевидно, что долгие годы борьбы даром не прошли и дают о себе знать.

Тем не менее оба они знали: их любовь сильнее всего на свете и покуда они вместе, им ничто не грозит.

За ужином при свечах в ресторане вдруг появился оборванный и сильно пьяный нищий, который направился к ним и уселся за их столик, явно желая завести беседу и нарушая их бесценное уединение, в московской круговерти и суете случавшееся в последнее время все реже. Хозяин хотел было выбросить нищего вон, однако Игорь остановил его и сказал, что разберется сам. Бродяга схватил бутылку водки, выпил прямо из горлышка, а потом стал жаловаться на жизнь, на правительство, задавать вопросы: «Кто вы такие? Откуда у вас деньги, когда мы все кругом живем впроголодь?» Игорь молча слушал его в течение нескольких минут.

Затем взял бродягу за руку и вывел на свежий воздух (ресторан находился на маленькой не мощеной улочке). У входа его ожидали двое охранников. В окно Ева видела, как муж обменялся с ними несколькими словами, догадавшись, что он сказал: «Присмотрите за моей женой», — и вместе с нищим скрылся за углом. Спустя несколько минут он вернулся и сказал, улыбаясь:

— Больше он ни к кому не будет приставать.

По выражению его глаз Ева поняла, что его буквально переполняла радость, что он просто счастлив — причем сильнее, чем за те двое суток, что они провели вместе.

— Что ты с ним сделал?

Но Игорь заказал еще водки. Они пили до конца вечера — Игорь был весел и улыбался, а она пыталась понять, как он обошелся с бродягой: может быть, дал ему денег, чтобы тот смог выбиться из нищеты, — он ведь всегда проявлял щедрость к тем, кому не повезло.

Лишь когда они поднялись в свой номер, Игорь заметил как бы мимоходом:

— Я научился этому еще в юности, когда оказался на несправедливой войне и сражался за идеалы, в которые не верил. С нищетой можно покончить раз и навсегда.

Нет, Хамид наверняка обознался — Игорь не мог быть здесь. Да и виделись они лишь одна-

жды, когда Игорь раздобыл адрес их лондонской квартиры и пришел умолять Еву вернуться. Хамид не впустил его, пригрозив вызвать полицию. Целую неделю после этого она не выходила из дому под предлогом головной боли, она точно знала: Ангел Света превратился в Абсолютное Зло.

Она снова берется за свой телефон и перечитывает сообщения.

«Катюша». Только один человек на свете способен назвать ее так. Человек, который живет в ее прошлом и делает невыносимым ее настоящее, сколь бы защищенной, удаленной, живущей в мире, куда ему доступа нет, она ни чувствовала себя.

Тот самый человек, который по возвращении из Иркутска — он словно сбросил тогда невыносимое бремя — начал более свободно и откровенно рассказывать ей о том, какие тени заполняют его душу.

«Никто, никто решительно не смеет угрожать нашей близости. Мы потратили достаточно времени, чтобы создать более справедливое и более гуманное общество. И тот, кто не желает уважать нашу свободу, должен быть изгнан — причем так, чтобы и в голову больше не приходило вернуться».

Ева опасалась спрашивать, что означает это «так». Она всегда думала, что знает своего мужа, но в последнее время ей все чаще стало казаться, что в нем просыпается какой-то дремлющий вулкан, от которого во все стороны расходятся ударные волны. Она припоминала их ночные разговоры, когда он признавался ей: ради того чтобы выжить в Афганистане, ему приходилось убивать. И никогда не замечала она в нем ни раскаяния, ни вины: «Я выжил, и это самое главное. Моя жизнь могла оборваться и в солнечный полдень, и на рассвете, который мы встречали на заснеженных горных отрогах, и ночью, когда в палатке играли в карты, не сомневаясь, что контролируем ситуацию. И если бы я погиб, это ничего не изменило бы в мире: просто прибавилась еще одна единица в сводке потерь и еще один орден вручили моей семье.

Но Господь помог — я всегда успевал отреагировать вовремя. И мне, прошедшему через тяжелейшие испытания, какие только могут выпасть на долю человека, судьба вручила два самых важных дара — успех в делах и женщину, которую я люблю».

Но одно дело — отреагировать вовремя, и совсем другое — «изгнать навсегда» пьяного бродягу, помешавшего ужинать, хоть с этим легко справился бы и хозяин ресторана. Все произошедшее не выходило у нее из головы: она раньше обычного уходила в свой бутик, а возвращаясь, допоздна засиживалась за компьютером. Ей хотелось избежать вопроса. И в течение нескольких месяцев, заполненных обычными делами — поездками, ярмарками, фестивалями, ужинами, встречами, благотворительными акциями, удавалось держать себя в руках. И даже — убедить себя, что неправильно истолковала слова, сказанные тогда в Иркутске, и ругать себя за то, что судит так поверхностно.

С течением времени вопрос потерял было свое значение — но лишь до того дня, когда супруги попали в один из лучших ресторанов Милана на официальный ужин, переходящий в благотворительный аукцион. Игорь и Ева оказались здесь по своим делам: он должен был согласовать некоторые тонкости договора с итальянской фирмой, а она приехала на Неделю моды, намереваясь кое-что приобрести для своего московского бутика.

И случившееся в Сибири повторилось в одном из самых изысканных городов мира. На этот раз их друг, бывший уже сильно навеселе, подсел к ним без спросу и принялся сыпать сомнительными шуточками и анекдотами. Ева заметила, как рука Игоря сжалась в кулак, и с предельной мягкостью и деликатностью попросила приятеля уйти. К этому времени она уже выпила несколько бокалов *Asti Martini Spumante*, как итальянцы называют белое вино, которое ни вкусом, ни способом изготовления не отличается от шампанского, однако по европейскому закону не имеет права носить это имя, поскольку произведено не на виноградниках Шампани.

Пока они говорили о брендах и их законах, Ева пыталась отогнать от себя вопрос, который на какое-то время исчез из ее памяти, а сейчас возник вновь со всей силой. Говорили и пили, но вот настал миг, когда она больше не могла сдерживаться:

— Что уж такого плохого, если человек немного потерял представление о такте и стал навязчив?

— Мы редко бываем вместе, — совсем другим тоном ответил Игорь. — Я, разумеется, всегда думаю о мире, в котором мы живем, веруя больше в науку, чем в духовные ценности, питаю наши души тем, что навязывает общество, а сами тем временем мало-помалу умирая, потому что

сознаем, что происходит вокруг, понимаем, что нас заставляют делать то, чего мы делать не хотим, но все равно делаем, потому что не способны оставить все и посвятить наши дни и ночи истинному счастью — семье, природе, любви... А почему? Потому что обязаны завершить начатое, чтобы достичь столь желанной финансовой стабильности, которая позволит нам посвятить остаток дней друг другу. Потому что мы несем ответственность. Знаю, ты считаешь, что я слишком много работаю. Нет — ровно столько, сколько нужно для обеспечения нашего будущего. Уже очень скоро мы с тобой обретем свободу мечтать и исполнять наши мечты.

Уж чем-чем, а финансовой стабильностью супруги обладали. У них не было долгов, и они могли в любую минуту подняться из-за стола, оставить мир, столь ненавистный Игорю, и все начать заново, зная, что никогда не будут нуждаться в деньгах. Они уже много раз говорили об этом, но Игорь неизменно повторял одно и то же: «Еще немного». Всякий раз — «еще немного».

Впрочем, сейчас было не время обсуждать будущее.

— Господь подумал обо всем, — продолжал меж тем Игорь. — И мы — вместе, потому что такова была Его воля. Не знаю, добился бы я того, чего добился, не будь тебя... хоть и сам не всегда могу осознать, насколько ты важна для меня. Это Он свел нас и даровал мне толику Своей силы, чтобы защищать и оберегать тебя. Это Он внушил мне, что все на свете подчинено определенному замыслу, и я обязан беспрекословно повиноваться Ему, исполняя неукоснительно каждую заповедь. А будь иначе, я был бы убит под Кабулом или нищенствовал сейчас в Москве.

В эту минуту спуманте или шампанское — неважно, каким именем зовется этот напиток, — дало себя знать и показало, на что способно:

— А что произошло с тем бродягой в Иркутске? Игорь сначала даже не понял, о чем речь. И Еве пришлось напомнить ему эпизод в ресторане.

— Я хочу знать, что было потом.

— Я спас его.

Ева вздохнула с облегчением.

— Я спас его от гнусной и беспросветной жизни... От ледяной зимней стужи, от алкоголя, медленно разрушавшего его мозг и тело. Я сделал так, что его душа смогла воспарить в сторону света, потому что когда он вошел в ресторан, чтобы нарушить наше счастье, я понял — его духом владеет дьявол.

Сердце Евы замерло. Не надо было спрашивать: «Ты убил его?» — это было ясно и так.

— Без тебя я не существую. И если что-то или кто-то попытается разлучить нас или омрачить ту краткую минуту, которую нам дано провести вместе, получит по заслугам.

Должно быть, он хотел сказать: «Будет уничтожен». Неужели это происходило и раньше, а она просто не знала, не замечала? Она выпила еще, потом еще, а Игорь тем временем вновь заговорил — человек замкнутый, он пользовался каждой возможностью излить ей душу:

— Мы с тобой говорим на одном языке. Мы смотрим на мир одинаково. Мы дополняем друг друга с такой точностью и совершенством, какие даны лишь тем, кто ставит любовь превыше всего. Повторяю: без тебя я не существую.

Погляди на окружающий нас Суперкласс, который считает себя таким значительным и в сознании своей социальной ответственности тратит огромные деньги на благотворительных базарах, устраиваемых то для сбора средств в пользу руандийских беженцев, то ради сохранения китайских панд. Для них панды и голодающие значат одно и то же, и на этих сборищах люди чувствуют себя существами высшего порядка, ибо совершают какие-то полезные поступки. Бывали ли они в бою? Нет, — они только развязывают войны, но сами не сражаются на них. Если результат достигнут, вся слава достается им. Если нет — виноваты другие. Они любят себя...

— Милый, я хочу спросить тебя...

В эту минуту на эстраду поднялся ведущий, который поблагодарил присутствующих за то, что пришли. На собранные деньги будут приобретены медикаменты для лагерей беженцев в Африке.

— А знаешь ли ты, чего он *не* говорит? — спросил Игорь, словно не слыша ее вопрос. — Что лишь десять процентов этих пожертвований достигнут цели. Все прочее пойдет на оплату этого вечера — на аренду зала, оплату ужина, гонорар для тех, кого осенила эта блестящая идея, — и все по самым высшим ставкам. Они используют нищету для собственного обогащения.

— В таком случае зачем мы здесь?

— Нам полагается здесь быть. Это — часть моей работы. Последнее, что мне в жизни на-

до, — это спасти Руанду или посылать лекарства африканским беженцам, но я по крайней мере это сознаю. А остальные гости тратят свои деньги, чтобы очистить совесть и облегчить душу. Когда в Руанде вспыхнула гражданская война и начался геноцид, я набрал из своих друзей небольшой отряд, который спас более двух тысяч человек из противоборствовавших племен *тутси* и *хуту*. Ты знаешь об этом?

— Нет, ты никогда не рассказывал...

— Не считал нужным. Ты ведь знаешь, как мало заботят меня другие...

Тем временем начался благотворительный аукцион. Выставленную первым лотом дорожную сумку от Louis Vuitton купили за сумму, десятикратно превышавшую первоначальную цену. Игорь бесстрастно взирал на происходившее, а Ева выпила еще бокал, раздумывая над тем, стоит ли задавать мучающий ее вопрос.

Зазвучала музыка — это была песенка в исполнении Мэрилин Монро — и художник на глазах у публики начал писать на холсте. Ставки росли, в десять раз превысив первоначально заявленную сумму. На эти деньги можно было купить в Москве небольшую квартиру.

Потом выставили чашку. И снова — несуразно высокая цена.

...Она так много выпила в тот вечер, что Игорь должен был нести ее в отель на руках. Но прежде чем он опустил ее на кровать, Ева наконец решилась:

— А что будет, если я тебя брошу?

— В следующий раз пей поменьше.

— Нет, а все же?

— Этого не может быть. У нас с тобой — идеальный брак. В голове у нее просветлело, однако она понимала, что пьяному море по колено, и продолжала притворяться:

— Ну, а все же? Если это произойдет?

— Я заставлю тебя вернуться. Ты ведь знаешь — я умею добиваться своего. Или чужого... Пусть даже придется уничтожить для этого целые миры.

— А если я заведу роман с другим?

В его глазах она не увидела злости или гнева.

— Переспи хоть со всеми мужчинами на планете — моя любовь так сильна, что сумеет превозмочь и это.

С того дня их союз, казавшийся божьей благодатью, стал неуклонно превращаться в кошмар. Она оказалась замужем за маньяком, убийцей. Что это за история о том, как он финансировал отряды наемников, чтобы загасить межплеменную вражду? Скольких людей он убил, чтобы они не нарушали их супружеский покой? Разумеется, все можно объяснить — война, душевные травмы, тяжелейшие испытания, через которые ему пришлось пройти... Но разве ему одному? Отчего же другим не пришлось в голову стать вершителями Божественного Правосудия, исполнителями Верховного Замысла?

— Я не ревную, — неизменно говорил ей Игорь, когда собирался куда-нибудь уехать. — Потому что ты знаешь, как я тебя люблю, а я знаю, как ты любишь меня. И не может произойти ничего, что разрушило бы нашу с тобой жизнь.

...Теперь она была более чем уверена: это — не любовь. Это наваждение, с которым она не смогла совладать и потому обречена до конца своих дней пребывать в постоянном ужасе.

Если не попробует освободиться при первом же удобном случае.

А случаи такие предоставлялись. И самым упорным, самым настойчивым оказался мужчина, о прочных отношениях с которым она и помыслить не могла. *Кутюрье*, чья звезда с каждым днем разгоралась все ярче, а слава гремела все громче. Тот, кто получал от своей страны огромные деньги для достижения высокой цели — чтобы весь остальной мир познакомился с незыблемыми ценностями «туземных племен», и перестал испытывать страх по отношению к ним. Кто поверг к своим ногам мир моды.

При каждой их встрече, где бы, в каком бы городе мира это ни случалась, он способен был пропустить важные переговоры, отменить ужин — для того лишь, чтобы оказаться с нею наедине, в номере отеля, чтобы просто побыть рядом, даже не занимаясь любовью. Они смотрели телевизор, ужинали, она пила (он, что называется, капли в рот не брал), гуляли в парках, заходили в книжные магазины, заговаривали с незнакомыми людьми. Они не мечтали о будущем, почти не вспоминали прошлое: все было сосредоточено на настоящем.

Ева противилась столько, сколько могла, тем более что никогда не пылала к этому человеку страстью. Но когда он предложил ей все бросить и переехать с ним в Лондон, внезапно согласилась. Это был единственно возможный выход из ее персонального ада.

Пискнул телефон, принимая очередное сообщение. Да не может этого быть — они ведь не общались уже несколько лет!

«Ради тебя я уничтожил еще одну вселенную, Катюша».

— От кого это?

— Понятия не имею. Номер не определен, — ответила она, а про себя промолвила: «Какой ужас!»

— Приехали. Помни, у нас мало времени.

Лимузину приходится совершать замысловатые маневры, чтобы подъехать ко входу в отель «Martinez». По обе стороны, за установленными полицией металлическими барьерами, целый день толпятся люди всех возрастов в надежде вблизи увидеть кого-нибудь из знаменитостей. Они делают снимки цифровыми фотоаппаратами, через интернет посылают рассказы о своих впечатлениях «друзьям» и членам сообществ, к которым принадлежат. Самое долгое ожидание будет оправдано, если настанет единственный в своем роде миг торжества — они сумеют увидеть актера, актрису, телеведущего!

И хотя киноиндустрия существует благодаря именно этим людям, их не подпускают близко: охранники, размещенные на стратегических высотах, требуют доказать, что ты проживаешь в отеле или что у тебя назначена здесь встреча. То есть, если не вытащишь из кармана магнитную карточку, заменяющую ключ от номера, тебя при всем честном народе вышвырнут вон. Если же у тебя здесь назначена деловая встреча или ты приглашен в здешний бар, назовись и жди на глазах у всех, пока охранники по рации запросят ресепшн, правду ли ты говоришь. Идет проверка, время тянется бесконечно, но вот наконец подтверждение получено — и тебя, после публичного унижения, допускают в святая святых.

Разумеется, все это не касается тех, кто подкатывает на лимузине.

Обе дверцы белого «Maybach'a» распахнуты: одна — водителем, другая — швейцаром. Объективы фотоаппаратов и видеокamer направлены на Еву, и хотя никто ее не знает, каждому понятно: дама, подъехавшая в такой машине, дама, живущая в этом отеле, — птица высокого полета. Может быть, любовница вот этого седоватого господина, идущего следом за ней, и тогда, если речь идет о внебрачных связях, есть шанс пристроить эти снимки в какой-нибудь таблоид, кормящийся на скандалах. А может быть, эта белокурая красавица — иностранная знаменитость, доселе неизвестная во Франции. Глядишь, ее фото скоро появятся в желтом журнальчике, и тогда зеваки испытают законную гордость оттого, что находились в четырех-пяти шагах от нее.

Хамид Хусейн смотрит на плотную, хотя и не очень многочисленную толпу, жмущуюся к металлическим барьерам. Он все никак не постигнет причин такого ажиотажа, ибо у него в стране подобного не происходит. Однажды он даже осведомился у своего приятеля о том, кто все эти люди.

— Не думай, что здесь одни фанаты, — отвечал тот. — От сотворения мира человек привык считать, что близость к чему-то неприкосновенному и таинственному осеняет благодатью. Оттого люди ходят на поклонение святым местам и отыскивают гуру.

— Это в Каннах-то?

— Да хоть бы и в Каннах. Везде и всюду появление недосыгаемой знаменитости воспринимается как манна небесная, как дар богов. Особенно если она кивнет или помашет рукой...

Рок-фестивали на огромных площадках напоминают религиозное действо, собирающее многие тысячи верующих. Люди толпятся у входа в театр, чтобы увидеть, как пройдут мимо представители Суперкласса. Гигантские толпы заполняют стадионы, следя за тем, как два десятка молодых гоняют мячик. А чем отличаются от икон и образов портреты звезд, висящие и в комнатах подростков, и в квартирах почтенных домохозяек, и даже в кабинетах топ-менеджеров, которые при всем своем могуществе завидуют им?

Есть лишь одно различие: в роли верховного судьи выступает публика: сегодня она захочется от восторга, а завтра с жадностью выискивает скандальные подробности из жизни своего кумира. И говорит: «Бедняга. Хорошо все-таки, что я — не он». Сегодня звезду боготворят, завтра

побивают камнями и распинают на кресте, причем не испытывая ни малейшего чувства вины или сострадания.

1:37 PM

В отличие от других девушек, которые утром явились на работу, а теперь, уже причесанные и покрашенные, убивают время, пять часов — до выхода на подиум — с помощью телефонов и плееров, глаза Жасмин устремлены в книгу. В книгу стихов:

*Опушка — и развилка двух дорог.
Я выбирал с великой неохотой,
Но выбрать сразу две никак не мог
И просеку, которой пренебрег,
Глазами пробежал до поворота.
Вторая — та, которую избрал, —
Нетоптаной травой привлекала:
Примять ее — цель выше всех похвал,
Хоть тех, кто здесь когда-то путь пытал,
Она сама изрядно потоптала.
И обе выстилали шаг листвою
И выбор, всю печаль его, смягчали.
Неизбранная, час пробьет и твой!
Но, помня, как извилист путь любой,
Я на развилку, знал, вернусь едва ли.
И если станет жить не вмоготу,
Я вспомню давний выбор поневоле:
Развилка двух дорог — я выбрал ту,
Где путников обходишь за версту.
Все остальное не играет роли.⁵*

Да, она тоже выбрала нехоженую тропу. И дорого заплатила за это, но дело того стоило. Все происходит вовремя. Любовь появилась в тот миг, когда она больше всего нуждалась в ней — появилась и осталась. И Жасмин работает ради нее, с нею и ею.

Правильней всего будет сказать: во имя ее.

Ее настоящее имя — Кристина. В своем CV она упоминает, что ее нашла Анна Дитер, когда ездила в Кению, но иных подробностей намеренно не указывает, оставляя простор для домыслов — трудное детство, голод, гражданские войны... А на самом деле эта чернокожая девушка родилась в благополучном бельгийском Антверпене, хотя ее родители и в самом деле бежали в Европу от нескончаемой вражды между племенами хуту и тутси.

Когда ей было шестнадцать лет и она вместе с матерью шла по улице, возвращаясь с очередной уборки, к ним подошел какой-то человек, извинился, представился фотографом и сказал:

— Ваша дочь необыкновенно хороша собой. Вы не согласились бы, чтобы она работала со мной в качестве модели?

— Видите эту тяжеленную сумку? В ней — моющие средства: я работаю день и ночь, чтобы она могла учиться в хорошей школе и впоследствии получила диплом. Ей всего шестнадцать.

— Самый подходящий возраст, — ответил фотограф, протягивая свою визитную карточку. — Если надумаете принять мое предложение, позвоните.

Они пошли дальше, но мать заметила, что Кристина бережно спрятала визитку.

— Не обольщайся, дочка. Таким, как мы, в этот мир хода нет. А он всего лишь хочет переспать с тобой.

Этого можно было и не говорить: хотя все девочки-одноклассницы завидовали ей, а мальчики наперебой приглашали на разные вечеринки, Кристина твердо помнила, кто она и откуда, а также знала, что выше головы не прыгнешь.

---

⁵ Стихотворение Р. Фроста «Неизбранная дорога». Перевод В. Топорова.

И это знание не поколебалось даже после того, как последовало второе приглашение. В кафе какая-то немолодая женщина восхитилась ее красотой и сказала, что снимает для модных журналов. Кристина поблагодарила, взяла визитку, пообещала позвонить, хотя совершенно не собиралась этого делать — при том, что все девочки ее возраста мечтают стать фотомоделями.

Бог троицу любит, и вот три месяца спустя, когда она рассматривала витрину очень дорогого магазина готового платья, какой-то человек вышел из дверей и направился к ней:

— Чем ты занимаешься, девочка?

— Лучше спросите, чем я буду заниматься. Получу диплом ветеринара.

— И совершенно напрасно. Это — не твое дело. Иди лучше работать к нам.

— Мне некогда стоять за прилавком. Когда есть свободное время, я помогаю матери убирать квартиры.

— Я не предлагаю тебе идти в продавщицы. Надо сделать несколько фотосессий с нашими коллекциями.

Все эти встречи так и остались бы отрадными воспоминаниями о прошлом, которые когда-нибудь, когда она выйдет замуж, нарожает детей, состоится в профессии и в любви, приятно будет перебрать в памяти. Если бы не то, что случилось несколько дней спустя.

Вместе с несколькими друзьями она проводила время в клубе, танцевала и наслаждалась безотчетной радостью бытия, как вдруг в помещение ворвалось человек десять парней. В руках у них были дубины, усаженные бритвенными лезвиями. Началась паника, поднялся общий крик. Кристина не знала что делать, но, повинуясь инстинкту, замерла на месте.

Тут она увидела, как один из нападавших подскочил к юноше из их компании, ухватил его за волосы, закинув голову, и выхваченным из кармана ножом перерезал ему горло. После этого парни исчезли так же внезапно, как появились. Посетители клуба находились в полнейшем смятении — одни застыли как в столбняке, другие плакали, опустившись на пол, третьи метались по залу. Несколько человек склонились над жертвой, пытаясь оказать ей помощь, хоть и знали, что уже слишком поздно. Прочие — и среди них Кристина — молча и неподвижно смотрели на истекающего кровью юношу. Кристина знала и убитого, и убийцу, и мотив преступления (случившаяся незадолго до их похода в клуб ссора в баре), но все равно — ей казалось, что все это снится, что еще немного — и она проснется, вся в холодном поту, но со счастливым сознанием того, что даже самый тяжкий кошмар рано или поздно кончается.

Но это был не сон.

Уже через минуту она, будто вернувшись на землю, очнулась, закричала: «Сделайте же что-нибудь!», а затем: «Не трогайте его, не прикасайтесь к нему!», а потом что-то совсем непонятное, и от этих криков в клубе началось настоящее безумие. Вскоре в клуб с оружием в руках ворвалась полиция, появились парамедики, всех выстроили у стены, стали проверять документы, записывать адреса и номера телефонов, снимать показания. Кто это сделал? Из-за чего? Кристина не могла выговорить ни слова. Труп положили на носилки и убрали. Фельдшер заставил ее принять таблетку, объяснил, что пешком ей возвращаться домой нельзя и следует взять такси или сесть в автобус.

Назавтра, рано утром, раздался телефонный звонок. Трубку сняла мать, решившая не оставлять Кристину, которая едва сознавала, где она и что с ней, одну. Звонили из полиции с требованием явиться к такому-то часу и в такой-то кабинет. Мать сказала, что это невозможно. Ей пригрозили. Пришлось подчиниться.

В назначенное время она была у инспектора, и тот спросил, знала ли она убийцу.

В голове Кристины звучали напутственные слова матери: «Ничего не говори. Мы иммигранты, а они — бельгийцы, мы — черные, а они белые... Даже если их посадят, они скоро выйдут и отомстят».

— Не знаю, кто это был. Никогда прежде его не видела.

Она понимала, что, произнося эти слова, навсегда теряет свою любовь к жизни.

— Знаете, знаете, — ответил следователь. — Не бойтесь, ничего с вами не случится. Мы уже взяли почти всю шайку. Нам нужны свидетели для суда.

— Говорю же вам — никого я не знаю... И была в другом конце зала, так что не могла видеть, кто это сделал.

Полицейский с сомнением покачал головой:

— Вам придется повторить свои показания в суде. И учтите — за ложь под присягой можно угодить в тюрьму почти на такой же срок, как за убийство.

Спустя несколько месяцев Кристину вызвали в суд, где она увидела тех парней в окружении адвокатов — все происходящее их словно бы забавляло. Одна из девушек, присутствовавших тогда в клубе, указала на убийцу. Когда же настал черед Кристины и прокурор попросил ее опознать человека, зарезавшего ее друга, она ответила:

— Я не видела, кто это сделал.

Она была чернокожей из семьи иммигрантов. Она училась, получая государственную стипендию. И сейчас ей хотелось только одного — вернуть себе прежнюю радость жизни, уверовать в то, что у нее есть будущее. Несколько недель кряду она провела взаперти, уставившись взглядом в потолок своей комнаты, не желая выходить из дому и что-либо делать. Нет, тот мир, в котором она жила до сих пор, больше ей не принадлежал: в шестнадцать лет она самым скверным из всех возможных способом убедилась, что совершенно не способна бороться за собственную безопасность. А потому надо бежать из Антверпена, поехать по свету, восстановить силы и воскресить умение быть счастливой.

А тех парней отпустили «за недостаточностью улик»: чтобы доказать их вину и добиться справедливого возмездия для преступников, требовалось двое свидетелей. И тогда, выйдя из зала суда, Кристина позвонила по тем телефонам, что значились на оставленных ей визитках, чтобы договориться о встрече. А потом прямо направилась в бутик, где ей предложили работать.

Но ничего не добились: ей сказали, что хозяин владеет сетью таких заведений по всей Европе, что он очень занят, а давать номер его телефона служащие не уполномочены.

Фотографы, однако, оказались людьми памятьливыми и сразу же назначили ей встречу.

Кристина вернулась домой и рассказала матери о своем решении. Не пыталась убедить ее, не просила позволения, а просто сказала, что хочет навсегда покинуть Антверпен.

Сделать это можно было единственным способом — согласившись стать моделью.

Жасмин снова оглядывается вокруг. До начала дефиле еще три часа, и модели едят салат, пьют чай, строят планы на вечер. Они приехали из разных стран, им всем примерно столько же лет, сколько ей, и заботят их, похоже, только две проблемы — подписать сегодня новый контракт или подцепить богатого мужа.

Жасмин знает, из чего складывается их день. Перед сном — очищающие и увлажняющие кремы, хотя кожа привыкает к постоянному внешнему воздействию и без него отказывается держаться в тонусе. Утром — массаж и снова кремы. Затем — чашка черного кофе без сахара и фрукты, богатые клетчаткой, чтобы еда, поглощаемая в течение дня, быстрее усваивалась. Затем нечто вроде гимнастики — упражнения на растяжку мышц, — которой не следует злоупотреблять, иначе фигура потеряет женственность очертаний. Три или четыре раза в день надо взвеситься: многие берут весы с собой, потому что жить иногда приходится не в отелях, а на съемных квартирах. И каждый лишний грамм повергает девушек в глубокую печаль и тоску.

Если есть такая возможность, их сопровождают матери, поскольку большинство не старше семнадцати-восемнадцати лет. Почти каждая из них влюблена, но они никогда не признаются в любви, хотя бы потому, что это чувство делает их поездки нескончаемо долгими, невыносимо тяжкими, а в возлюбленных порождает странное ощущение, будто они теряют любимое существо. Да, они думают о деньгах и в среднем зарабатывают по 400 евро в день — завидный заработок для тех, кто по возрасту только что получил право водить машину. Однако это далеко не предел мечтаний, ибо все они, отчетливо сознавая, что их вскоре вытеснят и превзойдут новые лица, когда появятся новые тенденции, стремятся как можно скорее показать, что умеют не только ходить по подиуму. И постоянно требуют у своих агентов, чтобы им устроили пробы, открывающие путь в актрисы, а значит к осуществлению великой мечты.

Агентства, само собой разумеется, отвечают, что сделают это, но только придется немного подождать — девушки еще в самом начале своей карьеры. А на самом деле у агентов нет никаких связей за пределами мира моды, они получают хороший процент и ведут жесткую борьбу с конкурентами — рынок этот не столь уж обширен. Так что лучше выжать все возможное сейчас, пока модель не пересекла критическую отметку двадцатилетия, пока переизбыток кремов не испортил окончательно кожу, тело не увяло от низкокалорийной пищи, а ум не затуманился отбивающими аппетит медикаментами, от которых и голова, и взгляд становятся пустыми.

Вопреки весьма распространенной легенде, модели платят за себя сами — и за отель, и за перелет, и за неизменные салатики. Ассистенты стилистов вызывают их на так называемый *кастинг*, то есть отбор тех, кто взойдет на подиум или получит фотосессию. В этот момент девушки оказываются перед людьми, которые неизменно не в духе и используют свою небольшую власть, чтобы сорвать на ком-нибудь досаду за ежедневные неурядицы и разочарования. Поэтому ласкового или ободряющего слова от них не жди, а чаще всего слышишь: «Ужасно!» И модели выходят с одних проб, идут на другие, хватаются за свои телефончики, как утопающий за соломинку, вслушиваются в них, как в божественное откровение, держатся, как за ариаднину нить, способную привести в Высший Мир, вознести над тысячами других хорошеньких лиц и сделать звездой.

Поскольку девочки уже зарабатывают немалые деньги и помогают семье, родители гордятся таким удачным началом и раскаиваются, что в свое время возражали. А возлюбленные терзаются ревностью, но стараются сдерживаться, потому что подружка из мира моды сильно льстит самолюбию. Агенты, работающие одновременно с десятками других девушек того же возраста и с теми же фантазиями, давно научились давать правильные ответы на их постоянные вопросы: «Нельзя ли принять участие в Неделе высокой моды в Париже?» или: «Как ты считаешь, с моей харизмой не пора ли уже сниматься в кино?» Подруги отчаянно завидуют — тайно или открыто.

Они посещают все вечеринки, на которые получают приглашения. Они держатся неприступно и напускают на себя важность, а сами в глубине Души знают, что бывают только рады, когда кому-нибудь удастся преодолеть этот воздвигнутый вокруг них ледяной барьер. Во взглядах, которые они обращают на мужчин постарше, — смесь влечения и отвращения: они знают, что в кармане у тех лежит ключ от заветных ворот, но вместе с тем не хотят, чтобы их рассматривали как проституток высшего разбора. В руках у них — неизменный бокал шампанского, но это — лишь часть *имиджа*, ибо они накрепко затвердили, что алкоголь содержит много калорий, а потому их любимый напиток — минеральная вода без газа, ибо газ хоть и не способствует прибавлению веса, скверно действует на слизистую желудка. У них есть мысли, есть мечты, есть достоинство, но все это исчезнет в один прекрасный день, когда нельзя будет больше скрывать следы целлюлита.

Они заключают сами с собой тайный пакт — никогда не думать о будущем. Львиную долю своего заработка тратят на косметические средства, обещающие вечную молодость. Обожают хорошую обувь и время от времени позволяют себе купить пару самых дорогих туфель. Через друзей они приобретают одежду за полцены. Они живут в маленьких квартирках с папой, мамой, братом-студентом или сестрой, выбравшей карьеру библиотекаря или научного работника. Все уверены, что они купаются в роскоши, тогда как им постоянно приходится занимать деньги. А занимают они деньги, чтобы казаться важными, богатыми, щедрыми и стоящими неизмеримо выше простых смертных. Их текущий счет постоянно на нуле, а лимит кредитной карты исчерпан.

Они хранят сотни визиток, они встречают элегантных мужчин, предлагающих работу, и хоть и не верят в истинность этих предложений, все же время от времени звонят, чтобы поддержать знакомство, ибо знают, что когда-нибудь им понадобится помощь, как знают и то, что за помощь эту придется платить. Все до одной рано или поздно попадали в эту ловушку. Все до одной мечтали о легком успехе и вскоре убеждались, что его не существует в природе. Все до одной успели к своим семнадцати годам пережить бесчисленное множество разочарований, измен, унижений, но тем не менее не утратили веру.

Они плохо спят из-за таблеток. Они слушают жуткие истории про анорексию — болезнь весьма распространенную в их среде: нечто вроде невроза, вызванного навязчивыми мыслями об избыточном весе и недовольством собственной внешностью, — которая неизменно кончается тем, что организм постепенно вообще перестает принимать пищу. Все они уверены, что уж с ними такого не случится. Но никогда не замечают появления первых симптомов.

Прямоком из детства, минуя отрочество и юность, они попадают в мир роскоши и гламура. Когда их спрашивают о планах на будущее, у них всегда готов ответ: «Поступить на философский факультет. Я здесь, чтобы скопить денег на обучение».

Они знают, что это неправда. Вернее, знают, что фраза эта звучит странно, но почему — понять не могут. Они в самом деле хотят получить диплом? Эти деньги действительно нужны им для того, чтобы платить за учебу? Они ведь, если уж на то пошло, не могут позволить себе роскошь ходить в школу — утром обязательно будет кастинг, а днем — фотосессия, а вечером — коктейль-party, а потом — вечеринка, на которой им во что бы то ни стало надо присутствовать,

чтобы их видели, ими восхищались, их вождели.

Со стороны их жизнь напоминает волшебную сказку. На краткий срок они и сами могут уверовать, что в этом и заключается смысл жизни: ведь им дано почти все то, что есть у вызывающих зависть девушек, мелькающих в глянцевах журналах и рекламных роликах. Если взять себя в руки, можно даже скопить денег. И так продолжается до тех пор, пока ежедневный тщательный осмотр не выявит первых следов, оставленных временем. С этой минуты они знают — отныне можно уповать только на удачу и молиться, чтобы следов этих не заметили ни фотограф, ни стилист.

И вместо того чтобы вновь взяться за чтение, Жасмин поднимается, наливает себе бокал шампанского (это разрешено, но не очень принято), берет хот-дог и подходит к окну. Молча стоит, глядя на море. С нею все будет совсем не так.

1:46 PM

Он просыпается в испарине. Взглянув на часы в изголовье, понимает, что проспал только сорок минут. Он измучен и напуган. Он, всегда считавший, что не способен причинить кому бы то ни было страдание или вред, сегодня утром отправил на тот свет двоих ни в чем не повинных людей. Да, ему уже приходилось уничтожать заключенную в человеке вселенную, но для этого всегда были основания.

Ему приснилось, что девушка, торговавшая на набережной, пришла к нему и вместо того, чтобы осудить, — благословляет. Он плачет у нее на груди, просит простить, а она, не обращая внимания на его слова, гладит по голове, утешает. Оливия — великодушная и прощение... И теперь он спрашивает себя, заслуживает ли его любовь к Еве этой жертвы?

И предпочитает думать, что да. Если девушка попала к нему, если дело выгорело легче, нежели он предполагал, стало быть, для всего произошедшего есть какая-то причина.

Усыпить бдительность «друзей» Джавица оказалось нетрудно. Он знал этот тип людей: они натренированы и обучены реагировать стремительно и точно, а помимо того — фиксировать любое подозрительное движение, интуитивно угадывать опасность. Они, без сомнения, поняли, что он вооружен, и долго держали его под наблюдением. Потом решили, что он не представляет опасности, и расслабились. Не исключено даже, что приняли его за своего брата-охранника, высланного вперед проверить обстановку, убедиться, что хозяину ничто не угрожает.

Хозяина у него не было. А угрозу представлял он сам. Войдя в павильон и определив свою следующую жертву, он уже не мог отыграть назад — иначе перестал бы уважать себя. Он заметил, что дорожка, ведущая к этому павильону под парусиновым навесом, охраняется, но ведь ничего не стоит пройти через пляж. И побыв десять минут, он вышел, надеясь, что «друзья» Джавица заметят это. Развернувшись, сошел по спуску, предназначенному только для постояльцев отеля «Martinez» — пришлось показать магнитную карту, заменяющую ключ от номера, — и вновь двинулся туда, где происходило «действие». Идти по песку в башмаках было трудно, и Игорь вдруг заметил, как он устал — и от перелета, и от боязливого ощущения, что задумал нечто невозможное, и от напряжения, так и не покинувшего его после того, как он уничтожил мироздание бедной девушки, торговавшей кустарными сувенирами, а вместе с ней — многие и многие будущие поколения. Однако отступать было поздно.

Прежде чем снова появиться под навесом, он достал из кармана бережно сохраненную трубочку, торчавшую из стакана с соком. Открыл маленький стеклянный пузырек, который показывал Оливии, только, вопреки его словам, содержал он не бензин, а совершеннейшую ерунду — иголку и кусочек пробки. В нем он проделал отверстие по диаметру соломинки.

Потом вновь появился на празднестве, в павильоне, уже переполненном гостями, которые, обмениваясь приветственными возгласами, поцелуями и объятиями, бродили там с коктейлями всех цветов радуги — это и руки занимает, и помогает скрасить ожидание той минуты, когда начнется угощение и можно будет наконец поесть — весьма умеренно, впрочем, потому что следует соблюдать диету (особенно после пластических операций), а кроме того — предстоит еще ужин, где, если даже совершенно не хочется, придется есть, ибо так предписывают правила хорошего тона.

Большую часть приглашенных составляли люди среднего возраста. И означало это, что сюда созвали профессионалов. Возраст их играл Игорю на руку, поскольку все они уже были вынуж-

дены пользоваться очками. Здесь никто их, разумеется, не надевал, пугаясь того, как ужасно звучат эти слова — «старческая дальнозоркость». Здесь все обязаны одеваться и выглядеть как подobaет людям в расцвете лет, чей дух «вечно молод», а бодрость — завидна. И притворяться, что чего-то не заметили оттого лишь, что не обратили внимания, тогда как на самом деле — попросту не разглядели.

И только двое гостей видят все и вся — «друзья» Джавица. Но на этот раз наблюдают за ними.

Игорь поместил иголку в трубочку и сделал вид, что снова потягивает через нее сок.

Стайка хорошеньких девушек у стола притворялась, что очень внимательно слушает экстравагантные истории уроженца Ямайки, хотя на самом деле каждая из них раздумывала, как бы повловчее отбить его у соперниц и затащить в постель — ибо молва приписывает обитателям этого острова необыкновенную сексуальность.

Игорь приближается, вынимает трубочку и через нее выдувает иголку в сторону своей жертвы. И увидев, как Джавиц Уайлд схватился за пораженное место, отходит, чтобы вернуться в отель, подняться в свой номер и попытаться заснуть.

Яд кураре, которым индейцы Южной Америки смазывали перед охотой наконечники своих копий и дротиков, и сейчас применяется в европейских клиниках, чтобы, для облегчения работы хирурга, отключить — под контролем аппаратуры, разумеется, — те или иные группы мышц. От дозы, которая содержалась на кончике иглы, выпущенной из трубочки, птица замертво падает с неба через две минуты, поросенок агонизирует четверть часа, а крупное млекопитающее — такое, как человек, — гибнет через двадцать минут.

Яд парализует окончания двигательных нервов всей поперечно-полосатой мускулатуры, а следовательно и той, что участвует в дыхании, и это приводит к удушью. Самое любопытное — или, если угодно, самое скверное — что жертва, оставаясь в полном сознании, не может ни позвать на помощь, ни остановить медленный процесс своего умирания.

Если индейцам в сельве случится поранить палец об отравленное копьё или стрелу, они знают, что пострадавшему надо сделать искусственное дыхание «рот в рот» и дать противоядие, изготовленное из целебных трав: его постоянно носят с собой, ибо такие случаи нередки. А в городе, сколь бы энергичные меры по реанимации ни принимали парамедики, абсолютно никакого эффекта они не добьются, ибо считают, что имеют дело с сердечным приступом.

Игорь шел в отель не оборачиваясь. Он знал, что сейчас один из «друзей» ищет злоумышленника, а другой вызывает «скорую», но та, хоть и прибудет без задержки, все равно ничем не поможет, потому что не поймет, что произошло. Люди в зеленых жилетах обступят пациента, выгрузят из машины дефибриллятор — аппарат, который разрядом тока может «запустить» остановившееся сердце — и портативный электрокардиограф. Но при поражении ядом кураре сердечная мышца страдает в самую последнюю очередь, и сердце продолжает биться даже после того, как происходит смерть мозга.

Они не заметят на ленте никаких признаков патологии, они сделают внутривенное вливание, сочтя, что человеку стало плохо от жары или что он чем-то отравился, и произведут все требующиеся по науке манипуляции и, может быть, даже наложат кислородную маску. А к этому времени двадцать минут уже истекут.

Игорь желает Джавицу, чтобы ему не успели помочь — в противном случае он до конца дней, подключенный к системам жизнеобеспечения, останется на больничной койке в статусе «овоща».

Да, он предусмотрел все. Прилетел во Францию на личном самолете, чтобы можно было провезти с собой пистолет и отравляющие вещества, раздобытые благодаря связям с чеченским криминалитетом, действующим в Москве. Рассчитал по секундам и тщательно отработал, как перед важными деловыми переговорами, каждый свой шаг, каждое движение. Список намеченных жертв он держал в голове: лишь одну из них он знал лично — все прочие должны быть людьми разного возраста, разной национальности, разных социальных сословий. Он месяцами изучал дела серийных убийц, запуская компьютерную программу, пользующуюся большей популярностью среди террористов, потому что не оставляет следов розысканий и исследований. Он принял все необходимые меры к тому, чтобы потом, когда миссия будет выполнена, можно было уйти неза-

меченным.

Он обливается потом. Нет, дело тут не в раскаянии — Ева, наверно, заслуживает приносимых ради нее жертв, — а в бессмысленности всей его затеи. Да, совершенно очевидно, что женщина, которую он любит больше всего на свете, должна знать, что он способен на все — даже на уничтожение миров, но все же стоит ли? Быть может, наступает миг, когда следует принять свой удел, не становиться против течения событий, и люди тогда сами войдут в чувство и разум?

Он устал. Он не в силах больше рассуждать здраво, — и как знать, быть может, мученичество лучше убийства? Быть может, лучше сдаться, предаться воле судьбы и тем самым принести любви самую большую жертву — собственную жизнь? Не так ли поступил Иисус по отношению к миру, не было ли это самым наглядным уроком людям, которые, увидев Его побежденным и распятым на кресте, подумали, что на этом все и кончится? И расходились тогда, ликуя от одержанной победы, гордясь ею и не сомневаясь, что с этой проблемой они покончили навсегда.

Он сбит с толку. Он собирался уничтожать миры, а не предлагать свою свободу в обмен за любовь. Девушка с густыми бровями похожа на Пречистую Деву, на Богоматерь Скорбящую.

Он идет в ванную, подставляет голову под струю ледяной воды. Должно быть, это все — от недосыпа, нового места, разницы во времени или оттого, что он все-таки сделал такое, на что считал себя не способным. Он вспоминает обет, который дал перед мощами святой Магдалины. И все же — правильно ли он поступает? Ему нужен знак.

Самопожертвование. Да, он уже и раньше думал об этом, но лишь теперь, обогатившись опытом двух уничтоженных сегодня утром мирозданий, стал ясно сознавать, что же происходит на самом деле. Предаться всецело, полностью. Вверить свою плоть рукам палачей — а те судят только по деяниям, забывая о намерениях и причинах, побуждающих к совершению любого поступка, которое в обществе считается предосудительным. Иисус (а он понимал, что любовь заслуживает чего угодно) получит его дух, и Еве останется его душа. Она поймет, что он оказался способен принести себя в жертву обществу, причем — ради нее. Ему не грозит гильотина: смертная казнь во Франции отменена давным-давно, но скорей всего он проведет в заключении многие годы. Ева раскается в своих грехах, будет навещать его в тюрьме, приносить передачи, у них найдется время поговорить, подумать — и для любви тоже: хотя их тела не будут соприкасаться, но души наконец-то станут ближе, чем когда бы то ни было. Даже если им придется долго ждать той минуты, когда можно будет жить вместе в том доме, который он задумал построить на берегу Байкала, это ожидание очистит их и осенит благодатью.

Да, надо пожертвовать собой! Он закручивает кран, какое-то время смотрит на свое отражение в зеркале, но видит там не себя, но Агнца, снова обреченного на заклание. Он надевает то же, что было на нем утром, спускается на улицу, идет к тому месту, где сидела обычно маленькая продавщица со своим товаром, а потом подходит к первому же полицейскому.

— Девушку, которая торговала здесь, убил я. Полицейский разглядывает его — элегантно одет, но волосы растрепаны, а под глазами — синяки.

— Кустарными поделками?

Игорь кивает, подтверждая — да, ту самую.

Полицейский отвлекается и приветливо кивает проходящей мимо паре, нагруженной пластиковыми пакетами из супермаркета:

— Вам бы нанять кого-нибудь — что же самим-то таскать?

— Ну, только если вы и будете платить ему жалованье, — отвечает с улыбкой женщина. — В этой точке земного шара никого нанять невозможно.

— Ну да! У вас каждую неделю — новое колечко с бриллиантом. Так что едва ли дело в этом...

Игорь ошеломленно взирает на них: ведь он только что сознался в преступлении!

— Вы поняли, что я вам сказал?

— Сегодня очень жарко. Вам бы надо немного отдохнуть, поспать... Каннам есть что показать своим гостям.

— Но как же с этой девушкой?...

— Вы были знакомы с ней?

— Я никогда прежде ее не видел. Утром она стояла здесь... Я...

— ...Вы увидели, как подъехала «скорая помощь» и кого-то погрузили в машину на носил-

ках. Все понятно. И вы решили, что ее убили. Не знаю, откуда вы приехали, не знаю, есть ли у вас дети, но прошу — будьте поосторожней с наркотиками. Вот говорят, что от них не так уж много вреда, а поглядите, что случилось с этой бедной девочкой-португалкой.

И удаляется, не дожидаясь ответа.

Игорь думает: надо настоять на своем, сообщить всякие подробности — но примут ли его всерьез и в этом случае? Всякому ясно, что нельзя убить человека среди бела дня, на главном проспекте Канн. Что ж, тогда он расскажет, как — опять же на глазах у многочисленных гостей — погасла еще одна галактика.

Но блюститель порядка и слуга закона даже не стал его слушать. Что же это за мир?! Неужели, чтобы к тебе отнеслись всерьез, надо выхватить из кармана пистолет и поднять палебу?! Неужели, чтобы тебе наконец поверили, надо бесчинствовать, подобно варвару, который не ищет оснований для своих действий?!

Игорь, провожая глазами удаляющегося полицейского — тот пересекает улицу и входит в кафе, решает постоять здесь еще: быть может, тот передумает, решит все же проверить или получит какое-нибудь распоряжение из участка и тогда захочет вновь поговорить с этим странным прохожим, разузнать у него о совершенном преступлении.

Но он почти уверен — этого не произойдет, в ушах еще звучит реплика полицейского насчет нового колечка с бриллиантом на пальце женщины. Быть может, он знает, откуда это кольцо? Да конечно нет: в противном случае полицейский бы уже отвел ее в участок и привлек за контрабанду.

Для женщины, разумеется, бриллиант магически возник на прилавке ювелирного магазина после того, как — об этом неизменно упоминают продавцы — был огранен бельгийскими или голландскими мастерами. В зависимости от чистоты воды, каратности, типа огранки цена может колебаться от нескольких сотен евро до суммы, большинству простых смертных представляющейся заоблачной.

Бриллиант, который еще называют «диамант» — это, как всем известно, отшлифованный, ограненный алмаз, то есть кусок углерода, подвергшийся воздействию времени и высокой температуры. Поскольку это — неорганическое вещество, невозможно точно сказать, сколько же этого самого времени ушло на изменение его структуры, однако геологи оценивают срок в диапазоне от 300 миллионов до 1 миллиарда лет. Образуется такой минерал обычно на глубине 150 км и постепенно продвигается ближе к поверхности земли, что позволяет осуществлять добычу.

Алмаз — самое твердое и прочное вещество в природе, и обрабатывать его можно только с помощью другого алмаза. Мелкие частицы, остающиеся после огранки, используют в промышленности — в шлифовальных станках, например. А иного предназначения у бриллианта нет: он пригоден исключительно для того, чтобы служить украшением, и назначение у него только одно — быть бесполезной драгоценностью.

Бриллиант — это наивысшее выражение человеческой суетности.

Несколько десятилетий назад, когда мир вроде бы начал возвращаться к социальному равенству и практичности, бриллианты стали исчезать с рынка. И так продолжалось до тех пор, пока крупнейшая горнорудная компания со штаб-квартирой в Южной Африке не прибегла к услугам одного из лучших в мире рекламных агентств. Одни представители Суперкласса обрели других, и в результате поисков и усилий родилась на свет одна-единственная фраза из трех слов:

«Бриллианты — это навсегда».

И — готово: проблема решилась, ювелирные фабрики вложились в идею, и отрасль вновь стала процветать. Если бриллианты — это навсегда, нет лучшего средства, чтобы выразить свою любовь, которой теоретически тоже вроде бы полагается быть вечной. Нет более верного признака, чтобы отличить Суперкласс от миллиардов тех, кто находится в основании этой пирамиды. Спрос на драгоценные камни увеличился, цены взметнулись. А через несколько лет южноафриканская компания, диктовавшая законы на международном рынке, увидела, что все пространство вокруг нее завалено трупами.

Игорь знает об этом не понаслышке: когда понадобилось пресечь межплеменную резню, ему пришлось весьма тяжело. Но он не жалеет об этом — удалось предотвратить гибель многих и многих тысяч, хотя почти никому об этом неизвестно. Он лишь мельком упомянул о своем участии в тот день, когда они ужинали с Евой на берегу Байкала, и распространяться на эту тему не стал: когда творишь доброе дело, пусть правая твоя рука не ведает, что делает левая. Он спас — выку-

пил за бриллианты — много жизней, о чем никто никогда не узнает.

А полицейский, не принявший всерьез речи преступника, который признался в своих грехах, и вместо этого восхищался бриллиантом на пальце у женщины, несущей из супермаркета пакеты с туалетной бумагой и гигиеническими средствами, оказался в профессиональном плане не на высоте. Ему невдомек, что в этой бесполезной отрасли крутятся 50 миллиардов долларов в год, занята целая армия тех, кто добывает алмазы, кто перевозит их, охраняет, обрабатывает, гранит и оправляет, страхует, торгует ими оптом и в роскошных ювелирных магазинах. Он не знает, что долгий путь от рудника до прилавка лежит через грязь и кровь.

В грязи копошится тот, кто посвятил жизнь поиску камня, который сделает его богатым. Он находит и продает по 20 долларов то, что посетителю бутика обойдется в десять тысяч. Но считает, что в накладе не остается, потому в его краях люди не зарабатывают и полусотни долларов в год, и пяти камешков достаточно, чтобы жизнь его была счастливой, хоть и короткой — пока еще не придумано условий труда хуже, нежели те, в которых работает он.

От него камни переходят в руки неведомых скупщиков, а затем без задержки переправляются к нерегулярным армиям в Либерию, Конго или Анголу. Некто в сопровождении до зубов вооруженной охраны отправляется на тайный аэродром. Из приземлившегося самолета выходит респектабельный господин в деловом костюме, а за ним — другой, одетый попроще, и с чемоданчиком в руках. Некто холодно приветствует прилетевших. А потом передает им несколько маленьких свертков-пакетиков — то ли из суеверия, то ли еще по какой причине они изготовлены из старых чулок.

Тот, что одет попроще, достает из кармана специальный окуляр, вставляет его в левый глаз и начинает проверять один камешек за другим. Часа через полтора он получает представление о товаре и, вынув из чемоданчика высокоточные электронные весы, высыпает в чашку содержимое чулок. На клочке бумаги ведутся подсчеты. Затем товар и весы прячутся в чемоданчик, и по знаку элегантного господина пять или шесть охранников начинают выгружать из самолета большие ящики. Их ставят на землю у полосы, а самолет улетает. Вся операция занимает обычно полдня.

Ящики вскрывают. В них — снайперские винтовки, противопехотные мины, осколочные гранаты. Оружие раздают наемникам и солдатам, и очень скоро в стране происходит государственный переворот, жестокость которого превосходит все представления о добре и зле. Вырезают поголовно целые племена, насилюют женщин, дети остаются сиротами, а многие, подрываясь на минах, — еще и калеками. Тем временем за тридевять земель оттуда — где-нибудь в Антверпене или в Амстердаме — серьезные, сосредоточенные люди осторожно, бережно, любовно, испытывая творческий восторг от собственного искусства, обрабатывают камни, и вспышки искр, блистающих на каждой новой грани этого преображенного временем углерода, завораживают их. Алмаз, поддаваясь алмазу, становится бриллиантом.

На одном конце — в отчаянии голоса женщины, и небо задернуто пеленой дыма. На другом — из окон хорошо освещенных комнат видны старинные прекрасные дома.

В 2002 году ООН принимает резолюцию — «Процесс Кимберли», требующую проследить происхождение алмазов и запрещающую ювелирам приобретать те, что привозятся из зоны боевых действий. На какое-то время респектабельные огранщики пользуются услугами южноафриканской корпорации, монопольно поставляющей им материал. Но вслед за тем находят способы сделать бриллиант «законным», резолюция же служит для того лишь, чтобы политики могли сказать: «Мы делаем все, чтобы закрыть доступ на рынок "кровавым бриллиантам"».

Пять лет назад Игорь, обменивавший камни на оружие, собрал маленький отряд, предназначенный для того, чтобы прекратить кровопролитную междоусобицу на севере Либерии, и достиг своей цели. Убиты были только убийцы. В деревни вернулся мир, а бриллианты стали покупать американские ювелиры, не задавая нескромных вопросов.

Если общество потворствует преступлению, у человека есть полное право сделать то, что он считает наиболее верным.

Нечто подобное произошло несколько минут назад на пляже. Когда убитые будут обнаружены, кто-нибудь из должностных лиц скажет всегдашнее:

«Делается все возможное, чтобы установить личность убийцы».

Как же, установите вы... Великодушная, как всегда, судьба снова указывает ему, каким путем следовать. Мученик не получит воздаяния. Да, Ева, наверно, будет страдать в разлуке с ним, ей не с кем будет разговаривать, ожидая долгими ночами и нескончаемыми днями его освобождения. Она будет плакать всякий раз, как представит его в холодной и сырой тюремной камере. Но когда придет час окончательно отправиться в дом на берегу Байкала, годы, наверно, уже не позволят им пережить и осуществить все задуманное.

...Полицейский выходит из кафе:

— Как? Вы все еще здесь? Чем я могу помочь вам? Вы заблудились?

— Нет, благодарю вас, все в порядке.

— Послушайтесь моего совета, отдохните... В эти часы на солнце быть очень опасно.

Он возвращается в отель, принимает душ. Просит телефонистку разбудить его в четыре часа — до тех пор он успеет выспаться, обрести необходимую ясность мысли и не повторять того дурацкого поступка, который только что едва не нарушил все его планы.

Потом, позвонив портье, заказывает столик на террасе — когда проснется, там хорошо будет выпить чаю в тишине и спокойствии. Потом долго глядит в потолок, ожидая, когда придет сон.

Происхождение бриллианта никого не волнует — лишь бы сверкал.

На этом свете одна только любовь заслуживает абсолютно всего. Все прочее противоречит законам логики.

Игорь снова, как уже случалось с ним не раз, предчувствует ощущение безграничной свободы. Постепенно исчезают смятение и растерянность, голова работает отчетливо.

Он отдал свою судьбу в руки Иисуса. Иисус решил, что он обязан исполнить свое предназначение.

Он засыпает, не испытывая ни малейшего чувства вины.

1:55 PM

Габриэла решает не торопясь дойти пешком до указанного места. Ей надо успокоиться, привести мысли в порядок. Ибо близок час, когда не только самые тайные ее мечты могут сбыться, но и самые жуткие кошмары — стать явью.

Пикает телефон. Это — сообщение от ее агента:

«Поздравляю. Соглашайся на все. Целую».

Она глядит на толпу, медленно фланирующую по набережной Круазетт: люди вроде бы сами не знают, чего хотят. А вот она знает! Теперь она — больше не одна из толпы авантюристок, слетающих в Канны и действующих наугад и наобум. У нее — серьезное резюме, внушающий уважение профессиональный багаж, и она никогда не пыталась победить в жизни лишь с помощью своих природных данных. У нее есть талант! И встречи со знаменитым режиссером она добилась сама, без чьей бы то ни было помощи, не стремясь никого поразить экстравагантностью наряда и даже не успев отрепетировать свою роль.

Можно не сомневаться — режиссер примет все это во внимание.

Она остановилась перекусить — до этой минуты вообще ничего не ела, и первый же глоток кофе вернул ее к действительности.

Так почему же все-таки выбрали ее?

И какую роль ей предложат?

А что если Джибсон, посмотрев видеоролик, поймет, что она ему не подходит?

«Успокойся! Тебе нечего терять!» — прикрикнула она на себя, но внутренний голос настаивал: «Это — твой единственный шанс».

Шанс не бывает единственным, жизнь обязательно предоставит еще один. Но голос не унимается: «Может быть. Но когда это произойдет? А ты помнишь, сколько тебе лет?»

Она помнит. Двадцать пять. Для актрисы — что бы та с собой ни делала — это много.

Она расплывается за сэндвич и кофе и направляется на причал — на этот раз стараясь держать свой оптимизм в узде и не называть других авантюристками. Идет, повторяя про себя правила позитивного поведения, и эти мантры позволяют не думать о предстоящей встрече.

«Если ты веришь в победу, победа верит в тебя.»

Риски всем во имя своего шанса и отринь от себя все, что сулит тебе спокойствие и уют.

Талант — это всеобъемлющий дар. Однако нужна отвага для того, чтобы пользоваться

им: не бойся быть самой лучшей».

Но Габриэла сознает: недостаточно сосредоточиться на изречениях великих мудрецов и наставников, надо попросить помощи небес. И начинает молиться, как всякий раз, когда впадает в смятение или тревогу. Она чувствует, что должна принести обет, и решает, что если получит эту роль, пешком пройдет от Канн до Ватикана.

Если фильм в самом деле снимут.

Если он получит мировой успех.

Нет, достаточно просто сняться у Джибсона — ее сразу заметят другие режиссеры и продюсеры. Вот если случится так, она совершит это паломничество.

Стоя в условленном месте, она смотрит на море, снова проглядывая сообщение от агента: если он уже в курсе дела, то, стало быть, дело это серьезное. Но что значит совет «соглашаться на все»? Переспать с режиссером? С исполнителем главной роли?

Прежде она на такое не отваживалась, но сейчас готова на все. Тем более что любая женщина мечтала бы о связи с мировой знаменитостью.

Она снова устремляет пристальный взгляд на море. Она могла бы успеть забежать домой и переодеться, но из суеверия не стала этого делать: если уж отправилась на пробу в джинсах и белой блузке, в этом надо оставаться до вечера. Потом, ослабив пояс, садится в позу лотоса и, как предписывает йога, дышит медленно и глубоко, чувствуя, как все — тело, сердце, голова — приходит в норму.

Из подлетевшей к пирсу моторки выпрыгивает человек:

— Габриэла Шерри?

Она кивает, и человек помогает ей спуститься в лодку, начинающую путь по морю, заполненному яхтами всех видов и размеров. Рулевой не произносит ни слова и, кажется, вообще уносится мыслями в неведомую даль, воображая, что происходит сейчас в каютах этих корабликов, и думая о том, как хорошо быть владельцем одного из них. Габриэла колеблется: в голове у нее рождаются бесчисленные вопросы, и довольно одного приветливого слова, чтобы незнакомец превратился в союзника и помог ей драгоценной информацией насчет того, как себя вести в таких обстоятельствах. Но кто он такой? Может быть, он даже обладает влиянием на Джибсона, а может быть, просто выполняет его поручения вроде этого — доставляет хозяину начинающих актрис. Нет, лучше уж не рисковать.

Через пять минут они подваливают к борту огромного белоснежного корабля с надписью на носу — «Сантьяго». Морьяк спускает трап, помогает Габриэле подняться на борт и через просторный центральный салон, где идут приготовления к сегодняшней вечеринке, ведет на корму. Там, у маленького бассейна, стоят два столика под зонтиками и несколько шезлонгов. Нежась в лучах предвечернего солнца, у бортика сидят Джибсон и Звезда.

«Что ж, я согласилась бы переспать и с тем, и с другим», — думает она, улыбаясь этой мысли. Она чувствует себя уверенной, хотя сердце бьется чаще, чем всегда.

Звезда оглядывает ее с головы до ног и улыбается ободряюще и сочувственно. Джибсон встает, отодвигает один из шезлонгов, расставленных вокруг стола, предлагает сесть, предварительно крепко пожав ей руку. Потом куда-то звонит и заказывает апартаменты в отеле. Громко повторяет номер, глядя на нее.

Так она и думала. Отель.

— Отсюда отправитесь в «Hilton». Там лежат платья от Хамида Хусейна. Сегодня вечером вы приглашены на вечеринку на Кап д'Антиб.

Да, это практически то, что она воображала... Роль отдают ей! И зовут на праздник! Праздник на Кап д'Антиб!

Он оборачивается к Звезде:

— Как ты считаешь?

— Давай лучше послушаем, что скажет наша гостья. Джибсон кивает в знак согласия и жестом предлагает ей:

— Расскажи о себе.

Габриэла начинает с того, где училась актерскому мастерству, в каких ролях снималась. Замечает, что оба слушают не очень внимательно: здесь, конечно, звучали тысячи подобных историй. Но она уже не может остановиться и говорит все быстрее и быстрее, сознавая, что вся ее

жизнь зависит от верно найденного слова, а подобрать его не может. Глубоко вздыхает, пытаюсь освоиться и вести себя непринужденно, и даже шутит, и старается выглядеть ни на кого не похожей, но все же ни на пядь не в силах отклониться от маршрута, прочерченного ее агентом.

Еще через две минуты Джибсон перебивает:

— Прекрасно, но все это нам уже известно, мы читали ваше резюме. Почему вы не говорите о себе?

Эти слова неожиданно ломают в ней какие-то внутренние барьеры. Вместо того чтобы впасть в панику, она успокаивается, и голос ее звучит уверенно и твердо.

— Я всего лишь одна из тех миллионов людей, которые всегда мечтали бы оказаться на этой яхте посреди моря и разговаривать о возможности работы хотя бы с кем-то одним из вас... И вам обоим это отлично известно. И потом, мне кажется — что бы я ни сказала, едва ли это способно что-либо изменить... Ну что сказать? Что я не замужем? Да. Как и у всякой девушки, у меня есть Друг, он сейчас ждет меня в Чикаго и молится, чтобы моя затея провалилась...

Смех, раздающийся в ответ на ее слова, снимает напряжение.

— Я буду бороться изо всех сил, хоть и знаю, что нахожусь на пределе своих возможностей: актриса моего возраста создает проблемы для тех, кто заправляет в киноиндустрии... Еще я знаю, что есть много девушек, не уступающих мне талантом или даже превосходящих меня. Выбрали меня — почему, не знаю, но я решила принять все что угодно. Быть может, это мой последний шанс, быть может, то, что я говорю сейчас, мне навредит, но у меня нет выбора. Всю свою жизнь я готовилась к этой минуте — участвовать в кастинге, быть выбранной и работать с настоящими профессионалами. И вот она пришла. Даже если этой нашей встречей все и кончится, если даже я вернусь домой ни с чем, то по крайней мере буду знать, что у меня есть качества, благодаря которым я сумела попасть сюда, — это упорство и цельность. Я сама себе — лучший друг и злейший враг. Прежде чем прийти сюда, думала, что не заслуживаю ничего этого, что обману чьи-то ожидания, что люди, отдавшие мне предпочтение, ошиблись. Но другая половина моей души твердила, что это — награда за то, что, сделав выбор, не свернула с пути и пошла до конца.

Она отводит глаза, внезапно чувствуя невероятное желание расплакаться, но усилием воли сдерживает слезы, чтобы не подумали, что она прибегла к эмоциональному шантажу, а проще говоря — что бьет на жалость. Бархатный баритон Звезды нарушает молчание:

— У нас, как и в любой другой сфере, есть честные люди, умеющие ценить профессионализм. Именно по этой причине я и нахожусь здесь. Так же сложилась судьба нашего режиссера. Ситуацию, в которой ты находишься, мы испытали на себе и знаем, что ты чувствуешь.

Перед глазами Габриэлы проносится вся ее жизнь — все те годы, когда она искала и не находила, когда стучала, а ей не открывали, когда просила, а ее даже не удостоивали ответом. Когда вокруг царило безразличие столь полное, словно ее вообще не существовало в этом мире. И когда ей приходилось слышать одни отказы, даже этому она была рада — это означало, что кто-то все же замечал: она живая, а потому заслуживает хоть какой-то определенности. «Не могу плакать».

Вспоминаются люди, которые твердили ей, что она гонится за недостижимым, а сейчас, если все кончится хорошо, дружно скажут: «Я всегда знал, что у тебя есть талант!» Губы ее дрожат. Но она рада, что ей хватило отваги не строить из себя сверхчеловека, остаться хрупкой и слабой, и это производит важные изменения в ее душе. Если Джибсон сейчас изменит свое решение, она сядет в моторку, не испытывая никаких сожалений, ибо в такой момент держала себя с достоинством.

Она зависит от других. Большой кровью дался ей этот урок, но в конце концов она его усвоила. Она знала людей, гордящихся своей эмоциональной независимостью, хотя на самом деле они так же хрупки, как она, и плачут втайне ото всех и ни у кого не просят помощи. Они верят в неписанный закон о том, что «мир принадлежит сильным», и в то, что «выживает самый приспособленный». И напрасно. Будь так, род человеческий давно бы пресекался или его вообще не существовало бы, потому что особи этого вида довольно долго нуждаются в защите, опеке, уходе. Отец как-то раз упомянул, что хоть какую-то способность к выживанию люди приобретают лишь к десятому году жизни, тогда как детеныш жирафы — на шестом часу, а пчела — уже через пять минут после рождения.

— О чем вы думаете? — спрашивает Звезда.

— О том, что с большим облегчением поняла: не надо притворяться сильной. На каком-то этапе моей жизни мне было трудно общаться с людьми, потому что считала, будто лучше всех

знаю, как достичь цели. Мои любовники бросали меня, и я не могла понять причины. Но однажды на гастролях я заболела гриппом и должна была оставаться в номере, как ни отвратительно мне было думать, что мою роль сыграет другая. Не могла есть, бредила, и когда вызвали врача, он сейчас же отправил меня домой. Я думала, что потеряла и ангажемент, и уважение коллег. Ничего подобного — меня завалили цветами, и телефон звонил беспрерывно. Все справлялись о моем здоровье. Те самые люди, которых я считала соперниками, которые оспаривали у меня место под софитами, беспокоились обо мне! Одна актриса даже прислала мне открытку с текстом статьи врача, работавшего в тропиках:

«Все мы знаем распространенную в Центральной Африке «сонную болезнь». Но надо понимать, что есть аналогичный недуг, поражающий душу, а не плоть — опасный недуг, поначалу никак не проявляющийся. Как только ты заметишь малейший признак равнодушия или отсутствия интереса к ближнему, бей тревогу! Единственный способ предотвратить эту болезнь — это понять, что душа страдает, и сильно страдает, когда мы принуждаем ее скользить по поверхности. Душа любит красоту и глубину».

Звезда, слушая ее, вспоминает строчки из своего любимого стихотворения, выученного еще в школе, а теперь, когда он видит, как неумолимо бежит время, — пугающего его. *«Тебе придется оставить все и всех и меня одного считать своей мерой вещей».* Должно быть, и впрямь сделать выбор — это самое трудное, что есть в жизни человеческой, думает он, и покуда актриса рассказывает о себе, в памяти его оживают вехи собственного пути.

Первый серьезный шанс, который он получил благодаря своему таланту театрального актера. Жизнь менялась ежеминутно и разительно. Слава росла так стремительно, что он не успевал приспособиться к ней, а потому принимал приглашения туда, где ему не стоило бы появляться, и отказывался от встреч, способных очень и очень поспособствовать его карьере. Деньги — пусть и не огромные, которые давали ему ощущение всемогущества. Дорогие подарки, экзотические путешествия, частные самолеты, роскошные рестораны, гостиничные апартаменты, казавшиеся ему теми королевскими чертогами, о которых он читал в детстве. Первые рецензии, слова уважения и восхищения, похвалы и восторги, трогавшие его до глубины души. Целые мешки писем, приходившие со всего света: поначалу он даже старался ответить на каждое и даже иногда назначал свидания девушкам, присылавшим ему свои фотографии, — пока не убедился, что это совершенно немислимо, а агент не объяснил, что это не только нежелательно, но и опасно, и он может попасть в ловушку. Тем не менее он и сейчас еще испытывал особую отраду, узнавая, что поклонники изучают каждый его чих и вздох, открывают посвященные ему сайты в интернете, яростно защищают от любого критического замечания, мелькнувшего в прессе, и неистово оспаривают мнение, будто в последней своей роли он был не столь уж блистательно убедителен...

Годы меж тем идут. То, что раньше было чудом или подарком судьбы, ради которого он согласен был на вечное добровольное рабство, стало превращаться в единственный смысл жизни. Так что если заглянуть хоть немного вперед, сердце занает: все это может когда-нибудь кончиться. Появляются другие актеры: они моложе, они готовы работать и «светиться» больше, а получать меньше. Приедаются похвалы; есть фильмы — а ведь он снялся чуть ли не в девяносто девяти — которые никто не помнит даже по названиям...

Меняются и финансовые условия. Он полагал, что эта работа не кончится никогда, и побуждал своего агента держать гонорарную планку в заоблачных высях. И в итоге его приглашают сниматься все реже. Первые признаки жизни подает отчаяние, проникающее в мир, который еще совсем недавно жил по формуле «Быстрее! Выше! Сильнее!». Снижать себе цену надо постепенно и соглашаясь на роль, непременно добавлять, что хотя гонорар не сопоставим с обычными его расценками, он сейчас все же подписывает контракт только потому, что уж очень пришелся по душе этот образ. И продюсеры делают вид, что верят. И агент притворяется, будто сумел обмануть их, хоть и знает, как важно для сохранения легенды, чтобы его клиент появлялся на фестивалях, подобных этому, и всегда выглядел востребованным и немного недоступным.

Пиар-менеджер предлагает сфотографировать, как он целуется с какой-нибудь знаменитой актрисой — снимок может украсить обложку скандального журнальчика. Уже выбрали партнершу, которой тоже остро необходима публичность, и договорились с ней: теперь осталось только найти подходящий момент во время сегодняшнего гала-ужина. Все должно выглядеть как нечто спонтанное, и оба должны быть уверены, что рядом найдется фотограф, но при этом они ни в коем

случае не должны замечать направленный на них объектив. Потом, когда снимки опубликуют, он и она сначала будут все отрицать, потом объявят это вторжением в частную жизнь, потом их адвокаты подадут на издание в суд, а уж пиарщики постараются, чтобы эта тема как можно дольше фигурировала в СМИ.

И если вдуматься, он, несмотря на долгие годы работы и громкую славу, не очень-то отличается от девушки, сидящей сейчас напротив.

«Тебе придется оставить все и всех и меня одного считать своей мерой вещей».

Джибсон нарушает тишину, на добрых полминуты установившуюся здесь, в этой идеальной декорации — палуба яхты, солнце, кубики льда в высоких стаканах, крики чаек, легкий, дарующий прохладу ветерок.

— Ну, вы, наверное, прежде всего хотели бы узнать, на какую роль мы вас берем. Тем более что название фильма может до премьеры сто раз поменяться. Ответ прост: на роль его партнерши, — и он указывает на Звезду. — Иными словами, на главную женскую. А следующий вопрос должен быть таков: «Почему я, а не какая-нибудь знаменитость?» Верно?

— Да.

— Могу объяснить. Дело — в цене. У картины, которую я буду ставить — продюсером впервые выступит Хамид Хусейн, — ограниченный бюджет. Половина уйдет не на производство, а на рекламную кампанию. И потому нам нужны: звезда, на которую пойдет публика, и никому пока не известная, а значит, дешевая актриса. Такая практика не вчера началась и не завтра кончится: с тех пор как киноиндустрия стала повелевать миром, студии стараются, чтобы не угасла идея того, что слава и деньги друг без друга не ходят. Я помню, как еще в детстве, увидев огромные имения в окрестностях Голливуда, думал, что актеры получают чудовищные барыши.

Это не так. Тех, кто может сказать, что получает огромные деньги, наберется всего человек десять-двадцать. Прочие живут, творя химеры и мнимости: дом для них арендует студия, туалеты, драгоценности, автомобили получены напрокат и создают лишь видимость роскошной жизни. Студии оплачивают весь гламур, актеры же получают скромное жалованье. К нашему собеседнику, — он кивает в сторону Звезды, — это не относится, а вот к вам — в полной мере.

Звезда не знает, насколько искренни эти слова Джибсона, в самом ли деле тот считает, что сидит рядом с одним из величайших актеров современности, или отпустил такую замысловатую шпильку. Впрочем, все это не имеет ни малейшего значения — лишь бы контракт был подписан, продюсер в последнюю минуту не передумал, сценаристы к сроку сдали текст, бюджет не был превышен, а превосходно задуманная пиар-кампания началась вовремя. Ему сотни раз приходилось видеть, как гибнут, не начавшись, многообещающие проекты. Что ж, это — в порядке вещей, такова жизнь. Но после того как совсем недавняя его работа оказалась почти незамеченной публикой, он отчаянно нуждается в громовом успехе. А у Джибсона есть все возможности этот успех обеспечить.

— Я согласна, — говорит девушка.

— Мы уже обо всем договорились с вашим агентом. С нами вы подпишете эксклюзивный контракт. На съемках первой картины будете получать пять тысяч в месяц в течение года — и возьмете на себя обязательство появляться там и говорить то, где и что определяют наши пиар-менеджеры. И уж во всяком случае — не высказывать собственных мыслей. Это понятно?

Габриэла кивает. Что ей остается? Ответить, что пять тысяч — зарплата секретарши в Европе? Какой смысл? Надо либо соглашаться, либо отказываться, и она хочет показать, что без малейших колебаний принимает правила игры.

— И хотя, — продолжает Джибсон, — вы будете жить как миллионерша и вести себя как суперзвезда, прошу помнить — на самом деле это не так. Если все пойдет гладко, на съемках следующего фильма будете получать десять тысяч. В свое время мы вернемся к этому разговору, тем более что у вас в голове гвоздем засядет одна мысль: «Когда-нибудь я отомщу за все это». Ваш агент, разумеется, в курсе наших предложений и знала, чего следует ждать. А вы, похоже, — нет.

— Это совершенно неважно. И мстить я никому не собираюсь.

Джибсон будто не слышит — или делает вид, что не слышит:

— И я позвал вас не затем, чтобы говорить о ваших пробах: скажу лишь, что получилось просто великолепно, я очень давно не видел ничего лучше. А пригласил вас сюда, чтобы вы с са-

мого начала уяснили себе, на какую почву вступаєте. Многие актеры и актрисы, снявшись в первом своем фильме, считают, что весь мир у их ног, и желают изменить правила. Однако договор уже подписан, сделать ничего нельзя, вот они и впадают в депрессию и даже подумывают о самоубийстве... Теперь мы проводим иную политику: прежде всего разьясняем, как все будет. В вас отныне будут уживаться две женщины: одну — если все пойдет хорошо — будет обожать весь мир. Вторая же будет знать и постоянно помнить, что не обладает абсолютно никаким могуществом.

А потому я вам советую: прежде чем идти в «Hilton» и примерять туалеты для сегодняшней вечеринки, хорошенько подумайте о последствиях. Когда переступите порог номера, увидите четыре экземпляра многостраничного контракта. Пока не подписали, вам принадлежит целый мир, и жизнью своей вы можете распоряжаться по собственному усмотрению. А когда поставите подпись, перестанете быть хозяйкой самой себе: мы будем контролировать все — от фасона вашей стрижки до ресторана, в котором должны будете обедать, даже при полном отсутствии аппетита. Разумеется, когда прославитесь, сможете зарабатывать большие деньги на рекламе. По этой самой причине ваши коллеги, как правило, соглашаются на наши условия.

Оба поднялись.

— Ну, как по-вашему, годится она вам в партнерши?

— Она станет замечательной актрисой. Когда другие претендентки стараются показать лишь свой профессионализм, она проявляет непритворную эмоцию.

Джибсон позвал того, кто должен был доставить Габриэлу на пирс, и сказал ей на прощанье:

— Не думайте, что эта яхта принадлежит мне. И она правильно поняла смысл этих слов.

3:44 PM

— Давай поднимемся на первый этаж и выпьем кофе, — предлагает Ева.

— До показа остается меньше часа... Ты же знаешь, какие тут пробки.

— Успеем.

Они поднимаются по ступеням, сворачивают направо, проходят в конец коридора, где стоящий в дверях охранник узнает их и приветствует. Миновав витрины ювелирных бутиков, где выставлены бриллианты, изумруды, рубины, оказываются на залитой солнцем террасе первого этажа, которую уже много лет арендует знаменитая ювелирная фирма, чтобы принимать здесь друзей, журналистов, знаменитостей. Стильная мебель, изобильный и разнообразный буфет. Они садятся за столик, защищенный зонтом, и заказывают подоспевшему гарсону газированную минеральную воду и два кофе-эспрессо. Официант осведомляется, не угодно ли им посмотреть меню, но они, поблагодарив, говорят, что уже пообедали.

Не проходит и двух минут, как он приносит заказ.

— Все хорошо?

— Все прекрасно.

«Все отвратительно, — думает Ева. — Все, кроме кофе».

Хамид чувствует — с ней что-то не то, но откладывает объяснения на потом. Он не хочет думать об этом. Он боится услышать что-то вроде: «Знаешь, я уйду от тебя».

За одним из соседних столиков, положив перед собой фотокамеру, устремив взгляд в неведомую даль и ясно давая понять, что не расположен к общению, сидит всемирно известный модельер. Никто и не приближается к нему, если же кто-то по недомыслию сделает шаг в его сторону, пиар-менеджер, симпатичная дама лет пятидесяти, мягко просит оставить его в покое: он хочет немного отдохнуть от моделей, журналистов, клиентов, импресарио, беспрестанно осаждающих его.

Хамид вспоминает, как много лет назад — так давно, что это кажется вечностью, — впервые увидел его в Париже. Хамид к тому времени пробыл там уже одиннадцать месяцев, обзавелся друзьями, стучался в разные двери и благодаря содействию шейха, обладавшего связями в высоких кругах, получил работу художника в одном из самых прославленных домов моды. Не ограничиваясь эскизами, которых от него требовали, он засиживался в ателье до глубокой ночи, экспериментируя с тканями, привезенными из своей страны. Ему дважды пришлось побывать на родине. В первый раз — когда он узнал, что отец умер, оставив ему в наследство маленькое семейное предприятие по купле-продаже тканей. Прежде чем он успел понять, что же делать с ним

дальше, посланец шейха сообщил, что если кто-нибудь возьмется вести это дело, в него будут вложены средства, необходимые для процветания, а право собственности останется за ним.

Он удивился, потому что шейх прежде не выказывал к этому предмету ни малейшего интереса. И ему сказали так:

— Здесь намерена обосноваться некая французская фирма, изготавливающая предметы роскоши. Прежде всего они связались с нашими поставщиками тканей и пообещали использовать их продукцию для своих товаров премиум-класса. Стало быть, у нас уже есть клиентура, мы будем чтить наши традиции и сохраним контроль за сырьем.

Хамид Хусейн вернулся в Париж, зная, что душа его отца переселилась в рай и что память о нем сохранится в краю, который он так любил. Юноша продолжал работать как проклятый, создавая эскизы костюмов, где использовал мотивы бедуинских одеяний. Если французская фирма, известная своим безупречным вкусом и дерзкой смелостью решений, заинтересуется тем, что производят в его стране, известие об этом очень скоро достигнет столицы моды, и спрос будет велик.

Следовало лишь запастись терпением. Но судя по всему, новость распространилась с немислимой скоростью.

Однажды утром его вызвал директор. Хамид впервые попал в святая святых фирмы и был поражен царившим в кабинете беспорядком — газеты по всем углам, кипы бумаг, громоздящиеся на старинном столе, по стенам — обложки журналов в рамках и бесчисленные фотографии хозяина с различными знаменитостями, образцы тканей и стакан, заполненный белыми перьями всех размеров.

— Ты достиг больших успехов. Я заглянул в твои рисунки, благо ты их оставляешь у всех на виду. С этим, между прочим, надо быть поосторожней — вдруг кто-нибудь завтра уволится и вместе с удачными идеями окажется у наших конкурентов.

Хамиду было неприятно, что за ним шпионят. Однако он сдержался, между тем директор продолжил:

— Почему я говорю, что ты молодец? Потому что ты приехал из страны, где люди одеваются иначе, нежели у нас, и уже начал соображать, как применить эту манеру для Запада. Есть лишь одна сложность: такой материи здесь не найти. У рисунка ткани — религиозные мотивы; одежда, хоть и призвана всего лишь и прежде всего прикрывать плоть, отражает многое из того, что хочет высказать дух.

Он подошел к сваленным в углу журналам, купленным, вероятно, у букинистов, которые еще со времен Наполеона раскладывают свой товар на набережной Сены, и безошибочно вытянул из кучи один — старый «Paris Match» с фотографией Кристиана Диора на обложке:

— Что сделало его легендарным? Он сумел понять природу человека. Из многих его революционных открытий одно следует отметить особо: сразу после Второй мировой войны, когда людям в Европе практически нечего было носить, ибо катастрофически не хватало тканей, он разрабатывал модели, требующие огромного количества материи. И таким образом показывал не только элегантно одетую красавицу, но и вселял надежду, что все будет как прежде, все станет как было — в избытке и изобилии. Его за это нещадно критиковали, срамили и позорили, но он знал, что движется правильным путем, то есть всегда выгребает против течения.

Он сунул журнал туда, откуда взял, и выхватил другой:

— А вот Коко Шанель. Росла без родителей, была певичкой в захудалом кабаре — словом, женщина с такой биографией могла ожидать от жизни только самого худшего. Однако она не упустила свой единственный шанс — богатых любовников — и очень скоро стада культовой фигурой в мире высокой моды. Что же она сделала? Освободила женщин от рабства корсетов — этих орудий пытки, сдавливавших грудную клетку и не дававших телу вольно дышать. Она совершила только одну ошибку: скрывала свое прошлое, тогда как оно могло бы, напротив, сделать ее личностью еще более легендарной и явить всем пример, как можно выстоять и выжить в самых неблагоприятных обстоятельствах.

Положив журнал на место, он продолжал:

— Ты спросишь: «Отчего же этого не сделали раньше?» Ответа нет. Разумеется, и до Шанель были многие модельеры, но их имена не сохранились в истории моды, потому что они не сумели передать в своих коллекциях дух времени, аромат эпохи. Для того чтобы творчество Коко получило такой громовой резонанс, мало было иметь талант или богатых покровителей — обще-

ство должно было быть готово к великой феминистской революции, грянувшей в это самое время.

Директор помолчал.

— А сейчас настал черед ближневосточным мотивам. Именно потому, что оттуда, с твоей родины идет страх, который держит в напряжении весь мир. Я знаю это, потому что возглавляю этот дом. В конце концов, все начинается со встречи поставщиков красителей и тканей.

«В конце концов, все начинается со встречи поставщиков красителей и тканей». Хамид снова смотрит на великого стилиста, в одиночестве сидящего на террасе. Тот, должно быть, тоже заметил их с Евой появление и теперь гадает, откуда этот араб раздобыл столько денег, что сумел превратиться в его главного соперника.

Человек, устремивший взгляд в никуда, в свое время очень сильно постарался, чтобы Хамид не приняли в члены Федерации. Он доказывал, что его финансируют нефтяные магнаты, а это делает конкуренцию нечестной. Ему было невдомек, что через восемь месяцев после смерти отца и через два — после того, как директор фирмы предложил Хамиду должность получше, но с условием, что его имя нигде не будет фигурировать, поскольку для того, чтобы блистать на показах и презентациях, был нанят другой модельер, — шейх снова вызвал его домой и на этот раз удостоил личной встречи.

Прибыв на родину, Хамид не сразу узнал свой город. Вдоль единственного проспекта нескончаемой вереницей тянулись скелеты небоскребов, плотность уличного движения была предельной, старый аэропорт пребывал в состоянии, близком к полному хаосу, но при этом замысел шейха на глазах обретал плоть: здесь будет оазис мира посреди пустыни войн, островок стабильности в бушующем море мирового финансового рынка, витрина благополучия, достигнутого народом, который столько обличали, унижали, порицали и к которому относились с таким предубеждением. Другие страны этого региона постепенно уверовали в город, вознесшийся в песках пустыни, — и потекли деньги: сначала тоненькой струйкой, а потом — бурной и полноводной рекой.

Впрочем, дворец властелина оставался прежним, но неподалеку уже возводили новый, гораздо более высокий и просторный. Хамид пришел на аудиенцию в превосходном расположении духа, радуясь, что может сообщить о великолепном предложении, полученном в Париже, и о том, что ему больше не требуется финансовая поддержка — наоборот, он с лихвой вернет каждый динар, вложенный в него.

— Тебе надо уволиться, — сказал шейх.

Хамид оторопел. Да, он знал, что оставленное ему отцом дело процветает, но ведь у него были и другие планы на будущее, и лелеял он иные мечты. Однако было невозможно еще раз бросить вызов человеку, который так помог ему.

— Во время нашей единственной встречи, о повелитель, я мог сказать вам «нет», ибо отстаивал интересы моего отца, а они всегда были для меня неизмеримо важнее всего остального в этом мире. Теперь же я готов склониться перед вашей волей. Если вы считаете, что деньги, инвестированные в мой труд, погибли, я исполню ваше требование. Вернусь домой и займусь наследством. Если нужно будет отринуть мечту всей моей жизни ради того, чтобы исполнить закон племени, я сделаю это.

Он произнес эти слова недрогнувшим голосом, ибо не мог выказать слабость перед человеком, уважающим силу, и неожиданно услышал:

— Да я не прошу тебя вернуться сюда. Если тебя повысили, то лишь потому, что поняли — ты можешь создать и зарегистрировать собственную торговую марку. Этого я от тебя и хочу.

— Правильно ли я понял? Создать мою собственную марку?

— Я замечаю, что в нашей стране с каждым днем все больше новых компаний, торгующих предметами роскоши. И они знают, что делают: наши женщины постепенно меняют не только стиль одежды, но и образ жизни. Мода наносит по нашей религии удар пострашнее, чем все иностранные инвесторы вместе взятые. Я беседовал с людьми сведущими и понимающими, ибо сам я — всего лишь старый бедуин, который, впервые увидев автомобиль, не понял, куда впрягают верблюда.

Мне бы хотелось, чтобы чужеземцы читали наши стихи, слушали нашу музыку и песни, видели танцы, пришедшие к нам из глубины веков через многие и многие поколения наших предков. Но судя по всему, надежды на это мало, и никому это не интересно. Есть лишь один путь к тому,

чтобы заставить их уважать наши обычаи и веру. И путь этот лежит именно через ту сферу, где подвизаешься ты. Если они по нашей манере одеваться поймут, кто мы такие, то постепенно уразумеют и все остальное.

На следующий день Хамид встретился с группой инвесторов из разных стран. Они предложили предоставить в полное его распоряжение фантастическую сумму и назвали срок возврата ссуды. Спросили, принимает ли он этот вызов, готов ли он к нему.

Хамид, попросив дать ему время на раздумье, отправился на могилу отца и весь остаток дня провел там за молитвой. Вечером бродил по пустыне под пронизывающим до костей ветром, а потом вернулся в отель, где остановились инвесторы.

«Блажен тот, кто сумел дать своим детям крылья и корни», — гласит арабская пословица.

Ему нужны были корни: есть в мире место, где мы рождаемся, учимся говорить, узнаем, как справлялись наши предки со своими проблемами. И приходит минута, когда начинаем осознавать свою ответственность за это место.

Ему нужны были крылья: они возносят нас к бескрайним просторам воображения, ведут нас к нашим мечтам, увлекают в неизведанные дали. Крылья позволяют нам постичь корни наших ближних и многому научиться у них.

Он испросил вдохновения у Всевышнего и принялся молиться. Через два часа ему припомнился некогда слышанный им разговор отца с одним из друзей, часто захакивавшим в его лавку:

«— Сегодня утром сын попросил у меня денег, чтобы купить барашка. Должен ли я помочь ему?»

— Это не к спеху. Выжди неделю, прежде чем дать ответ.

— Но если я в состоянии дать ему денег сейчас, зачем ждать неделю? Какая разница?

— Разница большая. По собственному опыту знаю, что истинную ценность люди находят лишь в том, насчет чего мучились сомнениями — получится ли?»

И он принял предложение инвесторов, но заставил их ждать целую неделю. Ему нужны были люди, которые занялись бы этими деньгами и вкладывали их туда, куда он скажет. Ему нужны были служащие и сотрудники — желательно односельчане. Ему нужно было еще год с лишним оставаться на прежней должности, чтобы приобрести недостающие знания.

Вот и все.

«Все начинается с красителей».

Нет, это не совсем так. Все начинается с того, что компании, изучающие тенденции рынка, замечают, что определенная категория населения предпочитает одни товары другим — и это на первый взгляд никак не связано с модой. Особые лаборатории (по-французски они называются «cabinets de tendance», по-английски — «trend adapters») проводят исследования, устраивая опросы потребителей, отслеживая спрос на те или иные образцы, но главным образом — тщательно наблюдая за 20-30-летними посетителями бутиков, а то и просто за прохожими того же возраста, примечая, как они одеваются и читая все, что те пишут в своих блогах. Они никогда не смотрят на витрины даже самых прославленных фирм: все, что выставлено там, уже дошло до массового потребителя и, значит, обречено на смерть.

И гениальные исследователи тенденций рынка хотят досконально знать: что заботит потребителя, что пробуждает в нем интерес или любопытство? Юноши и девушки, у которых нет денег на товары класса люкс, вынуждены изобретать свой стиль одежды. А поскольку они днюют и ночуют в интернете, то делятся своими открытиями с другими, и очень часто это превращается в подобие вируса, заражающего все сообщество. Дети влияют на отцов и в политике, и в том, какие книги читать и какую музыку слушать, а не наоборот, как полагают неискушенные. Отцы же воздействуют на детей в том, что именуется «системой ценностей». Подростки, которые уже в силу своего возраста — бунтари и мятежники, несмотря на это считают семью чем-то прочным и верным. Они могут одеваться крайне экстравагантно, могут упиваться певцами, которые дико завывают и ломают на эстраде свои гитары, — но на этом всё: решимости пойти дальше и устроить настоящую революцию нравов и обычаев у них нет.

Исследования трендов показывают, что общество движется к более консервативному стилю, удаляясь от угрозы, которую представляли суфражистки, как называли в начале XX века тех, кто боролся за право женщин голосовать, или длинноволосые и неопрятные хиппи — безумцы, кото-

рые однажды сочли, будто мир во всем мире и свободная любовь возможны.

В 1960-х мир, вовлеченный в кровопролития постколониальных войн, смертельно напуганный угрозой атомной войны и в то же время пребывавший в полнейшем экономическом процветании, отчаянно и безуспешно искал хоть немного радости. И в точности так же, как Кристиан Диор понял, что надежда на изобилие кроется в пышности, стилисты нашли комбинацию цветов, призванную поднять дух всего общества. Они сочли, что сочетание красного с лиловым может одновременно и успокоить, и разбередить.

Сорок лет спустя все переменялось радикально: мир боялся уже не термоядерной, а экологической катастрофы, и модельеры стали выбирать природные, естественные тона — морской воды, песка, зелени, цветов. Между двумя этими эпохами возникали и исчезали разнообразные тенденции — психоделическая, футуристическая, аристократическая, ностальгическая.

Исследователи тенденций дают общее, панорамное представление о том, каков дух времени, и лишь после этого начинается работа над большими дизайнерскими коллекциями. Сейчас, похоже, человечество встревожено сильнее всего — помимо войн, голодающих в Африке, терроризма — попранием прав человека, спесью и высокомерием некоторых развитых стран — тем, как нам спасти нашу бедную Землю от многочисленных опасностей, порожденных обществом.

«Экология. Спасение планеты. Какая чушь».

Хамид знает: бороться с коллективным бессознательным — пустая затея. Цветовая гамма и аксессуары, ткани и благотворительные акции Суперкласса, выходящие из печати книги и музыка, звучащая по радио, интервью с отставными политиками и новые фильмы, материал, из которого шьют обувь, и автомобильные газоанализаторы, коллективные письма сенаторам и членам парламента, бонусы от крупнейших мировых банков — все, кажется, сосредоточено на одном — на спасении планеты. Состояния образуются за одну ночь, гигантские транснациональные корпорации оплачивают гектары газетной площади, где сообщается о той или иной более или менее бессмысленной акции, неправительственные организации без малейшего зазрения совести размещают свою рекламу на крупнейших телеканалах и получают многомиллионные субсидии — и все потому, что все озабочены одним — судьбой Земли.

И всякий раз, когда он читал в газетах и журналах речи политиков, в предвыборной борьбе как козырь использующих глобальное потепление или уничтожение окружающей среды, Хамид думал: откуда такая самоуверенность? Планета была, есть и всегда будет сильнее нас. Мы не можем уничтожить ее, а если перейдем определенный рубеж, она сама позаботится о том, чтобы уничтожить нас, стереть с лица земли и продолжать существование. Почему бы не начать говорить о том, как бы не дать планете нас извести?

А вот почему: разглагольствования о спасении планеты создают ощущение могущества и иллюзию деятельности, облагораживают нас в собственных глазах. А что если борьба за то, «чтобы планета не уничтожила нас», ввергнет нас в отчаяние, приведет к бессилию, к реальному постижению того, сколь ничтожны и убоги наши возможности?

Тем не менее тренд именно таков, а мода обязана примеряться к желанию потребителя. На фабриках изготавливают лучшие, нежнейших оттенков красители для будущих коллекций, текстильщики разрабатывают натуральные ткани, производители ремней, поясов, очков, часов и прочих аксессуаров изо всех сил стараются соответствовать — или по крайней мере убедить в том окружающих, объясняя в брошюрах и буклетах, которые печатают на бумаге, изготовленной не из древесины, но из вторичного сырья, какие усилия они прилагают для сохранения окружающей среды. Все это будет продемонстрировано крупнейшим стилистам на главной, закрытой для простых смертных ярмарке моды, именуемой «Первый взгляд».

После этого каждый из них начнет разрабатывать собственные коллекции одежды, призывая на помощь всю свою творческую фантазию, и в итоге создастся впечатление, будто «haute couture» есть нечто своеобразное, оригинальное, иное. Да ничего подобного. Все они буквально следовали выводам и рекомендациям рыночных аналитиков. И чем громче имя у дома моделей, тем меньше желания идти на риск, поскольку судьба сотен тысяч служащих по всему миру зависит от решений кучки людей — Суперкласса моды, уже уставшего притворяться, будто каждые полгода их фирма продает абсолютную новинку.

Первые эскизы сделаны «непонятыми гениями», мечтавшими когда-нибудь увидеть свое имя

на этикетке изделия. Они трудятся примерно шесть-восемь месяцев, работая поначалу только с карандашом и бумагой, а потом создавая из дешевых тканей прототипы, которые, однако, можно сфотографировать на моделях и представить на рассмотрение директорам. Из каждых ста прототипов около двадцати отбирают для показа. Вносятся поправки — другие пуговицы, по-новому вшитый рукав.

Делаются снимки — манекенщицы сидят, стоят, лежат, идут — а вслед за ними — новые поправки, потому что комментарии вроде «годится только для манекенов» способны уничтожить целую коллекцию и поставить на карту репутацию фирмы. Пока длится действие, «непонятые гении» уже выставлены за дверь без выходного пособия, благо считается, будто они проходят испытательный срок. Самым даровитым удастся еще несколько раз увидеть свои творения — и со всей непреложностью убедиться: какой бы успех ни обрела созданная ими модель, упомянуто будет только название фирмы.

Все они грозят, что когда-нибудь расцветаются сполна. Все клянутся самим себе, что откроют собственный бутик и наконец прославятся. Но при этом продолжают улыбаться и работать так, будто их приводит в восторг то, что их выбрали и выделили. По мере того как отбирают последние модели, кого-то увольняют, кого-то нанимают (на новую коллекцию), и вот наконец из отобранных тканей шьют платья, которые продемонстрируют на показе. Объявив, что демонстрируются они впервые.

Это, разумеется, часть легенды.

Потому что к тому времени у перекупщиков всего мира уже имеются фотографии манекенщиц во всех позах и ракурсах и со всеми аксессуарами, уже известно, что это за ткань, сколько она должна стоить и где именно ее можно будет заказать. «Новая коллекция» начинает производиться одновременно во многих местах, и чем крупнее и знаменитее фирма — тем больше масштабы этого производства.

И вот настает великий день — вернее сказать, начинаются три недели, открывающие новую эру, которой, как всем известно, отпущено всего полгода жизни. Начинаются они в Лондоне, продолжаются в Милане, завершаются в Париже. Со всего света туда слетаются журналисты, фотографы оспаривают друг у друга самые удобные для съемки места, все держится в строжайшей тайне, журналы и газеты резервируют целые полосы под репортажи и хронику, женщины ослеплены, мужчины, с легким пренебрежением взирая на то, что считают «всего лишь» модой, думают, где взять несколько тысяч долларов, чтобы купить нечто такое, что для них не имеет никакого значения, в то время как жене представляется знаком принадлежности к Суперклассу.

И через неделю «абсолютный эксклюзив» уже продается по всему миру. И никто не спрашивает, как это его так быстро произвели и так стремительно доставили в бутики.

Ибо легенда важнее реальности.

Потребитель не отдает себе отчета в том, что мода создается теми, кто следует моде уже существующей. Что эксклюзив — всего лишь обман, в который люди хотят верить. Что большая часть коллекций, превозносимых в специализированных журналах, изготовлена крупными производителями предметов роскоши, поддерживающих эти самые журналы рекламой на целую полосу.

Разумеется, есть исключения, и одним из них после нескольких лет борьбы стал он — Хамид Хусейн. На этом и зиждется его могущество.

...Он замечает, что Ева снова проверяет свой мобильный телефон. Прежде у нее не было такой привычки. Сказать по правде, он ненавидит это устройство: быть может потому, что оно напоминает ему о ее прошлом, о котором он не мог бы с непреложной уверенностью сказать, что оно и впрямь прошло, минуло и кануло... Не мог бы, ибо никогда не говорил об этом с Евой. Хамид Хусейн смотрит на часы — пожалуй, у него есть еще время без особой спешки допить кофе. Потом переводит взгляд на кутюрье.

Ах, как было бы славно, если бы все действительно начиналось на фабрике красителей, а завершилось на подиуме! Но дело обстоит совсем иначе.

С этим человеком, который сейчас невидящим взглядом созерцает горизонт, они встретились впервые на «Первом взгляде». Хамид в ту пору еще работал в своей компании, хотя шейх уже сформировал маленькую армию из одиннадцати человек, призванных воплотить его идею че-

рез моды показать свой мир, свою веру, свою культуру.

— Нам с вами по большей части объясняют здесь способ представить простые вещи чем-то невообразимо сложным.

Они проходили мимо стендов с образцами новых тканей, красителей, изготовленных по новым технологиям и предназначенных для использования в ближайшие два года, все более и более замысловатых аксессуаров: здесь были пояса с платиновыми пряжками, открывающиеся нажатием кнопки футляры для кредитных карточек, браслеты, регулируемые с точностью до миллиметра благодаря инкрустированному бриллиантами рычажку.

Кутюрье тогда смерил его взглядом:

— Мир — сложен. Был, есть и всегда будет.

— Я так не считаю. И если я когда-нибудь оставлю свою нынешнюю службу, то как раз для того, чтобы открыть собственное дело, которое будет разительно не похоже на все, что мы видим здесь. Собеседник рассмеялся:

— Вы не знаете, что это за мир. Слышали, наверное, про Федерацию? Иностранцам чрезвычайно трудно туда попасть.

Французская Федерация высокой моды и в самом деле была чем-то вроде одного из самых закрытых клубов. Основанная в 1868 году, она обладала невероятным могуществом: она зарегистрировала марку «Haute Couture», так что никто больше не имел права использовать этот термин, если не хотел попасть под суд. Выпускала десятитысячным тиражом официальный каталог своих выставок, проходивших два раза в год, решала, как распределить две тысячи аккредитаций среди журналистов со всего света, отбирала крупных покупателей, определяла места показа — соответственно значению стилиста.

— Знаю, — ответил Хамид, прекращая на этом беседу. У него было предчувствие, что человек, с которым он разговаривал, в самом скором времени прославится. И еще — что они никогда не будут друзьями.

Через полгода все было готово для решительного шага: он уволился из фирмы, открыл на Сен-Жермен-де-Пре свой первый магазин и начал борьбу. Он проиграл много сражений. Но понял одно: нельзя склоняться перед тиранией «больших домов», определяющих тенденции моды. Он должен был стать оригинальным — и стал. Потому что с ним и за него были простота бедуинских одеяний, мудрость пустыни, опыт, обретенный за год работы в крупной компании, толковые финансисты и совершенно ни на что не похожие, невиданные прежде ткани.

Еще через два года у него было уже пять или шесть крупных магазинов в разных городах Франции, и его приняли в Федерацию — не столько отдавая должное его дарованиям, сколько благодаря связям шейха, чьи эмиссары упорно и настойчиво обрабатывали местные филиалы французских фирм.

Утекло уже немало воды под парижскими мостами, люди меняли воззрения и взгляды, избирались новые президенты, уходили на покой старые, передовая технология приобретала все больше сторонников, интернет стал самой что ни на есть массовой коммуникацией, усилиями общественного мнения удалось обеспечить почти полную прозрачность во всех сферах человеческой деятельности, роскошь и гламур отвоевали ненадолго утраченные позиции. Бизнес Хамида рос, развивался и распространялся по всему миру, охватывая теперь уже не только одежду, но и аксессуары, мебель, косметические средства, часы, эксклюзивные текстильные товары.

Хамид Хусейн стал теперь властелином целой империи, и все, кто вкладывал средства в его мечту, получили за свои инвестиции сторицей крупных дивидендов, выплаченных акционерам. Он продолжал сам курировать большую часть своих проектов, присутствовать на важнейших фотосессиях, сам делал эскизы для значительного числа моделей, не реже трех раз в год бывал в пустыне и молился на могиле отца, после чего отчитывался перед шейхом о состоянии дел. Но помыслы его с какого-то времени были заняты новым вызовом: он решил снять фильм.

...Взглянув на часы, он говорит Еве, что пора идти. Та спрашивает:

— Неужели это так важно?

— Нет, не важно. Но я бы хотел, чтобы ты присутствовала.

Ева поднимается. Хамид в последний раз окидывает взглядом одинокую фигуру знаменитого кутюрье, отчужденно созерцающего Средиземное море.

4:07 PM

В юности у всех одна и та же мечта — спасти мир. Потом одни об этом забывают, убедившись, что есть дела поважнее — обзавестись семьей, заработать денег, поехать по свету, выучить иностранный язык. Другие же решают принять посильное участие в том, чтобы изменить общество, и в тех процессах, которые определяют, каким наш мир достанется следующим поколениям.

Они начинают выбор профессии: идут в политики (поначалу неизменно руководствуясь желанием помочь своей общности), в социальные активисты (те свято веруют, что преступность порождается классовыми различиями), в художники (а эти не сомневаются, что все пропало и надо начинать с нуля) и... — в полицейские.

Инспектор Савуа был совершенно уверен в том, что может быть очень полезен обществу. Прочитав множество детективов, он воображал, что если злодеев посадить за решетку, всем добрым людям непременно найдется место под солнцем. Он с энтузиазмом постигал премудрость полицейской науки, получал высокие баллы на экзаменах по теоретическим дисциплинам, развивал силу и выносливость, чтобы не сплеховать в опасной ситуации, учился метко стрелять, хотя никогда никого не собирался убивать.

Прослужив в полиции год, он стал считать, что досконально изучил специфику своего ремесла. Его товарищи жаловались на низкое жалованье, на прорехи в законодательстве и некомпетентность судей, на существующее в обществе предубеждение к слугам закона и блюстителям правопорядка. С течением времени все оставалось неизменным, пребывало в прежнем виде, а прибывало только одно.

Бумаги.

Бесконечные протоколы, докладные, отношения, расписанные до мельчайших подробностей обстоятельства того, где, как, почему имело место такое-то происшествие. Такие пустяки, как мусор, выброшенный не туда, требовали досконального расследования (благо злоумышленник всегда оставляет следы — конверты или авиабилеты), тщательно начерченного плана местности, установления личности виновного, отправления повестки (а затем — и другой, составленной уже в более суровом стиле), передачи дела в суд (если нарушитель считал все это полной ерундой и пустой тратой времени), рассмотрения кассации и проч. Могло пройти года два до тех пор, пока дело окончательно не закрывали — без малейших последствий для обеих сторон.

Насильственные преступления встречались редко, очень редко. Статистические выкладки свидетельствовали, что львиную долю происшествий в Каннах составляли драки богатых мальчиков в дорогих ночных клубах, ограбления квартир, где хозяева жили только летом, аварии на дорогах, работа без разрешения и супружеские ссоры. Конечно, Савуа должен был бы радоваться этому — Лазурный Берег даже в те месяцы, когда сюда наезжали тысячи иностранцев, чтобы поваляться на пляже или купить-продать фильм, оставался во взбаламученном мире островком благоденствия и покоя. В прошлом году инспектор занимался расследованием четырех самоубийств (каждое из которых означало шесть-семь килограммов бумаг — а ведь все эти листки надо заполнить, отпечатать, подписать, подшить) и только два случая нападений со смертельным исходом.

И вот за несколько часов перекрыта годовая статистика. Что же такое случилось?

Телохранителей пострадавшего допросить не успели — они исчезли, и Савуа про себя отметил: полицейским, первыми появившимся на месте преступления, надо будет объявить выговор в приказе. Они ведь, как ни крути, упустили единственных настоящих свидетелей происшествия — единственных, потому что женщина, сидящая сейчас в приемной, абсолютно ничего не знает. Уже на второй минуте стало ясно: она находилась довольно далеко от жертвы и добивается только одного — воспользоваться ситуацией и хотя бы сейчас приблизиться (уже в фигуральном смысле) к знаменитому продюсеру.

И Савуа, следовательно, остается только читать бумаги.

Он сидит в холле госпиталя, положив перед собой два доклада.

Один, состоящий всего из двух листков, заполненных тягомотными техническими подробностями, написан дежурным врачом. В них анализируется состояние пациента, находящегося сейчас в блоке интенсивной терапии: получается, что ему неизвестным путем ввели в левую поясничную область тела неустановленное отравляющее вещество, которое сейчас пытаются идентифицировать в лаборатории. По номенклатуре ядов единственное вещество, способное по-

действовать столь стремительно, — это стрихнин, однако он вызывает сильные спазмы и конвульсии, каковых, по словам охранников, подтвержденным показаниями парамедиков и женщины-свидетельницы, не наблюдалось. Напротив, был отмечен почти мгновенный паралич всей мускулатуры: жертва упала грудью на стол, после чего ее вывели наружу, причем удалось это сделать, не привлекая внимания присутствующих.

Другой доклад — гораздо более пространный — исходил из организации под названием Европол, чьи сотрудники не спускали глаз с Джавица Уайлда с той минуты, как тот ступил на землю Франции. Они постоянно сменяли друг друга, а в самый момент убийства наблюдение вел чернокожий агент из Гваделупы, внешне очень похожий на уроженца Ямайки.

«Тем не менее он ничего подозрительного не заметил. Вернее сказать, в ту минуту, когда произошло убийство, Джавица заслонил от него какой-то человек со стаканом сока в руке».

Хотя человек, ставший жертвой, никогда не привлекался к уголовной ответственности и был известен в кинематографических кругах как один из самых крупных дистрибьютеров, эта его деятельность была лишь ширмой для другой, несравненно более прибыльной. По сведениям Европола, пять лет назад Джавиц Уайлд, в ту пору — второразрядный продюсер, вступил в контакт с наркокартелем, поставлявшим на территорию США кокаин и начавшим таким образом отмывание денег...»

— Это уже интересно, — пробормотал Савуа.

В первый раз ему нравится то, что он читает. Кажется, ему в руки попало по-настоящему важное дело, а не какая-то мелочевка вроде квартирных краж или супружеских ссор. Это вам не два среднестатистических убийства в год.

Савуа известен механизм того, о чем говорится в этом докладе. Наркодилеры получают огромные деньги, но не могут указать их источник, а следовательно, не могут и открыть счет в банке, купить квартиру, автомобиль, драгоценности, инвестировать средства в какой-нибудь проект, перевести из страны в страну, ибо надзирающие государственные органы непременно заинтересуются и спросят: «А как тебе удалось разбогатеть? Откуда все взялось?»

И вот, чтобы преодолеть это препятствие, используется так называемое «отмывание денег». То есть превращение криминальных барышей в респектабельные финансовые активы, которые становятся частью экономической системы и приносят новые прибыли. Говорят, будто термин этот придумал Аль Капоне, в эпоху «сухого закона» купивший в Чикаго сеть прачечных «Sanitary Cleaning Shops» и с помощью нее, державший на банковских счетах деньги, вырученные от нелегальной торговли спиртным. На вопрос, откуда это у него столько денег, он всегда мог ответить: «Люди стали сдавать в стирку больше белья. Я очень рад, что вложил именно в эту отрасль».

— Да, он все сделал правильно. Вот только позабыл заплатить налог с оборота, — вслух размышляет Савуа.

«Отмывание денег» применяется не только в наркоторговле — им пользуются и террористы, которым надо профинансировать операции в той или иной части света, и политики, получившие взятку или, как стали в последние годы говорить — «откат» за то, что приняли и одобрили несуразно раздутые сметы, и компании, которым надо спрятать от мелких акционеров свои доходы, и отдельные личности, считающие фискальную систему вздорным и вредным измышлением. В прежние времена достаточно было открыть номерной счет в каком-нибудь «налоговом раю», однако недавно правительства многих стран приняли совместные меры, заключили многосторонние договоры — так что механизм пришлось адаптировать к изменившимся условиям.

Одно, впрочем, не подлежит сомнению: преступники всегда на много шагов опережают власти.

Как действует система отмывания сейчас? Гораздо более хитроумно и изысканно, чем раньше. Надо лишь неукоснительно следовать трем давно определенным принципам — размещение, утаивание, интеграция. Взять несколько апельсинов, сделать из них оранжад — и никто не догадается о происхождении компонентов.

Это вовсе не сложно: деньги странствуют из банка в банк по дорогам, проложенным компьютерными программами, и дороги эти так причудливо извилисты, что практически невозможно проследить электронные импульсы. Ибо с того момента, когда деньги вносятся на счет, они перестают быть чем-то вещественным и превращаются в числовые коды, состоящие из двух цифр — 0 и 1.

Савуа размышляет и о собственном текущем счете: независимо от того, сколько он там держит — а держит он там не очень много, средства его зависят от летящих по проводам цифр. А если кому-то вдруг вздумается сменить систему всех файлов? Что тогда? А если новая программа не будет функционировать? Как доказать, что на счету инспектора лежала такая-то сумма? И как превратить эти ряды нулей и единиц во что-то конкретное — в дом, например, или набитую продуктами корзинку в супермаркете?

Да никак. Он — в руках системы. И Савуа, осознавая это, все же решает, что по дороге из госпиталя в первом же банкомате запросит справку о состоянии счета. И записывает в свой ежедневник: производить эту операцию каждую неделю: если в мире что-нибудь стрясется, у него в руках останется напечатанное на бумаге доказательство.

Савуа снова вспоминает все, что ему известно по поводу отмывания денег. Последний этап — самый легкий: деньги зачисляются на счет какой-нибудь благопристойной компании по торговле недвижимостью или инвестиционного фонда. И теперь, если власти опять зададут своей прежний вопрос: «Откуда деньги?», можно ответить: «От мелких инвесторов, доверяющих тому, что мы продаем». Затем их можно вложить в другие акции, купить на них землю, самолеты, особняки с бассейнами, безлимитные кредитные карты. Партнеры у этих предприятий — те же самые, что профинансировали в самом начале цепочки покупку наркотиков или оружия или еще какого-нибудь нелегального товара. Но теперь это — чистые деньги: в конце концов, никому не возбраняется зарабатывать миллионы, играя на бирже или спекулируя недвижимостью.

Остается сделать лишь первый, самый трудный шаг: «Кто такие эти мелкие инвесторы?»

Здесь на сцену выходит криминальный креатив. «Апельсины» — это люди, играющие в казино на деньги, одолженные у «друга» и в тех странах, где контроль за размером ставок намного уступает масштабу коррупции: опять же — никому ведь не заказано выигрывать сколько угодно. В этих случаях предварительно разрабатываются комбинации с владельцами казино, которые получают определенный процент с тех денег, что кочуют по игорным столам.

Но ведь игрок — человек среднего достатка — должен будет наутро объяснить банкиру происхождение своего огромного вклада.

Повезло, скажет он.

И на следующий день переведет почти всю сумму «другу»-заимодавцу оставив себе от выигрыша малую толику — заранее оговоренный процент.

В прежние времена распространен был способ покупки ресторана: владелец ведь вправе брать за блюда своей кухни столько, сколько пожелает, и, не вызывая подозрений, класть выручку на счет в банке. Пусть даже кто-то и увидит абсолютно пустые столики, доказать, что за целый день в ресторане не побывало ни одного человека, невозможно.

Но теперь, с развитием лазерных технологий, появился иной, куда более творческий путь.

Прихотливый, своевольный, непостижимый и непредсказуемый рынок искусства!

Представители среднего класса выставляют на аукционы произведения искусства, клянясь и божась, что они были обнаружены на чердаке дедовского дома. Их покупают за немалые деньги, а уже через неделю перепродают в картинные галереи в десять или двадцать раз Дороже. «Апельсин» — рад и счастлив, благодарит судьбу за щедрый дар, деньги кладет на свой счет, а потом переводит в какой-нибудь иностранный банк, не позабыв оставить немного — все тот же причитающийся ему и загодя оговоренный процент — на своем депозите. В роли судьбы в данном случае выступают истинные владельцы картины или скульптуры, которые покупают их в галереях, а потом снова, через другие руки, выбрасывают на рынок.

Однако существует кое-что еще более выгодное — театр, производство и прокат фильмов. Вот в этих-то сферах и устраивают невидимые «прачки» настоящую феерию: там есть к чему приложить руки.

Продолжая читать досье на человека, лежащего сейчас в реанимации, Савуа заполняет пробелы собственным воображением.

Актер, который мечтал о мировой известности. Заветной цели не достиг — хотя и по сей день заботится о своей внешности, как суперзвезда, зато освоился в киноиндустрии. И вот, когда он уже не первой молодости, удается найти инвесторов, собрать средства и сделать один-два

фильма, которые ждет оглушительный провал. Ибо не удалось обеспечить им должный и достойный прокат. Тем не менее имя его начинает мелькать на страницах журналов — о нем пишут как о человеке, попытавшемся сломать отработанную большими студиями схему производства и дистрибуции.

Сам он близок к отчаянию, не знает, куда податься и что делать, никто не даст ему третьей попытки, он устал вымаливать деньги у тех, кто согласен инвестировать только в проекты с гарантированной прибылью.

И вот в один прекрасный день он получает от неких учтивых и немногословных людей предложение: «А почему бы вам не начать прокатывать фильмы?» Первая покупка должна быть совершенно реальной и с шансами на большой успех. Крупные студии дорого запросят за свой товар — но это не его печаль: сколько бы ни заломили, его новые друзья найдут на это деньги. Картина будет демонстрироваться на многих площадках и принесет большие прибыли. Он, Джавиц Уайлд, заработает то, что ему нужнее всего — репутацию. Никому в это время и в голову не придет изучать обстоятельства жизни этого продюсера. Правда, еще два-три фильма — и власти начнут интересоваться, откуда деньги, но первый шаг уже будет надежно скрыт пятилетним сроком, по истечении коего фискальная проверка не проводится.

Джавиц начинает свое победное шествие. Первые фильмы, которые он прокатывает, приносят доход, и прокатчики уже уверовали в его дар находить на рынке самое лучшее, а режиссеры и продюсеры рвутся сотрудничать с ним. Чтобы сохранить свое реноме, он принимает не более двух-трех проектов в полугодие: все прочее — это фильмы с колоссальными бюджетами, с участием звезд первой величины, настоящих и несомненных профессионалов, с большими деньгами на рекламу, выделенными финансовыми группами, которые обосновались в каком-нибудь «налоговом раю». И доход от «полных сборов» вносится на счет какого-нибудь обычного инвестиционного фонда, находящегося вне подозрений и владеющего «частью акций» этого фильма.

И — готово. Грязные деньги превращаются в произведение высокого искусства, которое, разумеется, не приносит ожидаемой прибыли, однако способно заработать миллионы долларов, лежащих на счета одного из партнеров в этом благородном начинании.

Но приходит день, когда не в меру бдительный налоговый инспектор — сам или с подачи какой-то крупной студии — вдруг обращает внимание на одно простое обстоятельство: а каким это образом неведомые продюсеры умудряются занимать в своих лентах звезд первой величины, поручать проекты самым прославленным режиссерам, расходовать чудовищные средства на рекламу и при этом обходиться всего *одним* дистрибьютером? Ответ прост: голливудские монстры заинтересованы лишь в прокате своей продукции, а Джавиц — герой, свергнувший диктатуру гигантских корпораций, новый Давид, сражающийся с Голиафом несправедливой системы.

Несмотря на эти убедительные объяснения, налоговый инспектор решает копать дальше. И без огласки начинает расследование. Компании, вкладывающие средства в производство блокбастеров, всегда и неизменно оказываются акционерными обществами, зарегистрированными на Багамах, в Панаме или Сингапуре. И в этот момент некто, внедренный в департамент налогов и сборов (а такой обязательно найдется), предупреждает своих истинных начальников: канал Джавица скоро будет заблокирован — для отмывки денег ищите другого дистрибьютера.

Джавиц в отчаянии, ибо уже привык жить как миллионер и принимать поклонение, подбаивающее полубогу. Он летит в Канны: кинофестиваль — это отличный предлог для того, чтобы без ущерба для собственного достоинства переговорить с теми, кто его, с позволения сказать, финансирует, все выяснить, лично получить и передать номера банковских счетов. Ему невдомек, что за ним давно уже ходят по пятам, что его арест — это вопрос техники, и сидящие в полутемных кабинетах люди при галстуках размышляют, взять ли его прямо сейчас или пусть погуляет еще немного на свободе, поможет собрать новые улики?

«Финансисты», однако, не любят неоправданный риск. Их партнер Джавиц Уайлд может быть в любой момент арестован, а там, глядишь, пойдет на сделку со следствием, расскажет обо всех деталях налаженной системы, назовет имена тех, с кем заснят на фотографиях — причем так, что даже и не догадывался, что его снимают.

Заставить его молчать можно одним-единственным способом.

Савуа все совершенно ясно, и он точно знает, как дальше будут развиваться события. А сейчас надо заняться обычным делом.

Бумажной канителью.

Заполнить формуляр, отослать его в Европол — пусть тамошние бюрократы займутся розыском убийц: дело громкое, в случае удачного завершения сулит награды и нечастые в этих структурах продвижения по карьерной лестнице. Расследование должно завершиться результатом, и никто из его начальников не поверит, что инспектор из захолустья (да, потому что Канны при всем своем гламурном блеске 350 дней в году остаются маленьким провинциальным городком) способен добиться этого.

Савуа подозревает одного из телохранителей: чтобы впрыснуть яд, надо было находиться в непосредственной близости от жертвы. Но обнародовать свою версию не собирается. Он изведет еще много бумаги, чтобы проверить всех, кто присутствовал на вечеринке, новых свидетелей не обнаружит и — после нескольких дней оживленной переписки с вышестоящими инстанциями — сочтет свою миссию выполненной.

Вернется к расследованию двух среднестатистических убийств и нанесения телесных повреждений в ходе ссоры между супругами — а ведь стоял в двух шагах от того, что могло бы получить международный резонанс. От исполнения своей юношеской мечты об улучшении мира, о более справедливом и безопасном обществе, о карьере и высокой должности в Министерстве юстиции, о благополучии семьи, о борьбе за то, чтобы изменить отношение к слугам правопорядка, личным примером доказав, что есть среди них честные люди.

Все это будет погребено под бумагами.

4:16 PM

Увидев, что открытая терраса бара «Martinez» заполнена посетителями, Игорь хвалит себя за всегдашнюю предусмотрительность: хоть ему никогда прежде не приходилось бывать в Каннах, он все же загодя заказал столик, угадав, что все будет именно так, как сейчас. Сейчас он просит чаю с тостами, закуривает, оглядывается по сторонам: здесь все в точности так, как и в любом другом «шикарном» месте. Дамы, страдающие анорексией, накачанные ботоксом и обвешанные драгоценностями, пожилые мужчины с молоденькими спутницами, супруги, явно надоевшие друг другу, улыбающиеся девушки с бокалами прохладительного, не содержащего калорий, делающие вид, будто заняты беседой с подругами, а на самом деле посылающие диагональные трассы взглядов из одного конца в другой в надежде заметить кого-нибудь заслуживающего внимания.

И лишь за одним столиком дело обстоит иначе: трое мужчин и две женщины разложили среди банок с пивом какие-то бумаги и спорят вполголоса, постоянно щелкая клавишами своих калькуляторов. Кажется, будто эти пятеро — единственные, кто занят здесь делом, но это не так: делом здесь заняты все посетители.

Они стараются *засветиться*.

А это, если все пойдет хорошо, может привести к Славе. А та, если все пойдет хорошо, приведет к Могуществу. Магическое слово, заклинание, превращающее человека в полубога, в недосягаемого идола, который едва цедит слова и привык к тому, что все его желания неизменно исполняются, а сам он, когда проезжает в своем спортивном автомобиле или лимузине с затененными стеклами, вызывает у окружающих зависть и ревность. Для него нет непокоренных вершин и неприступных твердынь не существует.

Те, кто сидит на этой террасе, уже преодолели некий барьер — они ведь не толпятся с фотоаппаратами в руках по ту сторону металлических ограждений, ожидая, что вышедшая из главных дверей звезда озарит их миры своим сиянием. Да, они уже попали внутрь, да, им не хватает теперь лишь славы и власти — и неважно, в какой сфере. Мужчины знают, что возраст — не проблема, были бы надежные и прочные связи. Девушки, обводящие пространство взглядами, чьей зоркости позавидовали бы самые вышколенные телохранители, напротив, чувствуют приближение опасного возраста, зная: когда он наступит, возможности добиться чего-либо своей красотой внезапно исчезнут. Дамы постарше хотели бы, чтобы их уважали и ценили за дарования и ум, однако блеск бриллиантов слепит так, что ничего больше и не разглядишь. Супруги ожидают, что вот мимо пройдет кто-то, поздоровается, и все повернутся к ним и подумают: «Наверное, известные люди». А может быть, не известные, а — знаменитые?

Синдром известности способен разрушить брак, испортить карьеру, уничтожить все христианские добродетели, ослепить и мудрецов, и невежд. Великий ученый, получив престижную премию, забрасывает свои исследования, способные улучшить род людской, и принимается высту-

пять с лекциями и докладами, повышающими доход и самооценку. Индеец из амазонской сельвы, усыновленный великим певцом, внезапно считает должным осознать, что его бедственным положением воспользовались. Ревнитель справедливости, не покладая рук защищавший права обездоленных, решает занять высокий пост, выигрывает выборы — и после этого считает себя свободным от всяких обязательств: до такой степени, что однажды его накрывают в мотеле, где он на деньги налогоплательщиков развлекается с мальчиком по вызову.

Синдром известности. Это когда люди забывают, кто они такие, и начинают верить тому, что о них говорят. Суперкласс — вожденная мечта всех, место, где нет ни теней, ни тьмы, а в ответ на любую просьбу неизменно звучит «да».

Игорь обладает могуществом. Всю жизнь он боролся за свое нынешнее положение. И чтобы достичь его, ему приходилось участвовать в томительно-скучных ужинах, слушать нескончаемые речи, встречаться с теми, кого презирал, улыбаться, когда хотелось послать подальше, и посылать подальше, когда он чувствовал симпатию и жалость. Он работал день и ночь, не зная выходных и праздников, проводя встречи со своими юристами, администраторами, служащими, пресс-агентами. Вскоре после развала коммунистического режима он начал с нуля и сумел добраться до вершины. Более того — сумел выстоять во всех политических и экономических бурях, сотрясавших его родину в последнее двадцатилетие.

Почему? Потому что боялся Бога и знал, что свой путь он проходит по Его благословию и должен покориться Его воле, иначе потеряет все.

Разумеется, бывали минуты, когда что-то говорило ему: ты оставляешь в стороне важнейшую часть осенившей тебя благодати — Еву. Однако он так долго был убежден, что та все поймет, так горячо уговаривал себя, что это всего лишь такой период в его жизни, некая затянувшаяся фаза, но вот она кончится, и они всегда будут вместе. Они строили грандиозные планы — путешествовать, плыть на корабле, выстроить на вершине горы дом, где будет гореть камин и можно будет отринуть мысли о деньгах, о долгах, обязательствах и обязанностях. У них будет много детей, они отдадут их в школу где-нибудь неподалеку и будут целыми днями бродить по лесам и ужинать в маленьких уютных ресторанчиках.

У них будет время возиться в саду, читать, ходить в кино, делать те простые вещи, о которых мечтают все и которые только и способны заполнить собой жизнь любого человеческого существа, сколько ни есть их на Земле... Приходя домой с толстой пачкой документов и сваливая их на кровать, он просил Еву набраться терпения. Когда звонок мобильного раздавался в час давно запланированного ужина вдвоем и Игорю приходилось на полуслове прерывать разговор с нею и долго слушать собеседника, он вновь и вновь просил ее набраться терпения. Он знал: Ева делает все возможное и невозможное, чтобы ему было удобно и уютно, хотя время от времени она и позволяла себе ласково сетовать, что денег у них хватит на пять поколений и надо пользоваться жизнью, пока оба они еще молоды...

Игорь соглашался: это правда, он может остановиться прямо сейчас. Ева с улыбкой гладила его по щеке — и в этот миг, вспомнив что-то важное, он хватался за телефон или шел к компьютеру, с кем-то спорил или отправлял мейл.

Человек лет сорока вскакивает, оглядывается по сторонам и, размахивая над головой газетой, кричит: — «Кровавая бойня в Токио! Семь человек убито в салоне компьютерных игр!» Все взгляды обращаются к нему.

— Они называют это «насилием»! Насилие не там, а здесь!

Игорь чувствует озноб.

— Если какой-то психопат зарезал нескольких ни в чем не повинных людей, весь мир в ужасе. Но кому есть дело до интеллектуального насилия, творящегося в Каннах?! Наш фестиваль творит убийства во имя диктатуры! Речь уже не о том, какой фильм будет признан лучшим, а о преступлении против человечества, когда людей заставляют покупать товары, которые им совершенно не нужны, забывать про искусство в угоду моде, бросать съемки ради обедов и ужинов. Вот истинное зверство! Я здесь, чтобы...

— Заткнись, — отвечает ему кто-то. — Никому не интересно, зачем ты здесь.

— Я здесь, чтобы призвать вас: сбросьте рабское ярмо желаний! Вы давно уже ничего не выбираете сами! Выбор навязан вам лживой рекламой! Почему вас занимает резня в Токио, а не пытки, которым подвергается уже целое поколение кинематографистов?!

Он замолкает на миг, словно бы переживая бурные овации, но в баре не наступает даже раз-

думчивая тишина: вновь раздается приглушенное жужжание голосов. Все посетители вернулись к прежним разговорам, оставшись безразличными к только что прозвучавшим выкрикам. И кричавший садится на место, стараясь сохранить достоинство, хотя сердце у него рвется в клочья из-за смехотворности положения, в которое он себя поставил.

«За-све-тить-ся, — думает Игорь. — Это самое трудное. Все дело в том, что никому ни до чего нет дела».

Теперь уже он оглядывается по сторонам. Ева живет в этом же отеле, и, за столько лет успев наизусть выучить ее привычки и вкусы, он может поклясться, что сейчас она пьет чай или кофе где-нибудь неподалеку от него. Она получала его сообщения и сейчас наверняка ищет его, зная, что он тоже должен быть где-то поблизости.

Он не видит ее. Но, как одержимый, не в силах о ней не думать. Ему вспоминается тот поздний вечер, когда, возвращаясь домой в машине, которую вел его бывший однополчанин, выполнявший у него обязанности охранника — в Афганистане они были вместе, однако судьба оказалась к нему не столь благосклонна, — он попросил остановиться возле отеля «Балчуг Кемпински». Оставил на сиденье телефон и документы, а сам поднялся в бар, находившийся на террасе — вот как здесь, в Каннах, только там было почти пусто, близилось время закрытия. Пообещав «не обидеть», он попросил бармена и официантов поработать еще часок.

Именно там он понял все. Нет, он не остановится ни через месяц, ни через год, ни через десять лет. У них с Евой никогда не будет дома в сельской глуши, о котором они так мечтают, и детей. В ту ночь он спрашивал себя: «Почему?» — и находил только один ответ.

Путь к власти — это дорога с односторонним движением. Назад не повернуть. Он навсегда останется рабом своего давнего выбора, и если бы вправду осуществил свое намерение все бросить, немедленно вслед за тем впал бы в глубокую депрессию.

Почему же он выбрал этот путь? Из-за тягостных воспоминаний о войне и о том, каким был когда-то — юным, испуганным, исполняющим навязанный ему долг и вынужденным убивать? Из-за того, что никак не может забыть свою первую жертву — афганского крестьянина, появившегося на линии огня? Из-за тех многих и многих людей, которые сперва не верили ему, а потом насмеялись над его убежденностью: будущее мира заключено в сотовой телефонной связи — когда он искал инвесторов для своего первого проекта? Из-за того, что поначалу ему пришлось иметь дело с мафией, которая через его фирму отмывала свои преступные деньги?

И ему удалось тогда вернуть долги, не прося об отсрочке и не поступаясь собой. Он сумел сохранить собственный свет, общаясь с темными личностями. Сумел понять, что война осталась в далеком прошлом и надо жить дальше. Сумел найти женщину своей жизни. Сумел работать в сфере, всегда его привлекавшей. Сумел разбогатеть — очень разбогатеть — и обезопасить свои капиталы на тот маловероятный случай, если коммунистический режим возьмет реванш: большая часть его денег находилась за границей. Он поддерживал связи со всеми политическими партиями. Он создал фонд, опекавший детей тех, кто погиб во время советского вторжения в Афганистан.

Но в ту ночь, сидя в одиночестве у окна кафе, откуда виднелись кремлевские башни, и зная, что может сидеть здесь хоть до утра — никто и слова ему не скажет, — он вдруг понял.

Понял, что то же самое происходит с его женой, которая постоянно колесит по свету, а если находится в Москве — приходит домой поздно и сразу бросается к компьютеру. Понял, что вопреки расхожему мнению большинства, абсолютное могущество оборачивается рабством. Тот, кто попал в этот мир, уже не хочет покидать его. За покоренной высотой открываются новые вершины. И всегда будет конкурент, которого надо одолеть. Вместе с еще двумя тысячами человек он входит в самый элитный клуб, члены которого собираются лишь раз в году — в швейцарском Давосе, на Мировом экономическом форуме. И все они — люди, наделенные огромным могуществом и деньгами — работают с утра до ночи, желая достичь еще больше и пройти еще дальше. И говорят они только об одном — о тенденциях рынка, котировках, состоянии акций. О деньгах, деньгах, деньгах. И работают они не потому, что нуждаются в чем-то, а потому, что сознают огромную ответственность перед своими правительствами, партнерами и сотнями тысяч служащих. Работают, ибо искренне считают, будто помогают миру. Что ж, может быть, так оно и есть, но за эту помощь мир взимает с них высокую плату — их собственные жизни.

И на следующий день Игорь сделал то, к чему раньше относился с презрительным недоуме-

нием: сочтя, что с ним творится что-то неладное, нашел психотерапевт. И доктор объяснил ему: он страдает недугом, довольно распространенным среди людей, выбившихся из общей массы, достигших чего-то такого, что превосходит возможности обычного, среднего человека. Оказалось, что он — «трудоголик», как с недавних пор стали во всем мире обозначать этот вид расстройства.

Такие иступленно работающие люди, сказал доктор, стоит им отрешиться от проблем и вызовов, постоянно встающих перед их компанией, подвергаются риску тяжелой депрессии.

— Природа этого невроза пока не изучена, он связан с неуверенностью в себе, детскими страхами, нежеланием принимать действительность... Знаете, возникает зависимость ничуть не менее пагубная, чем от наркотиков. Но в отличие от наркомана, чья продуктивность убывает день ото дня, трудоголики весьма способствуют приращению национального богатства. А потому никто не заинтересован в том, чтобы помочь таким людям.

— Каковы же последствия?

— Я не стану их скрывать от вас, потому что вы для этого и ко мне обратились. Самое серьезное — это разрушение семейной жизни. В Японии, где это психическое расстройство проявляется чаще, чем где-либо еще, и приводит иногда к фатальному исходу, научились разными методами справляться с подобной одержимостью или хотя бы контролировать ее.

Игорь не помнил, чтобы за последние два года кто-то внушал ему большее уважение, чем этот усатый, очкастый человек, сидевший сейчас напротив.

— Значит, можно надеяться, что есть выход...

— Если трудоголик обращается к психотерапевту за помощью, он внутренне уже готов лечиться. Только один человек из тысячи отдает себе отчет в том, что нуждается в помощи...

— Мне нужна помощь. И у меня хватит денег, чтобы...

— Все правильно — слова типичного трудоголика. Я знаю, знаю, что хватит... Я узнал вас — видел ваши снимки в фоторепортажах с благотворительных ярмарок, конгрессов и даже те, где вы запечатлены рядом с нашим президентом... У него — замечу мимоходом, — симптомы того же порядка. Так вот, одних денег тут недостаточно. Хочу понять, хватит ли у вас воли.

Игорь подумал о Еве, о доме в горах, о семье, которую ему бы так хотелось создать, о сотнях миллионов долларов, лежащих на его счетах. И еще подумал о своем престиже, о достигнутом могуществе и о том, как трудно будет расставаться со всем этим.

— Я вовсе не предлагаю вам бросить то, чем вы занимаетесь, — будто читая его мысли, сказал психотерапевт. — Задача в том, чтобы вы стали воспринимать свое дело как источник радости, чтобы не были одержимы им, а забота о нем не превратилась в навязчивую идею. И в чем же главная причина того, что вы рискнули обратиться ко мне? В конце концов, люди вашего склада и уровня получают удовольствие от того, что делают, и ни один из ваших друзей, находящихся в том же положении, не признается, что ему нужна помощь...

Игорь опустил голову.

— Ну, так в чем же? Молчите? А хотите, я отвечу за вас? В том, что ваша семейная жизнь дала трещину.

— Да нет, дело еще хуже. У моей жены — те же самые симптомы. После нашей поездки на Байкал она стала отдаляться от меня. А если есть на свете человек, ради которого я готов снова убивать, то...

Он осекся, поняв, что говорит лишнее. Но психотерапевт по ту сторону стола и бровью не повел.

— Если есть на свете человек, ради которого я готов на... готов пойти на что угодно, то это моя жена.

Доктор вызвал свою ассистентку и попросил ее записать пациента на серию сеансов психотерапии. Он не спрашивал, свободен ли будет пациент такого-то числа в таком-то часу: психотерапия заключалась в том, чтобы с самого начала дать понять — даже самые важные деловые встречи и переговоры придется отложить или перенести.

— Позвольте спросить... Доктор кивнул.

— Скажите... А то, что я работаю больше, чем должен, не может быть истолковано в каком-то высоком, благородном смысле? Ну, как глубокое уважение к Господу, который-то и даровал мне в этой жизни такие возможности. Как способ исправить нравы общества, даже если для этого мне порой приходилось действовать методами, которые немного...

Он вдруг осекся.

— «Немного» — что?

— Нет, ничего.

От доктора Игорь вышел, чувствуя одновременно и смятение, и облегчение. Вероятно, психотерапевт не понимает сути того, чем занят его пациент: в жизни всегда есть смысл, все люди общаются между собой, и очень часто приходится удалять злокачественную опухоль ради того, чтобы сохранить весь организм. Каждый запирается в своем мирке, строит планы, не берущие в расчет ближнего, верит, что планета — это всего лишь участок земли, который надо возделывать, повинует своим инстинктам и желаниям, не уделяя ни малейшего внимания всеобщему благосостоянию.

Нет, он не разрушал свою семью — он всего лишь хотел, чтобы мир, где будут жить его дети, был лучше нынешнего. Чтобы в нем не было ни наркотиков, ни войн, ни позорного рынка секс-услуг. Чтобы в нем царствовала великая сила любви, способная объединить супругов, народы, нации, религии. Ева поняла бы его — даже когда их брак переживал кризис, без сомнения посланный Нечистым.

На следующий день он поручил своей секретарше отказаться от сеансов психотерапии под тем предлогом, что у него много важных дел. Он разрабатывает грандиозный план очищения мира, нуждается в помощи и уже связался с некоей группой, которая настроена поработать на него.

Два месяца спустя женщина, которую он любил, бросила его. Ее обуял дьявол. Ибо иначе он не мог объяснить мотивы некоторых ее поступков.

К действительности его возвращает резкий звук отодвигаемого кресла. Повернув голову, он видит перед собой женщину: в одной руке у нее стакан виски, в другой — дымящийся окурок. Хорошо одета, но явно нетрезва.

— Можно мне тут присесть? А то все столы заняты...

— Вы уже сели.

— Это невозможно... — говорит женщина, словно продолжая начатый разговор со старинным знакомым. — Это просто невозможно. Полиция выставила меня из госпиталя! А тот, из-за кого я полдня провела в самолете и вынуждена была снять номер в отеле за двойную цену, сейчас при смерти... Наркотики!

Она из полиции?

Или ее слова не имеют отношения к тому, о чем он думал?

— А что вы... нет, давай лучше на «ты»... Что ты здесь делаешь? И тебе не жарко? Почему не снимешь пиджак? Хочешь, чтобы все восхищались твоей элегантностью?

Как всегда, люди сами выбирают свою судьбу. И эта женщина — тоже.

— Я всегда ношу пиджак, независимо от того, какая погода... А вы, наверное, актриса?

Женщина заливается смехом, в котором, однако, позванивают истерические нотки:

— Ну, пусть актриса... Да, я актриса! Играю роль той, кто с отрочества лелеял мечту, рос с ней, семь тяжелейших лет боролся за ее осуществление, заложил дом, работал без передышки...

— Я знаю, что это такое.

— Нет, не знаешь! Это — день и ночь думать об одном и том же. Проникать туда, куда тебя не приглашали. Подавать руку тем, кого терпеть не можешь. По десять раз названивать людям, которые не обладают и сотой долей твоей отваги и таланта, но заняли определенное положение и решили отомстить за все свои личные и семейные неурядицы, сделав невыносимой жизнь других людей...

— ...Но при этом — знать, что нет большего счастья, чем гнаться за тем, что тебе желанно. Ни на что не размениваться и не отвлекаться. Ничем больше не интересоваться. Разрушить в конце концов свою семью.

Женщина — кажется, хмель выветрился из ее головы мгновенно — смотрит на Игоря в изумлении.

— Кто вы?! Как вам удалось прочесть мои мысли?

— Именно об этом самом я думал в ту минуту, когда вы подсели за мой стол. Можете называть меня на «ты». Думаю, что сумею вам помочь.

— Никто мне не поможет! Тот единственный, кому это по силам, лежит в реанимации. И

судя по всему, едва ли выкарабкается... О, господи!

Женщина залпом допивает остатки виски. Игорь делает знак гарсону, но тот, не обращая на него внимания, обслуживает посетителей за другим столом.

— Знаете, я всю жизнь предпочитала льстивую ложь конструктивной критике... Пожалуйста, скажите, что я красива, что я могу...

Игорь смеется:

— С чего вы взяли, будто я не смогу вам помочь?

— Вы, случайно, не кинопродюсер? Не дистрибьютер? У вас связи по всему миру и кинотеатры в каждом городе земного шара?

Не исключено, что оба они говорят об одном и том же человеке. Если это так, если ему подстроили ловушку, бежать все равно поздно — его наверняка плотно пасут и арестуют, едва лишь он поднимется со стула. Он чувствует неприятный холодок под ложечкой, но откуда этот страх? Ведь всего несколько часов назад он пытался сдать себя полиции — и в попытке этой не преуспел. Он тогда решил предпочесть мученичество и предложить свою свободу как жертву, однако Господь не принял ее.

А сейчас, быть может, переменял свое решение.

Он пытается представить себе, как все это будет: подозреваемый опознан, женщина, притворявшаяся пьяной, выступит на первый план и окажется важным свидетелем. Потом на террасу скромно вступит некий мужчина и попросит уделить ему пять минут для беседы. Мужчина этот из полиции. В кармане Игорева пиджака помимо безобидной авторучки лежит «беретта», и она-то выдаст его окончательно. Вся жизнь пронесется перед глазами.

Отстреливаться? Но полицейский едва ли появится здесь один — откуда-нибудь за этой сценой наблюдают его коллеги. Игоря застрелят, прежде чем он успеет что-либо сделать. С другой стороны, он приехал сюда не затем, чтобы убивать без разбору ни в чем не повинных людей: он исполняет некую миссию, и жертвы — он предпочитает называть их «жертвами, принесенными во имя любви» — служат великой цели.

— Нет, я не дистрибьютер. И вообще не имею никакого отношения к миру кино и миру моды. Моя сфера — телекоммуникации.

— Это замечательно, — отвечает женщина. — Значит, у вас есть деньги. И может быть, вы о чем-то мечтали. Тогда вы поймете меня.

Игорь вновь делает знак гарсону — уже другому — и просит принести две чашки чая.

— Разве вы не видите, что я пью виски?

— Вижу. Но вспомните — я сказал, что смогу помочь вам. А для этого надо соображать трезво и отчетливо.

Морин меняет тон. С той минуты, как этот незнакомец угадал, о чем она думает, ей кажется, что она возвращается к действительности. А вдруг он и вправду сможет помочь? Уже много лет ее не пытались соблазнить, произнося одну из самых знаменитых в этой среде фраз: «У меня влиятельные друзья...» Чтобы переменить состояние духа, нет средства лучше, чем дать женщине почувствовать — она желанна. Морин хочет встать, уйти в дамскую комнату, взглянуть на себя в зеркало, поправить макияж. Впрочем, с этим успеется: сперва надо послать сигнал, что она тоже заинтересована.

Да, она нуждается в обществе и готова к сюрпризам судьбы, ибо твердо знает: Господь, закрывая дверь, непременно откроет окно. Иначе как еще объяснить, что лишь за этим столиком оказалось свободное место? В этом был скрыт тайный смысл, это был знак — они должны встретиться.

...Морин сама усмехается этим мыслям. Положение ее столь отчаянное, что добрым знаком, хорошей новостью, забрезжившим в конце тоннеля светом ей может показаться что угодно.

— Но прежде всего я должен понять, что именно вам нужно, — продолжает мужчина.

— Помощь. У меня готов фильм с первоклассным актерским составом. Прокатывать его должен был человек, который — один из очень немногих — еще верит в талант тех, кто не входит в систему. И вот с этим дистрибьютером я должна была встретиться завтра. А сегодня оказалась на одном приеме неподалеку от него и заметила, что ему внезапно стало плохо.

Игорь незаметно переводит дух. Если это правда, жизнь и в самом деле даст сто очков вперед самому хитро закрученному детективу.

— Я выбежала следом, выяснила, в какой госпиталь его увезли, и бросилась туда. По дороге

придумывала, что сказать — «я его приятельница, мы готовились работать вместе...». Я никогда прежде не видела его, но уверена: в такой критической ситуации будешь рад каждому, кто окажется рядом...

«...И сумеет чужую беду обратить себе на пользу», — мысленно добавил Игорь.

Все они одинаковы. Абсолютно одинаковы.

— А что такое «первоклассный актерский состав»?

— Простите, я вас оставлю на минутку...

Игорь как воспитанный человек тоже поднимается и пока Морин идет в дамскую комнату, надевает темные очки, всем своим видом пытаясь продемонстрировать безмятежное спокойствие, потягивает чай, беспрестанно обшаривая террасу взглядом. Вроде бы ничего подозрительного, но засиживаться здесь все равно не стоит: вернется дама — надо уходить.

На Морин учтивость нового знакомого производит сильное впечатление. Давно уже не встречался ей человек, который вел бы себя согласно правилам хорошего тона — тем самым, что когда-то внушали ее родителям. Выходя с террасы, она заметила, что несколько молоденьких хорошеньких посетительниц за соседними столиками невольно подслушали их разговор и теперь поглядывают на него с улыбкой. Заметила и то, что он надел темные очки — должно быть для того, чтобы незаметно разглядывать женщин. Не исключено, что вернувшись, она обнаружит, что чай с ним пьет кто-то другой... Такова жизнь: жаловаться не на что и надеяться — тоже.

Она разглядывает себя в зеркале: как это мужчина мог заинтересоваться ею? Надо вернуться к действительности. У нее — усталые потухшие глаза, она измождена, как и все, кто принимал участие в фестивале... Но знает, что надо продолжать борьбу. Каннны еще не кончились, Джавиц может поправиться, а если нет — найдется человек, которого заинтересует прокат ее ленты... У нее есть билеты на просмотр других фильмов, ей вручили приглашение на праздник журнала «Gala» — одного из самых влиятельных во Франции, она может распорядиться своим временем так, чтобы узнать, что предпринимают в Европе независимые режиссеры и продюсеры для показа своих работ. Надо собраться, надо как можно скорее прийти в себя.

Что же касается этого красавца, нечего питать иллюзии. И Морин возвращается к столику, ожидая найти рядом с ним по меньшей мере двух девиц, но ошибается. Он — один. При ее появлении снова учтиво встает и отодвигает ее кресло.

— Я не представилась. Меня зовут Морин.

— Игорь. Очень приятно. Итак, мы остановились на том, что же такое «первоклассный состав»...

Теперь она может подпустить шпильку барышням за соседним столом. И потому говорит чуть громче, чем нужно:

— Здесь, в Каннах, как и на любом другом крупном фестивале, ежегодно происходят актерские открытия, и ежегодно крупные актрисы теряют роли, потому что кинопромышленники считают, что они уже вышли в тираж, хотя на самом деле те еще молоды и полны сил. Среди тех, кого «открывают» (девушки, слушайте, это вас касается!), кое-кто избирает стезю чистого гламура. Съемками они зарабатывают мало — режиссеры это знают и этим пользуются, — а инвестируют в самое что ни на есть неподходящее дело...

— То есть?

— В собственную красоту. Они обретают известность, получают деньги за то, что появляются на презентациях и вечеринках, за рекламу того или иного товара... Знакомятся с самыми могущественными на планете людьми и кумирами миллионов... И деньги эти колоссальные — потому что они молоды и красивы, и их агенты заключают от их имени невероятное количество контрактов.

И они же, эти агенты, постоянно разжигая их тщеславие, ведут и направляют своих подопечных. А те становятся идолами домохозяек, подростков, начинающих актрис, которые, не имея денег даже на поездку в соседний город, воспринимают их как подружек, мечтая пожить их жизнью. И продолжают сниматься в кино, зарабатывая теперь немного больше — при том, что их пресс-агенты и пиар-менеджеры рассказывают об их заоблачных гонорарах, и в эту заведомую ложь не верят даже журналисты, что не мешает им распространять ее в своих публикациях, ибо они знают: читателям нужна не информация, а новость.

— А в чем разница? — спрашивает Игорь, немного расслабившись, но не переставая внимательно следить за всем, что происходит вокруг.

Предположим, на аукционе в Дубай вы купили компьютер из чистого золота и решили написать на нем книгу. Репортер, узнав об этом, позвонит вам и спросит: «Как работается на вашем золотом компьютере?» Вот это — новость. А информация — что же именно вы написали — не имеет ни малейшего значения и никого не интересует.

«Может быть, и Ева получает от меня не информацию, а новости? — думает Игорь. — Раньше мне это не приходило в голову».

— Продолжайте.

— Идет время. Лет через семь-восемь ее перестают снимать. Приглашения на разного рода мероприятия и на участие в рекламных кампаниях присылают все реже. Агент неожиданно оказывается очень занят и не всегда отвечает на телефонные звонки. Звезда в шоке: как смеют они поступать таким образом с нею, с великим секс-символом, с живым воплощением гламура?! Сначала она во всем винит агента, решает даже расстаться с ним — и тут, к своему несказанному изумлению, обнаруживает, что его эта новость не повергает в панику. Наоборот: он просит подписать бумагу, подтверждающую, что во время сотрудничества все шло распрекрасно, желает ей всего хорошего, и на этом их отношениям приходит конец.

Морин обводит террасу взглядом, словно ища, кого бы привести в пример. Люди, еще сохранившие громкую известность, но уже исчезнувшие со сцены и теперь отчаянно ищущие новый шанс. Они еще обладают прежней величавой осанкой и надменно-отстраненным видом, но сердца их полны горечи, а кожа хранит тайные шрамы от пластических операций. Морин видит рубцы, видит закачанный ботокс, но — ни одной из знаменитостей минувшего десятилетия. Быть может, у них нет денег, чтобы приехать на подобный фестиваль, и сейчас они ведут какие-нибудь провинциальные празднества, рекламируют шоколад или пиво, продолжая держаться с достоинством, присущим их прежнему — но отнюдь не теперешнему — статусу.

— Так вы говорили...

— Да-да. Существуют два типа актрис. О первом я вам рассказала. Второй сталкивается точно с теми же проблемами. И разница лишь в том, — Морин снова повышает голос, заметив, что девушки по соседству явно заинтересовались словами дамы, так досконально знающей эту среду, — что они знают: красота — мимолетна. И редко появляются на обложках журналов или в рекламных роликах, потому что заняты совершенствованием своего мастерства. Они продолжают заниматься, укрепляют связи с людьми, способными пригодиться в будущем, а если одалживают свое имя и свою внешность каким-то товарам, делают это не в качестве модели, а как полноправные партнеры. Они, разумеется, получают меньше. Но зато — до конца жизни.

И вот тут появляется такой человек, как я. И говорит: «У меня есть хороший сценарий, достаточно денег, и я бы хотела, чтобы ты снималась в моем фильме». Они соглашаются: талант позволит им справиться с ролью, а ума хватит понять, что даже если фильм не получит грандиозный успех, люди увидят их на экране, поймут, что они еще очень даже способны работать, и, как знать, не заинтересуются ли ими какой-нибудь продюсер из новых.

Игорь тоже замечает, что девушки прислушиваются к разговору.

— Может быть, пройдемся немного? — предлагает он вполголоса. — Здесь слишкомлюдно. Я знаю одно отличное место — там тихо, и можно полюбоваться закатом... — Это волшебное зрелище.

О большем Морин не могла бы и мечтать: приглашение на прогулку! Предложение вместе посмотреть, как садится солнце (хотя ждать его захода еще довольно долго)! И никаких дешевых трюков вроде: «Только сначала поднимемся в мой номер, я должен надеть другие башмаки», а там, наверху, со словами: «У меня обширные связи, и я точно знаю, кто вам нужен...» — непременно приставания.

Впрочем, она бы не стала возражать, если бы этот обаятельный господин, о котором она решительно ничего не знает, взялся оболгать ее... Тем более что он наверняка делает это изысканно.

Они встают из-за стола, и, направляясь к выходу, ее спутник просит гарсона записать на его счет (значит, он живет здесь, в отеле «Martinez»). Выйдя на Круазетт, он предлагает свернуть налево.

— Там меньше народу... И кроме того, думаю, вид оттуда откроется красивее — солнце опускается прямо на холмы у нас перед глазами.

— Игорь, кто вы такой?

— Отличный вопрос, — отвечает он. — Мне бы тоже хотелось это знать...

Что ж, еще очко в его пользу... Он не распускает павлиний хвост, не распространяется о том, как богат, Умен, способен на то и на это... Всего лишь проявил желание вместе с нею увидеть, как вечереет в Каннах. И этого достаточно. Они молча проходят до конца пляжа, а вокруг них — самый разнообразный люд: пожилые супруги, живущие, кажется, в ином мире, который не имеет никакого отношения к фестивалю; причудливо одетые юнцы в наушниках, проносящиеся на роликах; уличные торговцы, разложившие свой товар на ковриках, снабженных веревочками, так что при появлении полицейского они могут в мгновение ока свернуть свою «витрину» в узел. Проходят мимо скамьи, неизвестно почему огражденной желтой «полицейской линией», хотя на вид — скамья как скамья. Морин замечает, что ее спутник два или три раза оглядывается, словно ждет кого-то. Да нет, наверное, просто увидел в толпе знакомое лицо...

И вот наконец они находят уединенное место, садятся на удобную скамейку со спинкой. Здесь они будут наедине — никто сюда не придет, потому что тут ровным счетом ничего не происходит. Морин в прекрасном настроении.

— Какая красота! А вы знаете, почему Создатель отдыхал в день седьмой?

Игорь не понял ее вопроса, но она продолжает:

— Потому что в шестой, прежде чем Он завершил труды и оставил человеку совершенный мир, к Нему пришли несколько голливудских продюсеров и сказали: «Об остальном можешь не заботиться! Мы сами займемся цветной пленкой для заката, спецэффектами для бурь и штормов, сами поставим свет и запишем звук, чтобы человек, слыша рокот волн, всякий раздумал, что это — настоящее море!»

Она смеется, но ее спутник по-прежнему сосредоточен и серьезен.

— Вы спросили, кто я...

— Я не знаю, кто вы, но вижу, что город вы знаете прекрасно. И могу добавить: вас сам Господь послал. Всего за один день мне довелось испытать надежду, отчаяние, одиночество и удовольствие от приятного общества. Столько разнообразных чувств разом!

Он достает из кармана какой-то предмет — деревянный брусочек не больше пятнадцати сантиметров длиной.

— Мир полон опасностей. Где бы вы ни находились, повсюду можно встретить тех, кто не моргнув глазом готов напасть, ограбить, убить. И никто — поверьте мне, никто — не умеет защищаться. Все мы — в руках тех, кто сильнее.

— Вы правы. И потому, наверное, эта штучка, которую вы держите, — для того, чтобы вам не причинили зла?

Игорь осторожно, как художник, кладущий последние мазки на свой шедевр, отвинчивает верхнюю часть цилиндрика, снимает крышку, которая оказывается головкой длинного штыря — на его металлическом острие вспыхивают солнечные блики.

— С этим вас не пустят в самолет! — со смехом замечает она.

— Разумеется, не пустят.

Морин понимает, что сама судьба свела ее с этим привлекательным, учтивым и, вероятно, богатым человеком, способным уберечь ее от всех опасностей. Она не знает уголовной статистики, но понимает, что надо быть готовым ко всему.

Для этого и существуют мужчины — для того, чтобы быть готовым ко всему.

— Конечно, надо точно знать, куда направлять удар. Стержень, хоть и стальной, но тонкий, а потому — хрупкий, и, кроме того, слишком короткий, чтобы причинить серьезную рану. Если тыкать куда попало, эффекта не будет.

Подняв штырь, он подносит его на уровень уха Морин. Страх — ее первая реакция — тотчас сменяется восторженным любопытством.

— Вот, к примеру, здесь — идеальное место. Чуть выше — удар отразят толстые кости черепной коробки.

Чуть ниже — попадешь в вену, человек умрет, но может успеть отреагировать. Если он вооружен, то нанесет ответный удар, потому что нападающий стоит к нему вплотную...

Штырь медленно проползает по ее телу, слегка касается груди, и Морин понимает: он хочет одновременно и произвести на нее впечатление, и возбудить ее.

— Вот уж не думала, что специалист по телекоммуникациям так разбирается в этом вопросе. Но судя по тому, что вы сказали, это довольно мудреный способ убийства.

Ее слова означают: «Мне интересно то, что ты говоришь. И сам ты тоже мне интересен. Через минуту возьми меня за руку, чтобы мы вместе любовались закатом».

Стальное острие скользнуло по груди, но не задержалось там, хотя грудь и затрепетала. И вот наконец остановилось чуть ниже подмышки.

— Теперь оно — напротив сердца. Сердце окружено грудной клеткой — это его естественная защита. В драке таким коротким клинком серьезный ущерб не нанесешь. Он непременно наткнется на ребро, и если даже проникнет в тело, кровотечение будет не столь сильным, чтобы вывести противника из строя. Он может даже не почувствовать удар, который вот здесь будет смертоносным.

Что же она делает здесь, в безлюдном месте, наедине с этим совершенно незнакомым человеком, рассуждающим на такие жуткие темы?! И едва успев подумать об этом, Морин ощущает нечто подобное разряду тока — и тело перестает повиноваться ей. Борясь с удушьем, она хочет вдохнуть поглубже, но теряет сознание.

Игорь — как тогда с Оливией — обнимает ее за плечи, но на этот раз прислоняет обмякшую женщину к спинке скамьи. Надев перчатки, опускает ее голову на грудь.

Если бы кто-нибудь случайно забрел в этот уголок пляжа, то увидел бы всего лишь уснувшую на скамейке женщину и подумал: «Устала... Набегалась в поисках продюсеров и дистрибьютеров...»

Притаившийся за старым складом паренек, который облюбовал это место, чтобы подсматривать за парочками, сейчас уже лихорадочно звонит в полицию. Он все видел. И думал, что все это — шутка, пока мужчина в самом деле не воткнул стилет в тело своей жертвы. Паренек решил до появления полиции не вылезать из своего укрытия: этот маньяк может в любую минуту вернуться, и тогда он пропал.

Игорь швыряет стилет в море и направляется в сторону отеля. На этот раз его жертва сама выбрала себе смерть. Когда она появилась на террасе, он ведь сидел в одиночестве, размышляя о том, что делать, и вспоминая прошлое. Он и подумать не мог, что она согласится пойти с ним — с человеком, которого видит впервые в жизни в безлюдное место, однако она не колебалась, не замедлила шаг. И сто раз могла бы убежать, когда он начал показывать ей, в какие точки следует вонзить короткое лезвие, чтобы удар был смертельным, — однако продолжала сидеть рядом и даже не запаниковала.

Мимо по закрытой для движения полосе проносится патрульная машина. Игорь провожает ее глазами и с Удивлением замечает, что она въезжает на пирс, который никто — ни один человек — не посещает во время фестиваля. И утром, и сейчас, под вечер, здесь пустынно, хотя это, конечно, лучшая точка, где можно любоваться закатом.

Через несколько секунд в том же направлении, оглушительно завывая сиреной, мигая фонарями на крыше, промчалась карета «скорой помощи».

Игорь уходит прочь: он убедился — кто-то был свидетелем его преступления. Как этот «кто-то» опишет его? — Мужчина, с седеющими волосами, в джинсах и черном пиджаке поверх белой сорочки. На основании свидетельских показаний сделают словесный портрет, а это займет известное время и вскоре заставит сыщиков понять, что под это описание подходят десятки, если не тысячи людей.

С той минуты как в ответ на попытку сдать властям ему посоветовали отдохнуть и выспаться, Игорь считал, что больше никто не помешает ему выполнить его предназначение. Его мучили другие сомнения: достойна ли Ева тех жертв, которые он собирался принести миру? И поначалу был уверен — да. Но теперь что-то иное скребло его душу и перед глазами то им дело возникал образ маленькой торговки кустарными сувенирами, виделись ее густые ресницы и невинная улыбка.

«В каждом из нас есть частица Божьего огня, — казалось, говорит ему Оливия. — Всем нам при рождении дарован был некий умысел, имя которому — Любовь. Но она не должна быть сосредоточена в одном человеке — она рассеяна по миру и ждет, когда ее откроют и обретут. Приснись, пробудись для нее. Что прошло, то не вернется. Что придет, должно быть узнано».

Он мысленно возражает ей: «Мы узнаем, что план был неверен, когда дойдем до самых отдаленных его последствий. Или когда милосердный Господь поведет нас в ином направлении».

Игорь смотрит на часы: у него еще есть двенадцать часов — времени хватит, чтобы сесть в свой самолет с той, кого он любит, и вернуться в...

Куда? В Москву, к своей работе — и это после всего того, что он испытал, перестрадал, обдумал, спланировал? Или благодаря всем принесенным жертвам воскреснуть, избрать абсолютную свободу, открыть в себе нового, неведомого человека и уж с этой минуты делать лишь то, о чем мечтал, когда Ева еще была с ним?

4:34 PM

Жасмин курит, уставившись бездумным взглядом в море. В такие минуты ей, ощущающей свое единение с бесконечностью, кажется, будто она обретает невиданное могущество и способность творить нечто чудесное.

Она вспоминает старинную притчу, неизвестно где вычитанную. Ходжа Насреддин однажды появился при дворе в роскошном тюрбане и попросил денег на благотворительность.

— Пришел просить денег, а сам носишь такой великолепный и, без сомнения, очень дорогой тюрбан, — ответил ему властелин. — Сколько стоит эта необыкновенная вещь?

— Пятьсот золотых, — отвечал ему суфийский мудрец.

— Это ложь, — прошептал на ухо повелителю его визирь. — Ни один тюрбан не может стоить таких денег.

Однако Насреддин стоял на своем:

— Я пришел сюда не только просить, но и договариваться. Я заплатил такие деньги за тюрбан, ибо знал, что во всем подлунном мире только наш повелитель сможет купить его за шестьсот золотых, чтобы полученный доход я мог обратить в пользу неимущих.

Польщенный султан выплатил требуемую сумму. А мудрец, уже выходя из дворца, сказал визирю:

— Ты прекрасно знаешь, сколько стоит тюрбан, а вот предел, до которого доводит человека его суетность, известен мне одному.

Это — в точности о том мире, что ее окружает. Она ничего не имела против своей профессии, не осуждала людей за их желания, однако все же отчетливо сознавала, что в жизни главное. И старалась обеими ногами стоять на земле, хотя искушения так и сыпались на нее.

...Кто-то, приоткрыв дверь, сообщает, что до начала показа остается всего час. Самое томительное и тяжелое время, предшествующее дефиле, миновало. Модели откладывают в сторону свои телефончики и плееры, гримеры наносят последние штрихи, парикмахеры поправляют выбившиеся пряди.

Жасмин садится перед тройным зеркалом и предоставляет себя в их распоряжение.

— Не волнуйся, — говорит парикмахер. — Подумаешь, Канны.

— А я и не волнуюсь.

Да и с чего бы ей волноваться? Наоборот, каждый раз, как она вступает на подиум, ее охватывает чувство сродни экстазу, и происходит пресловутый выброс адреналина. Стилистка расположена поболтать: она рассказывает о морщинах знаменитостей, проходящих через ее руки, предлагает новый чудодейственный крем, говорит, как от всего этого устала, спрашивает, нет ли у Жасмин лишнего приглашения на party. Та слушает все это с ангельским терпением, ибо в мыслях она сейчас далеко отсюда — на улицах Антверпена. Ей вспоминается тот День, когда она решила отыскать фотографов.

Она преодолела неизбежные поначалу трудности, и все пошло как надо.

Так же будет и сегодня. Так было, когда она вместе с матерью, мечтавшей, чтобы дочка поскорее оправилась от потрясения, и согласившейся сопровождать ее, позвонила в дверь первому фотографу — тому самому, что восхитился ею на улице. Дверь открылась, и они попали в небольшую комнату, где стоял прозрачный стол, заваленный негативами, другой стол — с компьютером — и еще что-то вроде архитекторского кульмана. Фотограф был не один: какая-то женщина лет сорока, представившаяся как координатор проектов, оглядела Жасмин с ног до головы и улыбнулась. Все четверо расселись.

— Уверена, что вашу дочь ждет большее будущее, — сказала женщина.

— Я всего лишь сопровождаю ее, — ответила мать. — Если что хотите сказать, обращайтесь прямо к ней.

Женщина немного оторопела. Потом взяла формуляр, принялась заносить в него данные и параметры, приговаривая при этом:

— «Кристина» — не годится... Слишком распространенное имя... Прежде всего нам надо будет придумать другое.

«Нет, — думает она сейчас, — не потому, что слишком распространенное... Кристиной звали ту девушку, которая стала духовной калекой в тот день, когда оказалась свидетельницей убийства, и умерла, когда отказалась подтвердить то, что видела собственными глазами. И если уж менять все, то начинать и вправду надо с обращения, привычного с первых месяцев жизни». И в ответ будто само выговорилось:

— Жасмин Тайгер. Нежна, как цветок, опасна, как дикий зверь.

Женщине понравилось:

— Карьера модели — дело непростое. Тебе повезло уж с тем, что тебя выбрали хотя бы для первого шага. Впереди будет еще много разного, но мы здесь для того, чтобы помочь тебе попасть туда, куда ты хочешь. Мы сделаем фотографии и разошлем по агентствам. И еще тебе потребуется *компози́т*.

Она явно ожидала, что Кристина спросит: «Что это такое?» Но вопроса не последовало, и женщина опять сумела скрыть легкую растерянность:

— *Компози́т*, как ты, наверное, знаешь, — это лист особой бумаги, где помещена твоя лучшая фотография и указаны твои параметры. И еще снимки — в разных видах: в бикини, школьной форме... Лицо — крупным планом. В вечернем макияже, чтобы тебя можно было отобрать и в том случае, если надо, чтобы модель казалась старше... Так, теперь грудь...

Она замолчала.

— ...Грудь, надо сказать, несколько превышает установленные для модели объемы. — Она повернулась к фотографу. — Надо будет это скрыть. Запиши.

Тот сделал пометку в блокноте. Кристина, стремительно превращавшаяся в Жасмин Тайгер, подумала: «Но ведь рано или поздно истинный размер обнаружится».

Женщина меж тем достала из красивого кожаного портфельчика лист бумаги:

— Нам надо пригласить гримера. Парикмахера-стилиста. Ты ведь никогда не выходила на подиум, так?

— Никогда.

— Тогда запомни: движение на подиуме отличается от Движения на улице. Иначе свалишься — шаги быстрые, каблуки высокие... Ноги надо переставлять по-кошачьи — одну за другой. Ни в коем случае не улыбаться. Самое главное — это постановка фигуры, осанка, иначе говоря.

Она поставила три галочки на полях.

— Взять напрокат несколько платьев. Еще одна галочка.

— Ну, пока, я думаю, все.

Она извлекла из портфельчика калькулятор, сложила, сверяясь со списком, какие-то цифры. Никто не осмеливался произнести хоть слово.

— Около двух тысяч евро. Снимки я не считаю, потому что Яссер, — она кивнула на фотографа, — берет очень дорого, но эти он сделает бесплатно, если ты разрешишь использовать материал. Стилистов, наверное, надо будет вызвать на послезавтра. А я свяжусь, узнаю, есть ли вакансии... Уверена, что тебя удастся пристроить... И еще я уверена, что все твои расходы очень скоро окупятся, потому что ты инвестируешь в себя и создаешь себе новые возможности.

— Вы хотите сказать, что платить придется мне?

Этот вопрос в очередной раз сбил координатора проектов с толку. Обычно девушки, приехавшие сюда, были готовы на все ради осуществления мечты целого поколения — стать самыми желанными женщинами планеты — и таких вопиюще бестактных вопросов не задавали.

— Послушай-ка, милая моя Кристина...

— Мое имя — Жасмин. Переступив этот порог, я превратилась в Жасмин.

Раздался звонок. Фотограф вытащил из кармана телефон и отошел вглубь комнаты, тонущей во тьме. Когда он отдернул штору, Жасмин увидела стену, наглухо задрапированную черной материей, штативы с аппаратурой, мощные светильники под потолком.

— Хорошо. Пусть будет Жасмин. Так вот, милая, на твоём месте хотели бы оказаться тысячи, миллионы людей. Тебя выбрал один из самых известных фотографов этого города, с тобой

будут работать лучшие профессионалы, и я сама собираюсь направлять твои шаги. Между тем, как и во всем остальном, что есть в жизни, нужно верить в возможность своей победы и во имя ее вкладывать средства. С твоей красотой можно добиться успеха, но этого совершенно недостаточно в нашем мире, построенном на жестком соперничестве. Надо и в самом деле стать самой лучшей, а это стоит денег — по крайней мере поначалу.

— Но если вы считаете, что у меня есть все эти качества, почему не хотите инвестировать в меня?...

— Для этого еще не пришло время. А сейчас мне необходимо понять — ты и в самом деле хочешь стать профессионалкой или я имею дело с очередной девицей, ослепленной возможностью путешествовать, увидеть мир, подцепить богатого мужа...

Она говорила теперь сухо и строго.

— Звонит гример, — сказал фотограф. — Спрашивает, к которому часу ей завтра прийти.

— Если без этого и вправду никак не обойтись, я могла бы наскрести... — растерянно произнесла мать.

Но Жасмин уже встала и направилась к двери, не протянув руки координатору:

— Большое спасибо. Таких денег у меня нет. А были бы — истратила бы на что-нибудь другое.

— Подумайте о своем будущем!

— Именно это я и делаю. Это мое будущее, а не ваше.

На улице она разрыдалась. Сначала — тот роскошный бутик, где с ней обошлись так невежливо и даже намекнули, что она обманывает, говоря о своем знакомстве с хозяином. А потом, когда она уже предвкушала новую жизнь и придумала себе новое имя, с нее для первого шага потребовали две тысячи евро!

Мать и дочь возвращались домой в угрюмом молчании. Несколько раз звонил телефон, но Жасмин, взглянув на высвечивающийся номер, не отвечала.

— Почему ты не отвечаешь? — спросила мать. — Разве у тебя не назначена встреча во второй половине дня?

— Вот потому и не отвечаю. У нас тобой нет двух тысяч. Мать, видевшая, в каком она состоянии, обняла ее, понимая: надо что-то сделать.

— Нет есть. С тех пор как не стало твоего отца, я работаю, не покладая рук... У нас наберется и больше двух тысяч. Здесь, в Европе, уборщица получает много, потому что никому не нравится разгребать за другими грязь. И речь идет о твоём будущем.

Снова зазвонил телефон. Жасмин стала прежней Кристиной и послушалась мать. Женский голос в трубке извинился за двухчасовое опоздание, сославшись на неотложные дела.

— Да это неважно, — ответила Кристина. — Но чтобы понапрасну не тратить ваше время, я хотела бы знать, сколько все это будет стоить...

— Сколько будет стоить — что?

— У меня только что было интервью, и с меня запросили две тысячи евро за фотографии, макияж и прочее...

Женщина рассмеялась:

— Ничего это вам не будет стоить! Старый трюк, мы его знаем. И поговорим об этом, когда придете сюда.

Обстановка в студии была такая же, но держались с Жасмин иначе. Женщина с фотоаппаратом, как видно, запомнив ее еще с первой встречи, спрашивала, почему у нее сегодня такие печальные глаза. Кристина рассказала о том, что произошло утром, и ей объяснили, что так ведется испокон века, хотя в последнее время власти начали с этим бороться. В эту самую минуту, в разных городах мира привлекательных девушек приглашают «показать свой потенциал», обещая щедро заплатить за него. Под предлогом того, что ищут молодые дарования, агентства снимают номера в роскошных отелях, расставляют в них аппаратуру, сулят не менее одного дефиле в год — или «деньги обратно» — сдирают огромные средства за фотосъемку, приглашают разных неудачников исполнить роли гримеров и парикмахеров, заывают поступить в школу моделей — а потом исчезают бесследно. Кристине повезло в этом смысле — она попала не к мошенникам, а в настоящую студию, но ей хватило ума отклонить сомнительное предложение.

— Так уж устроен человек со своим неумным тщеславием... Ничего такого в этом нет, если, конечно, умеешь защищаться от него. И происходит это не только в мире моды, но и повсюду: писатели рекламируют собственные произведения, художники патронируют свои выставки, кинематографисты влезают в долги и борются за место под солнцем с крупными студиями, твои ровесницы бросают все и устраиваются официантками в больших городах, надеясь, что когда-нибудь продюсер угадает их талант и откроет им путь в звезды.

Нет, сегодня я тебя снимать не буду. Я хочу узнать тебя получше, а нажать кнопку — это самый последний этап долгого пути. Начинается же он с попытки понять, что таится в душе человека.

Они условились на завтра и еще немного побеседовали.

— Тебе надо будет выбрать себе имя.

— Жасмин Тайгер. Желания воскресли.

Фотограф пригласила ее провести уикенд на море неподалеку от голландской границы. И там часов по восемь в день экспериментировала, снимая Жасмин в разных ракурсах.

Ей надо было выразить на лице эмоции, вызываемые, например, словом «вода», или «огонь», или «обольщение». Показать добрую и злую стороны своей души. Устремить взгляд вперед, влево, вправо, вниз, в бесконечность. Представить себе чаек и демонов. Вообразить, что ее домогаются пожилые мужчины, что она оказалась взаперти в туалете бара, что ее насилуют. Сделаться грешницей и святой, распутной и невинной.

Ее снимали на открытом воздухе, и она казалась заледеневшей, но все равно была способна реагировать на каждый стимул, повиноваться любому побуждению. В маленькой фотостудии, оборудованной в одной из комнат их номера, звучала разная музыка и ежеминутно менялось освещение. Жасмин наносила грим, фотограф причесывала ее.

— Почему вы тратите на меня столько времени?

— Потом объясню.

Она размышляла, перебирала снимки, делала какие-то пометки и никогда не говорила, радуют ее результаты работы или разочаровывают.

И лишь в понедельник утром Жасмин (Кристина к этому времени уже окончательно сгинула) услышала наконец оценку. Они были на брюссельском вокзале, ожидая поезд на Антверпен.

— Ты — самая лучшая.

— Неправда.

Женщина взглянула на нее удивленно:

— Не спорь. Я занимаюсь этим делом двадцать лет и нафотографировала бесчисленное множество людей, я работала с профессиональными моделями и киноартистками. Но никто, никто из них не может сравниться с тобой в искусстве передавать чувства.

Хочешь знать, как это называется? Талант. Есть категории, где его можно измерить: режиссер, который берется доделывать провальную картину и превращает ее в высокодоходную. Спортсмен, который бьет рекорды. Художники, которые своими работами остаются в памяти поколений — пусть хоть двух. Ты спросишь, как я могу гарантировать, что у модели есть талант? Да так. Я — профессионал. Тебе удастся показать перед объективом камеры и демонов, и ангелов, обитающих в твоей душе, это совсем не просто, поверь мне. Я говорю сейчас не о тех юнцах, что любят наряжаться вампирами и ходить на разные готические вечеринки. И не о девицах, принимающих невинный вид, чтобы пробудить дремлющую в мужчинах педофилию. Я — о настоящих демонах и подлинных ангелах.

Вокруг сновали люди. Жасмин сверилась с расписанием поездов и предложила выйти наружу — ей до смерти хотелось курить, а на вокзале это было запрещено. Она раздумывала, должна ли высказать то, что переполняло ей душу в эту минуту.

— Если даже у меня и есть талант, я сумела проявить его по одной-единственной причине. За все те дни, что мы провели вместе, ты почти ничего не говорила о своей личной жизни и не расспрашивала об этом меня. Давай я возьму твой кофр. Фотография — не женское дело: какие тяжести приходится таскать!

Ее наставница рассмеялась:

— Да мне и нечего говорить, кроме того, что я обожаю свою работу. Мне тридцать восемь

лет, я в разводе, детей нет, есть связи и знакомства, позволяющие жить не роскошно, но вполне достойно. Кстати, хотела бы добавить: если все пойдет как надо, ты никогда, *никогда* не веди себя как человек, которому его профессия позволяет выжить... Даже если это будет так. Если не последуешь моему совету, система будет легко манипулировать тобой. Разумеется, я использую твои снимки и зарабатываю на них. Но сейчас настойчиво советую тебе обзавестись профессиональным агентом.

Жасмин снова закурила: «Сейчас или никогда».

— Знаешь, почему я сумела проявить свой талант? Потому что случилось такое, чего я и представить себе не могла: я влюбилась в женщину, которая захотела быть рядом со мной, помогать мне на первых порах, которая своей нежностью и своей непреклонностью смогла дать выход всему, что пряталось в глубоких кладовых моей души, — и самому лучшему, и самому скверному. И сделала это не психоанализом и не долгими уроками медитации — как пыталась сделать моя мать, — а всего лишь...

Она замолчала. Ей было страшно, но надо было продолжать: теперь уже нечего было терять:

— ...с помощью фотоаппарата.

Время вдруг остановилось. Исчезли звуки, люди перестали сновать, стих ветер, дым сигареты будто заледенел в воздухе, погасли все огни — и лишь две пары встретившихся глаз блестели с каждой секундой все ярче.

— Готово, — говорит гримерша.

Жасмин встает и смотрит на свою подругу, которая ходит по уборной, не присаживаясь — поправляет складки, подбирает аксессуары. Волнуется, наверное: ведь это ее показ в Каннах, и если все пройдет хорошо, она сможет заключить с бельгийским правительством выгодный контракт.

Жасмин хочется подойти, обнять ее, успокоить. Сказать, что все будет хорошо — не хуже, чем прежде. И услышать в ответ: «Тебе девятнадцать лет, что ты знаешь о жизни?»

А она скажет на это: «Я знаю, на что способна, да и ты это знаешь. Я знаю, что переменяло наши жизни в тот день, три года назад, когда там, на вокзале, ты подняла руку и нежно прикоснулась к моей щеке, помнишь? Мы обе тогда испугались. Но сумели совладать с этим страхом. Благодаря этому я оказалась здесь, а ты, помимо того что осталась превосходным фотографом, смогла исполнить свою давнишнюю мечту — придумывать новые модели одежды».

Но Жасмин удерживается: когда просишь кого-нибудь успокоиться, тот обычно начинает волноваться еще сильнее.

И отойдя к окну, она прикуривает очередную сигарету. Да, она много курит, но что ж делаешь? Это ее первое крупное дефиле во Франции.

4:43 PM

Стоящая в дверях девушка в черном английском костюме и белой блузке спрашивает ее имя, сверяется со списком, просит подождать немного — апартаменты пока заняты. Рядом ожидают двое мужчин и девушка — на вид еще моложе, чем она.

Все стоят в чопорном молчании. А сколько придется ждать? И что там происходит?

Габриэла задает эти вопросы самой себе и получает два ответа.

Первый: «Да сколько надо, столько и будешь». Габриэла-оптимистка вынесла и пережила достаточно, чтобы попасть в звезды, и теперь должна думать об оглушительной премьере, о приглашениях, путешествиях на частном самолете, об афишах, расклеенных во всех столицах мира, о репортерах, несущих круглосуточную вахту перед ее домом, расспрашивающих, как и в каких бутиках она одевается, и кто тот мускулистый рыжеволосый мужчина, с которым ее видели в ночном клубе. О триумфальном возвращении в родной городок, о подругах, взирающих на нее с завистливым восхищением, о благотворительных проектах, в которых будет участвовать.

Второй голос напоминает, что Габриэла-оптимистка вынесла и пережила достаточно, чтобы попасть в звезды но теперь идет по лезвию бритвы, рискуя соскользнуть влево или вправо и упасть в пропасть. Потому что Хамид Хусейн даже не подозревает о ее существовании, и никто еще пока не видел ее в большом вечернем макияже, и платье наверняка не подойдет по размеру — придется ушивать или надставлять, и в результате она опоздает в «Martinez». И ей уже двадцать

пять лет, и вполне возможно, на яхте уже остановили выбор на другой претендентке, передумали, а может быть, с самого начала решили переговорить с двумя-тремя девицами, поглядеть, кто из них сумеет выделиться из толпы, пригласив всех трех на вечеринку, причем так, чтобы ни одна не догадывалась о том, что у нее есть соперницы. Паранойя какая-то.

Да нет, не паранойя, а всего лишь реальность. Помимо всего прочего, хотя Джигбсон и Звезда участвуют только в самых значительных проектах, успех все равно не гарантирован. И если дело не заладится, виновата во всем будет только она. Снова явился ей призрак Безумного Шляпника из «Алисы в Стране чудес». Она бездарна. И до сих пор ничего важного не случилось в ее жизни, несмотря на непрестанные усилия. С той минуты, как она оказалась в Каннах, она не присела: разносила свои дорожные портфолио по компаниям и актерским агентствам, но в результате попала только на один кастинг. Будь у нее талант, не ее бы пробовали на роль, а она бы их себе выбирала. Слишком занеслась она в своих Мечтаниях и скоро ощутит всю нестерпимую горечь поражения, и будет оно тем горше, что настигнет ее на самом пороге удачи, когда до славы и успеха осталось всего чуть-чуть...

«Я притягиваю негативную энергию. Просто чувствую эти волны. Надо прийти в себя».

Но не может же она заняться йогой перед женщиной в строгом английском костюме и тремя коллегами. Надо отогнать этот негатив, но сначала понять — откуда он? В ту пору, когда ей казалось, что ничего не получается из-за чьей-то зависти, она много читала об этом и убедилась непреложно: какая-то актриса, которую некоторое время назад пробовали и отвергли, в этот момент концентрирует всю свою энергию, чтобы все-таки получить роль. Да, Габриэла чувствует ее враждебное поле, и значит, *это правда!* Единственный выход — оставить разум в этом коридоре и броситься на поиски своего Высшего Я, нерасторжимо связанного со всеми силами Вселенной.

Габриэла глубоко вздыхает, улыбается и говорит себе: «Сейчас я распространяю вокруг себя энергию любви, она — мощнее сил тьмы, и Бог, обитающий во мне, приветствует Бога, обитающего во всех жителях планеты, даже тех, кто...»

Громкий смех прерывает ее мысли. Из распахнувшейся двери номера вываливаются гурьбой несколько юношей и девушек, а с ними — две знаменитости, и весело направляются прямо к лифту.

— Ваша очередь, — обращается к Габриэле девушка-администратор.

«Медитация напрасной не бывает».

Она улыбается, но, переступив порог, замирает: апартаменты кажутся сокровищницей — очки разных фасонов и моделей, вешалки с платьями и костюмами, сумки всех видов и размеров, обувь, чулки, часы, ювелирные изделия, косметика и электроника. Навстречу ей идет белокурая дама с висящим на шее телефоном и списком в руке. Сверившись с ним, она просит Габриэлу следовать за ней.

— Времени у нас немного. Давайте прямо к делу. Они движутся по одной из комнат, и Габриэла видит новые сокровища: высшее проявление роскоши и гламура, которыми она прежде только любовалась в витринах, зная, что если они ей и достанутся когда-нибудь, то лишь из «вторых рук».

Теперь все это ждет ее. И надо поскорее сообразить, что же надеть.

— Можно, я начну с украшений?

— Вам ничего не надо выбирать. Мы знаем, что желает ХХ. А платье придется вернуть завтра утром.

ХХ. Хамид Хусейн. Они уже знают, что он желает для нее!

Они продолжают ходить по обширному номеру: на кровати, на столе и на креслах грудой навалены другие товары — майки, наборы специй и приправ, рекламный плакат знаменитой фирмы, изготавливающей кофеварки, и рядом — образцы ее продукции в подарочной упаковке. По коридору попадают в просторную гостиную. Габриэла даже не представляла себе раньше, что в отелях бывают такие огромные апартаменты.

Элегантная белая коробка с логотипом знаменитого модного дома водружена на исполинскую двуспальную кровать. Их молча ожидает некто — не поймешь, мужчина это или женщина: длинные, обесцвеченные волосы, выщипанные брови, перстни на пальцах, цепочки, идущие от пояса в карманы туго обтягивающих брюк.

— Раздевайся.

Габриэла стягивает джинсы и блузку, одновременно пытаясь все же определить пол другого

существа, которое Достает из огромного стенового шкафа красное платье.

— Лифчик — тоже. Он будет заметен под платьем. Стоящее в номере большое зеркало повернуто под таким углом, что она не видит, как сидит на ней платье.

— Нам надо поторапливаться. Хамид сказал, что помимо праздника, она должна будет еще подняться по ступенькам.

Подняться по ступенькам/ Волшебные слова.

Платье «не сидит». Женщина и загадочный андрогин нервничают. Женщина требует принести еще два-три на выбор, потому что модель пройдет по лестнице со Звездой, который сейчас уже готов.

Габриэле кажется, что все это во сне. По лестнице со Звездой?!

Наконец останавливаются на длинном и очень узком золотистом платье с декольте до самой талии. Золотая цепь на уровне груди не позволяет вырезу показать больше, чем может выдержать человеческое воображение.

Женщина нервничает все заметнее. Андрогин уходит и тут же возвращается в сопровождении портнихи, которая быстро подшивает подол. Если бы Габриэла была в состоянии в такую минуту что-нибудь сказать, она попросила бы этого не делать, потому что пришивать прямо на человеке — плохая примета: это значит, что и судьба его будет прервана и зашита...

Появляется третье существо с сумкой невообразимых размеров и, пройдя в угол гигантской комнаты, начинает выгружать ее. Обнаруживается нечто вроде портативной гримерной, где есть даже зеркало с укрепленными на раме сильными лампами. Андрогин, на манер кающейся Магдалины преклонив перед Габриэлой колени, примеряет ей одну пару туфель за другой.

Золушка! Золушка, которая уже совсем скоро встретит своего принца и *поднимется по лестнице* рука об руку с ним!

— Вот эти, — говорит женщина.

Андрогин начинает укладывать остальные туфли в коробки.

— Снимай платье. Мы подошьем что надо, пока тебя будут причесывать и гримировать.

Ну слава богу, судьба ее вновь открывается...

Габриэлу в одних трусиках ведут в туалетную комнату. Там уже установлен переносной набор для мытья и сушки волос. Бритоголовый мужчина приказывает сесть, откинуть голову назад, в металлическую емкость. Он орудует ручным душем и, подобно всем остальным, заметно волнуется. То и дело сердито сетует, что слишком шумно, что он требовал себе нормальных условий для работы, но никто его слушать не желает, что слишком мало времени, чтобы сделать как надо, что вечно все у них наспех и впопыхах.

— Никто не понимает, какая огромная ответственность лежит на моих плечах.

Ответа от Габриэлы он не ждет, а разговаривает сам с собой:

— Вот когда пойдешь по ступенькам, думаешь, что люди увидят? Тебя? Нет! Мою работу. Мой макияж. Мою прическу. Ты — всего лишь холст, на котором я рисую и пишу. Ты — камень, из которого я высекаю скульптуру. Что скажут люди, если вдруг что-то не получится? Я ведь могу потерять работу...

Габриэле обидно слышать это, но она понимает: придется привыкать. Таков мир гламура и блеска. Потом, когда она будет что-то собой представлять, сможет работать только с воспитанными и учтивыми людьми. А пока придется обратиться к добродетели терпения.

Меж тем в руках у парикмахера, подобно отрывающемуся от взлетной полосы самолету, ревет фен.

Парикмахер, высушив ей волосы, велит поживее переместиться в передвижной косметический кабинет. Там настроение его внезапно и разительно меняется: он замолкает, созерцая ее в зеркале, и словно бы пребывает в иной реальности. Расхаживает вокруг нее кругами: фен и щетка в его руках кажутся резцом и молотком Микеланджело, ваяющего своего Давида. Габриэла же сидит, вперив взгляд в одну точку, и вспоминает строки одного португальского поэта:

«Зеркало отражает верно; оно не ошибается, ибо не думает. Думать — почти всегда значит ошибаться».

Возвращаются женщина и андрогин — всего через двадцать минут лимузин отвезет ее в «Martinez», где она должна будет встретиться со Звездой. Припарковаться негде, поэтому на месте надо быть минута в минуту. Парикмахер что-то недовольно ворчит, как художник, не встретивший понимания у заказчиков, но знает — надо уложиться в срок. Теперь, работая над ее лицом, он

напоминает Микеланджело, расписывающего потолок Сикстинской капеллы.

Лимузин! Лестница! Звезда!

«Зеркало отражает верно; оно не ошибается, ибо не думает».

И она тоже не думает, а иначе и ее захлестнут волны всеобщего раздражения и напряжения, и тогда вернуться негативные чувства. Ей ужасно хочется спросить, почему в этом номере такая уйма разнообразнейших товаров, но она должна вести себя так, словно все это ей не в диковинку. «Микеланджело» под суровым взглядом женщины и отсутствующим — андрогина кладет последние мазки. Она поднимается, и ее поспешно одевают и обувают. Все, слава богу, на своем месте.

Откуда-то извлекают маленькую кожаную сумочку, андрогин выбрасывает из нее бумагу, призванную сохранить форму, разглядывает все с тем же отстраненным видом, но, как видно, остается доволен. Сумочка вручена Габриэле.

А женщина протягивает ей четыре экземпляра гигантского контракта, где прилепленные внизу страниц красные маркеры напоминают: «Подписать здесь».

— Можешь подписать не читая, можешь отнести домой, позвонить своему юристу, сказать, что тебе нужно время принять решение. Но так или иначе по ступенькам придется подняться, тут уж ничего не поделаешь. Если завтра утром контракта здесь не будет, тебе достаточно будет только вернуть платье.

Габриэла вспоминает совет агента — соглашайся на все. Берет протянутую ей ручку и быстро подписывает отмеченные страницы. Ей нечего, абсолютно нечего терять. Если какие-то параграфы ущемят ее интересы, она всегда может оспорить их в суде, сказав, что ее вынудили подписать. Но прежде надо сделать то, о чем она всегда мечтала.

Женщина подхватывает страницы и исчезает, не попрощавшись. «Микеланджело» разбирает свое оборудование, предаваясь горестным думам о несправедливом устройстве этого мира, где его труд не оценивается Должным образом, где вечно не хватает времени, чтобы все сделать по своему вкусу, а если что пойдет наперекосяк, винить в этом будут его. Андрогин ведет ее к дверям номера, смотрит на часы — на циферблате Габриэла замечает изображение черепа — и впервые за все это время размыкает уста:

— Еще три минуты. Нельзя в таком виде выходить из отеля на всеобщее обозрение... Я провожу тебя до машины.

Ее вновь охватывает напряжение: она уже не думает ни о лимузине, ни о Звезде, ни о ступенях. Ей страшно. И чтобы отвлечься, она спрашивает:

— А что это за апартаменты? Почему здесь столько всякой всячины?

— Включая сафари в Кении. — Андрогин показывает куда-то в угол, и Габриэла только сейчас замечает плакат какой-то авиакомпании и стопку конвертов на столе. — Бесплатно, как и все здесь, кроме одежды и аксессуаров.

Кофемашины, электроника, сумки, часы, бижутерия, тур на сафари... И все это — даром?

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, — слышит она не мужской и не женский, а будто принадлежащий инопланетянину голос. — Да, все даром. А точнее говоря, поскольку даром в этом мире не бывает ничего, — на основе честного обмена. Ты находишься в одной из многих «Комнат подарков», снятых в Каннах на время фестиваля. Избранные приходят сюда и могут взять все, что их душе угодно: эти люди будут появляться в блузке от *A*, в очках от *B*, принимать других важных особ у себя в гостях и после вечеринки варить им кофе, приготовленный в новой модели кофеварки. Свои ноутбуки они носят в сумках от *C*, пользуются кремами от *D* и чувствуют свою значительность оттого, что обладают чем-то исключительным и пока еще не поступившим в специализированные магазины. В бассейн пойдут с бижутерией от *E*, сфотографируются в поясе от *F* — ни одного из этих товаров пока еще нет на рынке. А когда появятся, Суперкласс уже проведет необходимую кампанию, и простые смертные потратят свои сбережения на покупки. Проще некуда, моя дорогая. Производители предоставляют образцы, а избранные превращаются в ходячую рекламу. Но ты не радуйся раньше времени: тебе туда пока еще доступа нет.

— Ну, а при чем тут сафари в Кении?

— Есть ли реклама лучше, чем супруги средних лет, пребывающие в восторге от своих приключений в джунглях, наснимавшие сотни фотографий, направо и налево рекомендующие такой эксклюзив? Все их друзья тоже захотят испробовать это. Повторяю: даром в этом мире ничего не бывает. Ну, ладно, три минуты прошли, пора спускаться и готовиться к восхождению по лестнице.

...Их ожидает белый «Maybach». Шофер в фуражке и перчатках открывает дверцу. Андрогин дает последние наставления:

— Про картину забудь, ты поднимаешься по ступеням не ради нее. Когда будешь наверху, поздоровайся с директором фестиваля, с префектом, а войдя во Дворец, сразу иди в туалетную комнату на первом этаже. По коридору до конца, там — налево и выйдешь в боковую дверь. Там тебя будут ждать. Тебя узнают — мы предупредим, как ты одета. Тебя снова причешут, подкрасят и дадут немного отдохнуть на террасе. Оттуда я тебя заберу и провожу на гала-ужин.

— А режиссер и продюсеры не обидятся?

Андрогин пожимает плечами и своей странной, пританцовывающей походкой возвращается в отель. Фильм? Фильм не имеет ни малейшего значения. Главное — это:

Подняться по ступеням!

Это означает, что она пройдет по красному ковру в самый верхний эшелон славы, туда, где соберутся все знаменитости из мира кино, моды, искусства, и фотографии их, разосланные агентствами в четыре стороны света, появятся в газетах и журналах всего мира.

— Кондиционер работает нормально, мадам? — учтиво осведомляется шофер.

Габриэла молча кивает.

— Если угодно, в консоли слева от нас — охлажденное шампанское.

Габриэла, вытянув руки как можно дальше, чтобы случайно не залить платье, откупоривает бутылку, наливает, выпивает залпом и тотчас вновь наполняет хрустальный бокал. Любопытные прохожие пытаются понять, кто же это сидит в огромном лимузине с затемненными стеклами, мчащемся по резервной полосе, запретной для других машин. Очень скоро она и Звезда будут стоять рядом на красной дорожке, и это будет означать начало не только невиданной карьеры, но и немислимо прекрасной истории любви...

Габриэла — существо романтического склада и тем гордится.

Она вспоминает, что свою одежду и сумку оставила в отеле «Hilton». Ключа от номера у нее нет. Пойти ей по окончании праздника некуда. Впрочем, если бы она когда-нибудь вздумала рассказать в книге историю своей жизни, сегодняшний день ей описать бы не удалось: проснуться утром с трещащей головой посреди раскиданных по комнате вещей — а шесть часов спустя подкатывать в лимузине к красной дорожке, готовясь предстать перед сонмищем журналистов об руку с одним из самых вожделенных мужчин мира.

Руки у нее подрагивают. Она хочет выпить еще бокал, но решает не рисковать — стоит ли появляться пьяной у подножья лестницы славы?!

«Успокойся, Габриэла. Не забывай о том, кто ты. Будь реалисткой — не дай увлечь себя всему, что сейчас происходит с тобой».

Пока машина везет ее к отелю, она беспрестанно повторяет эти фразы. Но — хочет ли она того или нет — никогда уже ей не удастся стать прежней, такой, как была. Выхода нет — если не считать того, о котором сказал андрогин и который ведет на еще более высокую вершину.

4:52 PM

Даже Господу Богу нашему Иисусу Христу пришлось некогда выдержать испытание, которое сейчас предстоит Игорю. Испытание дьявола. И он должен будет зубами и ногтями цепляться за свою веру, чтобы не дрогнуть, не ослабеть в том, что предназначено ему свыше.

А дьявол просит остановиться, передумать, простить, отказаться от задуманного. Дьявол — профессионал самого высшего разбора, умеющий вселять в слабые души страх, отчаяние, сомнения, бессилие.

И встречая сильных, он искушает их способами гораздо более изощренными — добрыми намерениями. Не так ли поступил он с Иисусом в пустыне, предложив ему обратить камни в хлеба? Спаситель смог бы не только утолить свой голод, но и накормить всех, кто умолял дать им еды. Иисус, как и следовало ожидать от Сына Божьего, поступил, однако, очень мудро. И ответил, что не хлебом единым жив человек, но и всяким словом, исходящим из уст Божиих.

Добрые намерения, добродетель, цельность — что это, в сущности, такое? Люди, называвшие себя цельными натурами, неукоснительно повиновались своим правителям, в конце концов построили в Германии концентрационные лагеря. Врачи, убежденные в том, что нет системы справедливей, чем коммунистическая, признавали душевнобольными и запирали в психушках ин-

теллектуалов, не согласных с режимом. Солдаты на войне убивают ради неясного им идеала и тоже исполнены самых благих намерений, добродетели, цельности.

Нет, все не так. Грех ради добра — добродетель, доброе деяние ради зла — греховно.

А в его случае Лукавый, чтобы смутить его душу, предложил ему простить. Сказал: *«Ты — не первый и не последний, кому пришлось пройти через это. Многих бросали те, кого они любили больше всего на свете, но они умели переплавить горькое чувство в светлое и радостное. Представь себе семьи людей, которых по твоей вине больше нет в живых: их родные охвачены скорбью, ненавистью, жаждой мести. Так-то ты делаешь мир совершеннее? И вот это намереваешься преподнести своей любимой?»*

Но мудрость Игоря способна совладать с этими искушениями, не позволить им сейчас обуять его душу. Если стойко продержаться еще немного, голос дьявола будет звучать слабее, пока не смолкнет вовсе. Главным образом потому, что одна из тех, кого он отправил в рай, с каждой минутой все непреложней присутствует в его жизни: девушка с набережной Круазетт говорит ему: все хорошо, все правильно, существует огромная разница между «простить» и «забыть». В сердце его нет ни капли ненависти, и сделанное сделано не для того, чтобы отомстить миру.

Дьявол настаивает, но он должен проявить твердость Духа и вспомнить, ради чего он здесь.

Игорь заходит в первую попавшуюся пиццерию. Заказывает «Маргариту» и обычную «кока-колу». Лучше подкрепиться сейчас: когда за столом другие люди, он не может (и никогда толком не мог) есть. Все считают нужным поддерживать непринужденный, любезный оживленный разговор, однако легко оставляют собеседника без ответа, чтобы положить в рот кусочек еще какого-нибудь яства.

В обычных обстоятельствах он избегает этого, применяя испытанный прием: забрасывает своих соседей вопросами, давая им возможность блеснуть умом, познаниями и красноречием, куда он будет спокойно есть. Но сегодня вечером он не расположен ни к учтивости, ни к общению. Он будет отчужден и неприятен. На самый крайний случай притворится, что не понимает языка, на котором к нему обратятся.

Он знает — в ближайшие часы Искушение остановиться, отказаться от задуманного станет сильнее, чем когда-либо прежде. Но он не собирается отказываться; цель его — завершить свою миссию, даже если причина, некогда побудившая его взяться за нее, изменилась.

Он понятия не имеет, сильно ли портят три произошедшие в один день убийства криминальную статистику Канн: если это обычное дело, то полиция не заподозрит ничего из ряда вон выходящего, начнет дознание с соблюдением всех своих неспешных бюрократических процедур и формальностей, а он, как и предполагал, улетит рано утром. Неизвестно и то, идентифицировали его или нет: его видела супружеская чета, которая, проходя мимо, поздоровалась с Оливией, его мог запомнить один из телохранителей Джавица Уайлда, кто-то мог заметить его рядом с Морин на пирсе.

Искушение сейчас меняет тактику: хочет напугать его как всегда поступает с людьми слабыми. Судя по всему, дьявол совершенно не понимает, что же тут происходит и насколько укрепило Игоря испытание, посланное ему судьбой.

Он берет свой телефон и набирает новое сообщение.

Он пытается представить себе, как поведет себя Ева в тот миг, когда его получит. Что-то подсказывает ему — она одновременно и ужаснется, и восхитится. И горько раскается в том шаге, который совершила два года назад, когда все бросила — включая свои драгоценности и платья — и попросила, чтобы его адвокат связался с нею и начал процедуру расторжения брака.

Причина развода? Не сошлись характерами. Можно подумать, все значительные и интересные люди в мире думают совершенно одинаково и имеют много общего. Да нет, разумеется, дело было не в характерах — Ева полюбила другого.

Страсть. Да есть ли на свете человек, который, прожив пять лет в браке, хоть раз не взглянул бы в другую сторону, не пожелал бы оказаться в другом обществе? Кто осмелится сказать, что хотя бы однажды не нарушил супружескую верность — пусть в воображении? И сколько ломали свой брак, уходили из дому, а потом, обнаружив, что страсть остыла, возвращались к своим прежним партнерам. Надо лишь отнестись к этому по-взрослому — и все позабудется. Все это в порядке вещей, все вполне приемлемо и является частью биографии.

Разумеется, Игорь стал понимать это постепенно. Поначалу он требовал от своих адвокатов беспримерно Жесткой неуступчивости, соглашаясь на развод лишь в том случае, если она отка-

жется от всего имущества, нажитого совместно — в течение почти двадцати лет и с нуля. Целую неделю в ожидании ответа он пребывал в бешенстве; деньги тут были ни при чем: просто Еву надо было вернуть любой ценой, а иные способы давления были ему неведомы.

А она оказалась неподатлива. И ее адвокаты приняли выдвинутые условия.

Об этом стало широко известно — и о новом избраннике своей жены Игорь узнал из газет. Узнал, что это один из самых известных в мире модельеров, своим нынешним успехом, как и он сам, обязанный одному себе. Что они почти ровесники — ему тоже около сорока. Что он прост, не заносчив и работает сутками напролет.

Как и он.

Игорь не мог понять, что же происходит. Незадолго перед тем как отправиться на лондонский фестиваль моды, им удалось — что бывало крайне редко — вдвоем провести в Мадриде несколько дней, будто воскресивших пору их прежней любви. Хотя они путешествовали на корпоративной яхте, а жили в отеле, где не было, кажется, только птичьего молока, Ева и Игорь решили вместе и заново открыть для себя мир. Не заказывали заранее столики в ресторанах, выстаивали длинные очереди в музеи, ездили на такси, а не в лимузинах с водителем, неизменно ожидавшим у подъезда, бродили по городу, теряясь в хитросплетении улочек. Много ели, еще больше пили, возвращались в отель, не чуя ног от усталости, но счастливые, и каждую ночь любили друг друга.

Они не включали свои ноутбуки и мобильные телефоны, что требовало изрядных усилий. Однако это удалось. И в Москву они вернулись с улыбкой и отрадными воспоминаниями.

Игорь снова с головой погрузился в работу, с удивлением отметив, что и в его отсутствие фирма продолжает исправно функционировать. Ева через неделю улетела в Лондон. И больше уже не вернулась.

Он подрядил одно из лучших частных детективных агентств, обычно занимающихся экономическим или политическим шпионажем, — и вынужден был на сотнях фотографий видеть свою жену рядом с ее новым спутником. Детективы сумели подsunуть Еве «подругу». Подстроили якобы случайную встречу с женщиной — «приехала из России, муж бросил, устроиться на работу не может из-за суровости британских законов и теперь на грани голодной смерти...». Ева поверила не сразу, но потом все же решила помочь. Переговорила со своим любовником, и тот рискнул — взял на работу в один из своих офисов, несмотря на отсутствие разрешения.

Эта «подруга» — единственная, с кем Ева может говорить на родном языке. Одинока. С неустроенной личной жизнью. По мнению психологов из детективного агентства, это идеальный канал информации: Ева еще не до конца освоилась в новой среде и потому будет следовать столь свойственному человеку инстинктивному побуждению поделиться с кем-то сокровенным. И не за тем, чтобы получить совет — надо же кому-то излить Душу.

Все эти разговоры «подруга» фиксирует на пленку, и записи оказываются на рабочем столе Игоря, оттесняя в сторону ожидающие его визы документы, приглашения, подарки, которые следует послать важным клиентам, поставщикам, политикам.

Эти записи гораздо полезнее — и несравненно мучительнее — фотографий. Выясняется, что отношения со знаменитым *кутюрье* начались два года назад, в Милане, где и он, и Ева оказались по своим профессиональным делам. Вначале она противилась сближению — этот человек постоянно окружен красивейшими женщинами мира, а ей уже тридцать восемь — но тем не менее уже через неделю, в Париже, роман начался.

Услышав это, Игорь испытал нежданное возбуждение и сам удивился такому странному отзыву своего тела. Почему мысль о том, что его жена принадлежит другому мужчине, вызвала в нем не отвращение, а недвусмысленный прилив вожделения?

Впервые в жизни он тогда усомнился в своей нормальности. И чтобы как-то избавиться от гнетущего чувства вины, решил на некое публичное признание. В разговоре с приятелями упоминал мимоходом, что «один его друг» получает огромное наслаждение, представляя свою жену в постели с другим.

Слушавшие его — это были, как правило, крупные предприниматели и политики из разных стран — поначалу ужасались. Но после десятой рюмки признавались, что подобный эпизод — самое возбуждающее из всего, что было в их супружеской жизни. Один из них, оказывается, всегда просит жену во всех подробностях описывать свои свидания, вспоминать, какие именно слова произносились в порыве страсти. Другой заявил, что клубы свингеров, где практикуется группо-

вой секс и обмен супругами, — это лучшее средство сохранить брак.

Положим, это преувеличение. Но когда Игорь узнал, что он — не единственный, кого возбуждают такие мысли, ему стало легче. И — неприятно кольнуло осознание того, насколько же мало сведущ он в природе человека, а в особенности — мужчины: его разговоры с коллегами трагивали чаще всего бизнес и очень редко — что-то личное.

Мысли его возвращаются к этим записям. В Лондоне (Недели высокой моды, чтобы облегчить жизнь тех, кто в них участвует, идут непрерывной чередой) этот модельер уже был влюблен; и в это нетрудно поверить, ибо женщина ему встретилась совершенно особенная, ни на кого не похожая. А вот она продолжала колебаться: Хамид был всего лишь вторым мужчиной в ее жизни, а кроме того, они с ним занимались одним и тем же делом, в котором он преуспел несравненно больше. Это ее смущало. И она понимала, что, связав свою жизнь с ним, должна будет отказаться от работы в индустрии моды — не конкурировать же с собственным мужем? — и вновь сделаться домохозяйкой.

Больше того — она вообще не могла объяснить себе, почему человек калибра Хамида заинтересовался русской женщиной далеко не первой молодости.

А вот Игорь, если бы она дала ему хоть самый ничтожный шанс поговорить, — мог бы. Ева обладает редчайшим свойством — одно ее присутствие словно высекает искру из всех, кто находится рядом, заставляет их становиться лучше, возрождаться из пепла прожитых лет для света и надежды. Именно так произошло когда-то с юношей, вернувшимся с кровавой и бессмысленной войны.

«Ты ведь не первый... — твердит дьявол. — Не первый кто творит зло, думая, что таким образом пробуждает благо».

Ему становится не по себе. Он по натуре — человек мягкосердечный, а если вынужден действовать жестко, то лишь во имя какой-то великой цели — служения, например, своей стране. Он старается и подставлять другую щеку, и не выпускать из руки бич, как поступал Иисус Христос — единственный образец и пример для подражания.

Он крестится, надеясь, что Искушение сгинет. Усилием воли заставляет себя вспомнить о записях, о словах Евы про то, что она несчастлива со своим новым избранником. Но ни за что на свете не хотела бы вернуться в прошлое, потому что была замужем за человеком «психически неуравновешенным».

Что за чушь она несет! Вероятно, ее новое окружение активно промывает ей мозги. Должно быть, оказалась совсем не в той среде. Он не сомневается, что она лжет, уверяя свою русскую подругу, будто вышла замуж исключительно из страха остаться одной.

В юности она чувствовала, что ее отвергают, и никогда не могла быть самой собой — вечно приходилось притворяться, что ей интересно то же, что и ее подружкам, что играет в те же игры, что так же веселится на вечеринках, что ищет красивого и верного мужчину, который даст ей надежное супружеское счастье — дом и детей. «Все вранье», — говорит она сейчас.

Потому что в крови ее жил авантюрный дух и влекло неизведанное. И если бы она могла выбирать сама, то связала бы свою жизнь с искусством. Еще в детстве она любила делать коллажи из фотографий, напечатанных в унылых советских журналах, раскрашивать их в яркие цвета и любоваться результатом. Купить одежду для кукол было невозможно, и потому платица для них шила мать — к восхищению Евы, которая твердила, что когда вырастет, будет делать то же самое.

В Советском Союзе следовать моде было нелегко, и они узнали, что делается в мире, лишь после падения Берлинской стены, когда стали приходиться иностранные журналы. Ева была уже почти взрослой девушкой, когда однажды решила сказать родителям, что хочет только одного — придумывать и создавать одежду.

Но после окончания школы родители настояли, чтобы она поступила на юридический факультет. Как ни упивались они новообретенной свободой, все же опасались, что капиталистические идеи разрушат страну, а граждан ее — отторгнут от подлинного искусства, заставят предпочесть детективы Пушкину и Толстому, исказят классический русский балет чужеродными заимствованиями. Их единственную дочь следовало немедленно оградить от тлетворного влияния, проникавшего в страну вместе с «кока-колой» и дорогими автомобилями.

В университете она повстречала красивого, амбициозного парня, так же, как и она, считавшего: хватит делать вид, что режим, при котором жили наши отцы, может вернуться. Он ушел —

и ушел навсегда. Настала пора начинать новую жизнь.

Этот юноша очень ей нравился. Они стали видеться все чаще. Она знала — он умен и способен многого добиться. Он понимает ее. Да, ему пришлось повоевать в Афганистане, он был даже ранен, но впрочем, неопасно. Он никогда не жаловался на то, что ему пришлось пережить там, и за все те годы, что они были вместе, она ни разу не заметила в нем признаков какого-то душевного надлома, следов моральной травмы.

Однажды утром он принес ей букет роз. Сказал, что бросает университет и хочет заняться бизнесом. А вслед затем предложил выйти за него замуж. Она согласилась, хотя при всем своем восхищении относилась к нему всего лишь как к товарищу. Однако ей казалось — любовь придет потом, со временем, да и помимо всего прочего, он был единственным, кто понимал и одобрял все ее порывы, и, откажи она ему, могла бы никогда уж больше не встретить человека, принимающего ее такой, как она есть.

Они сыграли скромную свадьбу и стали жить вместе. Люди, дававшие ему деньги на «раскрутку», внушали ей страх, но ничего поделать она не могла. Меж тем его фирма мало-помалу крепла и развивалась. Когда минуло четыре года, она — замирая от страха — впервые поставила ему условие: немедленно расплатиться со всеми кредиторами, которые вроде бы были и не очень заинтересованы в возвращении долга. Он согласился и впоследствии не раз благодарил ее за это.

Шли годы, случались неизбежные провалы и поражения, а потом все как-то вдруг изменилось, и гадкий утенок, двинувшись путем, предначертанным в детской сказке, в одночасье стал прекрасным лебедем, желанным для всех без исключения.

Когда Ева стала жаловаться, что ей скучно заниматься только домом и хозяйством, Игорь, в отличие от своих коллег, считавших, что работающая женщина непоправимо теряет свою женственность, купил ей бутик в одном из самых престижных московских кварталов. Она торговала моделями «больших домов», не рискуя выставлять на продажу собственные коллекции. Впрочем это отчасти компенсировалось тем, что она посещала выставки высокой моды, знакомилась с интересными людьми, среди которых однажды оказался и Хамид. Но до сих пор, задавая себе вопрос, любит ли его, она чувствовала, что ответ скорее всего был бы отрицательным. А когда он, признавшись, что никогда не встречал такой, как она, предложил жить вместе, ей нечего было терять. Детей у нее не было. Муж ее, по расхожему выражению, был женат на собственной работе и едва ли заметил бы, что ее нет рядом.

«Я все бросила, — говорила Ева, — и не раскаиваюсь в своем решении. Я поступила бы точно так же, даже если бы Хамид не купил на мое имя виллу в Испании. Я поступила бы точно так же, даже если бы Игорь предложил отдать мне половину своего состояния. Я совершила бы этот шаг, потому что знаю: теперь я могу ничего не бояться. Если один из тех мужчин, по которым сходит с ума весь мир, захотел быть со мной, значит, я лучше, чем сама думаю».

Слушая другую запись, Игорь заметил, что его любимая испытывает серьезные психологические проблемы.

«Мой муж лишился рассудка. Не знаю, что послужило причиной — война или переутомление, но он мнит, будто ему дано постигать Божьи предначертания. Прежде чем окончательно решиться, я консультировалась с психологом, надеясь, что он поможет мне понять Игоря, подскажет, есть ли еще надежда спасти наши отношения. Я и тогда, и теперь предпочла не углубляться в подробности. Но мне кажется, он, считая, что творит благо, способен на ужасные поступки.

Врач объяснил мне, что многие благородные люди, страдающие своему ближнему, вдруг полностью меняют свое отношение к миру. В проведенных по этому поводу исследованиях подобная перемена получила название «эффект Люцифера» в память ангела, любимого Богом больше всех и в конце концов возжелавшего обладать такой же властью».

«Почему же так случилось?» — осведомился другой женский голос.

Но ответа Игорь не услышал: на этих словах запись обрывалась — наверное, плохо рассчитали время.

А ему бы очень хотелось знать, что сказала Ева. Ибо он-то вовсе не мнил себя равным Богу. И не сомневался: его возлюбленная придумала все это для самой себя, боясь, что если решит вернуться, ее не примут. Ну да, ему приходилось убивать — но по необходимости, да и какое это имеет отношение к их браку?! Он убивал на войне, имея на это, как и всякий солдат, официальное разрешение. Он убил двоих или троих и в мирной жизни — но для их же блага, поскольку они

больше не могли, не в состоянии были жить достойно. Он убивал и здесь, в Каннах — но ради выполнения своей миссии.

И ту, которую любит, он убил бы, если бы понял: она безумна, она сбилась с пути и начинает разрушать свою собственную жизнь. Он никогда не допустил бы, чтобы сумасшествие омрачило их блистательное и благородное прошлое.

Ту, которую любит, он убил бы, только чтобы спасти ее от долгого и мучительного саморазрушения.

Игорь смотрит на затормозивший под запрещающим знаком «Maserati» — автомобиль не-лепый и неудобный, потому что по городу вынужден, при всей мощи своего двигателя, ездить с той же скоростью, что и другие; для проселочных дорог у него слишком мал клиренс, а на трассе он слишком опасен.

у машины очень низкая посадка, и человек лет пятидесяти, но желающий выглядеть на тридцать, выбирается из водительского кресла с большим трудом. Входит в пиццерию, заказывает «Четыре сыра», с собой.

«Maserati» и пиццерия плохо согласуются между собой. Но все же, как видно, иногда совпадают.

Искушение возвращается. Теперь его голос говорит уже не о прощении, не о великодушии и необходимости забыть прошлое и двигаться дальше — на этот раз он нашептывает Игорю сомнения. А если Ева не лгала, уверяя «подругу», что была несчастлива в браке? Что если она, несмотря всю свою любовь к нему, уже погружалась в бездонную пучину неверного решения, подобно Адаму в тот миг, когда он принял протянутое ему яблоко, чем обрек на проклятие весь род человеческий?

«Я все спланировал», — в тысячный раз повторяет себе Игорь. Его замысел в том, чтобы вернуться вместе, чтобы не позволить короткому слову «прощай» уничтожить жизнь обоих. Он понимает, что в супружеской жизни — тем более на восемнадцатом ее году — кризисы неизбежны.

Но знает при этом, что искусный стратег должен постоянно менять свои первоначальные планы. Игорь поднимается, шепчет молитву, прося, чтобы ему не пришлось пить из чаши отречения.

Душа маленькой португалки незримо витает где-то Рядом. Теперь он понимает, что поторопился и поступил опрометчиво: ведь ничего не стоило немного повременить и дожждаться, когда появится достойный противник — кто-то вроде того псевдоатлета с волосами цвета красного дерева. Или кто-то такой, чья смерть была бы продиктована необходимостью избавить его от новых мучений, как поступил он с подсевшей к нему в баре женщиной.

Но девочка с густыми бровями, словно святая, склоняется к нему и просит не раскаиваться: он поступил правильно, он уберег ее от грядущих страданий и унижений. И ее чистая душа мало-помалу оттесняет Искушение, заставляя понять: он находится в Каннах не для того, чтобы силой вернуть потерянную любовь — это невозможно.

Он здесь ради того, чтобы спасти Еву от горечи и упадка. Да, она поступила с ним несправедливо, но сделанное ею для него прежде заслуживает благодарности.

«Я добрый человек».

Он расплачивается по счету и просит принести еще маленькую бутылку минеральной воды. Выйдя на улицу, выливает ее себе на голову.

Сейчас надо соображать отчетливо и ясно. Он так долго мечтал о наступлении этого дня, а вот сейчас почему-то мысли его в разброде.

5:06 PM

Несмотря на то что мода меняется каждые полгода, одно остается неизменным: охранники у входа всегда облачены в строгие черные костюмы.

Хамид для своих дефиле продумывал варианты — переодеть их всех во что-нибудь яркое и пестрое. Или в белое. Но если выбиться из свода общих правил, критики будут больше рассуждать о «бессмысленных новациях», чем писать о том, что его и вправду интересовало — о показе новой коллекции. Впрочем, черный — это совершенный цвет: консервативный, таинственный, впечат-

танный в коллективное бессознательное старыми голливудскими лентами. Герои неизменно одеты в белое, злодеи разгуливают по экрану в черном.

«Представьте, что было бы, если Белый дом назывался бы Черным? Все решили бы, что именно там обитает Князь Тьмы».

У каждого цвета — своя цель: это только кажется, будто их выбирают наугад. Белый символизирует чистоту и Цельность. Черный устрашает. Красный вгоняет в столбняк. Желтый привлекает внимание. Зеленый сообщает, что все вокруг спокойно, и можно двигаться дальше. Голубой успокаивает. Оранжевый приводит в замешательство.

Охранники должны быть одеты в черное. Так повелось с самого начала, так тому, значит, и быть.

Как всегда, билеты трех видов. Первый — для прессы: будет несколько пишущих репортеров и множество фотографов, навьюченных своей тяжелой аппаратурой; они приветливы друг с другом, однако не упустят случая отпихнуть коллегу локтем, когда придет время выбрать наилучший ракурс и самую выгодную точку для съемки, поймать самый выигрышный момент или сделать уникальный снимок. Второй — для приглашенных: Неделя высокой моды в Париже ничем не отличается от того, что происходит здесь, на берегу Средиземного моря; публика обычно скверно одета, и наверняка у нее не хватит средств купить демонстрируемые туалеты. Но эти зрители в дурацких джинсах, безвкусных майках, кричаще-аляповатых «дизайнерских» кроссовках считают своим долгом присутствовать на показе, чтобы доказать, что отлично вписываются в доминирующий тут стиль, что выглядят непринужденно и «одеты удобно», хотя это вовсе не так. Кое-кто щеголяет дорогими сумками и поясами, что производит столь же нелепое впечатление, как если бы полотно Веласкеса поместили в пластиковую раму.

И наконец ВИПы. Охранники, которые никогда никого не знают, стоят с угрожающим видом, сцепив руки внизу живота. Зато появляется нежная девушка, обученная узнавать знаменитостей в лицо. Со списком в руке она направляется к супружеской чете.

— Добро пожаловать, мсье и мадам Хусейн. Благодарим вас за внимание.

Они проходят перед всеми остальными. Коридор один и тот же, но барьер из стальных столбиков с зелеными бархатными лентами показывает, кто есть кто и где здесь самые значительные персоны. Это — момент Малой Славы: к тебе относятся по-особенному, и хотя это дефиле не значится в официальном расписании просмотров (не стоит все же забывать, что в Каннах проходит кинофестиваль, а не что-то иное), протокол должен быть соблюден неукоснительно. Ради этой Малой Славы, венчающей людей на всех параллельных ему мероприятиях (ужинах, обедах, коктейлях) люди часами просиживают перед зеркалом, свято веруя в то, что искусственное освещение не так портит кожу, как солнце, из-за которого приходится изводить тонну кремов от загара. Пляж — в двух шагах, однако они предпочитают хитроумно устроенные солярии, неизменно имеющиеся в отеле. Пройдясь по набережной Круазетт, они насладились бы красотами пейзажа, но много ли калорий можно сжечь на такой прогулке? Лучше использовать беговые дорожки, которые должны быть в тренажерном зале любого уважающего себя отеля.

Так они поддерживают форму и, одевшись с тщательно выверенной небрежностью, приходят на обеды, где чувствуют собственную значительность оттого, что приглашены, на гала-ужины, где надо платить большие деньги или иметь высокие связи, на вечеринки, устраиваемые после ужина и продолжающиеся до утра, а потом в баре отеля пьют последнюю чашку кофе или порцию виски. Все это перемежается походами в туалет, чтобы поправить макияж или подтянуть галстук, стряхнуть с плеча пылинку пудры, снять волосок или удостовериться, что помада не размазалась.

И наконец они возвращаются в номер в своих первоклассные отели, обнаруживая там приготовленную постель с положенной на подушку шоколадной конфетой (которую немедленно выбрасывают, ибо это — лишние калории), прогноз погоды, меню завтрака, каллиграфическим почерком надписанный конверте приветствием от управляющего отелем, прислоненный к корзине с фруктами (их жадно пожирают, потому что они содержат нужное количество клетчатки, полезной для пищеварения и устраняющей газообразование). Глядя в зеркало, постояльцы снимают галстук и макияж, смокинг или вечернее платье, бормоча про себя: «Ничего, ничего интересного сегодня не было. Может быть, завтра...»

Ева в очень скромном и очень дорогом платье от ХХ. С ним вместе она направляется к ответственным им местам у самого подиума, неподалеку от площадки, где фотографы уже начали расставлять свою аппаратуру.

Подскочивший репортер задает неизбежный вопрос:

— Господин Хусейн, какой фильм произвел на вас наибольшее впечатление?

— Я считаю, что высказываться по этому поводу преждевременно, — звучит столь же ожидаемый ответ. — Я увидел много талантливого и интересного, но давайтеждемся окончания фестиваля.

На самом деле он не видел ровным счетом ничего. И чуть позже справится у Джибсона, какая картина станет хитом сезона.

Белокурая нарядная девушка вежливо просит репортера отойти. Затем осведомляется, будут ли уважаемые гости на коктейле, устраиваемом правительством Бельгии после дефиле: присутствующий здесь министр желал бы поговорить с ними. Хамид после секундного раздумья — Бельгия не жалеет денег на то, чтобы работы ее модельеров получили международный резонанс и хоть отчасти вернули стране былое величие, утраченное вместе с африканскими колониями, — отвечает утвердительно:

— Что ж, можно будет выпить по бокалу шампанского...

— Мне кажется, сразу после показа нас будет ждать Джибсон, — перебивает его Ева.

Хамид говорит, что и в самом деле забыл о назначенной встрече, но непременно свяжется с министром потом.

Фотографы, обнаружив их, принимаются щелкать затворами своих камер. Пока они — единственные, кем интересуется пресса. Через какое-то время появляются несколько манекенщиц, в прошлом вызывавших фурор: они позируют и улыбаются, раздают автографы скверно одетым зрителям из партера, делают все возможное, чтобы их заметили, чтобы их лица снова появились на страницах газет и глянцевого журналов. Фотографы поворачиваются к ним, зная, что просто исполняют свои обязанности, и для того, чтобы порадовать издателей — ни один снимок не будет напечатан. Мода — продукт скоропортящийся: моделей, блиставших три года назад (речь, разумеется, не идет о сумевших задержаться на глянцевых страницах благодаря скандалам, тщательно подготовленным и срежиссированным агентами, либо и в самом деле выделиться из общей массы) помнят лишь те, кому вечно предназначено толпиться за барьерами ограждения, да пожилые домохозяйки, не поспевающие за стремительностью перемен.

И старые идолы превосходно об этом осведомлены (под «старыми» следует понимать моделей, уже достигших рокового рубежа двадцатипятилетия) и появляются здесь не только потому, что мечтают вернуться на подиум — им очень хотелось бы получить роль или приглашение вести какую-нибудь программу кабельного ТВ.

Кто же участвует в показе, кроме Жасмин, исключительно ради которой он, Хамид Хусейн, и находится здесь?

С уверенностью можно сказать, что не будет четырех-пяти мировых топ-моделей, ибо они делают лишь то, что хотят, зарабатывают огромные деньги и вовсе не собираются появляться в Каннах, чтобы их руками кто-то загребал жар славы и престижа. Хамид рассчитывает увидеть двух-трех рангом ниже, манекенщиц класса Л (ну, вроде Жасмин), которые получают за выход на подиум тысячи полторы евро: для этого нужно иметь харизму и — что еще важнее — перспективу в индустрии моды. Еще две-три модели класса 5, профессионалки, в совершенстве владеющие искусством дефиле, но лишенные счастья в качестве специально приглашенных участвовать параллельно в вечеринках высшего разбора — они заработают евро 600–800. Прочие принадлежат к классу С: это девушки, совсем недавно белками в колесе завертевшиеся в бесконечных дефиле; их ставка — 200–300 евро, ибо «им еще надо набраться опыта».

Хамид знает, какая мысль сидит в голове у девушек этой категории: «Я сумею победить. Я покажу всем, на что способна. Я стану лучшей топ-моделью мира, пусть ради этого придется переспать с любым стариканом».

«Стариканы», однако, не так глупы, как полагают начинающие модели, большинство которых еще не достигли совершеннолетия, а потому едва ли не во всех странах мира за любовь с ними можно поплатиться тюрьмой. Тем более что девушки пребывают в плену иллюзий, бесконечно далеких от действительности: никому не удастся покорить вершину только за счет своей сексу-

альной отзывчивости — нужно еще многое другое.

Например, харизма. Удача. Толковый агент. Подходящий момент. А в глазах аналитиков рыночных трендов подходящий момент — совсем не то, что кажется этим девочкам, едва переступившим порог мира моды. Хамид ознакомился с последними исследованиями — всё указывает, что публике приелись страдающие анорексией инопланетные создания неопределенного возраста. Агентства, подбирающие манекенщиц, ищут теперь (по большей части — тщетно) нечто иное: модель, в которой каждый бы увидел девушку из соседней квартиры. То есть такую, которая была бы абсолютно нормальна и внушала бы всем, листающим журналы и глядящим на афиши, мысль: «Я такая же, как вы».

И разумеется, найти необыкновенную женщину, которая выглядела бы человеком «как ты и я», — задача почти невыполнимая.

Время манекенщиц, служивших живыми и двигающимися вешалками, минуло безвозвратно. Конечно, одевать худых проще — одежда сидит на них лучше. Прошло время, когда роскошные предметы мужского обихода рекламировали в журналах красивые модели: это действовало в эпоху яппи, в конце 80-х, а сейчас не продается абсолютно ничего. В отличие от женщин, у мужчин нет определенного стереотипа красоты: покупая тот или иной товар, мужчина ищет что-то такое, что ассоциируется у него с коллегой по работе или собутыльником.

Хамид Хусейн узнал про Жасмин потому лишь, что ее увидели на каком-то показе и рассказали ему о ней, сопроводив рассказ комментариями вроде «она может стать лицом вашей новой коллекции», «у нее необыкновенная харизма, а между тем каждая может узнать в ней себя». В отличие от манекенщиц класса С, пребывающих в постоянном поиске полезных связей и мужчин, считающих, что у них хватит могущества превратить их в звезд, наилучший шанс выдвинуться в мире моды — да, вероятно, и везде — дают именно такие комментарии. В тот миг, когда кто-то вот-вот может стать «открытием», его ставки начинают расти вопреки всякой логике. Иногда на этом можно выиграть. Иногда — проиграть. Но таково уж свойство рынка.

Зал начинает заполняться: в первом ряду, где зарезервированы места для почетных гостей, несколько кресел заняты элегантными дамами и господами, а остальные еще пусты. Публика размещается во втором, третьем и четвертом рядах. Знаменитая модель — она замужем за футболистом и часто бывает в Бразилии, потому что «обожает эту страну», — в центре внимания фотографов. Всем на свете известно, что «побывать в Бразилии» — это синоним термина «сделать пластику», но никто не отважится сказать об этом вслух, тем паче что и в самом деле между карнавалом в Рио и осмотром достопримечательностей Сальвадора остается время, чтобы поинтересоваться, нет ли тут хорошего и опытного мастера омоложений. После чего происходит обмен визитными карточками.

Белокурая милая девушка, дождавшись, когда репортеры закончат спрашивать модель, какой, по ее мнению, фильм — лучший, ведет ее к единственному свободному месту рядом с креслами Хамида и Евы. Фотографы делают десятки снимков, запечатлевая великого кутюрье, его жену и модель, ныне ставшую просто мужней женой.

Осведомляются, какого она мнения об авторе коллекции, которую предстоит увидеть. Но на такие вопросы ответ у нее заготовлен заранее:

— Я пришла познакомиться с его творчеством. Слышала, что он очень талантлив.

Журналисты, будто не разобрав, продолжают допытываться. По большей части они — бельгийцы: французскую прессу эта тема пока не занимает. Белокурая девушка просит оставить гостей в покое.

Репортеры удаляются. Экс-модель пробует вступить с Хамидом в беседу, уверяя, что все его коллекции неизменно приводят ее в восторг. Тот учтиво благодарит, но если она ожидала, что прозвучит фраза: «Мне надо будет с вами поговорить после дефиле», то в ожиданиях своих была обманута. Нисколько не тушуясь, она начинает рассказывать о событиях своей жизни — о съемках, путешествиях, приглашениях.

Хамид внимает ей с ангельским терпением, но едва лишь подворачивается шанс — модель, на минуту отвлекшись, повернулась с кем-то поговорить — он шепотом просит Еву избавить его от этого диалога глухих. Но его жена сегодня какая-то странная и отказывается его спасти, так что единственный выход — углубиться в программу дефиле.

Коллекция посвящена Анн Саленс, считающейся первопроходцем бельгийской моды. Начиная она в конце 60-х с маленького бутика, но вскоре поняла, какие ослепительные перспективы открывает стиль юных хиппи, со всего мира стекавшихся в Амстердам. Она, отважившаяся вступить в борьбу — и победить в ней — с угрюмо-чопорным стилем, который доминировал в одежде тогдашнего среднего класса, в конце концов увидела, как ее модели носят идола эпохи — королева Паола, например, или муза французского экзистенциализма великая певица Жюльетт Греко. Она стала одной из основательниц «дефиле-шоу», где с помощью музыки и света показ моделей на подиуме превращался в красочный спектакль. Тем не менее за пределами Бельгии широкой известности не получила. Всю жизнь она больше всего на свете боялась рака, а ведь давно сказано: «Кто чего боится, то с тем и случится». И она умерла от болезни, внушавшей ей такой ужас, а перед тем еще успела увидеть, как гибнет дело всей жизни от собственного полнейшего неумения считать деньги.

И как это всегда бывает в мире, обновляющемся каждые полгода, вскоре была забыта. Со стороны стилиста, рискнувшего посвятить свою коллекцию ее памяти, это редкостная отвага — вернуться в прошлое вместо того, чтобы попытаться инвестировать в будущее.

Хамид прячет программу в карман: если Жасмин не оправдает его ожиданий, он поговорит с модельером относительно каких-нибудь совместных проектов. Новым идеям всегда найдется место — при условии, что ты будешь держать конкурентов под контролем.

Он оглядывается по сторонам: софиты установлены правильно, фоторепортеров довольно много — он этого не ожидал. Может быть, коллекция и в самом деле хороша, а может быть, бельгийское правительство использовало все свое влияние, чтобы привлечь журналистов, оплатив им дорогу и гостиницу. Есть и еще одна вероятная причина внезапно вспыхнувшего интереса — Жасмин, но Хамид надеется, что это не так. Чтобы его планы осуществились, она должна быть совершенно неизвестна широкой публике. До сих пор он слышал лишь несколько отзывов, да и те от людей, занятых в той же сфере. Если ее лицо в журналах уже успело примелькаться, значит, заключать с ней контракт будет напрасной тратой времени. Во-первых потому, что кто-то его опередил. Во-вторых, ни с чем новым она ассоциироваться не будет — это совершенно очевидно и бесспорно.

Хамид мысленно подсчитывает, во что обошелся сегодняшний показ: очень недешево, но бельгийское правительство, в точности как шейх, убеждено: мода — для женщин, спорт — для мужчин, знаменитости для тех и других — вот и все, что интересует смертных, вот то единственное, что способно сделать имидж страны узнаваемым в мире.

В сопровождении милой блондинки появляются другие ВИПы. Они немного сбиты с толку и, кажется, не в полной мере сознают, зачем пришли. Они слишком хорошо одеты — наверное, для них, приехавших прямо из Брюсселя, это первое дефиле во Франции. И без сомнения, они не принадлежат к той фауне, которая заполняет сейчас кинофестивальные Канны.

...Опаздывают на пять минут. В отличие от Недели моды в Париже, когда практически ни один показ не начинается в назначенное время, здесь одновременно проходит еще множество мероприятий, и журналисты, которым надо поспеть всюду, долго ждать не будут, подумал Хамид и сразу понял, что ошибся: большая часть репортеров отправилась брать интервью у иностранных министров, прибывших из одной и той же страны. Политика и мода могут пересечься только в одной — такой вот — точке.

Блондинка подходит к месту их наибольшего скопления и просит сесть — шоу начинается. Хамид и Ева не перемолвились и словом. Она не кажется довольной или недовольной — и это хуже всего. Лучше бы жаловалась, или улыбнулась, или хоть сказала что-нибудь. Нет, ничего, ни малейшего знака, по которому можно было бы судить, что творится у нее в душе.

Так что лучше сосредоточиться на подиуме, где вот-вот появятся манекенщицы. В этом он, по крайней мере, разбирается.

Несколько минут назад там, за кулисами, модели разделись донага — белье будет заметно под платьями, которые они будут показывать. Первые надели платья и замерли в ожидании, когда погаснет свет, и некто — обычно это женщина — прикоснется сзади к плечу, показывая, что пришло время выйти под свет софитов, к публике.

Модели разных классов (А, В и С) и волнуются по-разному — чем меньше опыта, тем силь-

нее нервозность. Одни молятся, другие в шелку высматривают в зале знакомых, проверяют, на приличные ли места посадили папу с мамой. Их всего человек десять-двенадцать: фотография каждой висит там, где они в мгновение ока меняют висящие в строгом порядке платья и выходят на подиум совершенно спокойно, словно целый день проходили в этом наряде. В последний раз правлены прически и макияж.

Они повторяют про себя:

«Я не поскользнусь. Я не споткнусь. Меня выбрали из шестидесяти других моделей. Я в Каннах. В зале наверняка есть кто-нибудь важный. Знаю, что здесь — ХХ, он может сделать меня «лицом» своей фирмы. Говорят, здесь сотни фотографов и журналистов.

Я не могу улыбаться — так предписывают правила. Ноги должны ступать по одной невидимой линии. Неважно, что походка будет неестественной, что мне будет неудобно ходить так — забывать об этом нельзя!

Я должна дойти до отметки, повернуться, остановиться на две секунды и двинуться обратно с той же скоростью, зная, что как только скроюсь за кулисами, там кто-нибудь поможет мне сбросить это платье и надеть следующее, а я даже не успею взглянуть в зеркало. Мне придется поверить, что все в порядке. Мне придется демонстрировать не только мое тело, не только мое платье, но и силу моего взгляда!»

Хамид глядит на потолок и видит там отметку — яркое пятно света. Если модель пройдет дальше или остановится раньше, снимки выйдут неудачными, и редакторы журналов — вернее, издатели бельгийских журналов — выберут кого-нибудь другого. Французские журналисты сейчас находятся перед отелями, или на красной дорожке, или на *коктейль party*, или закусывают сэндвичами в преддверии сегодняшнего гала-ужина.

Свет в зале гаснет. Вспыхивают софиты, освещая подиум.

Близится решающий миг.

Мощные звуковые установки заполняют зал попури из шлягеров 60-70-х годов, перенося Хамида в тот мир, где он не бывал, и может сейчас оценить только музыку, заставив его вдруг испытать ностальгию по неизведанному и даже чувство какого-то протеста — почему ему не дано было пережить великую мечту юнцов, бродивших в ту пору по свету?

И вот на сцене появляется первая модель, и в сочетании того, что предстает глазу, с тем, что слышит ухо, ярчайшее, исполненное жизни и энергии платье рассказывает историю, которую, хоть она и случилась давным-давно, мир, похоже, все еще хочет слышать снова и снова. Хамид слышит шелканье десятков, сотен фотоаппаратов. Видеокамеры ведут запись. Первая модель прекрасно справляется со своим делом; проходит из конца в конец, в луче прожектора поворачивает направо, на миг застывает и идет назад. У нее есть примерно пятнадцать секунд, чтобы дойти до кулис — там она потеряет свою осанку и бегом помчится в гримерку, стремительно сбросит с себя одно и еще стремительней наденет другое платье, займет свое место в веренице других манекенщиц и будет готова к новому выходу. Создательница коллекции, которая следит за происходящим по монитору, кусает от волнения губы, молится, чтобы никто не споткнулся, чтобы публика поняла, что она хотела сказать, и вознаградила ее в конце аплодисментами, а представитель Федерации остался доволен.

Дефиле продолжается. Оттуда, где сидит Хамид и где установлены камеры, одинаково хорошо видны элегантно осанка, твердая поступь. Для людей, сидящих сбоку и не привыкших к показам — таких среди присутствующих здесь ВИПов наверняка большинство, — все это, надо полагать, странно: почему манекенщицы «маршируют», а не ходят так, как обычно двигаются модели? Таков замысел модельера, решившей привнести толику оригинальности?

Нет, отвечает себе Хамид. Дело в высоких каблуках. Только при такой поступи нога обретает нужную твердость шага. То, что показывают камеры, — это не совсем то, что происходит в действительности.

Коллекция лучше, чем он ожидал. Это возвращение в прошлое с искусно придуманными вкраплениями настоящего. Ничего лишнего — ибо секрет моды, как и кулинарии, заключается в искусстве дозировать ингредиенты. Цветы и бусы напоминают о безумных годах, но использованы так, что кажутся абсолютной новинкой... Прошло уже шесть моделей, и на колоне одной из них он замечает пятнышко, которое не удалось замазать тоном: минуту назад она ввела себе дозу героина, чтобы справиться с волнением и унять аппетит.

Неожиданно появляется Жасмин. На ней белая, отделанная кружевами блузка с длинными рукавами и белая юбка ниже колен. Она ступает уверенно и, в отличие от тех, кто выходил на подиум раньше, держится не с наигранной, а совершенно естественной серьезностью.

«Прекрасно!»

Еще два раза она выходит на подиум, и Хамид, пристально разглядывая ее тело, убеждается: оно приковывает к себе внимание чем-то большим, нежели просто совершенство точеных изгибов. Как определить это «нечто»? Рай и Ад сочетаются браком, Любовь и Ненависть шествуют, взявшись за руки.

Как и всякое дефиле, этот показ тоже длится всего минут пятнадцать, хотя, чтобы придумать и поставить его, потребовалось несколько месяцев напряженного труда. И вот, встреченная аплодисментами, выходит модельер, кланяется и благодарит, зажигается свет в зале, смолкает музыка — и только тогда Хамид понимает, как пленил его саундтрек. Милая девушка снова подходит к нему и сообщает, что представители бельгийского правительства очень хотели бы с ним поговорить. Достав из кожаного футляра свою визитку, он отвечает, что остановился в отеле «Martinez» и был бы рад условиться о встрече на завтра.

— А сейчас мне хочется познакомиться с модельером и с чернокожей моделью. Узнайте, пожалуйста, где они ужинают сегодня вечером. Я подожду.

Хоть бы эта милая блондиночка вернулась поскорее, думает Хамид. Меж тем его обступают журналисты, забрасывая всегдашними вопросами — вернее, из разных уст раздается один и тот же вопрос:

— Как вам понравилось дефиле?

— Очень интересно, — следует столь же неизменный ответ.

— Нельзя ли чуть подробнее?

С деликатностью, присущей опытному профессионалу, Хамид поворачивается к следующему журналисту. Он помнит правило: не обижать прессу, но и не отвечать прямо ни на один вопрос, говоря лишь то, что соответствует моменту.

Девушка возвращается. Нет, они не пойдут на главный гала-ужин. Сколько бы ни было тут бельгийских министров, политику фестиваля диктует иная власть.

Хамид говорит, что, если угодно, он немедленно распорядится вручить им пригласительные билеты. Предложение принято. Модельер, судя по всему, ожидала именно такого отклика, ибо отдает себе отчет, каким товаром обладает.

Жасмин.

Да, это личность. Он постарался бы пореже выпускать ее на своих показах, ибо она затмевает платья, которые демонстрирует. Но никого более подходящего, чтобы стать лицом марки «Хамид Хусейн», нет и быть не может.

В дверях Ева снова включает свой телефон. На дисплее возникает конвертик, летящий по голубому небу, он приземляется и открывается. Все это значит: «У вас новое сообщение».

«Какая дурацкая анимация», — думает Ева.

Номер отправителя не определился. Она колеблется, прочитать текст или не стоит, но любопытство пересиливает страх.

— Судя по всему, какой-то поклонник раздобыл номер твоего сотового, — шутит Хамид. — Ты никогда еще не получала столько сообщений за один день.

— Да, может быть.

А на самом деле ей хочется сказать: «Неужто ты и впрямь не понимаешь?! Ты два года рядом со мной и не чувствуешь, в каком ужасе я нахожусь! Или, может быть, думаешь, что это всего лишь ПМС?»

Сделав беззаботное лицо, она читает текст: *«Ради тебя я уничтожил еще один мир. И уже начинаю спрашивать себя, стоило ли это делать, ибо ты, кажется, ничего не понимаешь. Твоя душа омертвела».*

— От кого? — интересуется Хамид.

— Понятия не имею. Номер не определился. Впрочем, всегда хорошо, когда есть поклонник — пусть даже неизвестный.

5:15 PM

Три убийства. За несколько часов перекрыта годовая статистика, рост составил пятьдесят процентов.

Подойдя к машине, он выходит в эфир на специальной частоте:

— В городе действует серийный убийца.

Из-за треска статических разрядов с трудом разбирает ответ собеседника.

— Нет, я не уверен. Но и сомнений в этом нет. Снова треск, заглушающий слова.

— Нет, господин комиссар, я не сошел с ума. И никакого противоречия здесь не вижу. Вот, например, я не уверен, что в конце месяца мое жалованье будет перечислено на мой счет, и вместе с тем не сомневаюсь в этом. Вы понимаете, о чем я?

Треск и раздраженный ответ.

— Нет-нет, речь вовсе не о прибавке... просто хотел показать на примере, что убежденность и сомнения вполне способны уживаться — особенно в нашей с вами профессии. Хорошо, давайте оставим это и перейдем к сути дела. Вполне возможно, что по телевизору сообщат о трех убийствах, потому что в госпитале только что скончалась одна из жертв. Определенно мы знаем только одно: все три совершены весьма хитроумными и нетрадиционными способами, а потому трудно усмотреть связь между ними. Но Канны внезапно стали местом небезопасным. А если завтра эта серия продолжится, обязательно пойдут разговоры о том, что действует маньяк. Что прикажете тогда делать?

Перебиваемый треском ответ комиссара.

— ...Да, они здесь. Паренек, оказавшийся свидетелем убийства, все им рассказывает, благо вот уже десять дней город просто наводнен журналистами и фоторепортерами... Я-то предполагал, все они будут на красной дорожке, но, как видно, ошибся... Должно быть, они поняли, что их там слишком много, а материала — слишком мало.

Выслушав очередную тираду, он вынимает из кармана блокнот, записывает адрес.

— Слушаюсь. Немедленно отправляюсь в Монте-Карло побеседовать с указанным лицом.

Треск стихает: на другом конце линии дали отбой.

Савуа устанавливает на крыше своей машины синий фонарь, на полную мощь включает сирену и уносится прочь на предельной скорости — надеясь, вероятно, отвлечь внимание репортеров на другое, мнимое преступление. Однако его трюк разгадан, и они не трогаются с места, продолжая расспрашивать свидетеля преступления истинного.

Мало-помалу он начинает чувствовать нечто вроде упоения. Наконец-то может свалить всю писанину на своих помощников, а сам заняться тем, о чем всегда мечтал — раскрытием убийств, бросающих вызов всякой логике. Как хотелось бы, чтобы он не ошибся и в городе, терроризируя его обитателей, на самом деле оказался серийный маньяк. В наши дни информация распространяется молниеносно, так что вскоре он окажется в самом центре внимания и под вспышками блицев, объясняя, что «это пока еще не подтвержденные сведения», причем так, чтобы никто ему не верил вполне, а блицы продолжали сверкать до тех пор, пока преступник не будет схвачен. Ибо Канны при всем своем гламурном сиянии — всего лишь маленький провинциальный городок, где все знают, что происходит, и злоумышленника отыскать нетрудно.

Слава. Известность.

Неужели он помышляет лишь о себе самом, а не о благополучии горожан?

Но что плохого, если он хочет получить толику славы и для себя, раз уж столько лет кряду вынужден смотреть, как в течение двенадцати фестивальных дней люди из кожи вон лезут, чтобы выглядеть значительнее, чем они есть на самом деле? В конце концов это поветрие затрагивает всех. Все мечтают о публичном признании, и не тем ли самым заняты сейчас киношники?

«Ну, хватит мечтать! Делай как следует свою работу, а слава тебя найдет сама. Она, помимо всего прочего, еще и очень капризна: представь, что будет, если окажешься не в состоянии выполнить то, что тебе поручили. Провал и унижение тоже будут оглушительны. Соберись».

Прослужив в полиции на разных должностях почти двадцать лет, пройдя все ступеньки служебной лестницы, получая повышения и награды, прочитав горы бумаг, он уже давно понял, что в большинстве случаев интуиция не менее важна, чем логика. И главную опасность вот в эту самую минуту, когда он мчится в Монте-Карло, представляет не убийца, который сейчас, наверное, совершенно измучен невероятным количеством адреналина, выплеснувшегося в кровь за последние

часы, и к тому же сильно напуган, потому что знает: его видели на месте преступления. Нет, главный враг — это пресса. Журналисты ведь тоже умеют совмещать технику с интуицией, и если им удастся нащупать самую ничтожную связь между тремя убийствами, полиция может полностью утратить контроль над ситуацией, и на фестивале воцарится абсолютный хаос, люди будут бояться выходить на улицу, иностранцы раньше срока ринутся вон из страны, коммерсанты начнут протестовать и жаловаться на то, что власти не справляются со своим делом, в газетах всего мира появятся броские «шапки» на целую полосу: ведь в конце концов серийный убийца несравненно интереснее в реальности, нежели на экране.

А затем, в последующие годы, под воздействием укоренившегося мифа о терроре, фестиваль перестанет быть прежним: для демонстрации своего товара роскошь и гламур отыщут какое-нибудь более подходящее место, и мало-помалу все это празднество, длившееся лет шестьдесят с лишним, превратится во что-то незначительное и заурядное и больше не будет попадать под объективы и на страницы газет.

Огромная ответственность ложится сейчас на него. Ответственность двойная: во-первых, узнать, кто совершил эти преступления, и взять убийцу прежде, чем в зоне ответственности Савуа появится еще один труп. И во-вторых, обуздать прессу.

Логика. Следует рассуждать логически. У кого из всех этих репортеров, по большей части съехавшихся в Канны издалека, есть точные сведения о количестве преступлений, совершаемых здесь? Кому из них придет в голову позвонить в штаб Национальной гвардии и поинтересоваться статистикой?

Логичный ответ: никому. Они думают лишь о том, что случилось сию минуту. Они взбудоражены, потому что у великого продюсера на одном из приемов, традиционно проходящих во время фестиваля, стало плохо с сердцем. Никто ведь пока не знает, что его отравили — заключение экспертизы лежит на заднем сиденье. Никто еще не догадывается — и не догадается никогда — что покойник был одним из элементов в сложной системе отмывания денег.

Ответ нелогичный: всегда найдется такой, кто будет думать иначе, нежели все. И стало быть, необходимо при первой же возможности дать все надлежащие объяснения, созвать пресс-конференцию, но при этом говорить только об американской режиссерше, найденной на скамейке без признаков жизни, и тогда все прочие эпизоды будут тотчас забыты.

Заметная в кинемире фигура убита. Кто после этого заинтересуется гибелью никому не ведомой девушки-торговки? А если даже и заинтересуется, то согласится с выводом, который Савуа сделал еще в самом начале расследования — смерть произошла от передозировки наркотиков.

Вернемся к режиссерше. Вероятно, она все же не столь значительная фигура — в противном случае комиссар давно бы уже позвонил ему на сотовый. Итак, факты таковы: некий хорошо одетый сидящий господин, лет примерно сорока, некоторое время беседовал с нею, любясь закатом, а за ними из-за камней наблюдал свидетель. С хирургической точностью нанеся ей удар стилетом, злоумышленник медленно потел прочь и сейчас уже растворился среди сотен и тысяч мужчин, подходящих под его словесный портрет.

Савуа, на несколько минут отключив сирену, звонит своему помощнику, который остался на месте преступления и сейчас отвечает на вопросы вместо того, чтобы задавать их самому. Просит, чтобы тот сообщил терзающим его журналистам — мастерам скороспелых суждений и поспешных выводов, что «почти убежден: здесь — убийство на почве ревности».

— Не говори, что это верно на сто процентов. Скажи — на это указывает ряд обстоятельств. Это не ограбление, не месть, а драматически завершившееся выяснение отношений. Постарайся особенно не врать: они записывают каждое слово, и записи эти потом могут быть использованы против тебя же.

— А зачем я должен объяснять мотивы?

— Обстоятельства указывают. Чем раньше удастся удовлетворить журналистов, тем лучше будет для нас.

— Они спрашивают, чем было совершено убийство.

— Отвечай: «на основании свидетельских показаний — стилетом».

— Но свидетель как раз и не уверен.

— Если даже свидетель точно не знает, что видел, что же ты можешь утверждать, кроме «все указывает на...». Припугни паренька, напомним, что его тоже записывают...

Он дает отбой. Через минуту младший инспектор начнет отвечать на неудобные вопросы.

«Все указывает», что это было убийство из ревности, хотя жертва только накануне своей гибели появилась в городе, прилетев из США. Хотя в номере своего отеля жила одна. Хотя все, что удалось выяснить, сводилось к тому, что единственная ее встреча, притом не имевшая никаких последствий, прошла утром, на открытом рынке фильмов, расположенном возле Дворца конгрессов. Но журналистам доступ к этой информации будет закрыт.

Есть кое-что такое, гораздо более важное, о чем знает он один — и больше никто в целом мире.

Жертва побывала в госпитале. Они немного поговорили, и он попросил ее уйти — как теперь выяснилось, на ее погибель.

Савуа снова включает сирену, словно бы для того, чтобы ее оглушительным воем отогнать чувство вины. Но ведь это не он, не он всадил в несчастную стилет.

Разумеется, он может подумать: «Эта дама явилась в госпиталь, потому что имеет отношение к наркомафии и желала удостовериться, что убийца сделал свое дело». Вот это сообразуется с «логикой», и если он доложит по начальству об этой случайной встрече, следствие двинется именно в этом направлении. Кстати, версия не лишена оснований: режиссершу убили так же нетрадиционно, как и голливудского дистрибьютера. Оба погибших были американцами, обоих ткнули острыми предметами. Все указывает на то, что речь идет о членах одной группы, тем более что погибшие были связаны между собой.

Но может быть, он ошибается, и в городе вовсе не действует серийный убийца?

Юная португалка, которую с высоким профессиональным мастерством задушили на Круазетт, могла накануне вечером иметь контакты с кем-то из группы, приехавшей для встречи с продюсером. Не исключено, что она, помимо кустарных сувенирных поделок, приторговывала еще кое-чем — наркотиками, например.

Отчего бы не представить себе, что в Канни приезжают некие иностранцы свести счеты. В каком-то баре местный наркодилер знакомит одного из них с португалкой, которая «работает на нас». И вот они уже в постели: у иностранца, выпившего больше, чем следует, развязывается язык — в Европе другой воздух, короче говоря, он теряет над собой контроль и пробалтывается. Наутро, осознав, что наговорил лишнего, поручает исправить допущенный промах своему подручному — профессиональному убийце: в подобных бандах обязательно имеется такой.

Ну вот, все предельно ясно, все уложилось в схему и не оставляет места для сомнений.

В том-то и беда, что слишком хорошо все уложилось — так хорошо, что это теряет смысл. Не может быть, чтобы кокаиновый картель решил «разбираться» в городе, куда по случаю фестиваля со всей страны стянуты дополнительные силы полиции, присоединившиеся к целой армии телохранителей, «секьюрити», специально нанятых на это время, частных детективов, круглые сутки следящих за тем, чтобы баснословно дорогие драгоценности, которые сверкают на улицах и в салонах, не сменили ненароком владельца.

Но даже если это и так, то тоже на руку Савуа: мафиозные разборки привлекают не меньше внимания, чем серийные убийцы.

Можно расслабиться. Как бы то ни было, он в любом случае обретет славу, которой, по его убеждению, заслуживает.

Сирена выключена. За полчаса он пролетел по автостраде, пересек невидимую границу и оказался в другом государстве. До цели еще минут десять. Но в голове его ворочаются мысли, которые, в сущности говоря, должны быть под запретом.

Три убийства за день. Он, как выражаются политики, глубоко соболезняет семьям погибших. Разумеется, он отчетливо сознает, что государство платит ему за поддержание порядка, а не за то, чтобы радовался, когда порядок этот попирают с такой кровавой жестокостью. Комиссар сейчас, надо думать, землю носом роет, понимая, какая гигантская на нем ответственность: надо решать две задачи — изловить преступника (одного или целую шайку, что пока еще неясно) и отогнать прессу. Все уже подняты на ноги, все полицейские участки в округе оповещены, и патрульные автомобили получают по электронной почте словесный портрет злоумышленника. Не исключено, что какому-нибудь политику придется прервать свой заслуженный отпуск, ибо шеф полиции со-

чет бремя такой ответственности чрезмерным и постарается переложить ее на плечи людей из верхних эшелонов.

Но политик этот не так-то прост, чтобы попасть в ловушку, и он скажет всего лишь, что в городе надо навести порядок в кратчайшие сроки, поскольку «на карту поставлены миллионы, если не сотни миллионов евро». Он не станет влезать в это дело, ибо есть у него и поважнее — вот, например, вино какой марки следует подавать сегодня вечером такой-то иностранной делегации.

«А я? Я на верном пути?»

Запретные мысли возвращаются: Савуа счастлив. Настает самый счастливый миг во всей его карьере, посвященной заполнению формуляров и разбору незначительных происшествий. Он и представить себе не мог, что подобная ситуация вызовет в его душе ликование, подобное тому, что испытывает сейчас, ведь он — настоящий сыщик, который строит версии, идущие вразрез с логикой, и непременно получит награду, потому что первым сумел различить недоступное взору остальных. Он никому не расскажет об этом — никому, даже своей жене, ибо та придет в ужас от такого признания, сочтет, что от постоянных опасностей и напряженной работы муж ее помешался.

«Да, я доволен. Я счастлив».

Он всей душой соболезнует семьям погибших, но сердце его, много лет кряду пребывавшее в инертном состоянии, сейчас возвращается к жизни.

Савуа ожидал увидеть полки, заставленные бесчисленными томами пыльных книг, груды журналов по углам, заваленный бумагами стол, но кабинет сияет незапятнанной белизной голых стен. Несколько изящных светильников, удобное кресло, а прозрачный стол пуст, если не считать гигантского монитора и беспроводной клавиатуры. Рядом лежат маленький блокнот и роскошная ручка «Montegrappa».

— Вы бы все-таки перестали улыбаться и приняли мало-мальски озабоченный вид, — говорит седобородый хозяин: несмотря на жару, на нем твидовый пиджак, сорочка с галстуком, хорошо сшитые брюки. Все это никак не вяжется ни с обстановкой кабинета, ни с темой разговора.

— Не понимаю, о чем вы...

— Все вы прекрасно понимаете. А я знаю, что вы сейчас чувствуете. Вам предстоит расследование небывалого, неслыханного в ваших краях дела. Я сам переживал подобный внутренний конфликт в ту пору, когда жил и работал в Вест-Гламоргане, это в Великобритании. И схожему делу я обязан тем, что меня перевели в Скотланд-Ярд.

«Париж. Вот моя мечта», — проносится в голове Савуа, но вслух он не произносит ни слова. Хозяин предлагает ему присесть.

— Надеюсь, ваша мечта исполнится. Приятно познакомиться. Стенли Моррис.

— Комиссар обеспокоен тем, что пресса начнет муссировать слухи о серийном убийце, — говорит Савуа.

— Да пусть муссируют что хотят, мы живем в свободной стране. Такие дела повышают тиражи и превращают пресное бытие какого-нибудь пенсионера в захватывающее и увлекательное приключение: он будет следить за перипетиями дела по всем СМИ, испытывая разом и сладкий ужас, и уверенность, что с ним-то уж такого произойти не может.

— Вы, вероятно, получили результаты судебно-медицинской экспертизы? Как по-вашему, с чем нам предстоит столкнуться? Действует маньяк или это разборки криминальных структур? Мечь одного наркокартеля другому.

— Получил. Отправили почему-то по факсу, а эта машинка в наши дни стала совершенно бесполезной. Я просил выслать данные по электронной почте, и знаете, что мне ответили? Что еще не вполне освоились с этим. В голове не укладывается! Ваша полиция оснащена по последнему слову техники — и до сих пор пользуется факсом!

Савуа беспокойно ерзает в кресле, давая понять, что теряет терпение. Он здесь не затем, чтобы обсуждать передовые технологии.

— Ну, хорошо, давайте к делу, — говорит доктор Моррис, бывшая звезда британского сыска, по выходе на пенсию решивший обосноваться на юге Франции. Надо полагать, британец доволен не меньше, чем он, Савуа, ибо визитер внес приятное разнообразие в его угнетающе-монотонное бытие, заполненное чтением, концертами, чаепитиями и благотворительными ужинами.

— Поскольку прежде я ни с чем подобным не сталкивался, хотелось бы узнать — вы согласны с моей версией о том, что действует маньяк-одиночка?

Доктор Моррис согласен, что трех преступлений, совершенных одним «почерком», достаточно, чтобы сделать этот вывод. Тем более когда они происходят в одной географической точке (в данном случае — в Каннах) и...

— Стало быть, это массовый убийца.

Моррис прерывает его просьбой не употреблять неправильных терминов. Массовые убийцы — это либо террористы, либо незрелые подростки, которые врываются в школу или кафе и открывают огонь по всему, что видят, а потом погибают от пули полицейского или успевают застрелиться. Они предпочитают действовать с помощью огнестрельного оружия или бомб, способных нанести максимальный ущерб за минимальное время — в среднем минуты за три. Последствия таких людей не интересуют, ибо финал истории известен им заранее.

«Коллективное бессознательное» легче мирится с существованием таких людей, поскольку их воспринимают как психически неуравновешенных, что позволяет прочертить четкую грань между «ними» и «нами». Серийный же убийца ассоциируется с чем-то значительно более сложным, а именно — с инстинктом разрушения, изначально присущим каждому человеку.

Повисает пауза.

— Вам не приходилось читать роман Роберта Льюиса Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»?

Савуа объясняет, что читать-то ему особенно некогда: работа отнимает все время. Взгляд Морриса леденеет:

— А я, вы полагаете, бездельничаю?

— Простите, я неудачно выразился, мсье Моррис. Но у меня к вам очень срочное дело. Давайте оставим литературу в покое... Хотелось бы знать ваше мнение о том, что мы вам прислали...

— Сожалею, но без литературы нам не обойтись. Роман Стивенсона повествует об одном совершенно нормальном человеке, докторе Джекилле, который время от времени, испытывая неудержимое побуждение убивать, превращается в иное существо по имени мистер Хайд. Разрушительные инстинкты свойственны всем нам, инспектор. И действия серийного убийцы угрожают не только нашей безопасности, но и нашему душевному здоровью. Ибо внутри каждого человека, сколько ни есть их на свете, заключена колоссальная разрушительная сила, и всем нам иногда случается испытывать желание, сильнее всего подавляемое обществом, — желание отнять чужую жизнь. Причины этого разнообразны: кто-то желает сделать мир более совершенным, кто-то — отомстить за какую-то давнюю детскую обиду, в ком-то проснулась задавленная ненависть к обществу и прочее... Но сознательно или нет, каждый из нас думал об этом — пусть даже когда-то в детстве.

Он снова со значением помолчал.

— Полагаю, что и вы, независимо от вашего рода деятельности, довольно отчетливо представляете себе, каково оно, это желание. И вам случалось мучить кошку и сжигать безобидных насекомых.

Теперь уже Савуа, ничего не отвечая, окидывает собеседника холодным непроницаемым взглядом. Моррис, однако, расценив молчание как знак согласия, продолжает с прежним видом небрежного превосходства:

— И не надо тешить себя иллюзией, будто вы найдете настоящего безумца — всклокоченного, с блуждающим взором, со странной улыбкой на устах... Если бы вы читали немного больше — впрочем, я теперь знаю, что вы очень занятой человек, — я посоветовал бы вам сочинение Ханна Арендт «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме». Автор описывает суд над одним из самых страшных серийных убийц, каких только знавала история. Разумеется, ему требовались помощники, без которых он бы не справился с порученной ему масштабной задачей по очищению рода человеческого. Минутку!

Моррис подходит к своему компьютеру. Он знает, что посетитель хочет всего лишь узнать выводы, но в данном случае их нет и быть не может. Надо вразумить его, подготовить к трудностям — а ему несомненно придется их испытать.

— Ага, вот! Арендт подробно анализирует суд над Адольфом Эйхманом, виновным в истреблении шести миллионов евреев. На странице 25 она пишет, что полдюжата психиатров при-

шли к выводу о его полной вменяемости. Его психологический портрет, его отношения с женой, детьми, отцом и матерью полностью укладывались в социальные стереотипы поведения, характерного для законопослушного и уважаемого члена общества. Вот что она пишет:

«Проблема заключалась в том, что Эйхман производил впечатление такого же, как все, и в нем не замечалось никакой склонности к извращениям или садизму. Они и в самом деле совершенно нормальны (...) С точки зрения наших установлений эта нормальность внушает не меньший ужас, чем совершенные им преступления».

Вот теперь можно переходить к делу.

— Судя по результатам судебно-медицинской экспертизы, жертвы не подвергались сексуальному насилию...

— Доктор Моррис, мне надо решить сложную задачу и сделать это в самые сжатые сроки. Я должен быть уверен, что перед нами серийный убийца. Само собой разумеется, что никто не сможет изнасиловать мужчину на многолюдной вечеринке или девушку — на скамейке в центре города.

Англичанин, будто не слыша его, продолжает:

— ...Что весьма характерно для многих серийных убийц. И многие из них руководствуются, с позволения сказать, «гуманными соображениями». Медицинские сестры, избавляющие неизлечимо больных от страданий, социальные работники, которые из жалости к престарелым и инвалидам приходят к выводу, что в мире ином им было бы гораздо лучше — подобный случай произошел недавно в Калифорнии. Есть и такие, кто пытается перестроить общество — их жертвами становятся прежде всего проститутки...

— Мсье Моррис, я приехал не за тем, чтобы... На этот раз англичанин слегка повысил голос:

— А я вас вообще не приглашал. Я делаю вам одолжение. Если угодно, можете уходить. А если решите остаться, перестаньте ежеминутно прерывать цепь моих рассуждений: прежде чем поймать кого-нибудь, надо сначала его понять...

— Так вы вправду полагаете, что перед нами серийный убийца?

— Я еще не закончил.

Савуа едва сдерживается. Стоило, в самом-то деле, так торопиться?! Может, лучше было дожидаться, пока журналисты не запутаются окончательно, и тогда уж представить им готовое решение?

— Простите. Продолжайте.

Моррис поворачивает огромный монитор так, чтобы инспектор тоже мог видеть возникшую на экране гравюру, относящуюся, вероятно, к XIX веку.

— Это портрет Джека-потрошителя, самого знаменитого серийного убийцы. Он действовал в Лондоне, всего лишь за вторую половину 1877 года уничтожив не то пять, не то шесть женщин. Он вспарывал им животы и извлекал внутренности. Найти его так и не смогли. Он превратился в миф, и до сих пор предпринимаются попытки установить, кто же это был на самом деле.

На экране возникает нечто вроде карты звездного неба.

— Это подпись «Зодиака». За десять месяцев он убил в Калифорнии пять парочек, парковавших свои машины в безлюдных местах, чтобы заняться любовью. Потом отправлял в полицию письмо, помеченное вот этим символом, похожим на кельтский крест. Его личность тоже так и не идентифицирована.

Исследователи склонны считать, что в обоих случаях речь идет о людях, вознамерившихся восстановить добропорядочность и укрепить мораль. Они выполняли некое поручение, миссию, что ли. И вопреки тому образу, который создают журналисты, давая им пугающие имена — «Бостонский душитель» или «Детоубийца из Тулузы» — эти люди проводят с соседями уикенды и тяжело трудятся, чтобы обеспечить себе хлеб насущный. Свои преступления они совершают, так сказать, бескорыстно, не ища материальной выгоды.

Савуа слушает теперь с интересом.

— То есть, вы хотите сказать, что убийцей может быть любой человек, приехавший в Канны на фестиваль...

— ...и вполне сознательно решивший сеять тут ужас, руководствуясь совершенно абсурдными резонами. Ну, например — «бороться против диктатуры моды» или «покончить с распространением фильмов, пропагандирующих насилие». Журналисты подыщут ему броское прозвище,

и тут начнется такое... Ему будут приписывать преступления, к которым он не имеет никакого касательства. Паника будет усиливаться до тех пор, пока его случайно — я подчеркиваю: случайно — не схватят. Что маловероятно, ибо такие убийцы действуют определенный период времени, а потом исчезают навсегда. Он рад, что оставил свой след в истории, он, вероятно, заносил все эти события в дневник, который обнаружат после его смерти... И на этом — все.

Савуа больше не поглядывает на часы. И когда в кармане звонит телефон, не отвечает. Дело оказывается сложнее, чем представлялось ему поначалу.

— То есть вы согласны со мной?

— Согласен, — отвечает легендарный сыщик из Скотланд-Ярда, раскрывший пять преступлений, которые считались безнадежными «глухарями».

— Так на каком же основании вы все-таки считаете, что мы имеем дело с серийным убийцей?

Моррис улыбается. Наконец-то этот инспектор начал прислушиваться к его словам.

— На основании того, что в совершенных им убийствах полностью отсутствуют мотивы. У всех — ну, или у большинства таких преступников — есть то, что мы называем «почерком»: они выбирают определенный тип жертвы — гомосексуалиста, проститутку, бездомного бродягу, любовников, прячущихся в укромных уголках, и т. д. Есть другие: они убивают потому, что не в состоянии подавить это побуждение. Удовлетворив его, останавливаются до тех пор, пока импульс не возникнет вновь. Я думаю, ваш подопечный — из таких.

— Тут есть о чем подумать... Преступник действует очень изощренно и нестандартно. И всякий раз убивает по-разному — стилетом, ядом, голыми руками... Он прекрасно знает анатомию, и пока для нас это единственная зацепка. Надо полагать, свои убийства он спланировал заранее и довольно давно, потому что яд так просто не достанешь, а значит, мы вправе отнести его к категории «исполняющих миссию», хоть и не можем определить, какую. И еще один возможный след: при убийстве торговки сувенирами он использовал прием русского боевого искусства, называемого *самбо*.

Я мог бы пойти дальше и отнести к числу его характерных или излюбленных методов то, что он сближается с будущей жертвой, вступает с нею в дружеские отношения. Но — не получается... В эту схему не укладывается убийство, совершенное на многолюдном приеме, в павильоне на пляже. Мало того что жертву сопровождали двое телохранителей, которые должны были бы отреагировать, она находилась под наблюдением агентов Европола.

Русский? Савуа думает, не позвонить ли помощникам — пусть срочно проверят все отели. Поищут русского, приблизительно лет сорока, хорошо одетого, седеющего...

— То, что было применено самбо, еще ни о чем не говорит. — Моррис как истинный профессионал в очередной раз словно читает его мысли. — Вот в другой раз он применил кураре. Не будете же вы на этом основании считать его индейцем из амазонской сельвы?!

— Так что же делать?

— Ждать следующего преступления.

6:50 PM

Золушка!

Ах, если бы люди больше верили в волшебные сказки да поменьше слушали своих жен, мужей и родителей — им все на свете кажется невозможным, — они иногда испытывали бы то же самое, что она — сейчас, в салоне одного из бесчисленных лимузинов, медленно, но неотвратимо приближающихся к ступеням, к красному ковру, к самому главному подиуму на свете.

С нею рядом — Звезда, с улыбкой на устах, в строгом белом костюме. Спрашивает, волнуется ли она. Разумеется, нет: в прекрасных снах не бывает ни волнения, ни нервозности, ни страха, ни тоски. Там все прекрасно и все происходит как в кино, где героиня после страданий и борьбы всегда осуществляет то, о чем мечтала.

— Если Хамид Хусейн не передумает двигать свой проект, если фильму сужден успех, которого он от него ждет, приготовься — будут в твоей жизни еще такие минуты.

«Если не передумает»? Как? Разве это еще не решено?

— Но ведь я подписала контракт, когда примеряла платье в «Комнате подарков»...

— Забудь, что я сказал! Не хочу портить тебе торжество...

— Нет-нет, продолжайте.

Знаменитый актер ждал от глупой девчонки именно такого ответа и с огромным удовольствием исполняет ее просьбу:

— Знаешь, мне приходилось участвовать во многих проектах — они открывались и потом закрывались. Таковы правила игры, сейчас тебе об этом нечего тревожиться...

— А как же контракт?

— Контракты существуют для адвокатов, которые зарабатывают на них деньги. Пожалуйста, забудь все, что я сказал. Наслаждайся этой минутой.

Минута меж тем приближается. Машины движутся медленно, давая возможность зевакам заглянуть внутрь, увидеть, кто там сидит — пусть и через затемненные стекла, отделяющие избранных от простых смертных. Звезда приветливо кивает. Люди стучат в окна автомобиля, прося опустить стекло хоть на миг — получить автограф, сделать снимок.

Звезда продолжает кивать все так же приветливо, словно не слышит или не понимает, чего от него хотят, и пребывает в уверенности, что одной его улыбки довольно, чтобы озарить мир.

А снаружи — настоящее столпотворение с элементами массового психоза. Пожилые дамы с переносными раскладными стульчиками, на которых сидели, должно быть, с самого утра с вязанием в руках; господа с пивными животами, умирающие с тоски, но обязанные, тем не менее, сопровождать здесь своих жен, расфуфыренных так, будто это им предстоит идти по красному ковру; дети, не понимающие решительно ничего, но чувствующие: происходит что-то интересное. Черные, белые, желтые люди всех возрастов, отделенные металлическими барьерами от узкого коридора, по которому катят лимузины, всей душой хотят верить, что оказались всего в каких-нибудь двух метрах от величайших идиолов, хотя на самом деле дистанция эта — во много сотен тысяч километров. Ибо от живых легенд эпохи публику отделяют не только кордоны и стекла машин, но и шанс, возможность, талант.

Талант? Да, ей хочется думать, что и он идет в зачет, хоть она и знает, что дистанцию, а вернее — непреодолимую пропасть создают бросающие кости боги: это они определяют, кому быть в числе немногих избранных, а кому предназначено лишь рукоплескать, обмирать от восхищения или — когда поток устремится по другому руслу — злословить.

Звезда делает вид, будто разговаривает с ней, но на самом деле лишь поглядывает на нее и беззвучно шевелит губами, в меру своего недюжинного актерского мастерства имитируя беседу. И не получает от этого удовольствия: Габриэла мгновенно понимает, что он не хочет разочаровывать толпящихся вокруг поклонников, однако и кивать, кланяться, расточать улыбки и воздушные поцелуи ему уже неважно. Но вот он произносит наконец:

— Ты, наверное, думаешь — какой высокомерный циник... каменное сердце... Если когда-нибудь доберешься до своей цели, поймешь, что я чувствую сейчас. Выхода нет. Успех поражает в той же мере, в какой и развращает, и в конце дня, в постели с другим или другой спросишь себя: а стоило ли? Почему я так желал этого?

— Продолжай.

— Сам не знаю, зачем я тебе это рассказываю.

— Затем, что хочешь, должно быть, от чего-то меня уберечь. Ты добрый. Продолжай, прошу тебя.

Габриэла при всей своей юной неискренности была женщиной, а потому знала, как получить от мужчины то, что нужно ей. В этом случае самой верной отмычкой должно послужить тщеславие.

— Не знаю, почему я так желал этого. — Звезда попал в расставленную ему ловушку и теперь, покуда фанаты продолжают бесноваться, поворачивается своей уязвимой стороной. — Очень часто я возвращаюсь в отель после тяжелого дня, становлюсь под душ и замираю надолго, слушая только шум воды. И во мне борются две силы: одна велит мне благодарить судьбу, другая — бросить все, пока не поздно.

И в такие минуты я чувствую себя самым неблагодарным существом на свете. У меня есть поклонники, а я уже еле выношу их. Меня приглашают на самые престижные, самые завидные праздники, а мне хочется сразу уйти оттуда, вернуться домой и посидеть в тишине с хорошей книгой. Люди награждают меня премиями, вручают призы, делают все ради того, чтобы я был счастлив, а я не ощущаю ничего, кроме усталости и досады, потому что мне кажется — я не заслужил этого, не заслужил, ибо я не достоин своего успеха. Понимаешь?

На долю секунды Габриэлу охватывает жалость к человеку, сидящему рядом: она представляет, сколько раз в году он должен появляться на каких-то празднествах, где у него будут просить автограф или позволения сфотографироваться рядом или рассказать какую-нибудь абсолютно неинтересную ему чушь, (которую надо внимательно выслушать или по крайней мере сделать заинтересованный вид), предлагать ему участие в новом проекте, доводить его до бешенства классическим «Вы меня не помните?», совать ему свои телефоны, умоляя сказать хоть одно словечко жене, сестре, сыну. А он должен быть всегда весел, всегда контактен, вежлив и благорасположен, как подобает настоящему, первоклассному профессионалу.

— Понимаешь?

— Понимаю. Но знаешь — я готова ко всем этим неприятностям, что были у тебя, однако отдаю себе отчет, что мне еще очень до них далеко.

Еще четыре лимузина — и они будут у цели. Водитель просит приготовиться. Звезда, опустив с потолка маленькое зеркало, поправляет галстук, а Габриэла — прическу. Девушке уже виден кусочек красной ковровой дорожки, хотя сама лестница пока вне поля зрения. Царившая вокруг истерика унялась — теперь у каждого, кто стоит в толпе, висит на шее аккредитация с фотографией: они разговаривают друг с другом и не обращают ни малейшего внимания на тех, кто подъезжает в лимузинах, потому что устали уже на это реагировать.

Еще две машины. Слева от Габриэлы появляются ступени помоста. Люди в строгих костюмах и при галстуках открывают дверцы; суровые металлические барьеры сменились бархатными шнурами, продернутыми через столбики из бронзы и дерева.

— Черт! — вскрикивает вдруг Звезда, так что Габриэла пугается. — Черт! Ты только посмотри, кто там! Погляди, кто сейчас выходит из машины.

Габриэла видит кинодиву в платье от Хамида Хусейна: она только что ступила на красный ковер. Звезда смотрит в противоположную от Дворца конгрессов сторону, и Габриэла, проследив его взгляд, видит нечто совершенно неожиданное для себя. Живая человеческая стена почти трехметровой высоты беспрерывно вспыхивает блицами фотокамер.

— Она смотрит не туда... — с облегчением произносит Звезда, вмиг растеряв весь свой шарм, и мягкость, и озабоченность вопросами бытия. — Это же не аккредитованные журналисты, второй сорт, мелкие газетенки.

— А почему «черт!»?

Звезде не удастся скрыть раздражение. Перед ними — последний лимузин.

— Ты что, сама не понимаешь? С луны свалилась? Мы с тобой вступили бы на ковер, а все объективы аккредитованных репортеров, стоящих как раз посередине, были бы направлены на нее! — И приказывает шоферу: — Сбавьте скорость!

Но тот показывает на одного из распорядителей, который знаками дает понять: двигайся поживей, не задерживай.

Звезда глубоко вздыхает — нет, сегодня явно не его день. И зачем ни с того ни с сего он вздумал излить душу начинающей актриске, оказавшейся с ним рядом? Хотя его и вправду тяготит жизнь, которую приходится вести, однако при этом он ничего другого и вообразить себе не может.

— Не спеши, — наставляет он Габриэлу. — Надо постараться пробыть у подножия лестницы как можно дольше. Нужен изрядный промежуток времени между этой дамочкой и нами.

Под дамочкой он разумеет кинодиву.

Пара, выходящая из предыдущей машины, не привлекает к себе, похоже, особенного внимания, хотя люди эти — явно не последнего разбора, ибо никому еще не удавалось оказаться на первой ступеньке каннской лестницы, не покорив сначала многие и многие вершины.

Звезда немного успокаивается, но теперь в свою очередь напряжена Габриэла, которая не очень-то представляет, как себя вести. Ладони ее становятся влажными. Прижимая к боку набитую бумагой сумочку, она глубоко вздыхает и шепчет молитву.

— Не торопись, — повторяет Звезда. — И не жмись ко мне, держись чуть поодаль.

Лимузин останавливается. Обе дверцы распахиваются.

В этот миг чудовищный многоголосый крик, заполняя, кажется, всю Вселенную, со всех сторон обрушивается на Габриэлу, и она только сейчас понимает, что из-за превосходной звукоизоляции салона ничего не слышала раньше. Звезда выходит из машины, сияя ослепительной

улыбкой, словно две минуты назад ничего и не было, словно не звучали его горькие признания, очень похожие на правду, а он был и остается центром мироздания. Этот человек не в ладу с самим собой, со своим прошлым, со своей средой, но не может сделать ни шагу назад.

«О чем только я думаю? Надо собраться, вернуться к действительности... Подняться по ступеням каннской лестницы!»

Оба приветственно машут репортерам без аккредитации и минуту-две позируют им. Люди тянут к ним клочки бумаги, Звезда раздает автографы и благодарит своих фанатов. Габриэла не знает, стоять ли ей рядом с ним или направиться к красной дорожке и ко входу во Дворец конгрессов — но в этот момент кто-то протягивает ей ручку и листок.

Это не первый автограф в ее жизни, но, без сомнения, самый важный. Она смотрит на женщину, сумевшую прорваться за оцепление, улыбается ей, спрашивает, как ее зовут, но фотографии кричат так, что ответа она не слышит.

Ах, как бы ей хотелось, чтобы эту церемонию в прямом эфире показали на весь мир, и мать смогла бы увидеть, как она в умопомрачительном наряде, рядом со знаменитейшим киноактером (сейчас у нес, правда, возникают сомнения, но лучше поскорее выбросить эти «негативные колебания» из головы) дает автограф, важнее которого не было еще за все ее двадцать пять лет! Так и не расслышав имя женщины, она улыбается и пишет просто: «С любовью...» Подходит Звезда.

— Идем. Путь свободен.

Женщина, которой она только что написала эти сердечные слова, читает их и протестует:

— Это же не автограф! Мне нужно ваше имя, чтобы можно было потом узнать на фото!

Габриэла делает вид, что не слышит — ничто на свете не в силах испортить этот волшебный миг.

Они начинают восхождение на этот высший европейский подиум; полиция окружает их плотным заслоном, хотя публика осталась далеко позади. По обе стороны укрепленные на фасаде исполинские плазменные экраны показывают простым смертным, толпящимся снаружи, что же происходит в этом святилище. Откуда-то доносятся истерические крики, бешеные рукоплескания. Дойдя до более широкой ступени — это нечто вроде площадки, Габриэла видит новую толпу фотографов, одетых, в отличие от своих коллег внизу, в строгие костюмы: они громогласно выкликают имя Звезды, прося его повернуться сюда, нет, сюда, еще немного вправо, чуть-чуть влево, взглянуть вверх, посмотреть вниз. Мимо проходят, поднимаются по ступеням другие пары, но они фотографов не интересуют, а Звезда, сохраняя нетронутым весь свой гламурный блеск, изображает легкую небрежность и пошучивает, показывая, что вовсе не напряжен и ему это все не в новинку.

Габриэла замечает, что и она сама привлекает внимание; ее имя не выкрикивают (оно ведь никому и неизвестно), но, полагая, что это — новое увлечение знаменитого актера, просят подойти поближе, чтобы можно было снять их вместе (и Звезда на несколько секунд придвигается к ней, сохраняя, тем не менее, благоразумную дистанцию и избегая соприкосновения).

Да, они сумели отстать от кинодивы! Она в эту минуту уже в дверях Дворца здоровается с президентом фестиваля и мэром Канн.

Звезда жестом показывает, чтобы Габриэла продолжала подниматься по ступеням. Она поворачивается.

Смотрит вверх и видит еще один огромный экран, помешанный с таким стратегическим замыслом, чтобы люди могли видеть самих себя. Из динамиков доносится голос, возвещающий:

— А сейчас мы приветствуем...

И звучит имя Звезды и название его самого знаменитого фильма. Потом ей расскажут, что все, уже находящиеся в зале, видят по внутренней сети ту же самую сцену, что появляется на плазменных панелях снаружи.

Они поднимаются по ступенькам, доходят до дверей, приветствуют президента и мэра и входят во Дворец. Вся процедура заняла не больше трех минут.

Звезду немедленно обступают, со всех сторон окружают люди, мечтающие восхититься им вблизи, обменяться несколькими словами, сфотографироваться (этой слабости — сниматься со знаменитостями — подвержены даже избранные). Здесь, внутри, очень жарко. Габриэла опасается, как бы не поплыл макияж...

Макияж!

Ах, боже мой, она совсем забыла! Ведь ей надо сейчас выйти в левую дверь, и там, кажется,

ее будут ждать. Механически переставляя ноги, спускается по лестнице, проходит мимо двоих или троих охранников. Один осведомляется: «Покурить выходите? К началу показа вернетесь?» Она отвечает: «Нет», — и идет дальше.

Минует еще сколько-то металлических барьеров, но никто больше ни о чем ее не спрашивает, никто не удивляется, что она выходит оттуда, куда все так неистово стремятся. Она видит со спины огромную толпу — люди продолжают размахивать руками и вопить, приветствуя нескончаемую вереницу подъезжающих один за другим лимузинов. Какой-то человек подходит к Габриэле, спрашивает, как ее зовут, просит следовать за ним.

— Можете подождать минутку?

Тот явно удивлен, но кивает. Габриэла не сводит глаз со старинной карусели, которая, должно быть, стоит здесь с начала прошлого века. Карусель вертится, дети на лошадках и слонах то поднимаются, то опускаются.

— Ну, что, пойдём? — деликатно спрашивает мужчина.

— Еще минутку...

— Мы опоздаем.

Но Габриэла, уже не в силах сдержаться, плачет навзрыд — сказались три минуты только что пережитого ужаса и предельного напряжения. Забыв про макияж — поправят как-нибудь, она, содрогаясь всем телом, плачет горько и безутешно. Мужчина протягивает ей руку, чтобы оперлась и не споткнулась на своих высоких каблуках, и оба идут по площади, выводящей на набережную Круазетт; шути толпы за спиной постепенно стихает, зато рыдания становятся все громче, словно она решила сразу пролить все невыплаканные слезы этого дня, недели, всех лет, заполненных мечтами об этой минуте, промелькнувшей так стремительно, что она не успела понять, что же все-таки произошло.

— Простите, — говорит она своему спутнику.

Он гладит ее по голове и улыбается ласково, жалостливо и понимающе.

7:31 PM

И вот он наконец понял: нельзя добиваться счастья любой ценой — жизнь и так воздала ему сверх меры, и теперь уже можно признать, что она была на редкость щедра к нему. Отныне и уже до конца дней своих он посвятит себя тому, чтобы извлекать сокровища, таящиеся в его страданиях, и каждую радостную минуту проживать, как если бы она была последней.

Он победил искушения. Он защищен духом девочки, так проницательно разгадавшей его миссию, а теперь постепенно открывающей ему глаза на истинные цели его пребывания в Каннах.

Покуда он сидел в этой пиццерии, вспоминая услышанное на пленках. Искушение обвинило его в том, что он — сумасшедший, способный уверовать, будто во имя любви все позволено. Но слава Богу, это длилось всего несколько минут, а теперь они остались позади.

Он совершенно нормален. Дело, которым он занимается, требует умения планировать и договариваться, четкости и самодисциплины. Многие его друзья сетуют, что в последнее время он стал каким-то отчужденным и сторонится людей: им невдомек, что так было всегда.

А то, что он бывал на праздниках и торжествах, свадьбах и крестинах, притворялся, будто ему интересно играть в гольф по воскресеньям, — это всего лишь способ добиться своих профессиональных целей. Ему всегда была отвратительна так называемая светская жизнь, когда люди прячут за улыбками душевное уныние. Не составило труда очень скоро понять, что Суперкласс так же зависим от своего успеха, как наркоман — от своей отравы, и несравненно несчастней тех, у кого нет ничего, кроме дома, сада, где играют дети, тарелки супа на столе, очага, где зимой пылает огонь. Те хоть сознают свои пределы и границы, понимают, что жизнь коротка, а потому не видят смысла в том, чтобы идти дальше.

Суперкласс пытается продавать свои ценности. Нормальные, обычные люди жалуются, что небеса к ним несправедливы, завидуют власть имущим, страдают, глядя, как развлекаются другие. И не могут постичь, что никто и не развлекается: все озабочены, не уверены в себе, все скрывают за своими драгоценностями, автомобилями, толстыми бумажниками тяжелейший комплекс неполноценности.

Игорь — человек простых вкусов, хотя Ева не раз пеняла на его манеру одеваться. Но для

чего платить за сорочку больше разумной цены, если этикетка пришита к воротнику изнутри? Зачем посещать модные рестораны, если не услышишь там ничего значительного и важного? Ева часто сетовала, что в тех случаях, когда ему по обязанности приходилось бывать на праздниках, церемониях и прочих мероприятиях, он держит себя слишком замкнуто. Игорь пытался изменить свое поведение, старался нравиться людям — хотя ему самому это представлялось совершенно ненужным. Он глядел, как люди вокруг говорят без умолку, сравнивают свои и чужие пакеты акций, повествуют о чудесных достоинствах новой яхты, пускаются в пространные разглагольствования о стилевых особенностях художников-экспрессионистов потому лишь, что запомнили пояснения экскурсовода в парижском музее, уверяют, что этот писатель лучше того, хоть за неимением времени читают не сами книги, а рецензии на них.

Культурные люди. Очень обеспеченные люди. Очаровательные люди. И каждый из них в конце дня задает себе один и тот же вопрос: «Не пора ли остановиться?» И каждый отвечает на него: «Если остановлюсь, моя жизнь лишится смысла».

Можно подумать, они знают, что такое смысл жизни.

Искушение проиграло битву. Хотело убедить его в том, что он безумен, ибо одно дело — замышлять жертвоприношение каких-то людей, и совсем другое — посметь и суметь осуществить его. Искушение твердило, что все мы мечтаем совершать преступления, но лишь безумцам дано претворить эти зловещие мечты в действительность.

Игорь нормален. Успешен. Захоти он — мог бы нанять лучшего в мире киллера-профессионала, который выполнял бы поручения и посылал бы Еве сообщения. Захоти — и подрядил бы лучшее в мире пиар-агентство, а к концу года стал бы темой номер один не только в специальных изданиях, но и на страницах журналов, воспевающих успех, славу, блеск, гламур. И можно не сомневаться, что его бывшая жена горько пожалела бы о своем ошибочном решении и о его пагубных последствиях, а он знал бы точно момент, когда надо будет послать ей цветы и сказать: «Вернись — ты прошена». Он обладает связями во всех социальных слоях — от продюсеров-импресарио, достигших вершин благодаря упорству и постоянным усилиям, до преступников, ни разу в жизни не получивших шанса повернуться светлой стороной.

И в Каннах он сейчас не только потому, что получает извращенное наслаждение, заглядывая в глаза человеку, который оказался перед Неминуемым. Если уж решил оказаться на линии огня, в такой рискованной ситуации, то лишь потому, что уверен: шаги, предпринятые им в течение этого дня, кажущегося бесконечным, никогда не станут необходимым, фундаментальным условием для того, чтобы новый Игорь, живущий внутри прежнего, смог возродиться из пепла его трагедии.

Он всегда был человеком, способным, приняв трудное решение, идти до конца, причем никто на свете, включая Еву, не знал, что происходит в темных закоулках его души. Он молча сносил угрозы и оскорбления от «групп и отдельных лиц», а ответил им лишь когда счел себя в силах ликвидировать и угрозы, и тех, кто угрожал. Требовался невероятный самоконтроль, чтобы не дать печальному опыту, которого он набрался, оставить свои следы и отметины на его жизни. Он научился никогда не приносить свои страхи и опасения домой: Ева должна жить в безмятежном спокойствии и даже не догадываться о тех передрыгах, которые неизбежно встречаются на пути каждого бизнесмена. Он ограждал ее от всего неприятного, а в ответ, как выясняется, не получил ни благодарности, ни хотя бы понимания.

Дух Оливии, внушив ему эту мысль, успокоил его, но одновременно и добавил кое-что такое, о чем он никогда еще не думал прежде: он ведь приехал сюда не отвоевывать бросившую его женщину, а ради того, чтобы убедиться наконец — не стоит она ни всех этих мучительных лет, ни месяцев кропотливого обдумывания, ни его способности прощать, быть великодушным и терпеливым.

Он отправил ей одно, два, три сообщения, а Ева не отозвалась. Нет ничего проще узнать, где он остановился. Да, пять-шесть звонков в первоклассные отели не решили бы проблему, благо он зарегистрировался под чужим именем и указал другой род занятий, но — кто ищет, тот найдет.

Он знает, что население Канн, насчитывающее всего семьдесят тысяч жителей, обычно утраивается во время фестиваля, но прибывающие сюда люди всегда стремятся жить там же, где раньше. Где же она? В одном с ним отеле и посещает тот же самый бар — вчера ночью он видел ее там с новым избранником. И тем не менее она не носится по Круазетт в поисках бывшего мужа.

Не пытается выяснить, где он, обзванивая общих друзей, хотя по крайней мере один из них получил исчерпывающую информацию от Игоря, предполагавшего — та, кого он считает женщиной своей жизни, свяжется с ним, когда поймет, как близко ее бывший муж.

Друг получил инструкции на этот случай и должен был объяснить Еве, где его найти... Однако до сих пор — молчание.

Он стягивает с себя одежду, отправляется под душ. Да, Ева не заслужила... Он почти уверен, что сегодня вечером встретит ее, но с каждой минутой эта встреча значит все меньше и меньше. Быть может, его миссия окажется важнее, чем просто вернуть любовь женщины, которая предала его и теперь очерняет. Дух девушки-португалки напоминает ему историю, рассказанную в перерыве между двумя боями одним старым афганцем.

Жители города, расположенного в горах Герата, пришли после столетий беспорядка, разброд и дурного правления в полное отчаяние. Нельзя вот так, раз — да и свергнуть монархию, но нельзя и терпеть долее многие поколения спесивых королей, помышляющих лишь о собственном благе. И собрали Лойю джиргу, что в переводе с пуштунского значит Большой совет — совет старейших и мудрейших.

И совет решил: будем избирать себе короля каждые четыре года и наделим его всей полнотой власти. Он может увеличивать подати, требовать беспрекословного подчинения, каждую ночь проводить с новой женщиной, есть вволю и пить допьяна. Носить самые лучшие одежды, ездить на лучших конях. И наконец — любой, даже самый нелепый его приказ должен быть выполнен, и никто не вправе оспаривать его справедливость или искать в его приказах смысл.

А по прошествии четырех лет властелин обязан отречься от престола и вместе с семьей покинуть город, взяв с собой лишь носильное платье. Все знали, что это будет означать гибель через три-четыре дня, ибо город со всех сторон окружала необозримая пустыня, где зимой царил леденящая стужа, летом же — непереносимая жара.

Члены совета полагали, что никто не решится взять власть, и тогда можно будет вернуться к старинному обычаю избирать правителя большинством народа. И объявили о своем решении — трон владыки пуст, но чтобы занять его, надо выполнить эти суровые условия. Поначалу нескольких человек привлекла такая возможность. Первым принял вызов больной раком, но он умер посреди своего правления с улыбкой на устах. Его сменил безумец, который, не поняв по слабоумию условий, ушел не через четыре года, а через четыре месяца и сгинул в пустыне. После этого начались разговоры о том, что престол проклят, и никто больше не желал рисковать. Город остался без правителя, смута усиливалась, жители поняли, что о монархии следует позабыть навсегда, и готовились поменять свои обычаи и привычки. А Лойя джирга собрался уж было одобрить мудрое решение своих членов — никто ведь не принуждал народ делать выбор, но таким хитроумным способом всего лишь сумели пресечь поползновения тех властолюбцев, которым никакая цена за право царствовать не казалась чрезмерной.

Но тут появился некий человек — молодой, но уже успевший жениться и обзавестись тремя детьми.

— Я готов занять престол, — сказал он.

Мудрецы принялись объяснять, какое это рискованное дело. Они советовали ему не забывать о своих малолетних детях, мол, придумали ведь все это ради того, чтобы отвести искателей приключений и деспотов. Однако решимость юноши оставалась непоколебима. И поскольку назад пути не было, ничего не оставалось Лойе джирге, как отсрочить исполнение своих планов еще на четыре года.

А юноша и его семья оказались превосходными правителями — были справедливы и беспристрастны, снижали цены на продовольствие, устраивали празднества, чтобы отметить смену времен года, поощряли развитие ремесел и искусств. Но каждую ночь выходил из городских ворот целый обоз тяжело нагруженных телег, накрытых мешковиной так, что никто не мог увидеть, что же такое лежит в них.

Выходил и никогда не возвращался.

Сначала члены совета думали, что король вывозит из города сокровища. Но потом поняли, что это не так, ведь он никогда прежде не удалялся от городских стен: если бы и попытался, то очень скоро убедился бы, что лошади долго не пройдут, ибо местность вокруг самая что ни на есть

неприспособленная для жизни. Снова собрались и решили: пусть поступает, как хочет. Когда же кончится срок его правления, отправимся туда, где лошади падают от бескормицы, где люди умирают от жажды, и все заберем назад.

И они перестали тревожиться и принялись терпеливо ждать.

По истечении четырехлетнего срока король, как положено, должен был отречься от престола и покинуть город. Однако народ возмутился — уже очень давно не было у него такого справедливого и мудрого владыки.

Но решение Лойи джирги следовало выполнять. И юный правитель попросил жену и детей сопровождать его.

— Я пойду с тобой, — сказала ему жена. — Но оставь по крайней мере детей: они выживут, вырастут и расскажут людям твою историю.

— Положись на меня, — отвечал тот.

По суровым обычаям этого племени жена обязана была повиноваться мужу. И они сели на коней, направившись к городским воротам, где попрощались с друзьями, которые появились у них за это время. Старейшины были довольны: при таком множестве сторонников царь не стал противиться их воле, и, значит, будут наконец-то внедрены в общественное устройство обычаи народо-властия.

А при первой же возможности они вернут в город сокровища, которые должны находиться не далее, чем в трех днях пути отсюда.

Семейство следовало в долину смерти в молчании. Жена не осмеливалась вымолвить хоть слово, дети не понимали, что происходит, а бывший правитель был погружен в глубокие раздумья. Перевалив через первый холм, целый день они ехали по бескрайней пустынной равнине, а заночевали на вершине следующего холма.

Жена пробудилась на рассвете: хотела взглянуть напоследок — ведь жить ей оставалось не больше двух дней — на родной город. А потом, поднявшись еще выше, посмотрела вниз, хоть и знала, что увидит лишь безжизненную необозримую равнину. И замерла в изумлении.

Оказалось, что караваны, четыре года кряду выходявшие из города, вывозили оттуда не самоцветные камни и не золотые монеты.

А — семена, кирпичи, дерево, черепицу, буры и насосы, чтобы добывать воду из самых глубин земли.

И перед глазами ее возник новый город — красивый, благоустроенный и удобный для житья.

Муж, проснувшись, подошел и встал с нею рядом. И сказал так:

— Вот наше царство. Едва узнав о решении Лойи джирги, я сразу понял: нечего и пытаться за четыре года восстановить то, что разрушалось веками своекорыстного и бездарного правления. Зато все можно начать с самого начала, с первого камня и чистого листа.

Вот и он, Игорь, слушая шум воды, омывающей его тело, тоже все начнет заново. Он понимает наконец, почему первый человек, с которым он толком поговорил в Каннах, сейчас находится рядом, направляет его шаги, помогает, объясняя, что жертва его была не случайна и не напрасна. Кроме того, она позволила ему понять, что Ева всегда была извращенным существом, заинтересованным лишь в социальном успехе, пусть даже успех этот заставил бы ее бросить мужа.

— Когда вернешься в Москву, тебе надо будет заняться спортом. Заняться по-настоящему. Это поможет сбросить ненужное напряжение.

Сквозь клубы горячего пара он может различить ее лицо. Ни с кем и никогда он еще не чувствовал такой близости, как с этой молоденькой португалкой по имени Оливия.

— Иди вперед. Не останавливайся. Даже если утратишь убежденность и веру, все равно — иди вперед. Господни предначертания исполнены тайны, и порою Он указывает правый путь лишь тому, кто уже начал идти.

Спасибо, Оливия. Как знать, быть может, он находится здесь, чтобы показать миру всю степень искажения, высшим проявлением которого давно уже стали Канны.

Он не уверен в этом. Но как бы то ни было, он оказался здесь не просто так, и два года напряжения, страхов, сомнений получили наконец свое оправдание.

Можно себе представить, каков будет следующий кинофестиваль: без магнитных пропусков нельзя будет войти даже на пляж, на всех крышах расположат снайперов из элитных подразделе-

ний, сотни полицейских в штатском перемешаются с толпой, рамы металлоискателей установят в дверях каждого отеля, и великие из Суперкласса должны будут ждать, когда же полицейские досмотрят их багаж, попросят снять башмаки и туфли, пройти еще раз, потому что детектор отреагировал на забытые в карманах монетки, всех седеющих мужчин — поднять руки и подвергнуться личному обыску, наподобие какого-нибудь уголовника, а дам — пройти в брезентовую, грубо диссонирующую со старинной изысканностью интерьера выгородку, за которой им придется выстроиться в очередь и терпеливо ждать, пока полицейская девушка не установит наконец, что причиной звона послужили стальные пластинки, вшитые в чашечки лифчика.

И город тогда откроет свое истинное лицо. Роскошь и блеск сменятся напряжением, оскорблениями, безразличными взглядами полицейских, потерянными временами. Отъединенность будет нарастать, и на этот раз — не из-за вечного высокомерия избранных, а в силу самого хода вещей. На приморский курорт пришлют воинские подразделения, поставив им задачу защищать тех, кто всего лишь хотел отдохнуть и развлечься, а немалые издержки придутся на долю налогоплательщиков.

Пойдут демонстрации протеста — честные труженики выступят против этих нелепостей. Правительство опубликует заявление о том, что рассматривает возможность переложить часть налогового бремени на плечи организаторов фестиваля. Спонсоры, которые с легкостью выдержали бы подобные траты, потеряют к этому интерес, потому что кого-то из них унижил мелкий полицейский агент, приказавший ему заткнуться и не нарушать требования безопасности.

Канны начнут умирать. Пройдет еще года два, и станет понятно: меры, принятые для восстановления законности и порядка, дали свои плоды. Во время фестиваля не зарегистрировано ни одного преступления. Террористам больше не удастся сеять здесь панику.

Они попытаются повернуть время вспять, но это невозможно; Канны продолжают умирать. Новый Вавилон уничтожен. Современный Содом исчезает с карты мира.

Из ванной он выходит с готовым решением: когда вернется в Россию, даст распоряжение отыскать родных Оливии. И перечислит им через банки с хорошей репутацией анонимные пожертвования. Найдет даровитого писателя и закажет ему ее жизнеописание, а потом оплатит переводы на все языки.

«История девушки: она продавала сувениры, ее бил любовник и эксплуатировали родители, но однажды, отдав свою душу незнакомцу, она изменила маленькую частицу Вселенной».

Он открывает шкаф, достает белоснежную сорочку, идеально отутюженный смокинг, лакированные туфли ручной работы. Галстук-бабочку завязать нетрудно: он проделывает это не реже, чем раз в неделю.

Включает телевизор: сейчас время местных новостей. Большую часть выпуска занимает проход по красному ковру, однако есть и краткое упоминание о женщине, убитой на пирсе.

Полиция оцепила место происшествия, и паренек, оказавшийся невольным свидетелем убийства (Игорь внимательно всматривается в его лицо, хоть и не помышляет о мести), рассказывает, что видел, как пара присела на скамейку, и мужчина, достав стилет, начал водить острием по телу своей спутницы, что ей, судя по всему, нравилось. Сочтя это любовными играми, он и не стал звать полицию.

«Как он выглядел?»

Белый, лет сорока, одет так-то и так-то, мягкие манеры.

Нет, тревожиться не из-за чего. Он вынимает из портфеля два конверта: в одном — приглашение на вечеринку, которая начнется через час (хотя все знают, что по крайней мере минут на девяносто позже), где, как он знает, будет и Ева. А если ее не будет — ничего страшного. Он так или иначе встретит ее. Неполных суток оказалось достаточно, чтобы понять, кого же он взял себе в жены, из-за кого совершенно напрасно страдал целых два года.

На другом конверте — из серебристой бумаги, герметически запечатанном — каллиграфическим почерком, который может принадлежать как мужчине, так и женщине, написано одно слово: «Тебе».

Как и в большинстве отелей в наши дни, коридоры отеля «Martinez» — под прицелом видеокамер. Где-то на цокольном этаже, в темной комнате, заставленной мониторами, сидят люди, и внимательно, не упуская из виду ни малейшей детали, следят за всем происходящим вокруг. От их зорких взглядов не укроется ничего, что выходит за рамки обычного поведения: вот, например, к

тому господину, который несколько часов назад бегал вверх-вниз по лестницам отеля, послали охранника узнать, в чем дело. Услышав ответ: «Бесплатная гимнастика», — и убедившись, что перед ним постоялец, охранник с извинениями удалился — что еще ему оставалось?

Разумеется, их не интересуют те, кто входит вечером в чужой номер, а выходит оттуда только наутро, обычно после того, как подан завтрак. Это — в порядке вещей. Это их не касается.

Все, что происходит в отеле, показывают мониторы, все, что показывают мониторы, записывается на «цифру», и записи эти хранятся в течение полугода в сейфе, доступ к которому имеют только управляющие. Ибо нет на свете отеля, согласного растерять свою клиентуру из-за какого-нибудь ревнивого мужа, которому хватило денег подкупить оператора, отслеживающего определенный участок коридора на таком-то этаже, а после того как благодаря этим свидетельствам суд отвергнет притязания неверной супруги на часть «совместно нажитой собственности» — предоставить (или продать) записи в желтый журнальчик или таблоид.

Случись такое — по репутации заведения, гордящегося тем, что умеет ограждать постояльцев от вторжения в личную жизнь, будет нанесен сильнейший удар. Число клиентов немедленно и резко снизится — в конце концов, любовники затем и выбирают перворазрядный отель, что знают: персонал не увидит ничего, кроме того, что им полагается видеть. И если заказан обед в номер, официант переступит порог, не поднимая глаз от своего столика на колесах, попросит подписать счет того, кто открыл ему дверь, и никогда — *никогда!* — даже не взглянет в сторону кровати.

Проститутки обоего пола одеваются так, чтобы скрыть свою профессию, хотя сотрудники службы безопасности отеля, сидящие в подвале перед мониторами, отлично знают, кто они такие, благо располагают базой данных, предоставленных полицией. Их это тоже не касается, хотя номеру, куда вошли девочка или мальчик «по вызову», уделят особое внимание. В некоторых отелях, чтобы удостовериться, что с постояльцем все в порядке, телефонистке поручают позвонить в номер и спросить заведомо несуществующее лицо: постоялец снимает трубку, слышит женский голос, злобно отвечает: «Не туда попали!» — и дает отбой. Задание выполнено, беспокоиться не о чем.

Пьяные, которые потеряли равновесие и шлепнулись на пол или тыкали ключом в замочную скважину чужого номера и, разозлясь, что дверь не открывается, начали пинать ее ногами, обычно очень удивляются, когда перед ними невесть откуда возникает кто-то из obsługi, «случайно проходивший мимо», и предлагает проводить его к месту назначения (обычно — на другой этаж).

Игорь знает, что каждый его шаг регистрируется следящими устройствами: камеры фиксируют дату и время с минутами и секундами каждый раз, когда он входит в вестибюль, выходит из лифта, всовывает в щель электронного замка магнитную карту. И лишь когда дверь за ним закрывается, можно вздохнуть с облегчением: к тому, что происходит внутри, никому доступа нет, это уже будет нарушением священного права *privacy*.

Он закрывает дверь и выходит.

У него еще вчера было время изучить расположение камер. Нечто подобное происходит и с автомобилями: сколько бы ни было зеркал заднего вида, всегда остается «слепое» пространство, не дающее водителю возможности вовремя заметить обгоняющую его машину. Вот и камеры показывают все, что творится в коридорах, за исключением четырех угловых номеров-апартаментов. Разумеется, оператор, увидев, что человек прошел какой-то участок, а на следующем мониторе не появился, заподозрит неладное — может быть, обморок или еще что — и сообщит куда следует, чтобы проверили. Если никого не найдут, станет ясно, что его впустили в чей-то номер, а это уже личное дело двух постояльцев.

Однако Игорь и не собирается останавливаться. С самым что ни на есть естественным видом он проходит по коридору и, поравнявшись с поворотом к лифтам, подсовывает серебристый конверт под дверь ближайшего к нему номера.

Все это занимает лишь долю секунды, и если человек перед монитором решил следить за его действиями, он ничего не заметил. Уже гораздо позже, когда будут просматривать записи, пытаясь идентифицировать виновного, следствию нелегко будет установить точное время смерти. Может быть, постояльца и нет в номере, и он вскроет конверт по возвращении с какого-нибудь ночного мероприятия. Может быть, он вскрыл конверт сразу же, но его содержимое действует не мгновенно.

А за это время по коридору пройдет много народу, и всех возьмут под подозрение, а если

злая судьба проследовать тем же маршрутом выпадет человеку плохо одетому — или зарабатывающему себе на пропитание такими не вполне законными промыслами, как проституция, наркоторговля или массаж, — его немедленно арестуют и допросят. Во время кинофестиваля у людей таких категорий есть все шансы попасть под камеры слежения.

Игорь понимает, что опасность может прийти, откуда не ждешь: это произойдет в том случае, если кто-то видел убийство на пирсе. И этого свидетеля с соблюдением всех формальностей вызовут и начнут показывать ему записи. Но он-то зарегистрировался в отеле под чужим именем и по фальшивому паспорту, где вклеена фотография усатого человека в очках (портье даже не обратил на это внимания, а если бы и обратил — услышал бы в ответ: «Я сбрил усы и ношу теперь контактные линзы»).

Если предположить, что здешняя полиция, проявив неслыханную расторопность, стала действовать проворнее любой другой и пришла к выводу, что чинить помехи благополучному ходу фестиваля вздумал один человек, его возвращения в отель будут ждать, и как только он появится в номере, попросят кое-что объяснить. Но он-то знает, что проходит сейчас по коридорам отеля «Martinez» в последний раз.

Они войдут в его номер. Обнаружат там совершенно пустой чемодан без отпечатков пальцев. Заглянут в ванную и скажут: «Нет, ты подумай! Такой богач, а бельишко свое решил простирнуть в раковине! Неужели поспешил на прачечную?»

Один из них протянет руку, чтобы собрать оставленные вещи, которые многое могут рассказать о своем владельце — на них могут быть и волосы, и дактилоскопические отпечатки. И с криком отдернет — пальцы будут обожжены серной кислотой, успевшей к этому времени пропитать все, что Игорь здесь оставил. А он все и оставил, забрав лишь свой фальшивый паспорт, кредитные карточки и наличные деньги, рассовав их по карманам смокинга, в которых нашлось место и маленькой «беретте», знатоками смертоубийства и огнестрела презираемой.

Он всегда предпочитал путешествовать налегке. Даже отправляясь на сложное задание в Канны, взял с собой лишь самое необходимое и компактное. Его удивляет, как это люди, уезжая из дому на двое-трое суток, берут с собой огромные чемоданы.

Он не знает, кто вскроет конверт, да ему это и не интересно: выбор не за ним — его сделает Ангел Смерти. Многое может произойти в этом промежутке времени, включая и то, что не произойдет ничего.

Постоялец может позвонить на ресепшн, сказать, что обнаружил не ему предназначенный конверт, и попросить забрать его. Может выбросить его в мусорную корзину, решив, что это администрация отеля, в очередной раз осведомляясь, все ли в порядке, прислала еще одно приветствие, но ему и так есть что почитать, и кроме того, он тоже должен готовиться к вечеринке. Если это мужчина, который с минуты на минуту ожидает прихода своей дамы, он положит конверт в карман, не сомневаясь, что это пришел наконец столь желанный ответ от той, кого он повстречал утром и целый день пытался соблазнить во что бы то ни стало. Если это супруги, они, не зная, кому же предназначено письмо, адресованное «Тебе», дружно сочтут, что нечего подозревать друг друга, и от греха выбросят конверт в окно.

Но если все же, вопреки стольким возможностям, Ангел Смерти тем не менее решит осенить своим крылом кого-то, он (или она) надорвет конверт, чтобы посмотреть, что же там такое.

А то, что лежит внутри, достать удалось с немалыми трудами.

Для этого понадобилось прибегнуть к помощи давних «друзей и соратников»: когда он начинал собственный бизнес, они ссудили его крупной суммой и были сильно недовольны, когда он расплатился с ними, ибо предпочли бы взыскать долг не раньше, чем это бы потребовалось: у них возникла отрадная перспектива через совершенно легальное *дело* вложить в русскую финансовую систему деньги более чем сомнительного происхождения.

Какое-то время они не разговаривали, но потом их отношения восстановились. Каждый раз, когда «клиенты» просили о какой-нибудь услуге — устроить ли чью-нибудь дочку в университет или достать билеты на концерт заезжей знаменитости, Игорь, что называется, разбивался в лепешку. Потому что, как бы то ни было, только они когда-то поверили в его мечты, и неважно, по каким мотивам. Ева — теперь, каждый раз вспоминая о ней, он чувствует почти неодолимое раздражение, совладать с которым становится все труднее, — упрекала их в том, что они пользуются

ее мужем, его наивностью, чтобы отмывать деньги, полученные от торговли оружием. Да разве это имело какое-либо значение?! Он ведь не участвовал ни в покупках, ни в продажах, а сделка, какова бы она ни была, в какой бы части света ни заключалась, предусматривает, что обе стороны получают от нее прибыль.

И у каждого бывают трудные моменты. Кое-кто из его друзей-спонсоров попадал в тюрьму, и он никогда не бросал их — даже если знал, что больше не будет нуждаться в их помощи. Достоинство человека измеряется не количеством тех, кто вьется вокруг него, когда он на самом пике удачи и успеха, но способностью помнить, кто протянул ему руку в час невзгоды. И даже если эта рука была выпачкана кровью или мокра от пота — неважно: тот, кто едва не сорвался в бездну, не будет допытываться, что за человек оттащил его от края пропасти.

Чувство благодарности важно для человека: позабудешь тех, кто стоял рядом, когда тебе это было нужно, — далеко не уйдешь. И никому не надо помнить, кому помог ты, а кто — тебе: Бог не сводит глаз со своих сыновей и дочерей, вознаграждая только таких, которые вели себя в соответствии с дарованной им благодатью.

И когда Игорю потребовался яд кураре, он знал, к кому обратиться — хоть и должен был уплатить чудовищную пену за то, что в тропических лесах не считается особой ценностью.

Он спускается в холл. До того места, где устраивается вечеринка, — полчаса езды, а на улице поймать такси будет очень трудно. Он давно уже усвоил: первое, что следует делать по прибытии в такой отель, как этот, — дать щедрые чаевые портю, не в благодарность за еще не оказанную услугу, а просто так. Все преуспевающие бизнесмены поступают именно так, и потому для них даже в час наплыва посетителей всегда найдутся и столики в лучших ресторанах, и билеты на спектакли или концерты, если пришла охота их посетить, и точные сведения о заведениях, которые не указывают в путеводителях, чтобы не шокировать добропорядочные семьи среднего класса.

Вот он с улыбкой просит и тотчас получает автомобиль, хотя стоящий рядом у той же стойки клиент сетует: неизвестно, мол, как теперь добираться до места... Благодарность, деньги, связи — вот триада, способная решить любую проблему.

В том числе, например, и серебристый конверт с каллиграфической надписью «Тебе». Он приберег его под самый конец своего задания, на тот крайний случай, если Ева вдруг не сумеет понять смысл других его посланий — тогда это, самое хитроумное изо всех, уже не оставит места сомнениям.

Прежние друзья изловчились и снабдили его тем, что было нужно. И не хотели даже денег брать, однако он настоял и расплатился сполна, потому что не любит оставаться в долгу.

Лишних вопросов он задавать не стал — лишь принял к сведению, что человек, заполнявший серебристый конверт и потом герметично запечатавший его, действовал в перчатках и противогазе. Что ж, значит, за такие тонкие манипуляции тем более следовало заплатить, хотя само вещество не так уж трудно достать — его используют в металлургии, в текстильной промышленности, в производстве бумаги и пластмасс. Название довольно пугающее — цианид, но пахнет миндалем и выглядит вполне безобидно.

С человека, готовившего письмецо, мысли Игоря переходят на получателя. На того, кто вскроет конверт, держа его, естественно, перед собой. И обнаружит внутри белую карточку, где принтером сделана надпись по-французски: «*Katyusha, j'ai t'aimé*».

«Что это еще за Катюша?» — подумает тот, в чьи руки попадет конверт.

И заметит, что карточка покрыта какой-то пылью. Мельчайший порошок на воздухе превращается в газ. Все заполняет запах миндаля.

Получатель удивлен: если это такая реклама туалетной воды или парфюма, могли бы пропитать другим ароматом, получше. Вслед за тем достанет карточку, покрутит, перевернет — и газ начнет распространяться стремительней.

— Глупая шутка...

И это будет его последней осознанной мыслью. Бросив карточку на стол, пойдет в ванную — душ принять, докрасить ресницы или поправить галстук.

И почувствует вдруг, что сердце колотится как бешеное. Но не поймет, какая связь между

внезапным недомоганием и этим запахом, заполняющим номер — у него ведь нет врагов, а есть только конкуренты и соперники. Однако еще не дойдя до двери, заметит — ноги не слушаются. Присядет на край кровати. Невыносимо болит голова, трудно дышать. Это — первые симптомы, а вслед за тем начинается неукротимая рвота. Он, впрочем, не успеет ни осознать, что с ним творится, ни увязать свое плачевное состояние с письмецом в серебристом конверте — потеряет сознание.

Уже через несколько минут — поскольку была настоятельно рекомендована самая высокая концентрация вещества — перестают работать легкие, тело сотрясают судороги, сердце больше не качает кровь, и наступает смерть.

Безболезненная. Быстрая. Милосердная.

Игорь садится в такси, называет адрес: отель «Du Cap», Эдан-Рок, Кап д'Антиб. Там сегодня вечером состоится грандиозный гала-ужин.

7:40 PM

Двуполое существо в черной блузке с белым галстуком-бабочкой и в каком-то подобии индийского сари поверх туго обтягивающих тощие ноги штанов говорит, что время их прибытия может быть очень удачным, а может — и совсем наоборот.

— Проскочили скорее, чем можно было ожидать. Мы будем одними из первых.

Габриэла, к этому времени уже прошедшая еще один сеанс «обновления» — парикмахерша, которая заново причесала и загримировала ее, выполняла свою работу с откровенно скучающим видом, — в недоумении спрашивает:

— Почему «наоборот»? Ведь это же хорошо, что мы не застряли в пробке и доехали так скоро?

Андрогин, прежде чем ответить, тяжело вздыхает, всем своим видом показывая, как трудно иметь дело с человеком, не знающим основополагающих законов блеска и гламура.

— Хорошо может быть потому, что пойдешь по коридору одна...

Взглянув на девушку, он видит, что она опять не понимает, о чем речь, и с новым вздохом начинает сначала:

— На такие вечеринки никто не попадает прямо из дверей. Гость проходит по такому коридору: с одной стороны — фотографии, с другой — стена с логотипами фирмы-спонсора. Ты что, глянца не читала? Не замечала, что когда знаменитости улыбаются в объективы камер, они обязательно оказываются на фоне какой-нибудь торговой марки?

Знаменитости. Андрогин при всем своем высокомерии проговорился. Он, сам того не желая, сознался, что сопровождает одну из них. Габриэла торжествует победу в молчании, потому что достаточно взрослая, чтобы понимать — впереди еще долгий путь.

— А что плохого, если мы прибудем в назначенное время?

Андрогин снова вздыхает:

— Может еще не быть на месте. Но бог даст, я ошибаюсь и смогу раздать вот эти буклеты с твоей биографией.

— Моей биографией?

— Ты что, считаешь — тебя все уже знают? Не хотелось бы тебя разочаровывать, моя дорогая, но это не так. Мне придется сунуть эти чертовы бумажки каждому из них и предупредить: сейчас выйдет суперзвезда, которая будет сниматься в новом фильме Джибсона — так что приготовьтесь к съемке, господа. И подать знак, когда ты появишься в коридоре. Я не буду особо миндальничать с ними: эта братия привыкла, что с ними обращаются как с существами низшего порядка. Скажу, что оказываю им большую услугу — и на этом всё: а уж они не станут рисковать потерей такого шанса, потому что их могут уволить, ибо если в нашем мире чего и не хватает, то уж никак не людей с камерой и выходом в интернет, рвущихся выложить в сеть такое, что все — абсолютно все! — проморгали. Я вообще думаю, что через несколько лет журналы и газеты будут пользоваться только услугами анонимов и сильно сэкономят на этом, тем более что тиражи неуклонно падают...

Андрогину хочется показать, как досконально знает он — она? — медийный мир, но девушку, сидящую рядом, этот монолог не заинтересовал: она берет листовку и начинает читать текст.

— А кто это — Лиза Уиннер?

— Ты. Мы изменили твое имя. Вернее сказать, сначала было выбрано имя, а потом уже — ты сама. И отныне тебя зовут Лизой — «Габриэла» звучит слишком по-итальянски, а Лиза может быть кем угодно. Исследователи трендов объясняют, что публика лучше запоминает одно-двусложные имена: Фанта, Тейлор, Бартон, Дэвис, Вудс, Хилтон... Продолжать?

— Да нет, я и так вижу, что ты разбираешься в законах рынка... Теперь осталось понять, кто же я такая по моей новой биографии.

Она не скрывает иронии. Она закрепляется на захваченной территории и начинает вести себя, как подобает звезде. Читает текст: «...была отобрана из тысячи с лишним претендентов на участие в первом кинематографическом проекте знаменитого модельера и предпринимателя Ха-мида Хусейна...» и т. д.

— Эти буклетики отпечатаны уже больше месяца назад, — поясняет андрогин, заставляя чашу весов склониться в свою пользу и наслаждаясь этой маленькой победой. — А сочинили их наши маркетологи, которые никогда не ошибаются. Погляди: «...работала моделью, училась актерскому мастерству...» Все совпадает, а?

— Это значит, что меня предпочли другим не по результатам проб, а за биографию.

— У всех, кто там был, биография одинакова.

— А как насчет того, чтобы перестать подкалывать друг друга и попробовать вести себя по-человечески, по-дружески?

— Здесь?! В Каннах? И думать забудь! Нет здесь дружеских отношений, есть только интересы. И людей здесь нет — есть ошалевшие машины, которые будут сметать все на своем пути, пока не достигнут цели или не врежутся в столб.

Несмотря на этот обескураживающий ответ, Габриэла чувствует, что нашла верный тон и ей удалось растопить лед враждебности.

— Читай дальше! «На протяжении многих лет она отклоняла предложения сниматься в кино, проявляя свой талант только на сцене». Дает много очков в твою пользу: ты — человек цельный и согласилась на роль лишь после того, как она тебе по-настоящему понравилась, хотя тебе и предлагали играть Шекспира, Беккета и Жене.

Какой культурный андрогин... Шекспира знают все, а Беккета и Жана Жене — только избранные.

Габриэла — вернее, Лиза — соглашается. Машина подъезжает, и один из охранников — все они в черных костюмах и белых сорочках с галстуками, с маленькими рациями в руках, как у настоящих полицейских (может быть, это их коллективная мечта?) — жестом показывает водителю: проезжай, еще рано.

Но андрогин к этому времени уже сопоставил риски и пришел к выводу: рано — это лучше, чем поздно. Он вылетает из лимузина и направляется к человеку, который примерно вдвое превосходит его габаритами. Габриэла старается отвлечься, переключить мысли на что-либо иное:

— А как называется эта машина?

— «Maybach-57,5», — с немецким выговором отвечает шофер. — Настоящее произведение искусства, супер-люкс. Его выпуск был начат...

Но Габриэла уже не слушает его, переключив внимание на спор андрогина с этим гигантом, который, впрочем, не намерен вступать в дискуссии и показывает: вернитесь в машину, мешаете проезду. Но тот — москит, не испугавшийся слона, — поворачивается спиной, подходит к автомобилю, открывает дверцу:

— Выходи, мы все равно пройдем!

Габриэла боится самого худшего — скандала. И следом за москитом проходит мимо слона, который пытается остановить их грозным: «Эй, вход пока запрещен!» Затем раздается: «Я прошу соблюдать правила! Мы еще не открыли двери!» Она идет, не чуя под собой ног, опасаясь, что вся орава охранников догонит их и просто растопчет.

Но — ничего не случилось, и андрогин даже не прибавляет шагу, не снисходит к длинному платью и высоким каблукам своей спутницы. Они идут теперь по нетронутому саду; горизонт полыхает розово-синим заревом заката.

Андрогин торжествует.

— Они такие храбрые, когда никто им не перечит. Но стоит чуть повысить голос, взглянуть им в глаза и пройти куда тебе надо, как мигом поджимают хвост. У меня есть приглашения, и

больше ничего я не обязан предъявлять. А эти дылды — вовсе не дураки: они знают, что так с ними обращается лишь тот, кто имеет на это право.

И добавляет с обескураживающим самоуничижением:

— Я умею прикидываться важной персоной.

Они уже у самых дверей роскошного отеля, стоящего немного на отшибе от круглосуточной карусели Канн — здесь останавливаются лишь те, кому не надо прогуливаться взад-вперед по Круазетт. Андрогин просит Габриэлу/Лизу пройти в бар и заказать два бокала шампанского — этим она даст понять, что пришла не одна. С незнакомыми в разговоры не вступать. Вести себя прилично. А он поглядит, что к чему, и раздаст буклеты.

— Впрочем, это — так, формальности. Никто не будет печатать твои фото, но мне за это платят. Вернусь через минуту.

— Но ведь ты только что сказал, что фотографии... Но он уже напустил на себя прежнее выскомерие и, прежде чем Габриэла успевает отреагировать, исчезает.

Свободных столиков нет: бар заполнен мужчинами в смокингах и женщинами в вечерних платьях. Все разговаривают приглушенными голосами — те, кто разговаривает, — потому что большая часть сидит молча, глядя на океан, на который выходят большие окна. И Габриэла, даром что впервые оказалась в подобном месте, сразу проникается чувством, которое невозможно спутать ни с каким иным: над всеми этими знаменитыми головами витает почти физически ощутимое облако смертной скуки.

Все присутствующие бывали уже на сотнях, тысячах подобных празднеств. Раньше они готовились испытать восхитительную прелесть неизведанного, встретить новую любовь, завязать нужнейшие профессиональные знакомства, но теперь, когда достигли пика своей карьеры, когда уже не осталось вызовов, на которые надо ответить, остается лишь сравнивать яхты, сопоставлять свои бриллианты с бриллиантами соседки, гордиться местом у окна перед теми, кому нашлось место лишь у дверей, ибо первое есть вернейший признак превосходства. Да, таков финал: скука и соперничество. Десятилетия борьбы за место, занимаемое теперь, опустошили их души, и теперь там нет даже удовольствия от сознания того, что можно полюбоваться еще одним закатом.

О чем же думают эти молчаливые, отчужденные от своих мужей богатые дамы?

О возрасте.

О том, что пришла пора снова посетить специалиста по пластической хирургии и устранить ущерб, причиненный временем. Габриэла знает, что когда-нибудь эта участь постигнет и ее, и внезапно — должно быть, из-за того, какой бурный выдался сегодняшний день, финал которого столь разительно отличается от начала, — замечает, что черные мысли возвращаются.

И она снова чувствует ужас, смешанный с ликованием. Снова посещает ее ощущение, что при всем своем упорстве и способности бороться она не заслуживает всего этого, что так и осталась девочкой, не готовой к такому повороту судьбы. Не знает правил, рискует сильнее, чем позволяет здравый смысл, и этот мир не принадлежит ей, и она никогда не станет его частью. Она сбита с толку и сама не знает, что будет делать в Европе, — а что, спрашивается, разве плохо было бы играть в каком-нибудь провинциальном американском театре и заниматься лишь тем, что нравится самой, а не тем, что диктуют другие? Она хочет быть счастливой и совсем не уверена, что к счастью приведет путь, на который она ступила.

«Ну, хватит! Гони эти мысли!»

Здесь она не может заняться йогой, но старается сосредоточиться на море и красно-золотом небе. И шанс перед нею открывается поистине золотой, а потому — надо преодолеть отвращение и поговорить с андрогином, пока есть еще несколько минут до «коридора». Нельзя совершить ошибку: ей достался выигрышный билет и надо правильно им воспользоваться... Она открывает сумочку, чтобы поправить макияж, подкрасить губы, но видит внутри лишь скомканную шелковую бумагу. После того как скучающая гримерша обработала ее в «Комнате подарков», Габриэла снова забыла забрать свою одежду и документы... Да если бы даже и не забыла — куда бы она дела все это?

Эта сумочка — выразительный символ ее нынешней жизни: красива снаружи и абсолютно пуста внутри.

«Успокойся!»

«Солнце только что скрылось за горизонтом, а завтра, возродившись, будет сиять с прежней

силой. Я тоже должна возродиться сейчас. Мне столько раз виделся во сне этот миг, что я должна быть готова принять его и не сомневаться в себе. Я верю в чудо, я удостоена благословения Господа, который услышал мои молитвы. Я должна помнить, что говорил режиссер перед каждой репетицией: "Даже если делаешь одно и то же, ты должна открывать что-то новое, фантастическое, невероятное, укрывшееся от тебя в прошлый раз, оставшееся незамеченным"».

Мужчина лет сорока, красивый, седеющий, в безупречно сидящем смокинге, явно не из магазина готового платья, а шитом на заказ каким-нибудь маэстро портновского дела, входит в дверь и направляется к Габриэле. Но заметив на столе второй бокал шампанского, поворачивает в другой конец бара. Девушке хотелось бы поболтать с ним, раз андрогин куда-то запропал, но она помнит его завет:

«Веди себя прилично».

И в самом деле, на что это будет похоже, если девушка в баре роскошного отеля начнет заигрывать с немолодым господином: такое поведение — недостойно, вернее, достойно порицания и осуждения.

Габриэла выпивает шампанское и заказывает еще одну порцию. Если андрогин исчез, как говорится, с концами, расплатиться она не сможет — нечем. Ну и ладно. От выпитого исчезают ее сомнения, прибывает уверенности в себе, и пугает теперь лишь, сможет ли она попасть на праздник и выполнить свои обязанности.

Нет, она уже не та девочка из американского захолустья, которая боролась за свое место под солнцем — и никогда уже больше ею не будет. Она идет вперед, еще один бокал — и вот она уже не страшится неизведанного и неведомого, а опасается, что так и не получит шанса понять, что все-таки значит — быть здесь. Ее приводит в ужас мысль, что в любую минуту все может перемениться разительно. Как сделать так, чтобы сегодняшнее чудо продлилось хотя бы до завтра? Как получить хоть самые ничтожные гарантии того, что все посулы и обещания, прозвучавшие за последние несколько часов, будут выполнены? О, сколько раз уже стояла она перед заветными дверями, мысленно обозревала фантастические перспективы, целыми днями и неделями мечтала о возможности преобразовать свою жизнь до неузнаваемости — и все для того, чтобы убедиться: телефон не звонит, забытое CV валяется в углу, режиссер, извиняясь, сообщает, что нашел более подходящую исполнительницу, «хотя ты тоже очень талантлива и не должна отчаиваться...». Жизнь пробует и испытывает волю людей на разные лады: то сделает так, чтобы ничего не Происходило вообще, то обрушит на тебя все сразу и одновременно.

Вошедший в бар мужчина не спускает глаз с нее и со второго бокала на столе. Ах, если бы он решился подсесть! С самого утра ей не с кем было поговорить о том, что происходит. Несколько раз порывалась позвонить домой, но спохватывалась, что телефон остался в старой сумке и на нем сейчас, наверное, уже не осталось места для новых сообщений — столько эсэмэс прислали ей соседки по квартире, жаждущие узнать, где она, как она, добыла ли какое-нибудь приглашение, не хочет ли пойти с ними на третьеразрядную вечеринку, где тем не менее «может появиться такой-то».

Она не имеет права ничего никому рассказывать. Она сделала огромный шаг вперед и сейчас сидит одна в баре этого отеля, замирая от ужаса при мысли о том, что этот сон кончится, но зная, что она никогда уже не будет такой, как прежде. Она добралась уже почти до самой вершины: либо еще одно усилие, либо порыв ветра сбросит ее вниз.

Седеющий господин лет сорока по-прежнему здесь, пьет апельсиновый сок. На мгновение встретившись взглядом с Габриэлой, он ей улыбается. Она делает вид, что не замечает.

Почему она так боится? Потому что не знает, как вести себя в новых обстоятельствах. И помощи ждать не от кого: ей только отдают приказания, требуя выполнять их беспрекословно. Она чувствует себя как запертый в темной комнате ребенок, которому надо самому отыскать путь к двери, ибо кто-то очень могущественный зовет и требует повинения.

Мысли ее прерывает появившийся у стола андрогин:

— Подождем еще немного. Только сейчас начинают входить.

Господин поднимается, кладет на стол деньги, идет к выходу. Он, вероятно, разочарован: может быть, ждал подходящего момента, чтобы подойти, представиться, познакомиться и...

— ...поговорить. — Что?

Это слово вырвалось у нее непроизвольно. Бокал шампанского — и язык развязался сильнее, чем нужно.

— Нет-нет, ничего.

— Ну, так ты сказала, что хочешь поговорить о чем-то? О чем?

Темная комната. Никто не укажет девочке путь к двери. Это унижительно. Сделай же, что обещала себе несколько минут назад.

— Да, я хотела спросить, что я здесь делаю. Как мне освоиться в этом мире, который крутится вокруг нас и о котором я пока еще ничего не знаю? Все совсем не так, как казалось мне раньше: ты не поверишь, но когда ты ушел к фотографам, я вдруг почувствовала себя брошенной на произвол судьбы и испугалась. Я рассчитываю на твою помощь и еще хочу знать, нравится ли тебе твое дело?

Не иначе как некий ангел — любитель шампанского, без сомнения — подсказывает ей нужные слова.

Андрогин смотрит на нее удивленно: она что — на дружбу набивается? Почему она задает вопросы человеку, с которым знакома всего несколько часов? И — вопросы, на которые никто не осмеливается?

Никто не доверяет ему, потому что его не с кем сопоставить: он — нечто уникальное. И вопреки общему мнению — не гомосексуалист. Он просто утратил интерес к представителям рода человеческого. Обесцветил волосы, одевается, как ему всегда хотелось, весит ровно столько, сколько желает, знает, что производит на людей странное впечатление, но ведь он и не обязан всем нравиться, не правда ли? Если исправно выполняет свои обязанности.

А сейчас эта девушка желает проникнуть в его мысли. Понять, что он чувствует. Он протягивает руку к бокалу, ожидавшему его возвращения, и залпом выпивает шампанское.

Она полагает, должно быть, что он — из команды Хамила Хусейна, обладает определенным влиянием и надеется, что он ее поддержит и направит на первых порах. Да, он знает, какие шаги ей стоило бы предпринять, но его наняли на время кинофестиваля, строго очертив круг его обязанностей, и за пределы этого круга он выходить не намерен. Когда пройдут эти дни роскоши и гламура, он вернется домой, в свою квартиру в одном из парижских предместий, где соседи третируют его единственно по той причине, что его внешность не совпадает с теми образцами, которые установил в оны дни призыв какого-то сумасшедшего, крикнувшего: «Все люди одинаковы!». Нет, это не так. Все люди — разные, и право отличаться от других надо отстаивать до конца и не заботясь о последствиях.

Он будет смотреть телевизор, ходить за покупками в соседний супермаркет, покупать и читать журналы, время от времени позволять себе кино. Он пользуется репутацией ответственного человека, и потому ему время от времени будут звонить агенты, подыскивающие «сотрудников с опытом работы в индустрии моды» — надо уметь одевать модели, подбирать аксессуары, сопровождать тех, кто еще не освоился и не знает, как себя вести, предостерегать их от ошибок, объяснять, что делать можно, а чего — ни в коем случае нельзя.

Да, у него тоже есть мечты. Я — единственный, повторяет он себе. Я счастлив, потому что мне нечего больше ждать от жизни: ему уже сорок, хоть он и выглядит гораздо моложе. Да, он пытался сделать карьеру модельера, но не нашел пристойной работы, рассорился с теми, кто мог бы оказать содействие, вот и получилось так, что больше ничего от жизни ждать не приходится, хотя он образован, обладает прекрасным вкусом и железной самодисциплиной. Он уже больше не верит, что кто-то взглянет, как он одет, и скажет: «Фантастика! Нам с вами надо поговорить!» Были у него одно-два предложения работать моделью, но — сто лет назад, и он отверг их, потому что не вписывались в его «жизненный план», отверг и не жалеет об этом.

Он сам шьет себе одежду из тканей, что остаются в ателье *haute couture*. Здесь, в Каннах он работает еще с двумя людьми, сумевшими вскарабкаться на вершину — они, вероятно, неподалеку от девушки, которая сейчас сидит напротив. Девушке этой выпала редкостная удача, а он, сколь бы ни был уверен в том, что жизнь несправедлива, не должен давать волю зависти или упиваться горечью разочарований — надо выкладываться полностью, иначе больше не пригласят в ассистенты режиссера.

Разумеется, он счастлив, как всякий, кому ничего не надо, кто ничего не желает. Взглянув на часы, он говорит:

— Ну, пойдем. Сейчас — самое время. Как-нибудь в другой раз поговорим.

Расплачивается, просит копию счета — потом, когда Дни роскоши и гламура минуют, ему предстоит отчитаться за каждый потраченный цент. За соседними столиками кое-кто делает то же самое. Надо поторапливаться, говорит он, чтобы не смешиваться с толпой, которая сейчас нахлынет. По вестибюлю отеля они доходят до коридора; спутник Габриэлы протягивает два билета, бережно хранимые в кармане: как бы то ни было, важная персона никогда не станет морочить себе голову такими мелочами — на то есть ассистент.

Да, он — ассистент. А она — важная персона и уже проявляет признаки того, что сознает это. Очень, очень скоро она поймет, куда попала: этот мир высосет из нее всю энергию, заполнит голову мечтами, сыграет на тщеславии, а потом, когда она будет готова на все, — отшвырнет в сторону как использованную вещь. Так было с ним, и так будет со всеми.

Спускаются по лестнице в маленький холл перед «коридором»; люди движутся медленно, потому что сразу за поворотом стоят фотографы, и значит, есть шанс появиться на страницах какого-нибудь журнала, пусть хоть издаваемого в никому не ведомой стране.

— Я пойду впереди, предупрежу знакомых репортеров. Не спеши — это не красный ковер кинофестиваля. Окликнет кто-нибудь — обернись и улыбнись. В этом случае все остальные тоже начнут снимать тебя, решив, что если тебя знают по имени, ты — важная персона. Больше двух минут не позируй, помни — это всего лишь преддверие вечеринки, хоть и кажется чем-то совсем иным. Хочешь стать звездой — привыкай вести себя сообразно обстоятельствам.

— А почему я одна?

— Похоже, произошла какая-то накладка. Он давно бы уж должен быть здесь — профессионал как-никак. Где-то застрял...

«Он» — это Звезда. Андрогин мог бы сказать, что вероятнее всего подцепил какую-нибудь полоумную поклонницу и провозился с ней в номере дольше, чем нужно. Но эти слова были бы как нож острый для его подопечной, которая сейчас, должно быть, уже успела вы мечтать себе красивую романтическую историю любви, уповать на которую нет ни малейших оснований.

К чему проявлять лишнюю жестокость или избыток дружеских чувств? Ни к чему. Надо исполнить свои обязанности, и тогда можно будет убраться отсюда. Кроме того, не исключено, что эта девица может не справиться с бурей нахлынувших чувств, и какие уж тогда фотографии...

Он становится в очередь перед Габриэлой, велит ей держаться поближе, но не вплотную — на расстоянии нескольких шагов. Когда попадут в коридор, он попробует вызвать к ней интерес фотографов.

Выждав несколько секунд, Габриэла цепляет на лицо самую обворожительную из арсенала своих улыбок, перехватывает сумочку так, как следует ее носить, выпрямляется и уверенно шагает вперед, готовая ко вспышкам блицев. За поворотом открывается слабо освещенное помещение: с одной стороны — белая стена с логотипами спонсоров, с другой — небольшая галерея, откуда нацелены на нее несколько объективов.

Она продолжает идти, но старается при этом, чтобы каждый ее шаг был осознан и не повторился разочаровывающий опыт, когда проход по красному ковру Дворца конгрессов завершился раньше, чем она успела прочувствовать, какое событие происходит в ее жизни. Эти минуты надо прожить так, словно происходит замедленная съемка фильма, посвященного ей. И вот начинается щелканье и вспышки фотокамер.

— Жасмин! — слышит она чей-то возглас. Какая еще Жасмин? Ее зовут Габриэла!

Она застывает на миг, не успев согнать с лица заледенелую улыбку. Нет, теперь она больше не Габриэла. А как? Жасмин!

Внезапно она слышит треск затворов, но понимает, что все объективы наведены на ту, что идет следом за ней.

— Жасмин! Посмотри сюда! Вправо! Фотографы, кажется, разом сошли с ума.

Она уже достигла конца «коридора», причем никто не удосужился выкрикнуть ее имя, никому не нужное и не интересное. Андрогин поджидает ее.

— Не огорчайся, — сказал он, впервые проявив какое-то подобие человеческой теплоты. — Увидишь сама — то же самое произойдет сегодня вечером и с другими. То же, если не хуже, по-

тому что их-то имена выкрикивали-и совсем недавно, а сейчас они проходят с улыбкой, ожидая съемки, но никто, ни один репортер не сжалился, не щелкнул.

Надо выказать хладнокровие. Надо взять себя в руки. Это еще не конец света, и демоны налетят еще не сию минуту.

— Да я и не огорчаюсь. У меня ведь сегодня всего лишь дебют... А кто такая эта Жасмин?

— Еще одна дебютантка. Днем объявили, что она подписала умопомрачительный контракт с Хамидом Хусейном. Да нет же, нет — не на участие в съемках, не бойся.

Да она и не боится. Она хочет всего лишь, чтобы под ногами разверзлась земля и поглотила ее.

8:12 PM

Она улыбается.

И делает вид, что не знает, с какой стати столько людей выкрикивают ее имя.

И проходит, как будто иод ногами не помост, а красная ковровая дорожка.

Внимание! Люди уже входят в зал, секунды, отведенные на съемку, уже истекли, надо идти дальше.

Но журналисты не перестают окликать ее. Ей неловко, что идущей следом паре приходится ждать, когда все они вдоволь ее наснимают, а этого не будет никогда — можно найти еще более выигрышный ракурс, сделать идеальный снимок (словно бывает такой!), поймать взгляд, устремленный прямо в объектив твоей камеры.

Она взмахивает рукой на прощанье. И удаляется.

В конце коридора журналисты обступают ее плотным кольцом. Все хотят знать подробности грандиозного контракта с одним из самых видных модельеров мира. Ей хочется сказать: «Это неправда», — но она произносит:

— Мы обсуждаем условия.

Журналисты не унимаются. Наезжает телекамера, и девушка с микрофоном в руке спрашивает, довольна ли она новостями. Да, ей кажется, что показ прошел удачно и что следующие работы модельера — она выговаривает ее имя с некоторым нажимом — будут показаны на парижской Неделе высокой моды.

Репортерша, кажется, и не знает, чью коллекцию демонстрировали днем. Сыплются прежние вопросы, только теперь их записывает видеокамера.

Не расслабляйся, говори лишь то, что тебе интересно, а не то, что пытаются вытянуть из тебя во что бы то ни стало. Притворись, что подробности тебе не известны, и говори о том, с каким успехом прошел показ коллекции, посвященной Анн Саленс, гениальному модельеру, несправедливо забытому всего лишь оттого, что ей не выпало счастья родиться во Франции. Какой-то юноша с потугами на остроумие спрашивает, как ей нравится праздник, а она в тон ему отвечает: «Дайте же оглядеться!» Бывшая модель, а ныне ведущая на одном из кабельных телеканалов, осведомляется, как она себя чувствует теперь, став «лицом» коллекции ХХ? Более информированный профессионал уточняет — правда ли, что в соответствии с подписанным контрактом она отныне будет получать в год нечто превышающее шестизначную сумму.

— В пресс-релизе должны были указать — «семизначная цифра». «Превышающее шестизначную сумму» звучит нелепо, вы не находите? А еще лучше было бы просто написать: «вознаграждение составит более миллиона евро» вместо того, чтобы заставлять зрителей загибать пальцы. А? Как вам кажется? Ну, или в крайнем случае сказать: «сумму с шестью нулями» — как вам кажется?

Ей никак не кажется.

— Мы изучаем контракт, — повторяет Жасмин. — А теперь, пожалуйста, дайте мне вдохнуть свежего воздуха. Чуть позже я постараюсь ответить на все ваши вопросы.

Вранье. Чуть позже она возьмет такси и вернется в отель.

Кто-то спрашивает, почему она не в туалете от «Хамид Хусейн».

— Я всегда работала с этой модельершей.

И называет ее имя. Кое-кто записывает. Другие попросту пропускают мимо ушей, ибо пришли сюда за новостями, достойными печати, а не затем, чтобы получить информацию.

Ее выручает ритм, в котором всегда проходят такие празднества — в коридоре фотографы выкрикивают уже другое имя. Как оркестранты, повинующиеся жесту невидимого дирижера, ок- ружившие ее журналисты оборачиваются и видят появление новой знаменитости. Жасмин, вос- пользовавшись этой паузой, решает уйти в зимний сад, превращенный в гостиную, где слоняются с места на место, пьют и курят приглашенные.

Вскоре ей, должно быть, тоже удастся выпить, закурить, взглянуть на небо, развернуться и удалиться.

Тем временем двое — молодая женщина и странное существо, похожее на андроида из фан- тастического фильма — не сводят с нее глаз, следя за каждым ее шагом. Да, они, видно, тоже не очень понимают, зачем пришли сюда, можно подойти и завести разговор. Она представляется. Андроид достает из кармана телефон и, скорчив гримасу, просит извинения — он должен нена- долго отойти.

Девушка остается и смотрит на Жасмин с таким видом, словно хочет сказать: «Ты испортила мне вечер».

Она раскаивается, что приняла приглашение. Его принесли ей двое мужчин, когда они с подругой собирались отправиться на скромный прием, устроенный ВСА.⁶ А впрочем, все не так уж плохо — если фотографии напечатают, платье будет замечено и кто-нибудь может заинтере- соваться именем его создательницы.

Двое принеших приглашение, производили впечатление людей хорошо воспитанных. Веж- ливо сообщили, что у дверей ее ждет автомобиль, и добавили, что уверены — у столь опытной модели сборы не займут больше четверти часа.

Потом один, достав из сумки ноутбук и портативный принтер, сказал, что они прибыли со- ставить великий каннский контракт. Остались мелочи — они сообщат и запишут в соответствующ- ие графы условия, а ее агент (они знали, что женщина, сидевшая рядом, — не только ее модель- ер, но и агент) подпишет.

Они обещают оказать модельеру всяческое содействие в создании следующей коллекции. Да, разумеется, с сохранением имени на этикетке. Да, конечно, с использованием возможностей их собственной пиар-службы. Более того — хотел бы вообще выкупить у нее бренд, а также инве- стировать сумму, достаточную для того, чтобы о ней широко оповестила итальянская, француз- ская и британская пресса.

Но есть два предварительных условия. Первое: вопрос должен быть решен незамедлительно — с тем, чтобы новость успела попасть в утренние газеты.

Второе — расторгнуть контракт с Жасмин Тайгер, которая отныне будет работать исключи- тельно с Хамидом Хусейном. Недостатка в моделях на рынке нет, так что бельгийка очень скоро сумеет подыскать ей замену. Кроме того, она в качестве ее агента получит большие деньги...

— Расторгнуть контракт с Жасмин я готова, — без раздумья отозвалась она. — Насчет всего остального мы поговорим позже.

Как же это она согласилась так скоро? Женщина, ответственная за все, что случилось в жиз- ни Жасмин, теперь легко и даже как будто с удовольствием расстается с ней... Женщина, которую она любила больше всего на свете, нанесла ей удар в спину.

Первый достает из кармана свой смартфон.

— Мы прямо сейчас отправим ваше заявление для прессы. Оно уже готово: «Я очень взвол- нована возможностью...»

— Да погодите вы! Ничего я не взволнована. Я вообще не понимаю, о чем вы говорите.

Но ее подруга начинает править текст, заменяя «взволнована» на «рада», «возможность» — на «предложение». Придирчиво вчитывается в каждую фразу, каждое слово. Требует, чтобы был упомянут чудовищно высокий гонорар. Двое не соглашаются, уверяя, что это приведет к взвинчи- ванию цен на рынке. В таком случае, следует ответ, будем считать, что мы не договорились. Двое, извинившись, выходят, доставая мобильники, и вскоре возвращаются. Предлагают не называть конкретную сумму, а указать расплывчато и неопределенно: «превышающее шестизначное чис- ло». Потом пожимают руки обеим, бормочут несколько комплиментов модельеру и модели, пря-

---

⁶ Belgian Clothing Assosiation — Бельгийская Ассоциация производителей одежды.

чут ноутбук и принтер в сумки, просят наговорить в телефон формулу официального согласия в доказательство того, что переговоры по поводу Жасмин прошли успешно и предложения приняты. Выходят так же стремительно, как появились, на ходу куда-то звоня, и просят не задерживаться дольше пятнадцати минут — сегодняшняя вечеринка уже оговорена в только что заключенном контракте.

— Приготовься.

— Какое право ты имеешь распоряжаться моей жизнью?! Ты ведь знаешь — я не согласна, но не могу даже высказать собственное мнение. С другими работать мне неинтересно!

Модельер выбирает из кучи расшвыранных по всей комнате платьев самое красивое — белое, отделанное кружевами в виде бабочек. На минутку задумывается, какие туфли и сумка к нему подойдут, но быстро делает выбор — время не ждет.

— Они забыли потребовать от тебя, чтобы ты появилась на вечере в туалете от ХХ. И у нас есть возможность показать кое-что из моей коллекции.

Жасмин не верит своим ушам:

— Так это все только ради этого?

— Только и исключительно.

Они стоят лицом к лицу, и смотрят, не отводя глаз.

— Врешь ты все.

— Вру

Они обнимаются.

— С того уикенда на пляже, когда мы сделали первые снимки, я знала: этот день наступит. И вот он пришел — пусть чуть позже, чем я предполагала — но тебе уже исполнилось девятнадцать лет, ты стала взрослой и можешь принять вызов. Приходили ко мне и другие люди, делали предложения насчет тебя. Я неизменно отвечала отказом, а сама думала: это оттого, что боюсь тебя потерять, или оттого, что ты еще не готова? И сегодня, увидев в зале Хамида Хусейна, поняла, что он пришел не только чтобы отдать дань уважения Анн Саленс: он задумал что-то еще, и теперь я знаю, что именно. Мне передали, что он очень бы хотел поговорить с нами... Я немного растерялась, но сообщила, в каком отеле мы остановились. И когда эти двое явились к нам, несколько не удивилась.

— Но почему ты согласилась?

— Потому что тот, кто любит, освобождает. Твой потенциал неизмеримо выше того, что могу предложить тебе я. И я благословляю тебя. Хочу, чтобы ты получила все, чего заслуживаешь. Мы по-прежнему будем вместе, потому что я принадлежу тебе душой и телом.

Я сохраню свою независимость, хоть и знаю, как важны в этой сфере покровители. Если бы Хамид пришел ко мне и предложил продать мой бренд, я бы согласилась, не задумываясь, и работала бы на него. Но дело касается не моего таланта, а твоей работы. И я была бы недостойна самой себя, если бы приняла эту часть предложения.

Она поцеловала Жасмин.

— Я не могу согласиться. — ответила та. — Когда мы познакомились, я была перепуганной девчонкой — всего боялась: что привлекут за лжесвидетельство, что убийцы по моей вине останутся на свободе... И всерьез помышляла о самоубийстве. Всем, что было в моей жизни, я обязана тебе...

Подруга попросила ее сесть перед зеркалом. И прежде чем начать причесывать, погладила по волосам:

— К тому времени, когда мы встретились, я тоже потеряла всякий вкус жизни. Муж бросил меня, ушел к другой — помоложе и побогаче. Мне пришлось для заработка заняться фотографией, а по выходным я безвыходно сидела дома: читала, смотрела какое-то старье по телевизору или лазила в интернете. Давняя мечта стать модельером с каждым часом слабела и отдалялась: никто не соглашался финансировать мой проект, и я уже не могла больше обивать пороги и разговаривать с людьми, пропускавшими мои слова мимо ушей.

И тут появилась ты. В ту субботу, признаюсь, я думала только о себе, понимая, что ко мне в руки попала истинная драгоценность, и если мы подпишем эксклюзивный контракт, мои дела могут поправиться. Помнишь, я предложила стать твоим агентом? Предложила не потому, что хотела защитить тебя от враждебного мира: я рассуждала так же эгоистически, как сейчас — Хамид Хусейн. Я бы знала, как распорядиться этим сокровищем. Я разбогатела бы на одних фотографиях.

Она поправила ей прядь у виска и убрала слева на лбу слишком густо наложенный тон.

— А ты в свои шестнадцать лет сумела показать мне, как способна любовь преобразовать людей. Благодаря тебе я поняла самое себя. Чтобы мир увидел мой талант, я стала придумывать тебе платья — а эти замыслы всегда роились у меня в голове и ждали только случая стать реальностью, воплотиться в тканях, кружевах, аксессуарах. Мы шли вместе и вместе учились, хоть я и старше тебя вдвое. И благодаря этому люди начали обращать внимание на мои работы, решились вкладывать в мои проекты деньги, и тогда я впервые в жизни смогла осуществить все, что так долго вынашивала в душе. И вот мы вместе дошли до Канн, и не этому контракту нас разлучить.

Она приносит из ванной косметический набор и принимается за работу, приговаривая уже совсем иным тоном:

— Сегодня вечером ты должна быть ослепительна. До сих пор еще ни одна модель от полной безвестности не переходила в один миг к славе, так что пресса будет очень заинтересована. Отвечай, что детали тебе неизвестны — этого будет достаточно. Журналисты все равно будут выпрашивать, и мало того — предлагать тебе варианты вроде: «Я всегда мечтала работать с ним» или: «Считаю это важным шагом в моей карьере».

Она провожает ее вниз, до автомобиля; шофер открывает дверцу.

— Стой на своем: никаких подробностей контракта не знаю, этим занимается мой агент. И постарайся, чтобы это празднество прошло не впустую.

Празднество.

На самом деле — это ужин, только нет ни столов, ни угощения, зато официанты непрерывно мельтешат в толпе с подносами, предлагая все мыслимые виды и сорта напитков, включая минеральную воду. Уже образовались маленькие группки и кружки, и одиночки чувствуют себя неуютно. Дело происходит в огромном саду, где повсюду расставлены диваны и кресла, и на метровых экранах полураздетые модели с точеными телами танцуют под музыку — она доносится из динамиков, спрятанных в стратегически выгодных точках.

Знаменитости продолжают прибывать. Они улыбаются и кажутся беззаботно-счастливыми и общаются друг с другом с ласковой бесцеремонностью давних знакомых, однако Жасмин знает, что это притворство: может быть, раз или два виделись на подобного рода сборищах, и хотя не никогда не помнят, как зовут тех, с кем разговаривают, должны выглядеть людьми влиятельными, известными, знакомыми всем и со всеми.

Девушка — куда девалась ее досада? — сейчас кажется какой-то совсем потерянной. Просит сигарету, называет свое имя. Через несколько минут они уже знают друг о друге все. Жасмин ведет ее к ограде, и они долго смотрят вместе на океан, пока сад заполняется известными и неизвестными им личностями. Выясняется — обе работают на одного и того же человека, хоть и в разных проектах. Ни та, ни другая его не знают, у обеих эта работа началась одновременно.

Время от времени к ним подбираются мужчины, пробуют завести разговор, но и Жасмин, и Габриэла делают вид, что не слышат. Первой так нужна вторая, чтобы попытаться рассеять и прогнать какое-то сиротское чувство, не оставляющее ее, несмотря на красивые слова подружки-модельера перед отъездом сюда. Ей бы пришлось выбирать между карьерой и любовью всей жизни — она бы не сомневалась ни минуты: все бросила бы, пусть это и выглядело бы по-девчоночьи. Но оказывается, ее любимая хочет, чтобы Жасмин предпочла карьеру, а сама она приняла предложение Хамида Хусейна лишь для того, чтобы гордиться тем, как много сделала для нее, как бережно направляла ее шаги, как осторожно вела, как ласково исправляла промахи и ошибки, с каким воодушевлением воспринимала каждое слово и каждый шаг, сколь бы трудны они ни были.

И Габриэле тоже нужна была эта встреча. Чтобы посоветоваться и поблагодарить за то, что ей уже не так одиноко, и можно поверить, что хорошие вещи порою в этом мире еще случаются. Чтобы признаться — она обескуражена тем, как внезапно исчез ее сопровождающий, хотя он получил распоряжение представлять ее людям, которых она должна знать.

— Он думал, что сумеет скрыть свои чувства. Но я знаю — что-то пошло не так...

Жасмин отвечает:

— Не беспокойся, расслабься, сделай глоток шампанского, наслаждайся музыкой и видом на море... Всегда может случиться что-то непредвиденное, но здесь — целая армия людей, обученных справляться с неожиданно возникающими проблемами, причем так, чтобы решительно ни

одна душа не узнала о том, что за кулисами роскоши и гламура что-то стряслось... Скоро появится Звезда».

— Только ты, пожалуйста, не бросай меня одну. Я здесь буду недолго.

Габриэла обещает, что не оставит одну свою единственную подругу из нового мира, куда вступила только что.

Да, это ее единственная подруга, но она еще так молода, что это наводит на печальные мысли о том, не поздно ли ей самой затевать что-либо? Пока вместе со Звездой они шли по красной ковровой дорожке, Габриэла успела понять, какой это поверхностный и легкомысленный человек, и разочаровалась в нем. И сколь ни симпатична и мила ей эта девушка, на сегодняшний вечер нужен, по-старому выражаясь, кавалер... Она замечает, что тот мужчина, что сидел тогда в баре, тоже здесь — повернувшись спиной ко всем присутствующим, как если бы происходящее на этом гала-ужине не имело к нему совершенно никакого отношения, созерцает море. Он хорош собой, элегантен, излучает некое таинственное обаяние. Надо улучшить правильную минуту и предложить Жасмин подойти к нему и заговорить — все равно о чем.

В конце концов, как бы то ни было, сегодняшний день, уже ознаменовавшийся для нее большой удачей, может принести и новую любовь.

8:21 PM

За столом четверо: судебный медик, инспектор Савуа, комиссар и еще один человек, которого последний привел с собой и не представил остальным.

Задача не в том, чтобы обсудить новое преступление, а в том, чтобы сделать совместное заявление для прессы, которая толпится сейчас перед дверьми больницы, где только что скончался знаменитый на весь мир актер. Не менее прославленный режиссер находится в реанимации. Можно не сомневаться, что новостные агентства поставили перед своими журналистами вопрос ребром: не добудете какие-нибудь конкретные сведения — подыскивайте себе новое место службы.

— Судебная медицина — одна из древнейших профессий. Благодаря ей удалось изучить, какие следы оставляют те или иные яды, и разработать антидоты ко многим из них. Несмотря на это, и августейшие особы, и аристократы всегда стремились держать при своем дворе «отведывателя кушаний», чтобы избежать непредусмотренных врачами неожиданностей.

Этого эрудита Савуа уже встречал днем. Сейчас он дает комиссару возможность вмешаться и оборвать исторический экскурс.

— Доктор, хватит щеголять познаниями! По городу разгуливает убийца.

— Как судебный эксперт я не вправе утверждать что-либо относительно обстоятельств убийства. Мое дело — не версии выдвигать, а постараться определить причину смерти и примерное время ее наступления, орудие, которым она была причинена, личность жертвы.

— Есть ли, по-вашему, какая-либо взаимосвязь между гибелью Джавица Уайлда и этого актера? Есть ли тут что-то общее?

— Есть. Оба работали в кино.

И сам хохочет над своей остротой. У остальных не дрогнул ни один мускул: вероятно, пребывание в этой комнате напрочь отбивает чувство юмора.

— Общее — лишь в том, что в обоих случаях были применены токсические вещества, поражающие организм почти молниеносно. Второе убийство необычно тем, как именно был запакован цианид: конверт, в котором он содержался, был снабжен тонкой пластиковой мембраной, запечатанной вакуумным способом. При вскрытии конверта герметичность нарушается.

— Это могло быть изготовлено здесь? — с сильным иностранным акцентом осведомляется четвертый участник совещания.

— Да запросто! Впрочем, дело довольно сложное, манипуляции требуют большой осторожности, и тот, кто их совершает, должен знать, что изготавливает орудие убийства.

— Иными словами, это не самоделка?

— Едва ли. Можно со всей уверенностью утверждать, что конверт был заказан специалистом. Цианид — не кураре, которым можно просто смочить острие или наконечник... Тут нужен квалифицированный подход.

Савуа думает о Марселе, Корсике, Сицилии, о странах Восточной Европы и Ближнего Вос-

тока. Извинившись, выходит из комнаты, звонит в Европол. Объясняет серьезность ситуации и просит дать сведения обо всех лабораториях, где может производиться такое химическое оружие.

Его соединяют с каким-то сотрудником, который сообщает, что буквально пять минут назад получил запрос об этом же из ЦРУ. Что происходит?

— Ничего. Пожалуйста, ответьте мне, как только получите информацию. И если можно, не позднее, чем через десять минут.

— Это совершенно невозможно, — отвечают ему. — Ответ дадим, когда он у нас будет. Не раньше и не позже. Мы должны будем направить...

Савуа, не дослушав, дает отбой и возвращается в комнату.

Бумага, бумага...

Кажется, что все, имеющие отношение к общественной безопасности, одержимы этой навязчивой идеей. Никто не решится и шагу ступить, не убедившись предварительно, что его начальники этот шаг одобряют. Люди, так много обещавшие, люди, перед которыми открывалось блестящее будущее, люди, начинавшие работать с энтузиазмом и творческим огнем, сейчас боязливо притаились по углам, хоть и понимают, что им брошен очень серьезный вызов и действовать надо стремительно, однако субординация прежде всего: пресса всегда готова обвинить полицию в том, что она действует чересчур крутыми методами, тогда как налогоплательщики постоянно ноют, что полиция вообще бездействует — а потому лучше свалить ответственность на вышестоящих.

Но Савуа сделал звонок лишь для отвода глаз — он и так знает, кто преступник. И возьмет его сам, один, чтобы никто больше не посмел претендовать на лавры сыщика, распутавшего самое громкое дело в истории Канн. И он должен сохранять наружное спокойствие, хотя больше всего на свете ему хочется, чтобы это бдение поскорее завершилось.

...Когда он вновь входит в комнату, комиссар сообщает, что сию минуту из Монте-Карло звонил Стенли Моррис, отставной сотрудник Скотланд-Ярда. Посоветовал особенно не усердствовать, потому что преступник едва ли применит прежнее оружие еще раз.

— Похоже, нам грозит новая вспышка терроризма, — говорит незнакомец.

— Похоже, — подтверждает комиссар. — Но последнее, что мы, в отличие от вас, собираемся делать, — это сеять панику. И здесь собрались, чтобы сформулировать заявление для прессы, пока эта самая пресса сама не сделала выводы и не обнародовала их в ближайшем выпуске новостей. Я полагаю, мы все же имеем дело с террористом-одиночкой, скорее всего — с серийным убийцей.

— Но...

— И никаких «но»! — жестко и властно чеканит комиссар. — Мы дали знать в ваше посольство потому, что убитый был гражданином вашей страны. И здесь вы на правах гостя. Когда погибли двое других ваших соотечественников вы не проявили особого интереса и не удосужились прислать своего представителя, хотя в одном из этих случаев тоже был применен яд.

А потому если вы намекаете, что над нами нависла опасность массового поражения биологическим оружием, вам лучше сразу уйти. Мы не собираемся впутывать в уголовное дело политику. В будущем году должны будем с подобающим размахом и блеском провести очередной кинофестиваль, верим специалисту из Скотланд-Ярда и заявление составим именно в этом духе.

Иностранцу нечего сказать в ответ.

Комиссар, вызвав секретаря, просит выйти к журналистам и оповестить их, что результаты, которых они так долго ждут, будут оглашены через десять минут. Эксперт сообщает, что установить происхождение цианида можно, и это хоть отчасти прольет свет на личность убийцы, но займет никак не десять минут, а около недели.

— В крови жертвы найдены следы алкоголя, кожные покровы красные, смерть была мгновенной. Все это не оставляет сомнений в том, какой яд был применен. Если бы это была кислота, остались бы характерные ожоги вокруг рта и носа; если белладонна — были бы расширены зрачки, если...

— Доктор, мы все знаем, что вы окончили университет, что можете блестяще обосновать причину смерти, и не сомневаемся в вашей компетентности. Итак, остановимся на том, что это был цианид.

Эксперт, кивнув, закусывает с досады губу.

— Ну, а что со вторым пострадавшим? С этим кинорежиссером?

— Мы дали ему кислород, по 600 миллиграммов келоцианора внутривенно каждые четверть часа, а если не будет положительной динамики, добавим 25-процентный раствор триосульфата натрия...

Повисшее в комнате молчание, кажется, можно потрогать руками.

— Виноват. Я хотел сказать — он выкарабкается. Комиссар делает пометки на листке желтой бумаги.

Он знает — времени нет. Всех благодарит, иностранцу говорит, чтобы пока не выходил: нечего давать новую пищу для слухов и фантастических предположений. Пройдя в ванную комнату, подтягивает галстук и просит Савуа сделать то же самое.

— Моррис считает, что убийца в следующий раз не станет применять яд. Когда вы уходили звонить, я кое-что прикинул и понял: он следует, может быть, и подсознательно, какой-то определенной модели поведения. Какой, как по-вашему?

Савуа и сам думал об этом по возвращении из Монте-Карло. Да, имелся некий рисунок, который, быть может, укрылся от внимания знаменитого сыщика из Скотланд-Ярда:

Жертва на скамейке: преступник подошел вплотную.

Жертва в павильоне на пляже: преступник действовал на расстоянии.

Жертва на пирсе: вблизи.

Жертва в отеле: издали.

Если следовать этой модели, следующее преступление будет совершено, когда убийца опять приблизится вплотную, вернее, так он его задумывает, если только не будет схвачен в ближайшие полчаса. Инспектору излагали все эти подробности полицейские, выезжавшие на место, причем особого значения сообщениям не придавали. А он, в свою очередь, отвечал, что это неважно. На самом же деле — более чем важно: вот он — горячий след, единственное недостающее звено в цепочке.

Сердце его бьется учащенно: сбывается мечта всей его жизни... Когда же кончится это проклятое совещание?!

— Вы слышите меня, инспектор?

— Да, господин комиссар.

— Хочу, чтобы вы уяснили себе: журналистская братия, что собралась у дверей, ждет от нас не четкого и конкретного заявления и не точных ответов на свои вопросы. На самом деле они будут из кожи вон лезть, чтобы услышать от нас то, что им нужно. Надо постараться не попасть в эту ловушку. Они явились сюда не слушать нас, а увидеть — и показать своим зрителям.

Он говорит с инспектором с видом начальственного превосходства, как человек, постигший всю мудрость человечества. Вероятно, щеголять образованностью — удел не только Морриса или судебного медика: все тшчатся, пусть и не впрямую, дать понять, что как нельзя лучше разбираются в своем деле.

— И запомните: выражение лица и осанка, то, как вы держитесь и говорите, могут сказать куда больше слов. Не бегайте глазами, смотрите перед собой, плечи вниз и немного назад... Приподнятые плечи выдают внутреннее напряжение: все поймут, что у нас нет даже предположений о том, кто это сделал.

Они выходят к дверям бюро судебной экспертизы. Вспыхивают яркие лампы, протягиваются микрофоны, журналисты отталкивают друг друга, пробиваясь вперед. Через несколько минут, видя, что сумятица улеглась, комиссар извлекает из кармана листок бумаги:

— Знаменитый киноактер был отравлен цианидом — смертоносным, высокотоксичным веществом, которое может применяться в разных видах, а в данном конкретном случае — газообразном. Его коллега-режиссер остался жив по счастливой случайности: он вошел в номер, где в воздухе еще оставались элементы цианида. Служба безопасности отеля, проводившая видеонаблюдение, заметила, как постоялец зашел в номер, а через пять минут опрометью выскочил оттуда и в коридоре упал.

Комиссар не упомянул, что этот самый номер находился в «слепой зоне». Не упоминание не есть ложь.

— Сотрудники СБ отреагировали очень оперативно и немедленно направили к месту про-

исшествия врача. Тот сразу почувствовал характерный запах горького миндаля, хотя концентрация цианида в воздухе уже не представляла опасности для жизни. Вызванная полиция прибыла через пять минут, оцепила этаж, а своевременно предпринятые действия врачей «скорой помощи», работавших в противогазах, позволили сохранить пострадавшему жизнь.

Красноречие комиссара производит на Савуа глубокое впечатление: «Должно быть, руководители такого ранга обязаны отучиться на курсах пиара», думает он.

— ...Отравляющее вещество находилось в конверте, но кем он был надписан — мужчиной или женщиной — установить пока не удалось. Внутри была записка.

О том, что конверт был запечатан с помощью самой что ни на есть передовой технологии, комиссар тоже счел за благо не распространяться: один шанс на миллион, что кто-то из присутствующих журналистов узнает об этом, хотя чуть позже подобный вопрос последует неизбежно. Ни слова и о том, что за несколько часов до происшествия в отеле был отравлен еще один виднейший кинодеятель: впрочем, все полагают, будто Джавиц Уайлд скончался от сердечного приступа, хотя никто — ни один человек — не вбрасывал эту лживую версию. Как полезно бывает, что пресса порой — по лени или небрежности — приходит к собственным умозаключениям, не беспокоя полицию...

— А что там было написано? — раздается первый вопрос.

Комиссар объясняет, что эти сведения в интересах следствия пока не разглашаются. Савуа постепенно понимает, куда он ведет пресс-конференцию, и проникается все большим восхищением: нет, этот человек, безусловно, вполне соответствует занимаемой должности.

— Может, может. Все может быть. С вашего позволения, господа... Нам пора вернуться к своим обязанностям.

Он садится в полицейскую машину, и взыв сиреной, она срывается с места. Савуа, гордясь комиссаром, направляется к своей. Просто прелесть! Уже совсем скоро в эфир выйдут сенсационные новости: «Следствие полагает, что великий актер был убит из ревности».

Ничто не сможет заменить интерес, который вызовет это сообщение. Звезда сияла так ярко, что все прочие преступления останутся незамеченными. Кому есть дело до бедной девочки, которую утром нашли мертвой на набережной? Или до кинопродюсера с выкрашенными под цвет красного дерева волосами, скончавшегося от сердечного приступа днем? Кого занимает убийство — не исключено, что тоже на почве ревности — совершенное на пирсе, где почти не бывает людей, вдали от фестивального бурления, если ни жертва, ни преступник никому не известны и никогда не оказывались в центре внимания? Подобное происходит каждый день, заслуживает беглого упоминания в восьмичасовом выпуске новостей и мгновенно забывается, если только...

...если только это не — мировая Звезда! Конверт! Записка таинственного содержания!

Савуа тоже включает сирену, но едет в сторону, противоположную управлению. Чтобы не вызывать подозрений, он выходит в эфир на волне комиссара:

— Поздравляю!

Комиссар тоже горд собой. Да, удалось выиграть время — несколько часов, а может быть, и дней — хотя оба они знают: по Каннам разгуливает серийный убийца, действующий изощренными средствами, — начинающий сидеть мужчина, лет сорока, в совершенстве владеющий искусством умерщвления людей. Может быть, он уже пресытился содеянным, а может быть, улучив момент, нападет снова.

— Разошлите агентов по всем *мероприятиям*, — отдает распоряжения комиссар. — Пусть ищут людей, подходящих под это описание. Найдут — пусть держат под наблюдением и запрашивают подкрепление... В штатском, разумеется, и одеты сообразно обстоятельствам и принятому *дресс-коду*. Повторяю, всюду, где сегодня вечером в Каннах что-либо устраивается, должны быть наши люди... Даже если придется задействовать дорожную полицию.

Савуа незамедлительно исполняет приказ. В эту минуту по мобильному телефону сотрудник Европола сообщает, что результаты экспертизы в лучшем случае можно будет прислать не раньше, чем через три рабочих дня.

— Пожалуйста, продублируйте ваше сообщение по почте. Я не желаю отвечать, если здесь опять что-нибудь произойдет...

Усмехнувшись про себя, он просит переслать копию и «человеку из посольства» — теперь это не имеет никакого значения. Подлетев к отелю «Martinez», резко тормозит у самых дверей, перекрывая выезд, а на протесты швейцара показывает свой жетон, швыряет ключи: «Припаркуй-

те!» — и вбегает в холл.

На втором этаже, в небольшой гостиной под присмотром полицейского стоят девушка — дежурный администратор и официант.

— Сколько мы здесь будем находиться? — спрашивает девушка.

Не обращая на нее внимания, он поворачивается к официанту:

— Итак, вы уверены, что видели в выпуске новостей ту самую женщину, которую обслуживали сегодня днем?

— Почти уверен... На фотографии она выглядит моложе, и волосы обесцвечены... Но я привык запоминать клиентов в лицо на тот случай, если кто вздумает уйти, не расплатившись.

— И уверены, что она сидела с постояльцем, зарезервировавшим столик?

— Вот в этом уж точно можете не сомневаться. Я его запомнил — лет сорока, красивый, волосы седеющие...

Сердце Савуа бьется так, словно вот-вот выскочит.

— Проведите меня в его номер, — говорит он, оборачиваясь к администратору и полицейскому.

— А у вас есть ордер на обыск? Нервы инспектора сдают:

— НЕТ! Я не бумажки перебираю! Знаете ли вы, мадемуазель, от чего больше всего страдает наша страна?! От того, что все слишком послушны! И не только наша страна, но и весь мир! Разве вы не покоритесь, если вашего сына погонят на войну? Разве он сам не подчинится беспрекословно? То-то и оно! А раз так, извольте проводить меня в номер, иначе я вас арестую как сообщницу!

Похоже, он ее напугал. Вместе с полицейским они направляются к лифту, который с остановками на каждом этаже идет сверху. А ведь от скорости их действий зависит, быть может, человеческая жизнь.

Савуа решает подниматься по лестнице. Администратор жалуется, что она на высоких каблуках, инспектор приказывает разуться и следовать за ними. Они бегут по мраморным ступенькам, хватаясь за бронзовые перила, чтобы не упасть, пролетая мимо элегантных площадок у лифтов, где постояльцы, ожидающие лифта, с недоумением взирают на босую женщину и полицейского — что он делает в отеле? Куда несется опростетью? Что-нибудь случилось? А если случилось, то почему не подняться к месту происшествия на лифте — ведь так выйдет быстрее?! И бормочут себе под нос: Каннский кинофестиваль теряет престиж, в здешних отелях теперь готовы принять кого попало, и полиция врывается сюда, как в дом терпимости. Надо будет непременно пожаловаться администрации...

Они не знают, что администрация-то и бежит сейчас босиком по лестнице.

И вот наконец троица — у дверей апартаментов, где живет убийца. В это время появляется сотрудник службы безопасности, присланный снизу узнать, что происходит. Он узнает администратора, спрашивает, в чем дело и не требуется ли его помощь.

Савуа, жестом показывая — говори тише, кивает: да, требуется. Оружие при себе? Охранник разводит руками.

— Ну ладно, в любом случае будьте рядом.

Они переговариваются шепотом. Администратор должна будет по знаку инспектора постучать в дверь. Трое мужчин прижимаются к стене. Савуа достает пистолет. Полицейский делает то же самое. На стук никто не отзывается.

— Должно быть, вышел.

Савуа просит ее открыть дверь своим ключом. Она объясняет, что не взяла его с собой, а если бы даже и взяла — то без разрешения управляющего все равно открыть не имеет права.

Савуа проявляет неожиданную уступчивость:

— Ладно, неважно... Я сейчас спущусь в подвал, откуда ведется видеонаблюдение. Рано или поздно он вернется, и я не хочу отказать себе в удовольствии первым допросить его.

— На ресепшене есть ксерокопия его паспорта и номер кредитной карты. А почему вас так интересует этот человек?

— Это тоже неважно.

В полчаса езды от Канн, в другом государстве, где, впрочем, говорят на том же языке и используют ту же денежную единицу, но где совершенно иное политическое устройство — страной, как в стародавние времена, правит князь — сидит за компьютером человек. Пятнадцать минут назад пришел мейл с сообщением о гибели одного знаменитого артиста, и это привлекло его внимание.

Моррис разглядывает фотографию жертвы: имя этого человека решительно ничего ему не говорит — в кино он не бывал сто лет. Но, вероятно, и впрямь знаменитость, если новостной портал придает этому событию такое значение.

Он уже давно на пенсии, но подобные дела интересуют его как трудная шахматная задача, в решении которых он не знает себе равных. Речь тут не о служебном успехе, не о карьере, но исключительно о самоуважении.

У него есть свои незыблемые правила, которым он с удовольствием следовал, служа в Скотланд-Ярде: рассматривать все версии, начиная с самых немыслимых и неправдоподобных, благо это дает простор уму. На томительно-скучных рабочих совещаниях он любил шокировать коллег такими, к примеру, заявлениями: «Все, что вы знаете, есть результат опыта, накопленного за годы службы. Но прошлые решения и годятся только для прошлых задач. Если хотите творческого прорыва — позабудьте на время о своем богатом опыте!»

Матерые сыщики делали вид, что записывают, молодые взирали на него с изумлением, и совещание катилось дальше так, словно эти слова никогда и не звучали. Но он-то знал: его посыл услышан и воспринят, и уже очень скоро — разумеется, не упоминая с благодарностью его имени, — начальники примутся требовать от подчиненных свежих идей, нетрадиционного подхода.

...Он распечатывает досье, присланные каннской полицией, хотя обычно старается не извлекать бумагу, чтобы не попасть в «серийные убийцы лесов», но иногда без этого не обойтись.

И начинает изучать *modus operandi*, то есть манеру преступника — время суток (в данном случае он убивает и утром, и днем, и вечером), орудие убийства (руки, яд, стилет), тип жертвы (здесь — и мужчины, и женщины разного возраста), физический контакт (в двух случаях он присутствует, в двух других — отсутствует), реакция жертвы (сопротивления не оказывал никто).

Когда обнаруживаешь, что ты в тупике, самое лучшее — пустить мысли в вольный полет, отвлечься: пусть работает подсознание. Моррис открывает новый экран с графиками котировок на Нью-Йоркской бирже. Что может быть скучнее для человека, у которого нет акций, но в том-то и заключается его безотказно действующий прием: многолетний опыт обрабатывает полученную информацию, интуиция формулирует ответы — новые и нестандартные. Через двадцать минут он возвращается к досье — голова теперь свежа и пуста.

И результат налицо: теперь Моррису удастся уловить нечто общее во всех этих случаях.

Преступник — человек, как говорится, высокой культуры. Можно не сомневаться, он провел многие дни и недели в библиотеках, изучая наилучший способ выполнить свою миссию. Умеет обращаться с отравляющими веществами так, чтобы не подвергать себя риску, и наверняка не сам запечатывал конверт с цианидом. Достаточно разбирается в анатомии, чтобы воткнуть стилет в нужную точку, где острие не наткнется на кость. Без особого труда наносит разящие удары. О смертоносных свойствах кураре знают немногие. Вполне вероятно, ознакомился с делами серийных убийц и, убедившись, что почерк и манера неминуемо наводят на след злоумышленника, каждое свое новое преступление совершает в ином стиле, пренебрегая, на первый взгляд, своим «модусом операнди».

Однако это невозможно: преступник, пусть и бессознательно, действует по некоей схеме — просто Моррис пока не сумел определить ее.

Да, есть и еще один очень важный фактор — у преступника есть деньги. Достаточно, чтобы пройти курс самбо и в совершенстве узнать, на какие точки человеческого тела надо воздействовать, чтобы парализовать жертву. У преступника есть связи. Такие отравляющие вещества не купишь в аптеке за углом, и даже на черном рынке у местного криминалитета не достанешь. Это весьма сложное биологическое оружие — надо знать, как его применить, надо уметь с ним обращаться. Убийца наверняка пользовался поддержкой и помощью специалистов.

И наконец, он действует очень стремительно, а это наводит на мысль о том, что срок его пребывания в Каннах ограничен. Может быть, неделей, может быть, десятью днями.

Куда же ведут эти умозаключения?

Если он, Моррис, пока не пришел ни к какому выводу, то лишь потому, что сам сейчас играет по правилам. Он потерял наивную непредвзятость взгляда, которой требовал у своих сотрудников. Да, именно этого мир в конечном счете и добивается от человека — жизнь стесывает с него всякое своеобразие, усредняет и делает «таким, как все», одновременно гася огонь вдохновения. В глазах общества старость — это признак не мудрости, а немощи. Все убеждены, что человек, переваливший рубеж пятидесятилетия, уже просто физически не в состоянии адекватно разбираться в том, что происходит в сегодняшнем стремительно меняющемся мире.

Да, разумеется, Моррис уже не может бегать как раньше, а читать вынужден в очках. Тем не менее мозг его работает с небывалой отчетливостью — по крайней мере он хочет в это верить.

Но если разум по-прежнему остер, почему же ему не под силу решить задачу, которая раньше несколько бы его не затруднила?

Нет, он не пришел ни к какому выводу. И не придет, пока не появятся новые жертвы.

9:11 PM

Какая-то пара — супруги, по всей видимости — улыбаясь, замечает, как ему повезло — две такие красавицы рядом!

Игорь благодарит, потому что и в самом деле должен отвлечься. Совсем уже скоро произойдет долгожданная встреча, и даже он, человек, привыкший справляться с напряжением любого рода, невольно вспоминает сейчас афганские времена. Перед выходом на опасную операцию где-нибудь в окрестностях Кабула его товарищи пили, болтали о женщинах или футболе, словом, убеждали себя, что находятся не здесь, а в отчизне, за столом с друзьями и родными. Так они преодолевали волнение, обретали свою истинную сущность, соображали скорее и внимательнее вглядывались в предстоящие им опасности.

Как подобает хорошему солдату, он знает, что суть боя — не в схватке как таковой, а в том, достигнута ли цель. Как человек, умеющий мыслить стратегически, — все же, начав с нуля, он превратил свою маленькую фирму в одно из самых уважаемых российских предприятий, — Игорь отдает себе отчет в том, что цель всегда должна оставаться прежней, хотя причины, по которым ее преследуют, могут с течением времени многократно измениться. Так произошло и сегодня: в Каннах он оказался по одной причине, но лишь начав действовать, смог понять, что двигали им совсем иные. Все эти годы он был слеп, а теперь ему воссиял свет, и наконец даровано откровение.

И вот именно поэтому он должен идти до конца. Его решения обдумывались с безудержной, размашистой отвагой и даже с толикой безумия — не разрушительного, а позволяющего человеку выйти за пределы собственных возможностей. Он всегда поступал так и побеждал, ибо в самый момент принятия решения умел это безумие обуздывать. И друзья, прежде твердившие: «Ты слишком сильно рискуешь», неизменно говорили: «А я был уверен, что ты поступаешь правильно», — причем переход этот совершался с невиданной быстротой. Да, Игорь был способен удивлять, не бояться нового и — главное — идти на необходимый риск.

Но здесь, в Каннах, быть может, оттого, что попал в совершенно непривычную обстановку или оттого, что почти не спал и сознание его порою туманилось, он рисковал без необходимости. Все могло кончиться раньше, чем задумывалось. И случись такое, он никогда бы не обрел того просветления, что помогло ему иными глазами взглянуть на женщину, которую он, как ему казалось, так страстно любит, ради которой готов был принести в жертву и других людей, и самого себя... Он вспоминает, как подошел к полицейскому и сознался в совершенном преступлении. В этот миг и началось его преображение. В этот миг душа девочки-португалки защитила его, объяснив, что он совершает верные поступки по неверным побуждениям. Концентрация любви приносит удачу, концентрация ненависти — несчастье. Тот, кто не заметит дверь, за которой таятся неприятности, в конце концов оставит ее открытой и впустит в нее беды.

Он принял любовь девочки. Он стал орудием Бога, пославшего его, чтобы избавить Оливию от мрачного будущего. А теперь уже она помогает ему двинуться дальше.

Игорь сознает: при всех предосторожностях не исключено, что он чего-то мог не учесть и не предвидеть, и миссия его может быть прервана, прежде чем он доведет ее до конца. И все равно не стоит сетовать и бояться: он сделал что мог, он действовал безупречно, а если Господь не хочет, чтобы он довершил свою работу, и ничего не остается, как принять Его волю.

Отвлекись. Поболтай с этими девушками. Расслабь мышцы перед тем, как напрячь их для последнего удара — так он будет нанесен вернее. Габриэла — та самая, что сидела в баре одна, когда он пришел в отель, — пребывает в полнейшей эйфории и каждый раз, когда появляется гарсон, ставит ему на поднос свой бокал — даже если успела выпить не больше половины — и берет с подноса следующий.

— Шампанское должно быть ледяным!

Ее настроение мало-помалу передается и ему. По ее рассказам он понял, что она получила роль в фильме, как он будет называться и что это за роль и сама не знает, но уверяет, что «самая главная». Режиссер известен своим непревзойденным искусством отбирать хороших актеров и находить хорошие сценарии. В главной мужской роли будет занят актер, которого Игорь видел и любит. Услышав же имя продюсера, он кивает, как бы давая понять: «Да-да, я знаю его», — но угадывает, что понято это будет как: «Я не знаю, кто это, но не желаю прослыть невеждой». Габриэла говорит без умолку о гостиничных номерах, заполненных подарками, о красной ковровой дорожке, о встрече на яхте, о том, какой строжайший отбор ей пришлось пройти, о планах на будущее.

— Вот в эту самую минуту тысячи девушек в этом городе и миллионы — по всему миру мечтают оказаться здесь, разговаривать с вами и рассказывать истории своей жизни. Мои молитвы услышаны. Мои усилия не пропали даром.

Вторая девушка не так оживлена и выглядит даже немного растерянной — ну да, она еще моложе и совсем неопытна. Когда она проходила по «коридору», Игорь, оказавшийся как раз за спинами фотографов, слышал, как выкрикивали ее имя и засыпали вопросами. Но здесь, на ужине, ее никто, вероятно, не знает: поневоле растеряешься и загрустишь, если сначала такой ажиотаж, а потом оказываешься оттесненной на обочину.

Инициативу сближения взяла на себя первая, разговорчивая девушка — это она решилась подойти и спросить, что он тут делает. Чувство неловкости вскоре прошло: Игорь знал, что не эти, так другие гости непременно подошли бы и познакомились, чтобы не выглядеть затерянными в этом многолюдстве чужаками-одиночками. И потому он поддержат разговор — а вернее, компанию, поскольку мысли его были сосредоточены совсем на другом. Назвав свое имя («Понтер»), он сообщил, что он — германский промышленник, занимающийся тяжелым машиностроением (эта сфера гарантированно никого здесь не могла заинтересовать), а сюда попал по приглашению друзей. Завтра улетает (что было в сущности правдой, хотя, конечно, пути Господни неисповедимы).

Услышав, что он не имеет отношения к кино и пробудет здесь, в Каннах, недолго, актриса едва ли не отшатнулась. Но вторая девушка удержала ее, сказав что-то вроде того, как, мол, интересно, знакомиться с новыми людьми. И они остались втроем: один ждал приятеля, который так и не пришел, другая — ассистента, который как сквозь землю провалился, а третья не ждала ничего и никого, кроме разве что толики мира в душе.

Все произошло очень быстро. Актриса заметила какую-то пылинку на лацкане его смокинга, стряхнула ее, прежде чем Игорь успел остановить ее, и удивилась:

— Ты что, куришь сигары?

Ладно, пусть думает, что во внутреннем кармане у него лежит портсигар...

— Да, после ужина.

— Хотите, поедем потом на яхту? Приглашаю вас обоих... Только сначала мне нужно найти моего ассистента.

Жасмин предлагает не торопиться, Во-первых, Габриэла только что заключила контракт и еще не скоро получит право окружать себя друзьями (или создавать «антураж» — как принято называть прихлебателей, толпящихся вокруг знаменитостей). Надо идти одной, как предписано правилами хорошего тона.

Актриса благодарит за совет. Проходит официант. Полупустой бокал шампанского ставится на поднос, полный с подноса снимается.

— Я, кроме того, посоветовал бы тебе и пить помедленнее, — говорит Игорь/Гюнтер.

Он мягко забирает у нее бокал и выплескивает его содержимое за перила.

Актриса сначала всплескивает руками в комическом отчаянии, но потом смиряется, поняв, что это для ее же блага.

— Знаешь, я так взбудоражена... — признается она. — Мне надо успокоиться. Может быть,

угостишь меня сигарой?

— Мне очень жаль, но у меня осталась всего одна. Да и потом наука уже давно доказала, что никотин взвинчивает, а не успокаивает.

Сигара... Да, предмет, лежащий в верхнем внутреннем кармане, по форме напоминает толстую «гавану», но больше ничего общего с ней не имеет. Это глушитель — цилиндрок сантиметров десяти длиной, который навинчивается на ствол «беретты» — пистолет лежит в кармане брюк — и способен сотворить истинное чудо: Превратить громкий «бах!» в чуть слышный «пуф-ф».

А все оттого, что вступают в действие простые физические законы: скорость пули немного замедляется при прохождении через несколько резиновых дисков с просечками, а выделяющиеся при выстреле пороховые газы заполняют полое пространство этого устройства, быстро охлаждаются и гасят звук.

Эта штука изменяет траекторию пули и потому никуда не годится при стрельбе с дистанции, но незаменима, когда бьешь в упор.

Игорь начинает терять терпение: неужели те, кого он ждет, решили пренебречь приглашением? А что если — эта мысль на долю секунды повергает его в панику — он подсунил конверт под дверь как раз тех апартаментов, где остановились супруги?

Нет-нет, этого не может быть — такое невезение просто невысказуемо... Он думает о близких тех, кто погиб от его руки: преследуй он единственную цель — отвоевать женщину, бросившую его ради мужчины, который ее не достоин, — все его усилия пошли бы прахом.

Хладнокровие изменяет ему: неужели именно из-за этого Ева даже не попыталась связаться с ним, несмотря на все посланные ей сообщения? Он дважды звонил их общему другу, и тот подтвердил, что никаких новостей нет и не было.

Сомнения обретают тяжеловесную непреложность уверенности. Да, оба скорее всего уже мертвы... Чем еще объяснить, что «ассистент» так поспешно оставил доверенную его попечению девушку, бросив в полнейшем одиночестве ту, кого и наняли для того, чтобы она появилась рядом с великим модельером?

Как знать, не Господь ли карает его за слишком сильную любовь к женщине, которая ее не стоит? Не Ева ли его руками умертвила девушку-португалку, а ей, быть может, суждено было изобрести средство против рака или каким-то образом растолковать человечеству, что оно уничтожает свою планету. Даже если Ева ничего не знала, не она ли побудила его применить яды? Игорь убежден, совершенно убежден: ничего этого делать было не надо — хватило бы одного-единственного уничтоженного мира, чтобы послание дошло до адресата. Он привез с собой свой маленький арсенал, зная, что все это — не более чем игра: и в первую его ночь в Каннах она, зайдя в бар перед тем, как отправиться на очередной прием или вечеринку, должна была почувствовать там его присутствие, понять, что прощена за все то зло, которое невольно сеяла вокруг себя. В какой-то научной статье ему довелось прочесть, что люди, долго прожившие вместе, обретают способность ощущать, что их спутник где-то рядом, даже если не видят его, даже если не знают точно, где он.

Но этого не произошло. Безразличие Евы в прошлую ночь — или это было не безразличие, а чувство вины за то, как она обошлась с ним? — не позволило ей заметить человека, делавшего вид, будто прячется за колонной, но разложившего вокруг русские экономические журналы, которые могли бы навести на след того, кто ищет потерянное. Охваченному страстью вечно чудится на улице, в театре, на многолюдных сборищах любимое лицо: вероятно, Ева променяла свою любовь на блеск и роскошь.

...Постепенно он успокаивается. Ева — сама по себе сильнодействующая отравка, мощнее которой нет в природе, так что ее счастье, если погибла от цианида. Она заслуживает более мучительной смерти.

Девушки продолжают разговаривать. Игорь отходит — нельзя поддаваться страху, что он может разрушить свое собственное творение. Ему нужны одиночество, хладнокровие, способность стремительно реагировать на внезапную перемену курса.

Он приближается к нескольким оживленно беседующим людям: речь у них идет о том, как лучше всего бросить курить. Да, это одна из самых излюбленных тем в мире: показать приятелям, что способен, если надо, проявить волю. Чтобы отвлечься, он закуривает, хоть и знает, что это

похоже на провокацию.

— Это очень вредно для здоровья, — замечает тощая как скелет женщина в бриллиантах, со стаканом сока в руке.

— Привычка жить вреднее всего, — отвечает он. — Рано или поздно обязательно сведет нас в могилу.

Мужчины смеются. Женщины смотрят на новоприбывшего с интересом. Однако в этот миг из коридора, расположенного отсюда метрах в двадцати, раздаются крики фоторепортеров:

— Хамид! Хамид!

Даже издали, даже сквозь густую толпу он видит знаменитого модельера и его спутницу — ту самую, что в былые времена, в иных краях совершала тот же проход рядом с ним, Игорем, ласково, изящно и мягко держа его под руку.

Прежде чем он успевает вздохнуть с облегчением — «жива-здорова!» — что-то заставляет его взглянуть в противоположном направлении: со стороны сада в зале, беспрепятственно пропущенный охранниками, появляется некий мужчина, который тотчас начинает вертеть головой, кого-то отыскивая, и этот «кто-то» — явно не один из приятелей, затерявшихся в сутолоке.

Игорь молча отделяется от группы, возвращается к балюстраде, где по-прежнему заняты разговором обе его новые знакомые, берет за руку одну из них — актрису. Мысленно взывая к девочке-португалке, просит у нее прощения за то, что усомнился — но ведь смертные люди нечисты в своих помыслах и неспособны постичь благодать, осеняющую их так великодушно и щедро.

— Тебе не кажется, что ты торопишь события? — спрашивает девушка, не выказывая, впрочем, ни малейшего намерения высвободить руку.

— Кажется. Но если верить твоим словам, получается, что сегодня все в твоей жизни сильно ускоряет темп.

Та смеется в ответ. Смеется и вторая. Полицейский проходит мимо, не обращая на них внимания, останавливая взгляд на всех седеющих мужчинах приблизительно сорока лет.

Но — пребывающих в одиночестве.

9:20 PM

Медик, изучая результаты исследований, свидетельствующие о полном благополучии, должен решить, чему верить — науке или собственному сердцу. И приучившись с течением времени больше прислушиваться к внутреннему голосу, в итоге видит, что пациенты стали чаще выздоравливать.

Крупный бизнесмен, проглядывая биржевые сводки, графики и диаграммы, покупает или продает акции, поступая вразрез с тенденцией рынка — и в итоге делается еще богаче.

Писатель пишет книгу, режиссер снимает фильм, зная, что «это — не пройдет, никто не трагивает эту тему», и в итоге оба становятся идолами поп-культуры.

Религиозный лидер использует страх и чувство вины вместо любви, важнее которой — теоретически рассуждая — ничего нет на свете, и храм его всегда заполнен прихожанами.

И только одна группа неизменно следует общей тенденции. Это политики. Они желают нравиться всем и потому действуют в соответствии с прописями политкорректности. И вот им-то в конце концов и приходится извиняться, дезавуировать свои слова, подавать в отставку.

Моррис открывает на экране все новые и новые окна. И это не имеет ничего общего с технологией работы — скорее уж с интуицией. Он уже проделал это, пытаясь отвлечься, вызвав на монитор индекс Доу-Джонса, но все равно остался недоволен результатами. Теперь надо попробовать сосредоточиться на тех, кто сопровождал его большую часть жизни.

Он в очередной раз смотрит видеозапись, где Гэри Риджуэй, «убийца с Грин-ривер», ни разу недрогнувшим голосом спокойно повествует, как убил сорок восемь женщин — почти все были проститутками. Он рассказывает о своих злодеяниях не потому, что желает покаяться в грехах, снять с души невыносимое бремя вины — нет, просто прокурор предложил ему сделку: в случае признания смертный приговор заменяется пожизненным заключением. Иначе говоря, убийца, столько времени действовавший безнаказанно, не оставил доказательств своей вины, достаточных, чтобы его можно было казнить. Но может быть, он просто устал от зловещей миссии, которую

собирался выполнить, или же она ему наскучила.

Риджуэй. У него был стабильный заработок — он трудился дорожным разметчиком и жертв своих мог вспомнить, только если сопоставлял их с тем или иным рабочим днем. Два десятилетия, на протяжении которых за ним по пятам ходили сыщики — иногда до полусотни — он совершал преступления, умудряясь не оставлять следов и улик.

«Этот человек был, что называется, не семи пядей во лбу, особыми дарованиями не отличался, был не слишком-то образован и трудолюбив, но зато ремеслом убийцы владел в совершенстве», — вспоминал один из детективов.

Иначе говоря, был прирожденным убийцей — при том, что не менял местожительства. Это дело было даже отправлено в архив как безнадежное.

Моррис видел эту запись уже сотни раз. Всякий раз она вдохновляла его, но сегодня почему-то не произвела обычного действия. Он закрывает это окно и открывает сайт, на котором представлено письмо отца Джеффри Дамера, «каннибала из Милуоки», с 1978 по 1991 год убившего семнадцать человек и расчленившего трупы:

«Я, разумеется, не мог поверить тому, что говорила полиция относительно моего сына. Я многократно сидел за столом, за которым он расчленил своих жертв и служил сатанинскую мессу. Открыв его холодильник, я не обнаружил там ничего, кроме нескольких бутылок молока и банок содовой. Возможно ли, чтобы из ребенка, которого я носил на руках, вырос кровавый маньяк, чье лицо глядит на меня со страниц всех газет? О, если бы я оказался на месте тех отцов, кто в июле 1991-го получили известие, которого так боялись: узнали, что их дети не пропали бесследно, но были убиты! Тогда я мог бы приходить туда, где упокоились его останки, хранить память о нем. Но нет — мой сын жив, и все эти жуткие злодеяния — дело его рук».

Сатанинский алтарь. Чарльз Мэнсон и его «семья». В 1969 году трое молодых людей проникли в дом кинозвезды и убили всех, кто там был, включая юношу, который как раз в эту минуту выходил оттуда. На следующий день — снова двойное убийство — владельца сети магазинов и его жены.

«Я в одиночку могу покончить со всем человечеством», — говорил Мэнсон.

В тысячный раз Моррис рассматривает фотографию вдохновителя этих преступлений, улыбающегося в объектив среди друзей-хиппи — и среди них знаменитый музыкант той эпохи. Все они всегда говорили о мире и любви и ни разу не были заподозрены в чем-либо предосудительном.

Моррис закрывает все окна. «Дело Мэнсона» ближе всего к тому, что происходит сейчас: здесь ведь тоже — мир кино, и жертвы — известные люди... Некий политический манифест против роскоши, общества потребления и «звездности». Он был вдохновителем этих убийств, но сам никогда даже не появлялся на месте преступления, действуя руками своих приверженцев.

Нет, это ложный след... И несмотря на разосланные им мейлы с объяснениями того, почему он не может дать ответ за столь краткий срок, Моррис мало-помалу проникается тем самым чувством, которое во все времена охватывало сыщиков, распутывавших дела о серийных убийствах.

Чувство, что это имеет непосредственное отношение к нему самому.

С одной стороны, есть человек, надо полагать, совершенно другой профессии, планировавший свои преступления исходя из того, каким оружием он располагает, но не знающий возможностей местной полиции и действующий в абсолютно незнакомом ему месте. Это делает его уязвимым. С другой — органы безопасности во всеоружии своего опыта, привыкшие справляться с любыми общественными изъятиями.

Тем не менее никто пока не в силах оборвать смертоубийственный путь этого дилетанта.

Моррис думает, что не стоило ему вообще отзываться на просьбу комиссара. Решив когда-то поселиться на юге Франции, потому что здесь климат лучше, и люди веселей, и море совсем близко, он полагал, что еще много лет сможет наслаждаться всеми радостями жизни.

Он оставил свою службу в Лондоне, успев зарекомендовать себя лучшим из лучших. А теперь совершил неверный шаг, дав согласие помочь французам в расследовании и поставив тем самым на карту свою репутацию. Весть о его провале дойдет до ушей бывших сослуживцев — и он больше не сможет пользоваться своей славой, заслуженной долгими годами самоотверженной работы. Скажут: «Когда-то он попытался компенсировать свою слабость, первым потребовав установить в нашем департаменте самые современные компьютеры. Теперь в его распоряжении лю-

бая техника, но он стар и совершенно неспособен отвечать достойно на вызов времени».

Он выключает компьютер. Экран гаснет, показав сначала логотип того программного обеспечения — «софта» — что установлен на нем. Внутри машины электронные импульсы исчезают из памяти, не оставляя за собой ни вины, ни угрызений совести, ни чувства бессилия.

Но у его тела нет такой кнопки. И мозг продолжает функционировать, прокручивая одни и те же выводы, пытаясь оправдать то, что оправданию не подлежит, нанося ущерб самоуважению своего хозяина, убеждая его, что коллеги будут правы — его чутье, его способность к анализу с годами утратили остроту.

Моррис идет на кухню, включает кофеварку, которая давно уже барахлит, и отмечает про себя, что завтра надо будет купить новую — как и всякую бытовую технику, ее дешевле сменить, чем отремонтировать.

Слава богу, заработала! Он неторопливо пьет кофе. Чуть ли не целый день он только и делает, что нажимает кнопки — компьютера, принтера, телефона, настольной лампы, плиты, кофеварки, факса...

Но сейчас предстоит нажать правильную кнопку в мозгу и не перечитывать больше документы, присланные каннской полицией. Не стоит больше это делать. «Думай иначе, зайди с другой стороны, Моррис, составь список, пусть даже в нем не будет ничего нового»:

1) преступник (по крайней мере, в отношении выбора орудия убийства) проявил себя как человек изощренный и весьма сведущий;

2) он — не местный: иначе выбрал бы более благоприятное время, сейчас Канны наводнены полицией;

3) у него нет характерного «почерка» или он скрывает его, чтобы не дать себя идентифицировать. Очевидно, что эти характерные черты — отчаянная попытка доктора Джекилла избежать зла, причиняемого монстром, как если бы доктор Джекилл сказал мистеру Хайду: «Пожалуйста, задержи меня. Я представляю опасность для общества и я не в силах контролировать себя»;

4) поскольку он сумел приблизиться вплотную к двум своим жертвам, посмотреть им в глаза, узнать какие-то подробности их биографии, значит, привык убивать без зазрения совести. Следовательно, он должен быть участником какой-то войны;

5) у него есть деньги, и деньги немалые, о чем можно судить не по тому, что может себе позволить жить в Каннах во время кинофестиваля, когда цены взвиваются до небес, — нет, легко представить, во что обошлось ему изготовление конверта с цианидом. Он должен был уплатить не менее пятидесяти тысяч долларов: сорок за само вещество, а остальные — за вакуумную упаковку;

6) он не имеет дела со сбытом наркотиков, нелегальной торговлей оружием и прочими мафиозными делами, иначе за ним уже давно бы следил Европол. Вопреки тому, что думают сами члены преступных синдикатов, они остаются на свободе лишь потому, что еще не пришло время упрятать их за решетку. Мафиозные структуры буквально нашпигованы «кротами»-осведомителями, чьи услуги оплачиваются более чем щедро;

7) он опасается разоблачения и ареста, а потому соблюдает все предосторожности. Но управлять своим подсознанием человек куда еще не научился — вот и этот убийца невольно следует некоей определенной модели поведения;

8) человек этот абсолютно нормален, не вызывает никаких подозрений, вероятно, вежлив и любезен, легко завоевывает доверие тех, кого потом лишает жизни. Какое-то время проводит с будущими жертвами: две из них — женщины, которые по природе своей гораздо более подозрительные, чем мужчины;

9) он не выбирает жертв по критериям пола, возраста и социального положения.

Здесь Моррис останавливается. Что-то из написанного им плохо согласуется с остальной частью текста. Перечитывает два или три раза и вот наконец находит: «3) у него нет характерного «почерка» или он скрывает его, чтобы не дать себя идентифицировать».

Ну да, убийца не пытается, подобно Мэнсону, очистить мир или хотя бы город, как намеревался Риджуэй, не собирается утолять аппетиты богов, что делал Даммер. Значительная часть преступников в самом деле не хотят, чтобы их поймали, но очень хотят, чтобы о них знали. Одни — чтобы попасть на первые полосы, обрести известность или славу Джека-потрошителя, мечтать, что внуки будут ими гордиться, прочитав их имена в газетах, обнаруженных на пыльном чердаке. Другие исполняют некое жизненное предназначение — сеять ужас и уничтожать проституток,

например. Психологи давно уже пришли к выводу о том, что серийные убийцы, которые время от времени приостанавливают или прерывают свою преступную деятельность, поступают так именно потому, что *послание*, направленное ими обществу, — получено.

Вот и ответ, как сказал бы Гамлет. Как же это он не подумал об этом раньше?

Да очень просто: потому что это умозаключение направило бы полицейский розыск по двум противоположным направлениям. Искали бы убийцу *и* того, кому он желал направить свое послание. В данном случае он убивает с необыкновенной скоростью: Моррис почти уверен, что очень скоро, как только сочтет, что оно дошло до цели, он исчезнет из Канн.

Через два, самое большее — три дня. И, поскольку здесь — как, впрочем, в случаях с некоторыми другими серийными убийцами — у жертв нет ничего общего, послание это должно быть адресовано одному человеку, одному конкретному лицу.

Только одному.

Моррис возвращается к компьютеру, снова включает его и посылает комиссару успокоительный мейл:

«Не беспокойтесь. Убийства внезапно прекратятся еще до закрытия фестиваля».

И просто так, исключительно удовольствия ради, посылает копию приятелю в Скотланд-Ярд — пусть знают, что во Франции отдают должное его профессионализму, просят его о помощи и получают ее. Он не утратил прежней хватки, он способен делать умозаключения, правота которых в самое ближайшее время подтвердится. Пусть не думают, что вышел в тираж.

И хотя на кону стоит его репутация, он совершенно уверен в том, что только что написал.

10:19PM

Хамид отключает свой сотовый телефон — его ни в малейшей мере не интересует, что происходит во всем остальном мире. За последние полчаса пришло дикое множество неприятных сообщений.

Все это — внятный сигнал, предупреждающий: бросай эту нелепую идею снимать фильм. Вместо того чтобы внять разумным советам шейха и жены, он дал тщеславию себя увлечь. Как видно, он начинает утрачивать контакт с самим собой: мир роскоши и гламура оказывает свое отвращающее действие даже на него, всегда считавшего, что обладает к этому могучим иммунитетом.

Ну и хватит. Завтра, когда все немного успокоится, он созовет пресс-конференцию, благо в Канн съехались журналисты со всего света, и объявит, что хотя уже вложил в проект немалые средства, он прерывает работу над ним, ибо «это было мечтой, общей для всех, кто был вовлечен в эту затею, а теперь одного из участников уже нет среди нас». Обязательно найдется репортер, который спросит, имеются ли другие планы и замыслы. А он ответит, что пока еще рано говорить об этом, нужно «воздать дань благодарной памяти ушедшему».

Да, разумеется, он, как и всякий человек, имеющий хоть каплю приличия, сожалеет о том, что актер, с которым заключил контракт, отравлен, а режиссер, выбранный для реализации этого проекта, лежит в клинике — по счастью, сейчас его жизни уже ничто не угрожает. Но оба эти происшествия ясно дали понять: с кино у него ничего не получится, пустая затея. Не его это дело, напрасно он в это ввязался, только потеряет деньги, ничего не приобретя взамен.

Кино пусть занимаются кинематографисты, музыкой — музыканты, литературой — писатели. С тех пор как два месяца назад он встрял в эту авантюру, она не приносит ему ничего, кроме все новых проблем. Приходится иметь дело с людьми, обладающими гигантским самомнением, урезать раздутые сметы, править и редактировать сценарий, каждая последующая версия которого оказывается хуже предыдущей, терпеть продюсеров, всем своим снисходительным видом дающих понять, что он решительно ничего не понимает в процессе.

А ведь намерения у него были самые лучшие — показать быт, культуру и уклад своей отчизны, красоту пустыни, взлелеянную столетиями мудрость бедуинов и их понятия о чести. Он собирался вернуть долг людям своего племени, хоть шейх и доказывал ему весьма настойчиво, что не следует отклоняться от однажды избранной стези.

«В пустыне люди сбиваются с пути и гибнут оттого, что позволяют себе увлечься миражом. Ты хорошо справляешься со своим делом, сосредоточь же на нем все свои силы».

Однако Хамид этого было мало — он хотел показать, что способен удивить еще сильнее,

подняться еще выше, явить еще большую отвагу... Да, он впал тогда в грех гордыни, и это не должно больше повториться.

Журналисты засыпали его вопросами — новость распространилась с неслыханной быстротой. Хамил отвечает, что детали трагедии пока ему неизвестны, но в ближайшие дни он сделает по этому поводу заявление. Десятки раз он повторяет одно и то же до тех пор, пока один из его телохранителей не обращается к репортерам с просьбой оставить супругов в покое.

Подозвав помощника, он распоряжается найти Жасмин, которая где-то здесь разгуливает по садам, и привести ее сюда. Да, надо несколько раз сфотографироваться вместе, выпустить новый пресс-релиз, подтверждающий подписание ими контракта... Понадобится хороший пиар-менеджер, который сумеет подогревать интерес до октября, когда в Париже пройдет Неделя высокой моды... Потом он сам возьмется уговаривать бельгийского модельера, скажет ей, что чрезвычайно оценил ее работу и уверен, что сумеет обеспечить ее группе и финансирование, и нужную раскрутку — кстати, это чистая правда. Он может с высокой точностью предугадать ход ее мыслей: он хочет купить ее, чтобы заполучить главную модель. И торопить бельгийку с решением сейчас было бы не только неэлегантно, но и невыгодно — это увеличило бы цену. Всему свое время, и лучше уж дожидаться подходящего момента.

— Я считаю, что мы должны уйти отсюда.

Еве, судя по всему, сильно докучают вопросы журналистов.

— Забудь об этом. Ты знаешь — сердце у меня не из камня, но я не стану страдать из-за того, что на самом деле всего лишь подтверждает слова, которые ты говорила мне раньше: брось кино. Мы с тобой пришли на прием и должны оставаться здесь до конца.

Эта фраза, прозвучавшая жестче, чем ему хотелось бы, на Еву не произвела никакого впечатления — как если бы и любовь его, и ненависть были ей совершенно безразличны. Хамид продолжает уже совсем иным тоном:

— Это грандиозный праздник. Наш хозяин потратил, должно быть, невероятные деньги на свое присутствие в Каннах, на то, чтобы доставить и разместить звезд, приглашенных на исключительных условиях участвовать в этом баснословно дорогом гала-ужине. Впрочем, можно не сомневаться: благодаря бесплатной рекламе всего этого — на страницах газет, на журнальных полосах, в программах национального и кабельного телевидения, которому нечего показывать, кроме таких вот грандиозных светских мероприятий — он получит прибыль раз в 10–12 больше. Для женщин его драгоценности будут ассоциироваться с гламуром и блеском, мужчины начнут носить его часы в доказательство своего могущества и богатства, юнцы — листать эти страницы и думать: «И я хочу когда-нибудь оказаться там и одеваться точно так же...»

— Пойдем отсюда. У меня какое-то нехорошее предчувствие.

Это — последняя капля. Целый день он безропотно сносил дурное настроение жены, которая постоянно проверяла, нет ли нового сообщения в ее телефоне. Теперь он всерьез начинает подозревать — творится нечто странное. Появился другой мужчина? Бывший супруг заметил ее в баре и теперь во что бы то ни стало желает добиться встречи? Но если так, отчего бы не сказать все прямо вместо того, чтобы замыкаться в неприязненном молчании?

— Я не верю в предчувствия. И пытаюсь ласково и спокойно объяснить тебе, чего ради устраиваются подобные празднества. Если думаешь вновь заняться бизнесом — ты ведь говорила как-то, что всегда об этом мечтала, если хочешь с успехом покупать и продавать изделия высокой моды, — постарайся вникнуть в мои слова. Кстати, когда я сказал, что вчера ночью видел твоего бывшего мужа в баре, ты ответила, что это невозможно. Ты поэтому ни на миг не выпускаешь из рук свой телефон?!

— Ему здесь нечего делать.

На самом деле Еве хочется сказать: «Я знаю, кто попытался уничтожить твой кинопроект — и преуспел в этом. Я знаю, что он способен еще и не на такое. Постарайся понять, что нам грозит опасность, и уведи меня отсюда».

— Ты не ответила на мой вопрос.

— Отвечаю: да, поэтому. Потому что знаю его, чувствую, что он где-то рядом, и боюсь.

— Я ведь тоже рядом, — с усмешкой отвечает Хамид. Ева берет бокал с шампанским и залпом выпивает.

Он ничего не говорит ей по этому поводу, понимая, что она только того и ждет.

Хамид оглядывается вокруг, стараясь выбросить из головы сообщения, которые недавно од-

но за другим высвечивались на дисплее его телефона. Ищет возможность сфотографироваться с Жасмин, прежде чем всех пригласят в зал, где сервирован ужин и куда не пускают репортеров. Гибель знаменитого киноактера случилась как нельзя более некстати: никто даже не спросил о сенсационном контракте, который он, Хамид, подписал с никому не известной манекенщицей. Еще полчаса назад эта новость была у всех на устах — сейчас до нее никому нет дела.

Он понимает, что хоть и работает столько лет в сфере гламура и роскоши, ему еще многому надо учиться: миллионный контракт моментально забыт, а вот устроитель сегодняшнего вечера сумел подогреть к нему интерес прессы. Ни один из собравшихся здесь журналистов не пошел в полицию или госпиталь, чтобы получить информацию из первых рук. Если бы даже все они не специализировались на моде, редакторы не решились отозвать их отсюда по той простой причине, что убийства не место на страницах, посвященных светской жизни.

Знатоки драгоценностей не суются в хитросплетения мира кино. Искушенные и вдохновенные певцы тусовок знают: сколько бы крови ни лилось в мире в этот самый миг, люди все равно будут отыскивать те фотографии, на которых запечатлен иной мир — идеальный, недостижимый, полный изобилия.

Убийства могут случиться в доме за углом или на соседней улице. Такие ужины, как этот, — только в заоблачных высях. Что больше всего интересует простых смертных?

Вот такие вечера.

О них еще за несколько месяцев пишет пресса, сообщая, что знаменитая ювелирная фирма устраивает в Каннах свой традиционный праздник, приглашения на который уже разосланы. Это не в полной мере соответствует действительности: половина будущих гостей получает нечто вроде меморандума с просьбой загодя подтвердить, будут ли они присутствовать на торжестве.

Те читают газеты, а потому, разумеется, немедленно отвечают и подтверждают. Заказывают билеты на самолет и номер в отеле — платят за двенадцать суток, хотя проживут там не более двух. Они должны показать всем и каждому, что все еще принадлежат к Суперклассу, ибо эта причастность открывает многие двери, облегчает ведение дел и приятно щекочет самолюбие.

Через два месяца приходит настоящее приглашение. Женщины впадают в волнение, не зная, какой туалет лучше всего надеть по такому случаю, мужчины поручают секретаршам обзвонить кое-кого из знакомых и справиться, можно ли будет с ними выпить там в баре шампанского и обсудить до начала ужина некоторые вопросы. Это специфически мужской способ сообщить: «Я-то приглашен. А ты?» И как бы тот ни клялся, что у него дел по горло и едва ли он сумеет выкроить время, чтобы слетать в Канны, подобный ответ расшифровывается так: это всего лишь попытка дать пристойное объяснение тому печальному обстоятельству, что ни предварительного, ни окончательного приглашения имярек еще не получал.

Не пройдет и нескольких минут, как он приведет в действие все свои знакомства и связи, подключит друзей, партнеров, компаньонов — и раздобудет вожаделенный билет.

Итак, вечер.

Нанимается команда профессионалов. Когда приходит назначенный день, отдается распоряжение угощать гостей максимально возможным количеством спиртного, оставляя приоритет за легендарным и не знающим себе равных французским шампанским. Иностранцы едва ли догадаются, что в этом случае будут пить шипучее вино, произведенное у них дома, а оттого стоящее значительно дешевле, нежели им представляется. Женщины — в точности как сейчас Ева — будут уверены, что бокал с золотистой жидкостью как нельзя лучше дополняет их платье, туфли и сумку. Мужчины тоже похаживают с бокалом в руке, но прикладываются к нему гораздо реже — они пришли сюда, чтобы заключить перемирие с конкурентом, наладить или улучшить отношения с поставщиком, найти потенциального клиента, который сможет продвигать их продукцию. Сотни визитных карточек перепархивают из рук в руки на таких вечерах. Разумеется, часть вручается не только настоящим или будущим партнерам, но и красивым женщинам, однако все знают: это зря только бумагу переводить — на такие ужины никто не приходит в надежде повстречать большую и светлую любовь.

А приходят для того, чтобы договориться накоротке с деловым партнером, чтобы поблистать, чтобы немного развлечься. Но развлечение — это так, нечто добавочное, в «базовую комплектацию» не входит.

Люди, собравшиеся в этом отеле сегодня ночью, явились с трех вершин воображаемого треугольника. Одни — это те, кто уже всего достиг, кто проводит время за партией в гольф, на не-

скончаемых обедах, в закрытых клубах, куда допускают только избранных, и у кого достаточно денег, чтобы покупать в магазине все, что понравится, не спрашивая: «Сколько стоит?». Они взобрались на вершину и там вдруг осознали такое, что никогда не приходило им в голову раньше: они не могут жить одни. Общество супруга(и) им невыносимо, они нуждаются в движении, свято веруя, что являют собой нечто совершенно особенное, хотя уже успели убедиться, что, удалившись от дел, столкнулись с той же тяготно унылой повседневностью, что и любой представитель среднего класса — завтрак, газеты, обед, послеобеденная Дрема, ужин, телевизор. Они принимают почти все приглашения. Они бывают на всех мыслимых светских и спортивных мероприятиях, устраиваемых по выходным. Они проводят отпуск на модных курортах (хоть давно уже не работают, но все еще уверены, что существует такое понятие, как отпуск).

Другие — это те, кто еще ничего не добился: эти неистово ворочают веслами, выгребая против течения, пытаются сломить сопротивление победителей, демонстрируют лучезарную уверенность, даже когда навещают в больнице отца или мать, продают то, что им пока еще не принадлежит.

И наконец, вершину треугольника занимает Суперкласс.

Эти три ингредиента — идеальная смесь для подобных вечеров. Те, кто дошел до цели, но продолжает вести нормальную жизнь, сознавая, что время, когда они могли влиять на что-то, истекло безвозвратно, хотя денег у них хватит еще на несколько поколений, — с опозданием понимают, что власть лучше богатства. Те, кто еще в пути и со всей своей пока нерастроченной энергией и воодушевлением стараются веселиться и радоваться жизни, считая, что им в самом деле удалось произвести на окружающих нужное впечатление, — буквально за несколько недель убеждаются, что, сколько ни раздавай визиток, никому они не нужны. И наконец, те, кто балансирует на вершине и кто знает: ветры там дуют такие, что ничего не стоит потерять равновесие и сорваться в бездну.

...Приглашенные продолжают подходить к нему с разговорами: про убийство никто не упоминает: то ли по неосведомленности людей, живущих в мире, где подобного не случается, то ли по деликатности — последнее, впрочем, сомнительно. Хамид оглядывается по сторонам и видит именно то, чего терпеть не может в мире моды — женщин далеко не первой молодости, одетых как двадцатилетние. Как они не понимают, что пришло время поменять стиль? Он ведет беседу с одним, улыбается другому, благодарит за похвалы своей коллекции, знакомит Еву с теми, кого она еще не знает (таких наперечет). Но при этом одна мысль сидит у него в голове — в ближайшие пять минут отыскать Жасмин и сфотографироваться с нею.

Промышленник и его жена в невыносимых подробностях вспоминают, когда же они виделись в последний раз — Хамид эту чету вообще не помнит, но согласно кивает. Говорят о путешествиях, о встречах, о проектах, которые намерены развивать и продвигать. И никто не спросит о чем-то по-настоящему интересном вроде: «Ты — счастлив?» или: «На что же все-таки похоже чувство победы, если она достигнута с таким трудом?». Если ты относишься к Суперклассу, то, ясное дело, обязан вести себя как человек состоявшийся и счастливый, даже если задаешь самому себе вопрос: «Теперь, когда я обрел все, чего желал и о чем мечтал, что мне делать с моим будущим?»

Тощее существо в индийском сари поверх облегающих штанов — будто оживший персонаж комикса — приближается к нему:

— Простите, мсье Хамид, мне очень жаль, но...

— С кем имею честь?

— В данное время я работаю на вас. Чувшь какая-то.

— Я занят. И знаю все, что должен был знать, по поводу прискорбного инцидента сегодня ночью... Так что не затрудняйтесь.

Но странный субъект не уходит. Хамила раздражает его присутствие, тем более что рядом стоящие наверняка слышали эту ужасную фразу: «...Я на вас работаю». Что они могут подумать?

— Мсье Хамид, я должен познакомить вас с актрисой для вашего фильма... Но мне позволили, и пришлось отойти от нее на минуту...

— Попозже. Сейчас я жду Жасмин Тайгер.

Тот наконец удаляется. Хамид с сожалением думает об этой актрисе: бедняжка, утром с ней подписали контракт, вечером — расторгли...

У Евы в одной руке бокал шампанского, в другой — телефон, а между пальцами она умуд-

рывается еще зажать сигарету. Промышленник достает из кармана золотую зажигалку, хочет дать ей прикурить.

— Не беспокойтесь, я могу и сама, — говорит она. — Я специально заняла одна руку, чтобы поменьше курить.

На самом же деле стоило сказать так: «Я не расстанусь с мобильным, чтобы защитить этого идиота рядом. Идиота, который не верит в меня. Который никогда не интересовался моей жизнью и тем, что осталось у меня за плечами. Если придет еще одна эсэмэска, я устрою скандал, и тогда уж ему придется увести меня отсюда, хоть и не хочется. Пусть потом оскорбляет меня, ругается, я по крайней мере буду знать, что спасла ему жизнь. Личность преступника мне известна. Я чувствую: Абсолютное Зло — где-то рядом».

Гостей просят подняться в верхний зал. Хамид Хусейн готов безропотно принять свою судьбу: что ж, фотографии могут подождать до завтра, когда он рука об руку с Жасмин пойдет по ступеням Дворца конгрессов. В этот момент появляется один из его помощников:

— Жасмин Тайгер нигде нет. Должно быть, ушла отсюда.

— Ладно, неважно... Ее, вероятно, забыли предупредить о нашей встрече.

Как всегда в подобных ситуациях он сохраняет невозмутимый вид, хотя кровь его вскипает от ярости. Как она посмела уйти с ужина? Кем она себя возомнила?!

Умереть так легко. Человеческий организм, разумеется, одно из самых совершенных и до мелочей продуманных творений природы, но достаточно, чтобы маленький кусочек свинца, с определенной скоростью проникнув в него, начал наугад рвать и крошить все, что встретится на пути, — и этот великолепный механизм выходит из строя навсегда.

Смерть. Если верить толковому словарю, это — окончание жизни (в свою очередь требующей корректного определения). Прекращение (а не приостановка) таких жизненно важных функций организма, как, например, дыхание, мозговая деятельность, работа сердца. И на протяжении нескольких дней или недель лишь две функции сопротивляются этому процессу — продолжается рост ногтей и волос.

Определение меняется, если обратиться к религии: для одних смерть — это переход в иное, высшее состояние, другие уверяют, что состояние это — временное, и душа, обитавшая прежде в этом теле, когда-нибудь вернется в него, чтобы расплатиться за совершенные грехи или насладиться в следующей жизни той благодатью, в которой ей было отказано во время предыдущего перевоплощения.

Девушка рядом с ним притихла. То ли выпитое шампанское оказало действие, то ли наоборот — хмель выветрился, и она поняла, что никого здесь не знает, что, быть может, ее пригласили сюда в первый и в последний раз, и что грезы иногда превращаются в кошмарные сны. Когда он ушел с ее грустной подругой, подходили другие мужчины, но судя по всему, никто не сумел добиться ее расположения. Увидев его снова, она попросила побыть с нею до конца праздника, спросила, сможет ли он доставить ее домой — денег у нее нет, а новая подруга, как видно, не собирается возвращаться.

— Ну, разумеется, я отвезу тебя. С большим удовольствием.

Это совсем не входило в его планы, но после появления полицейского, внимательно разглядывающего толпу гостей, он понимает — обязательно надо найти себе пару, стать одним из множества никому не ведомых, но, без сомнения, значительных лиц, горделиво прогуливающих в сопровождении своих хорошеньких и юных спутниц — это вполне в духе и в стиле подобных вечеринок.

— Нам не пора, как вам кажется?

— Пора. Но я хорошо знаю такие ужины, так что лучше выждать еще немного, пока все не рассядутся. По крайней мере за тремя-четырьмя столами места зарезервированы, а нам совершенно ни к чему попадать в неловкое положение.

Он замечает, что девушка слегка разочарована тем, что ему не оставлено место, но ей остается лишь смириться.

Официанты собирают по всему саду пустые бокалы и стаканы. Модели уже спустились с нелепых подмостков, на которых танцевали, демонстрируя мужчинам, что на этом свете имеется еще кое-что, заслуживающее внимания, а женщинам напоминая, что те нуждаются в безотлагательной липосакции, закачке в соответствующие части тела ботокса и силикона и услугах пласти-

ческого хирурга.

— Пожалуйста, пойдем. Мне надо чего-нибудь съесть... А то станет дурно.

Она берет его за руку, и они направляются в зал этажом выше. Судя по всему, Ева получила послание и отвергла его, но теперь он знает, что должен дождаться появления человека, растленностью натуры не уступающего его бывшей жене. Ангел в лице девочки-португалки по-прежнему — рядом, это он заставил его вовремя обернуться и заметить полицейского в штатском, причем именно в тот момент, когда он должен был отвлечься на появление знаменитого модельера.

— Ну, хорошо, идем.

Они поднимаются по ступеням, идут к залу. Уже на пороге он мягко просит ее выпустить его руку — его друзья, сидящие за столами, могут неправильно это истолковать.

— Ты что, женат?

— Разведен.

Да, Хамид не ошибся, интуиция его не подвела, предчувствие не обмануло: все неприятности сегодняшнего вечера померкли перед тем, что сейчас предстало его глазам. Поскольку человеку, которого он увидел только что, совершенно нечего делать на кинофестивале, то, значит, есть лишь одна причина его появления здесь.

— Игорь!

Вошедший в зал мужчина оборачивается. Сердце у Евы начинает колотиться:

— Что ты делаешь?

Но Хамид, даже не извинившись, уже поднялся со своего места. Нет, он не знает, что делает, направляясь к воплощению Абсолютного Зла, способного на все — на все что угодно. Он, вероятно, думает, что перед ним — просто человек, взрослый мужчина, с которым можно совладать — физической силой или логичными аргументами. И не подозревает, что у Абсолютного Зла — душа ребенка, не признающего ни малейшей ответственности за свои действия, непреложно уверенного в своей правоте. Не получив того, чего хочет, он без колебаний пустит в ход любые средства, чтобы удовлетворить свои желания. Теперь ей понятно, почему ангел с такой немислимой быстротой превратился в демона: потому, что из души Игоря, сколько бы тот ни твердил, что повзрослел и сумел избыть эти чувства, исцелить моральные травмы, так никогда и не исчезли ни злоба, ни жажда мести. Потому, что, захотев продемонстрировать свою способность стать победителем в этой жизни, стал лучшим из лучших, а возомнил себя — всемогущим. Потому, что он, сумевший выжить в тяжелейших испытаниях, прошедший через них и ни разу не оглянувшийся, начертавший в своем сердце слова: «Когда-нибудь я вернусь. И покажу вам всем, на что способен», — он отступать не умеет.

— Вероятно, нашелся магнит попристягательнее, — язвительно замечает соседка Хамида, бывшая «мисс Европа», тоже сидящая за главным столом вместе с двумя суперзвездами и хозяином.

Ева пытается сгладить неловкость, но не представляет, как это можно сделать. Хозяин, которого все это, похоже, забавляет, ждет, что же будет дальше.

— Простите... Это мой давний друг.

Хамид направляется к вошедшему, который как будто впал в легкое замешательство. Стоящая рядом с ним девушка кричит:

— Господин Хамид Хусейн, я здесь, я здесь!! Это я — ваша новая актриса!

Люди из-за других столов оборачиваются узнать, что происходит. Хозяин довольно улыбается: всегда хорошо, когда случается что-нибудь незапланированное — гостям будет потом о чем поговорить... Но увидев, что Хамид остановился перед вошедшим, понимает: тут что-то не так, и обращается к Еве:

— Может быть, лучше вернуть вашего супруга? Или, если хотите, я распоряжусь подать еще один стул и прибор для вашего друга? Но его спутнице все равно придется сесть за другой стол.

Гости уже потеряли к этому интерес и вновь занялись едой и разговорами о своих яхтах, самолетах, биржевых котировках. Один лишь хозяин по-прежнему настроже.

— Поговорите с ним, — настойчиво просит он.

Но ему только кажется, что Ева здесь. На самом деле она вдруг оказалась за много тысяч километров отсюда, в Иркутске, в ресторане на берегу Байкала. Правда, там все было немного иначе — Игорь вывел бродягу наружу.

Сделав над собой невероятное усилие, она встает и подходит к ним.

— Сядь на место, — вполголоса бросает ей Хамид. — А мы выйдем и поговорим.

Ничего глупее этого в подобных обстоятельствах и сделать нельзя. Ева хватается за руку, делая вид, что страшно рада встрече со старым другом, которого так давно не видела, и со смехом — не вполне естественным — восклицает как ни в чем не бывало:

— Так ведь ужин начинается!

Она не добавляет: «Любовь моя!» — чтобы слова эти не распахнули врата ада.

— Она права. Лучше поговорим прямо здесь.

Неужели это произнес он? Неужели она просто навывдумывала, и все совсем не так, как ей казалось: ребенок наконец вырос и превратился в мужчину, умеющего отвечать за свои поступки? Низвергнутый с небес Демон получил прощение и сейчас возвращается к свету?

Она бы рада была ошибиться, но двое мужчин меряют друг друга взглядами. Хамид прочел что-то недоброе в глубине этих голубых глаз и почувствовал озноб. Девушка протягивает ему руку:

— Рада познакомиться. Меня зовут Габриэла... Хамид не отвечает. Глаза ее спутника блещут.

— Вон там, в углу, есть свободный стол... Пойдемте, сядем там все вместе... — говорит Ева.

Стол в углу? Его жена покинет почетное место и сядет где-то на отшибе? Но Ева в эту минуту уже подхватывает обоих мужчин под руки и увлекает их к единственному свободному столику неподалеку от двери на кухню. Актриса идет следом. Хамид, высвободившись, возвращается к хозяину, просит извинения:

— Я только что встретил друга детства... завтра он уже уезжает... не могу упустить возможности поговорить с ним... Пожалуйста, не ждите нас, не знаю, как долю мы будем...

— Ваши места никто не займет, — с улыбкой отвечает хозяин, предугадывая наперед, что два стула так до конца ужина и останутся незанятыми.

— А мне-то сначала показалось, что это друг детства не ваш, а вашей жены, — подпускает новую шпильку экс-«мисс Европа».

Но Хамид уже шагает к столу самого последнему разбора, предназначенному для помощников, которые сопровождают знаменитостей повсюду и, как ни старайся, проникают за ними даже туда, где им быть вовсе и не следует.

«Добрая душа этот Хамид, — думает тем временем хозяин, глядя, как знаменитый модельер с гордо поднятой головой удаляется от него. — Такое начало вечера, надо полагать, далось ему нелегко».

Они присаживаются за столик в углу. Габриэла понимает, что это — уникальный шанс: еще один из уникальных шансов, выпавших ей сегодня. Говорит, что ей было лестно получить это приглашение, что сделает все возможное и невозможное, чтобы оправдать ожидания и не подвести.

— Я доверяю вам всецело. И контракт подписала, не читая.

Трое остальных не произносят ни слова, только смотрят. Что-нибудь не так? Или это даст себя знать шампанское? Лучше продолжать:

— И особенно я довольна потому, что вопреки всему, чего здесь наслушалась, вы организовали отбор правильно и по совести. И никаких просьб, никаких одолжений. Утром были пробы, и я не успела даже дочитать свой текст до конца, как меня прервали. И велели отправляться на яхту на переговоры с режиссером. Вы подали замечательный пример всему артистическому миру, мистер Хусейн! Достоинство истинного профессионала. Сугубая, щепетильная честность при отборе того, с кем собираешься работать. Люди уверены, что в мире кино царят совсем иные законы, что если хочешь пробиться, обязательно должна...

«...переспать с продюсером», — хочет было договорить она, но успевает вовремя прикусить язык: Хамид здесь не один.

Меж тем появляется гарсон и заученно произносит монолог:

— В качестве *entree* рекомендую сердцевинки артишоков в соусе из дижонской горчицы, припущенные в оливковом масле с травами и ломтиками козьего сыра с Пиренеев...

Но внимает ему с улыбкой на лице только самая юная за этим столом девушка. Гарсон, поняв, что выступил не ко времени, скрывается.

— Вероятно, это ужасно вкусно!

Габриэла оглядывает своих соседей — никто из них даже не прикоснулся к еде. Что-то здесь не так...

— Вам, кажется, надо поговорить, да? Может, я лучше пересяду?...

— Пожалуй, — отвечает Хамид.

— Нет, останьтесь, — говорит его жена. Так что же ей делать?

— Вам нравится ваш спутник? — продолжает жена.

— Мы с Понтером только что познакомились.

С Понтером? И Ева, и Хамид глядят на непроницаемого Игоря.

— И чем же он занимается?

— Так вы же с ним друзья?!

— Вот именно. И мы-то знаем, чем он занимается. Мы не знаем, много ли известно вам.

Габриэла поворачивается к Игорю. Почему он не придет ей на выручку?

Возникший у стола официант осведомляется, какое вино подать.

— Белое или красное?

Как вовремя пришло спасение от неизвестного официанта!

— Красное для всех, — отвечает Хамид. — И все же: чем занимается ваш новый знакомый?

Нет, не спаслась.

— Тяжелым машиностроением, насколько я смогла понять... На самом деле мы успели перебраться лишь несколькими словами. И общее между нами лишь то, что мы оба ждали друзей, а те не пришли...

Хороший ответ, думает про себя Габриэла. А, может быть, у этой дамы был тайный роман с Понтером? А сегодня вечером тайное стало явным — и поэтому в воздухе висит такое напряжение?

— Его зовут Игорь. В России он владеет одной из крупнейших компаний сотовой связи. Это в тысячу раз важнее тяжелого машиностроения.

«Зачем же он мне наврал?» — думает Габриэла, стараясь сохранять спокойствие.

— Я ожидала встретить тебя здесь, Игорь, — продолжает дама.

— Я приехал, чтобы разыскать тебя, но сейчас передумал, — следует прямой ответ.

Габриэла, дотронувшись до своей сумочки, набитой бумагой, изображает удивление:

— Ой, мне звонят! Это, должно быть, все-таки пришел мой запоздавший друг... Пойду ему навстречу. Мне очень неловко, но он прилетел издалека, только чтобы увидеться со мной, никого здесь не знает... Я чувствую ответственность за него. Простите еще раз.

И поднимается из-за стола. Правила хорошего тона предписывают не подавать руку человеку, если он занят едой, — хотя никто из присутствующих даже не развернул салфетку. Однако бокалы с красным вином уже пусты.

А человек, называвший себя Понтером, две минуты назад попросил подать целую бутылку.

— Надеюсь, ты получила все мои сообщения, — говорит Игорь.

— Их было три. Тут, очевидно, связь хуже, чем та, которую развиваешь ты.

— Я говорю не про телефон.

— Тогда я не понимаю, о чем ты, — отвечает Ева, а про себя добавляет:

«Прекрасно понимаю».

Как будто Игорь может знать, что, выйдя замуж за Хамида, она весь первый год ждала звонка, или сообщения, или весточки, переданной через общих знакомых, — о том, что он скучает, что ему ее не хватает. Она не хотела, чтобы он был рядом, но знала: ранить его — значит совершить опаснейшее безрассудство. Надо по крайней мере притупить его ярость, притвориться, что по прошествии известного времени они будут просто добрыми друзьями. Однажды, выпив немного, она решила позвонить ему, но оказалось, что он изменил номер своего мобильного. Когда она связалась с его офисом, секретарша ответила: «У него совещание». Сколько бы она ни звонила впоследствии — всякий раз опрокинув рюмку для храбрости — ей говорили: «Он в отъезде», «Он свяжется с вами позже». Ничего подобного, разумеется, не происходило.

И постепенно ей стала мерещиться всякая чертовщина — виделись какие-то притаившиеся в углах призраки, казалось, что за нею кто-то неотступно следит, что очень скоро ее самое постигнет судьба того байкальского бродяги и всех других, кому Игорь «помог перейти в лучшее состояние». А Хамид ничего не спрашивал о ее прошлом, рассуждая, вероятно, так, что у каждого

человека есть право хранить в полнейшей неприкосновенности в глубинах памяти обстоятельства своей личной жизни. Он делал все, что мог, чтобы Ева была счастлива, повторял, что в ту минуту, когда повстречал ее, жизнь обрела смысл, и всячески старался показать, что надежно оберегает и охраняет ее.

Но однажды в дверь их лондонского дома позвонило Абсолютное Зло. Хамид, случившийся в этот день дома, выставил его вон. Но в последующие несколько месяцев ничего не произошло.

Постепенно она научилась обманывать себя. Да, она сделала верный выбор, твердила себе Ева, а в тот самый миг, когда мы вступаем на избранную нами стезю, все прочие дороги исчезают. И было бы непростительным ребячеством считать, что можно быть женой одного и подругой другого — такое бывает лишь в тех случаях, когда этот другой обладает завидным душевным равновесием. Игорь чем-то таким похвастать никак не мог. Лучше уж считать, что некая невидимая рука спасла ее от Абсолютного Зла. В ней достаточно женской сущности, чтобы заставить мужчину, оказавшегося рядом, зависеть от нее. Ева старалась помогать Хамиду всем, чем могла, став для него любовницей, женой, сестрой, советчицей.

Всю свою энергию она отдавала новому спутнику жизни. И за все это время у нее была только одна настоящая подруга, которая неизвестно откуда взялась и неведомо куда пропала. Тоже русская, но, в отличие от Евы, не она оставила мужа, а он — ее. И она оказалась в Англии, не зная, в сущности, что делать. Ева целыми днями вела с ней беседы.

«Я все бросила, — говорила она. — И не раскаиваюсь в своем решении. И поступила бы точно так же, даже если бы Хамид — кстати, помимо моей воли, — не купил бы на мое имя маленькое имение в Испании. Я поступила бы точно так же, даже если бы Игорь, мой бывший муж, предложил мне половину своего состояния. Да, я сделала бы это, потому что знаю — отныне могу ничего больше не бояться. Если один из самых привлекательных мужчин на свете хочет быть со мной, значит, я лучше, чем кажусь самой себе».

Все это ложь. И убедить она пыталась не свою новоявленную наперсницу, а самое себя. И разыгрывала фарс. В обликий уверенной и сильной женщины, которая сидит за столом с двумя весьма могущественными и преуспевающими мужчинами, таится девочка, которую гнетет страх остаться одной, в бедности и никогда не познать радость материнства. Трудно ли будет ей расстаться с этим гламурным миром? Нет. Она всегда старалась быть готова к тому, чтобы потерять все, когда завтра выяснится, что она — хуже, чем думала, и обманывает ожидания других людей.

Умеет ли она манипулировать людьми? Да. Недаром же все убеждены, что она — сильная и уверенная в себе, что она хозяйка собственной судьбы и в любую минуту готова бросить любого мужчину, как бы ни был он успешен и притягателен. И самое скверное то, что сами мужчины верят этому. Как Игорь. Как Хамид.

Это потому, что она умеет играть. Потому что никогда не говорит то, что думает. Потому что сумела стать первоклассной актрисой и как никто другой научилась скрывать свою слабость, свою уязвимость.

— Чего ты хочешь? — спрашивает он по-русски.

— Еще вина.

Его голос звучит так, словно особого значения ответу он не придает, ибо уже сказал, чего он хочет.

— Перед тем как ты ушла, я кое-что сказал тебе. Надеюсь, ты это забыла.

Да он много чего говорил ей: «Обещаю тебе, что стану другим и буду меньше работать», или: «Ты — женщина моей жизни», или: «Если бросишь меня, я погиб», — фразы, которые слышат все, зная, что они напрочь лишены смысла.

— Я сказал тебе тогда: «Если ты уйдешь от меня, я уничтожу мир».

Она не помнит этих слов, но знает, что это вполне возможно. Игорь никогда не умел проигрывать.

— И что это значит? — осведомляется она по-русски.

— Нельзя ли хотя бы из вежливости говорить по-английски? — перебивает Хамид.

Игорь окидывает его пристальным взглядом.

— Хорошо, я буду говорить по-английски. Но не из вежливости, а для того, чтобы вы поняли. — И снова обернувшись к Еве, продолжает: — Да, я сказал тогда, что разрушу мир, чтобы заставить тебя вернуться. И я уже начал делать это, но был спасен явившимся мне ангелом. Я понял

— ты не достойна этого. Ты — себялюбивое, безжалостное существо, которое интересуют только слава, только деньги — чем больше, тем лучше. Ты отвергла все то хорошее, что я мог предложить тебе, ибо рассудила, что дом в российском захолустье не вяжется с той жизнью, о которой ты мечтаешь, с тем миром, к которому не принадлежишь и никогда принадлежать не будешь.

Я пожертвовал ради тебя и самим собой, и другими людьми, но больше так продолжаться не может. Я должен идти до конца, чтобы суметь вернуться в мир живых людей с осознанием исполненного долга, а вернее — выполненной миссии. А вот сейчас я говорю с тобой из мира мертвых.

«Из глаз этого человека смотрит Абсолютное Зло», — думает Хамид, слушая этот абсурдный, прерываемый долгими паузами разговор. Что ж, тем лучше: пусть все идет своим чередом до самого конца, лишь бы только конец этот не привел к потере его возлюбленной. Совсем хорошо, что бывший муж, появившийся здесь в сопровождении этой вульгарной особы, оскорбляет Еву прямо в лицо. Пусть это продлится еще немного — он сумеет оборвать разговор в нужный момент: когда Игорь уже не сможет попросить прощения и попытаться заверить их, что раскаивается в сказанном.

Ева, по всей видимости, заметила то же самое — эту слепую ненависть, направленную на все и вызванную лишь тем, что она не захотела и дальше исполнять его желания. Он спрашивает себя, а что бы он делал на месте Игоря, который вновь вступил в борьбу за любимую женщину.

Был бы он способен убить ради нее?

Появившийся гарсон замечает, что блюдо не тронуто:

— Что-нибудь не так?

Никто не отвечает. Гарсон мгновенно оценивает ситуацию: женщина уехала в Канны с любовником, муж все узнал, и теперь происходит выяснение отношений. Подобные сцены он видит довольно часто, и всякий раз дело кончается дракой или скандалом.

— Подайте еще бутылку, — говорит ему один из мужчин.

— Ты не заслуживаешь равным счетом ничего, — говорит другой, обращаясь к женщине. — Ты использовала меня так же, как сейчас используешь этого идиота. Ты — величайшая ошибка моей жизни.

Гарсон, прежде чем принести вино, решает проконсультироваться с хозяином, но второй мужчина уже поднялся и говорит своей спутнице:

— Ну, хватит. Пойдем отсюда.

— Да, — отвечает первый, — давай выйдем. Хочу знать, на что решится человек, который не знает, что такое честь и собственное достоинство.

Самцы готовы сцепиться из-за самки. А та пытается успокоить их, просит вернуться за стол, но муж, судя по всему, не намерен отступать. Гарсон думает, не предупредить ли охрану, что снаружи сейчас начнется мордобой, однако мэтр торопит: «Пошевеливайся, чего застыл как истукан? Обслуживай другие столики, видишь — не справляемся».

Да, он прав: то, что происходит снаружи, его не касается. А если он признается, что слушал разговор гостей, ему сильно влетит.

Потому что платят ему, чтобы столики обслуживал, а не мир спасал.

Все трое проходят через сад, где подавали аперитивы, сейчас почти неузнаваемо преобразенный: когда гости спустятся, они обнаружат танцпол со специальными светильниками, расставленные там и сям кресла и по углам — множество маленьких баров с бесплатной выпивкой.

Игорь, не говоря ни слова, идет первым. За ним, так же молча, следует Ева, а Хамид замыкает шествие. Выход на лестницу, выводящую на пляж, закрыт маленькой железной дверью, открыть которую не составляет труда. Игорь хочет пропустить супругов вперед, Ева отказывается. Русский, не выказывая замешательства, начинает долгий спуск по бесчисленным ступеням, идущим к морю, которое рокошет где-то далеко внизу. Он знает: Хамид не струсит. До той минуты, пока они не встретились на этом ужине, тот представлялся ему бессовестным и циничным кутюрье, способным обольстить замужнюю женщину и умело играть на чужой суетности. Но сейчас он почти восхищается им. Да, это настоящий мужчина, который пойдет до конца ради того, что считает важным, хотя Игорь понимает: у Евы нет и тысячной доли таланта той актрисы, что была с ними. Она совсем не умеет играть, и он чувствует, как испарина страха проступает на ее теле. И

знает: она лихорадочно обдумывает сейчас, как и кого позвать на помощь.

Но вот и пляж. Игорь проходит в дальний конец, опускается на песок. Просит их сделать то же. Он знает: как ни силен страх Евы, ее не оставляют и другие мысли: «Платье изомнется, туфли испачкаются». Но она покорно садится рядом. Хамид просит чуть подвинуться, освободить место ему. Ева будто не слышит.

Он не настаивает. И вот все трое, словно старые добрые друзья, вышедшие к морю поглядеть на новорожденный месяц, найти миг мира и покоя, сидят здесь, будто набираясь сил перед тем, как вновь подняться в грохочущий ад дискотеки.

Хамид обещает себе: десять минут, не больше, — срок достаточный для того, чтобы русский успел высказать все, что накопело, облегчить душу, излить гнев — и уйти туда, откуда пришел. Если же ползет драться, дело его плохо — Хамид крепче и, вероятно, сильнее физически, а кроме того, бедуины еще в детстве обучили его стремительно и точно реагировать на любую угрозу. Он не захотел устраивать стычку за ужином, но русский может не обольщаться — Хамид готов ко всему.

Потом, когда поднимутся в зал, он извинится перед хозяином, объяснит, что инцидент исчерпан, благо может быть с ним откровенен: скажет, что появился без предупреждения бывший муж Евы, и пришлось вывести его, пока не натворил чего-нибудь. Если к этому моменту русский не уйдет, он позовет одного из своих охранников и прикажет удалить отсюда — даже если ты богат и владеешь крупнейшей компанией сотовой связи, вести себя надо как подобает.

— Ты предавала меня. Не только два года, которые провела с этим человеком... Ты предавала меня все то время, что мы были вместе.

Ева не отвечает.

— Что ты готов сделать, чтобы остаться с этой женщиной?

Хамид раздумывает, надо ли ему отвечать на этот вопрос: Ева — не товар, торговаться за нее он не станет.

— Поставь вопрос иначе.

— Прекрасно. Ты отдашь за нее жизнь?

Глаза этого человека источают чистейшее зло. Если даже русский успел прихватить из ресторана нож (Хамид не обратил на это внимания, хотя обязан был предусмотреть все варианты), его легко можно будет обезоружить... Нет, он не отдаст жизнь ни за кого, кроме Аллаха и вождя своего племени. Однако надо что-то сказать.

— Я буду драться за нее. И думаю, что в самом крайнем случае смогу и умереть за нее.

Ева, не выдерживая больше напряжения, хочет высказать все, что знает о человеке, находящемся сейчас справа от нее. Она уверена: он уже совершил преступление, уже покончил с мечтой, которую ее новый избранник вынашивал столько лет.

— Давай вернемся.

Это значит: «Пожалуйста, послушай меня — надо немедленно уйти отсюда. Ты разговариваешь с душевнобольным».

Игорь словно и не слышит:

— Ты сказал, что готов убить ради нее. Значит, готов и сам умереть?

— Если бы я вступил в бой и проиграл, то, наверное, да.

— Пойдем, пойдем... — просит Ева.

Но самолюбие Хамида задето — он не может покинуть поле боя как трус. Начинается древний как мир ритуал брачной игры-схватки, где решается, кому владеть самкой.

— С тех пор как ты ушла, я никогда уже не был таким, как прежде, — говорит Игорь так, словно он тут на пляже один. — Мой бизнес процветал. Днем мне удавалось сохранять самообладание, но по ночам наваливалось беспросветное отчаяние. Я утратил какую-то частицу самого себя и не смог восстановить ее. А думал, что, приехав в Канны, — смогу. Но теперь, здесь и сейчас, ясно вижу — нет, ни воскресить, ни заменить нельзя. Я никогда не вернусь к тебе, даже если будешь валяться у меня в ногах, вымаливая прощение и грозя самоубийством.

Ева переводит дух. По крайней мере обойдется без драки.

— Ты не понимала моих сообщений. Я говорил, что способен уничтожить мир, а ты не видела этого. А если видела, то не верила. А что это такое — «уничтожить мир»?

Сунув руку в карман, он вынимает оттуда маленький пистолет. Но не наводит его ни на кого, продолжая смотреть на море, на месяц. Хамид чувствует, что кровь быстрее струится в жилах — либо этот человек задумал напугать и унижить их, либо сейчас начнется смертельная схватка. Здесь? Прямо на этом гала-вечере? Зная, что его схватят, как только он поднимется в отель? Не может же он быть до такой степени безумным — иначе не достиг бы того, что достиг.

Ну, хватит абстракций. Хамид — тренированный и обученный боец, умеющий защищаться и нападать. И понимает, что надо стоять совершенно неподвижно, потому что тот, другой, хоть и не смотрит на него, чутко фиксирует малейшее движение.

Но глаза его отмечают: на пляже никого нет. Сверху доносятся первые звуки музыки: оркестр настраивает инструменты, готовясь к безудержному веселью на всю ночь. Хамид ни о чем не думает — его учили действовать инстинктивно, отключив сознание.

Между ним и русским, оцепенев при виде оружия, сидит Ева. И ничего сделать нельзя, потому что если дернешься — он выстрелит, а она — на линии огня.

Но может быть, его первое предположение было верным? И русский хочет лишь напугать их? Выставить его трусом. Опозорить. Если бы и вправду собирался стрелять, едва ли держал бы пистолет так небрежно и расслабленно. Надо завести с ним разговор, отвлекая его и одновременно отыскивая выход из положения...

— Как это — «уничтожить мир»? — спрашивает Хамид.

— Для этого надо оборвать одну-единственную жизнь. И вселенная кончится. Перестанет существовать все, что видел этот человек, все, что ощущал и чувствовал, исчезнет все то доброе и злое, что пересекало его путь, сгинут все мечты, надежды, победы и поражения. И вообще все. В детстве мы заучивали в школе отрывок текста, и я лишь потом узнал, кто его автор: «Когда море, что раскинулось перед нами, унесет в свои пучины хоть одну малую песчинку, мы этого, разумеется, не заметим, ибо это всего лишь песчинка, но европейский континент станет меньше...»

Он замолкает на миг. Доносящийся сверху шум начинает раздражать его — тихий рокот волн внес было умиротворение в его душу, готовую насладиться этой минутой так, как она того заслуживает. Густобровый ангел наблюдает за всем этим и доволен тем, что видит.

— Мы учили это наизусть, чтобы понять: мы ответственны за идеальное, иначе говоря, коммунистическое общество, — продолжает Игорь. — Где все люди братья.

На самом же деле один присматривал за другим, следил за ним и доносил на него.

Им вновь овладевает раздумчивое спокойствие.

— Я плохо слышу тебя, — говорит Хамид, понимая, что это может послужить предлогом шевельнуться.

— Да нет, тебе все отлично слышно. Разумеется, ты знаешь, что у меня в руке пистолет, и хочешь придвинуться поближе и попробовать отнять его... И сейчас пытаешься просто отвлечь меня, пока думаешь, как выйти из положения. Будь добр, не шевелись. Момент еще не пришел.

— Игорь, давай забудем все, — произносит Ева по-русски. — Я люблю тебя. Я готова уйти с тобой.

— Говори по-английски. Твой муж должен все понимать.

Да, он все поймет. И когда-нибудь скажет ему за это «спасибо».

— Я люблю тебя, — послушно повторяет она по-английски. — Я не получала твоих сообщений, иначе бегом прибежала бы к тебе. Я несколько раз пыталась дозвониться тебе, но — тщетно. Просила, чтобы твоя секретарша попросила перезвонить мне, но ты не звонил...

— Нет.

— А с тех пор как сегодня утром стали приходиться от тебя эзмэски, не могла дождаться часа нашей встречи. Я понятия не имела, где ты, но знала: ты меня найдешь. Знаю — ты не простишь меня, но по крайней мере позволь мне жить рядом с тобой. Я стану твоей служанкой, твоей нянькой и кухаркой, я буду заботиться о тебе и о твоей любовнице, если ты решишь завести такую. Позволь мне быть рядом — больше мне ничего не надо.

...Хамиду она все объяснит потом... Сейчас надо говорить что-нибудь — все равно что, чтобы можно было уйти отсюда, подняться в реальный мир, где есть полиция, способная стать на пути Абсолютного Зла и не дать ему снова показать свою ненависть.

— Что ж, превосходно. Мне хотелось бы верить в это. Вернее сказать — верить, что и я тебя люблю и хочу, чтобы ты вернулась. Но это не так. Я думаю, ты снова лжешь, как лгала всю жизнь.

Хамид уже не прислушивается к их разговору: мысли его далеко — он обращается к своим

предкам-воинам, прося у них вдохновения и отваги для верного удара.

— Ты могла бы сказать мне, что наш брак был не таким, как мы надеялись. Мы столько создали вместе — неужели невозможно было отыскать решение? Всегда есть способ впустить в свой дом счастье, но для этого нужно, чтобы оба супруга отдавали себе отчет в том, что есть какое-то неблагополучие. Я выслушал бы все, что ты захотела мне сказать, наш брак обрел бы радость и жар тех дней, когда мы только встретились. Но ты этого не захотела. Ты предпочла самый простой выход.

— Я всегда боялась тебя. А сейчас, когда ты с пистолетом в руке, боюсь еще больше.

От этих слов Хамид возвращается к действительности: душа его больше не парит в заоблачных высях, испрашивая совета у воинов пустыни, как ему поступить.

Она не должна была говорить этого. Зачем давать потачку врагу? Зачем обнаруживать перед ним свою слабость? Зачем показывать, что он способен внушать страх?

— Я так хотела бы однажды поужинать с тобой, — продолжает Ева. — Сказать, как одиноко мне, несмотря на все эти вечера, банкеты, драгоценности, встречи с королями и президентами. И знаешь еще что?... Ты всегда привозил мне дорогие подарки, но ни разу не преподнес самого простого — букетика цветов.

Это становится похоже на семейную сцену.

— Поговорите, а я, пожалуй, пойду.

Игорь ничего не отвечает, но не отрывая глаз от моря, наводит на Хамида ствол, молча приказывая не двигаться. Да он настоящий сумасшедший: это спокойствие опаснее яростных криков и неистовых угроз.

— Да, — продолжает русский, словно не слыша последней реплики. — Ты предпочла самый простой выход. Бросить меня. Ты не оставила мне никаких шансов, ты не поняла: все, что я делал, я делал из-за тебя, ради тебя и во имя тебя.

Но все равно — несмотря на все эти унижения и несправедливости, я согласился бы на все, лишь бы вернуть тебя. До сегодняшнего дня. До того часа, когда начал посылать тебе сообщения, а ты — делать вид, будто ничего не получаешь. Иными словами, даже гибелью тех, кого я приносил тебе в жертву, я не смог тронуть тебя и унять твою жажду власти и роскоши.

Отравленный киноактер, режиссер, находящийся между жизнью и смертью... — неужели он, Хамид, начинает понимать то, перед чем воображение должно бы отказываться? Он осознает и еще кое-что, гораздо более серьезное: этот русский, изливая перед ними душу, подписывает смертный приговор... Кому? Он либо покончит с собой, либо убьет их обоих, знающих теперь слишком много.

Быть может, он просто бредит? Быть может, Хамид неправильно толкует его слова? Но так или иначе — время уходит.

Он смотрит на пистолет, зажатый в руке Игоря. Малый калибр. Если пуля не попадет в ту или иную определенную точку, особого вреда не причинит. Вероятно, русский не слишком опытен в обращении с оружием, иначе выбрал бы что-нибудь более смертоносное. Купил, надо думать, первое, что предложили, сказав, что оно стреляет и может убивать.

Но почему там, наверху, опять загрохотала музыка? Неужели не понимают, что она заглушит звук выстрела? И разве заметят они разницу между этим грохотом и другим — одним из многих неестественных шумов, которые отравляют — да, вот именно, отравляют, заражают, загрязняют пространство.

...Он снова застыл в неподвижности, и это куда опаснее, чем если бы он продолжал говорить, мало-помалу изливая горечь и ненависть. Хамид снова взвешивает шансы, понимая, что действовать придется в ближайшие несколько секунд. Броситься между ним и Евой и вырвать пистолет, пока русский в нее не целится, хотя ствол и направлен ей в грудь, а палец — на спусковом крючке? Резко выбросить руки вперед — тот отпрянет от неожиданности, и Ева выйдет с линии огня? Он вскинет оружие, переводя его на Хамида, но тот будет уже вплотную к нему и сможет выкрутить кисть. Все произойдет мгновенно.

И именно в это мгновение.

Может быть, это молчание сулит надежду — русский задумался, рассосредоточился? Или это начало конца — он уже сказал все, что собирался?

Вот сейчас.

В первую долю секунды мускулы его левого бедра, предельно напрягшись, бросают его со всей стремительностью и силой в сторону Абсолютного Зла, и поверхность его тела ужимается, когда он, вытянув вперед руки, закрывает собой Еву. Секунда эта все длится, и Хамид видит ствол пистолета, наведенный прямо в лоб — русский двигается проворнее, чем он ожидал.

Его тело продолжает полет. Надо было, вероятно, поговорить с Евой раньше — она никогда особенно не распространялась о своем бывшем муже, как бы негласно условившись с ним о том, что тот принадлежит прошлому, которое ни при каких обстоятельствах не хотелось бы воскрешать... Все происходит будто при замедленной съемке, и русский с кошачьим проворством отступает. Пистолет в руке не дрожит.

Первая секунда истекла. Хамид видит, как сдвинулся палец, нажимая спусковой крючок, но ничего не слышит, а только чувствует, как под страшным давлением раздвигаются кости в самой середине его лба. И в тот же миг гаснет его вселенная, а вместе с ней — память о юноше, мечтавшем добиться успеха, о приезде в Париж, об отцовской лавке, о шейхе, о борьбе за место под солнцем, о дефиле и показах, о встрече с любимой, о счастье, об улыбках и слезах, о вине и розах, о последнем восходе луны, о взгляде Абсолютного Зла, об испуганных глазах жены. Все исчезает.

— Не кричи! Ни звука! Успокойся.

Разумеется, она не станет кричать, но и ни к чему просить ее успокоиться. Она объята животным ужасом — она и сама, несмотря на дорогое платье и драгоценности, стала насмерть перепуганным животным. Кровь будто застыла в жилах, лицо бледнеет, голос пропал, артериальное давление резко падает. Он точно знает, что она испытывает сейчас — когда-то и ему самому, оказавшемуся под прицелом афганской винтовки, пришлось пережить те же чувства. Человек впадает в ступор и не способен шевельнуть ни рукой, ни ногой. Он уцелел тогда потому, что товарищ успел выстрелить первым. Он на всю жизнь сохранил благодарность однополчанину, спасшему ему жизнь: потом все считали этого парня всего лишь его личным водителем, тогда как они были по-настоящему близки, часто разговаривали — и не далее как сегодня во второй половине дня Игорь звонил ему, справляясь, нет ли вестей от Евы.

Ева, бедная Ева. Нелегко, когда рядом с тобой погибает человек. Люди — они такие: совершенно непредсказуемые существа, вот зачем он полез, не имея никаких шансов справиться с ним?... И как поведет себя оружие, тоже никогда не узнаешь наперед — он-то думал, что пуля пройдет навывлет, расколов черепную коробку, но она, пущенная под этим углом, вероятно, пронизала мозг, наткнулась на неподатливую кость и ушла в грудную клетку. Об этом можно судить по тому, что крови почти нет, а Хамид продолжает биться в конвульсиях.

Должно быть, это они, а не выстрел так перепугали Еву. Он ухватывает тело за ноги, тянет на себя, высвобождая женщину, и стреляет Хамиду в затылок. Судороги стихают. Что ж, этот человек был отважен до конца и потому заслуживает достойной смерти.

И вот они остаются на пляже вдвоем. Игорь, став на колени, прижимает ствол к ее груди. Ева неподвижна.

Он-то думал, что у всей этой истории будет иной финал: она понимает смысл его сообщений и дает ему новый шанс на счастье. Он столько раз представлял себе, что скажет ей, когда — вот как сейчас — они останутся вдвоем, глядя на безмятежную ширь Средиземноморья, как будут улыбаться и разговаривать.

И что эти слова, хоть и вполне бесполезные, не застрянут у него в горле.

— Я всегда воображал, как, взявшись за руки, мы снова будем гулять по парку или по берегу моря, и наконец скажем друг другу слова любви, которые были отложены так надолго. Раз в неделю будем ужинать где-нибудь вне дома, ездить туда, где никогда прежде не бывали, и ездить исключительно ради прелести узнавания новых мест в обществе друг друга.

Покуда тебя не было со мной, я переписал себе в блокнот стихи, которые буду читать тебе на ухо, чтобы убаюкать. Я писал тебе письма, в которых рассказывал обо всем, что со мной происходит, и все, что я чувствую, но не отправлял их, а оставлял там, где ты их рано или поздно найдешь и поймешь: я не забывал тебя ни на день, ни на минуту... Мы будем обсуждать с тобой архитектуру и убранство того дома, который я хотел построить для нас двоих на берегу Байкала: знаю, у тебя есть мысли на этот счет. Я планировал построить и частный аэродром и надеялся, что ты с твоим тонким вкусом поможешь продумать его интерьеры. Ты — женщина, которая оправ-

дывает мое существование и придает моей жизни смысл.

Ева молчит. Только смотрит на расстилающуюся перед нею гладь.

— Я пришел сюда только ради тебя. А теперь наконец понял, что все это совершенно впустую.

Он спускает курок.

Выстрел почти не слышен — дуло плотно прижато к ее груди. Пуля попала куда нужно, и сердце перестало биться мгновенно. Ева причинила ему много страданий, но все же ему не хочется, чтобы она мучилась перед смертью.

Если есть жизнь после жизни, они оба — женщина, которая предала его, и мужчина, который позволил, чтобы это случилось, — идут сейчас, взявшись за руки, по лунной дорожке, протянувшейся от горизонта до самого берега. Они повстречают ангела в обличье девушки-португалки с густыми бровями, которая объяснит им толково и доходчиво все, что произошло, и не позволит испытать злобу, обиду, ненависть, ибо всем и каждому в свой час приходится покидать планету под названием Земля. И скажет, что любовь оправдывает поступки, недоступные постижению человеческого, — если только человек не пережил то, что пережил он, Игорь.

Глаза Евы по-прежнему открыты, но тело обмякло и осело на песок. Он оставляет обоих убитых, а сам, подойдя к скалам, тщательно стирает отпечатки пальцев с пистолета, а его забрасывает в море — как можно дальше от того места, где все трое созерцали новорожденный месяц. Поднимается по лестнице, по дороге опускает в мусорную урну глушитель — он не пригодился, музыка всем своим громом и лязгом вступила вовремя.

10:55 PM

Габриэла идет к единственному человеку, которого знает.

Гости в эту минуту уже выходят из зала, где ужинали; оркестр играет музыку 60-х, и люди, улыбаясь друг другу, стараются перекричать ее оглушительный грохот.

— Я искала тебя. А где же твои друзья?

— А где твой спутник?

— Только что ушел, сказав, что с актером и режиссером стряслось что-то ужасное. Бросил меня, ничего не объяснив. Добавил только, что вечеринка на яхте отменяется.

Игорь представляет себе, что значит «стряслось что-то ужасное». Он вовсе не собирался убивать человека, которым так восхищался — если выпадало немного свободного времени, он старался не пропускать ни одного фильма с его участием. Но ведь он не виноват, что так вышло — человек есть слепое орудие судьбы.

— Я собираюсь уходить. Если хочешь, могу отвезти тебя в отель.

— Но ведь праздник только начинается!

— Что ж, оставайся, повеселись. Мне завтра рано утром улетать.

Решать Габриэле надо быстро. Либо с сумочкой, набитой бумагой, оставаться здесь, где она никого не знает, дожидаясь, когда какая-нибудь добрая душа сжалится и довезет ее хотя бы до Круазетт — а уж оттуда, сняв туфли, она пройдет бесконечный подъем до квартирки, снятой на пятерых.

Либо принять предложение этого обходительного и приятного господина, обладающего, без сомнения, множеством полезных связей, да еще и дружащего с женой самого Хамида Хусейна. Да, она застала начало какой-то вроде бы ссоры, но думает, что все уладилось, и они вскоре помирились.

Она получила роль. И очень устала от бурных событий и чувств сегодняшнего дня. И боится, что опять выпьет слишком много и все испортит. Одинокие мужчины будут виться вокруг нее, осведомляясь, не скучно ли ей, и почему она без кавалера, и что намерена делать по окончании праздника, и не хочет ли заглянуть в один из ювелирных бутиков. И весь остаток вечера надо будет уклоняться от этих назойливых ухаживаний — причем так, чтобы никого не обидеть, не задеть чересчур чувствительных струн, ибо никогда ведь не знаешь, с кем разговариваешь.

— Нет, пойдём.

Настоящая звезда только так себя и ведет — уходит вдруг, неожиданно для всех.

Они идут к стойке портье. Понтер (она не может вспомнить его второе имя) просит вызвать такси, и им отвечают, что им несказанно повезло — еще немного, и пришлось бы выстаивать

длинную очередь.

Уже в машине она спрашивает, почему он сказал неправду насчет того, чем занимается. Во все нет, отвечает ее спутник, я и в самом деле владел компанией сотовой связи, но потом решил продать ее, сочтя, что будущее — за тяжелым машиностроением.

Ну, а как его зовут по-настоящему?

— Игорь — это уменьшительное от Понтера.

Габриэла ждет, что вот-вот последуют сакраментальные слова: «Давай зайдем в бар, выпьем перед сном чего-нибудь». Ничего подобного не происходит: Игорь высаживает ее у подъезда, пожимает на прощанье руку и уезжает.

Вот что такое истинная изысканность!

Да, сегодня был ее первый удачный день. Первый из многих. Завтра, когда получит назад свой телефон, позвонит — «за счет вызываемого абонента» — в городок под Чикаго, расскажет о потрясающих новостях, скажет, чтобы купили журналы: там напечатан снимок, на котором она поднимается по ступеням каннской лестницы. Скажет, что ей пришлось изменить имя. А если с замиранием сердца начнут выспрашивать, что же все-таки произошло, она заговорит о другом — из чистого суеверия: чтобы не сглазить еще не осуществленный проект. Они будут узнавать обо всем по мере поступления новостей. «...Никому не известная актриса приглашена на главную роль... Лиза Виннер станет главной гостьей на празднике в Нью-Йорке. Девушка из Чикаго — ошеломительное открытие режиссера Джибсона... Подписан миллионный контракт с одним из крупнейших голливудских продюсеров...»

Предел очерчен небом.

11:11 PM

Ты уже вернулась? Так рано?

— Если бы не пробки, вернулась бы еще раньше. Жасмин швыряет туфли в одну сторону, сумочку — в другую и в изнеможении растягивается на кровати, даже не сняв платья.

— На всех языках самые важные слова звучат коротко. «Да», например. «Бог». «Любовь». Эти слова легко произносятся и заполняют пустоты в нашем мире. Но есть и еще одно краткое слово, которое мне всегда было ужасно трудно выговорить. Но сейчас я это сделаю.

Она посмотрела на подругу: — Нет.

Похлопала ладонью по кровати, приглашая сесть рядом. Погладила по голове.

— У этого слова репутация чего-то бездушного, себялюбивого, неприятного. Когда мы проносим «да», то кажемся себе милыми, отзывчивыми, вежливыми. Но все-таки я говорю тебе «нет». Я не пойду на то, о чем ты меня просила, к чему обязывала, твердя, что так будет лучше для меня. Конечно-конечно, ты скажешь, что мне всего девятнадцать лет, и я понятия еще не имею о том, что такое жизнь на самом деле. Но знаешь — хватило всего одной сегодняшней вечеринки, чтобы раз и навсегда понять, чего я хочу, а чего — нет. Ни за что. Ни при каких обстоятельствах.

Я никогда не хотела быть моделью. Более того — никогда не думала, что смогу влюбиться. Знаю, что любовь может жить только на свободе, но кто сказал тебе, будто я — чья-то невольница? Я — рабыня собственного сердца, а в этом случае гнет невесом, а бремя сладостно. Я выбрала тебя еще раньше, чем ты — меня. Я ввязалась в авантюру, казавшуюся невозможной, и готова была не ропща принять все ее последствия — от предрассудков, до сих пор живущих в обществе, до сложностей с моей собственной семьей... Я преодолела все, чтобы сегодня вечером быть в Каннах рядом с тобой, наслаждаясь победой на великолепном дефиле и зная — будет еще много возможностей. И я обязательно воспользуюсь ими — вместе с тобой.

Подруга вытянулась рядом с нею, положила голову на грудь Жасмин.

— Задуматься обо всем этом меня заставил один человек, которого я встретила там, на ужине. Я была там одна, я растерялась в этом многолюдье, я не знала, что говорить... Спросила, кто он, а он сказал, что потерял свою любовь и пришел сюда, чтобы вернуть ее, но сейчас уже не уверен, что хочет именно этого. Он попросил меня посмотреть по сторонам — нас окружают люди, непреложно уверенные в себе, в своей правоте, в незыблемости своей славы и своих побед. И заметил: «Они ведь не веселятся. Ибо считают, что достигли своей жизненной вершины и, значит, предстоит неизбежный спуск. И он их пугает. А о том, что есть еще целый мир, открытый для познания, они позабыли. Потому что...»

— Потому что привыкли.

— Вот именно. У них есть все что угодно — и почти совсем не осталось стремлений и желаний. Все их проблемы решены, все проекты одобрены, все предприятия процветают, не требуя никакого вмешательства. И этим людям остается лишь бояться перемен, и вот они кочуют с вечеринки на вечеринку, с банкета на банкет — лишь бы только не оставалось времени думать. Лишь бы встречать там одних и тех же людей и полагать поэтому, что все идет по-прежнему. Уверенность заменяет страсть.

— Разденься, — сказала подруга, чтобы хоть что-то ответить.

Жасмин приподнялась, стянула с себя платье и снова юркнула под простыню.

— Ты тоже разденься. И обними меня. Мне нужно чувствовать тебя — сегодня днем показалось, что ты позволишь мне уйти.

Подруга гасит свет, ложится. Жасмин засыпает сразу. А она еще лежит некоторое время без сна, глядя в потолок и думая о том, что девушка девятнадцати лет во всей невинности своей оказывается иногда мудрее взрослой опытной женщины вдвое старше себя. Да, как ни страшно ей, как ни зыбко ее положение, ей волей-неволей придется развиваться и крепнуть. Они нажили себе могущественного врага — ХХ, несомненно, сделает все возможное, чтобы не допустить ее к октябрьской Неделе моды. Прежде всего он попытается купить ее бренд, а поскольку это невозможно, — станет дискредитировать ее перед Федерацией, обвиняя в том, что она не сдержала слова.

Следующие месяцы будут тяжкими. Но Хамид Хусейн — да и никто во всем мире — не знает, что она обладает силой всепокрушающей и неодолимой, и та поможет ей справиться с любыми трудностями, и сила эта — любовь женщины, лежащей в ее объятиях. Ради нее она пойдет на все — и даже на убийство. Вместе с ней она сможет все — даже одержать победу.

1:55 AM

Корпоративный самолет уже включил двигатели. Игорь садится на свое излюбленное место — во втором ряду, по левому борту — и ожидает взлета. Когда гаснет табло «Пристегните ремни», он подходит к бару, наливает себе водки — от души, не скупясь — и выпивает залпом.

Какое-то мгновение он пытается припомнить — а было ли все это? Неужели он и вправду посылал сообщения Еве, уничтожая миры вокруг нее? Может быть, следовало выражаться яснее, оставляя возле трупа записочку с именем или чем-то в этом роде? Нет, это было бы чистейшим безрассудством — его приняли бы в таком случае за серийного убийцу.

А он вовсе не убийца: у него была цель, которую он, к счастью, успел вовремя скорректировать.

Память о Еве гнетет уже не так, как раньше. Он любит ее не так, как любил, и ненавидит не так, как ненавидел. Пройдет время, и эта женщина вообще изгладится из его памяти, уйдет из его жизни. Жаль — сколько бы ни было у нее недостатков, едва ли он снова повстречает такую, как она.

Он снова подходит к бару, вскрывает еще одну бутылочку и выпивает ее. Поймут ли когда-нибудь, что миры других людей уничтожил один — один и тот же — человек? Это уже не имеет значения. Он сожалеет только о той минутной слабости, когда вчера днем сделал попытку сдать себя полиции. Но судьба, рассудив иначе, позволила ему довершить взятую им на себя миссию.

Да, он победил. Но победитель не остается в одиночестве. Кошмары его позади, и парящий над ним ангел с густыми бровями укажет путь, которым он будет следовать отныне.

19 марта 2008 года

Эта книга не была бы написана без содействия многих людей, открыто или конфиденциально открывших мне доступ к сведениям, содержащимся в ней. Принимаясь за свое исследование, я не предполагал, что за кулисами мира роскоши и гламура мне откроется столько интересного. Помимо тех моих друзей, которые не хотели, чтобы их имена были здесь названы, я приношу искреннюю благодарность Александру Остервальду, Бернадетте Имакулада-Сантос, Клодине и Элии Саабу, Давиду Роткопфу (введшему в обиход термин «Суперкласс»), Деборе Уильямсон, Фатиме Лопес, Фавазу Груози, Франко Колоньи, Хильде-гарду Фоллону, Джеймсу У. Райту, Дженнифер

Боллин-джер, Джоан Рекман, Йорну Пфотенхауэру, Жюльетт Рига, Кевину Хейенбергу, Кевину Кероллу, Луке Бореи, Марии де Лурд Деба, Марио Розе, Монти Шедоу, Штеффи Черни, Виктории Наваловской, Яссеру Хами-ду, Зейне Рафаэль, принявшим в той или иной форме участие в работе над этой книгой. Должен признаться, что участие это носило по большей части опосредованный характер, ибо я никогда не распространяюсь о том, о чем пишу.